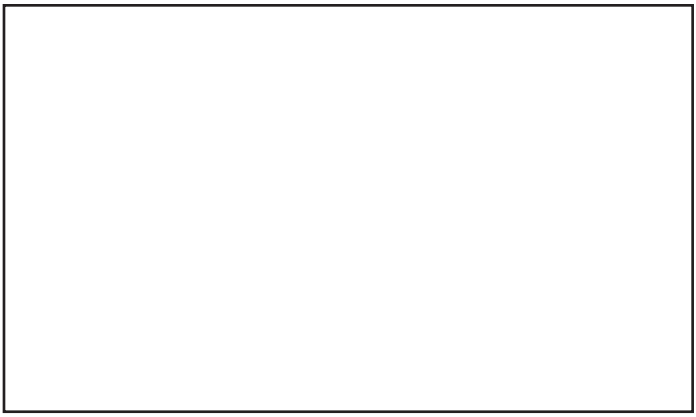
Борис ДРУЦЭ
(Виктор Инеряну)

СТРАНА ОБАНКРОТИВШИХСЯ ЦЕРКВЕЙ

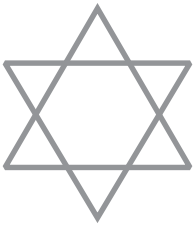
CZU

Перевод с румынского: Ольга Лабутина
Илюстрации: Вероника Друцэ (дочь писателя)
Художественный, технический редактор: Андрей Дорган

Выражаю глубокую признательность другу,
публицисту, редактору газеты
«Теленештская улица»
Менахему Вайнбойму, который способствовал
изданию этой книги

Автор, 2023

Новая книга Бориса Друцэ

Читатели в Молдове и за её пределами получили прекрасный подарок: новую книгу Бориса Друцэ.

Уже не в первый раз я прикасаюсь к творчеству этого человека, и каждый раз оно оставляет меня в изумлениии своей открытостью, точностью описаний и широким историческим фоном событий.

На этот раз Б. Друцэ решил обратиться к бурным временам в истори своей страны Молдовы – от сумрачных дней коммунистического режима до неоднозначных событий становления независимости и сегодняшнего дня.

Картины жизни простых людей и их избранников не могут оставить равнодушным читателя, знающего истинную цену жизни в стране. В водовороте жизненных ситуаций мы видим силу любви героев, желание сделать свою страну лучше и умнее, мы свидетели борьбы за подлинные цели и сковывающие цепи разочарований.

Перед нами проходит вереница героев (мужчины и женщины, молдаване и евреи, простые рабочие и члены Парламента), и их интеракции; создание идеалов и их разрушение; всеобъемлющая любовь и низвержение на колени перед Богом.

В конечном итоге, главный герой принимает жизнь такой, как она есть: «Из праха ты вышел, и прахом вернёшься». Мы прошли вместе с ним от его молодости до пожилого возраста, через бурные воды Днестра и сжигающие костры любви. Этим и интересны герои книги и описанные события, а Борис Друцэ умело провёл нас по извилинам и главным дорогам событий.

Одно из сильных мест романа – Ландышевая Поляна, являющаяся в глазах героя квинтэссенцией и символом его понима-

ния жизни: чистота, свежесть, природа, корни родины. В тот момент, когда Поляну разрушают, исчезают с пасеки пчёлы, несущие жизнь, пропадает девственность леса, Натали уходит и на Поляне появляются чужие, пропадает привязанность к земле.

В целом роман привлекает интересными фактами, знанием материала, точными описаниями, множеством образов и постоянными линиями композиции: прекрасная женская линия и линия отношений героя с властью. Есть и третья – нравственный путь героя Филарета от возвышенной мечты строить умное и новое общество («Сеять разумное, доброе, вечное» - Н. Некрасов) до полного разочарования в этом. Казалось бы, печальный конец, но Борис Друцэ находит путь возвращения к жизни и к умиротворению души в единстве с Богом.

С новой книгой вас, дорогие читатели!
С уважением,
Менахем Вайнбойм
Израиль

СТРАНА ОБАНКРОТИВШИХСЯ ЦЕРКВЕЙ

роман

Перекрёстки

Тоска насильно давит,
Тоска не покидает,
Она нахально царит
Во мне, что унижает!

Прощай, жизнь молодая —
Озорной мой мир!
Прощай, любовь слепая, —
Пришел другой кумир!

Молодые годы —
Время красоты,
Обходят и невзгоды
Душат мои мечты.

Что я чего-то значил,
Что страстями пылал,
Забыл уже, потратил
Все…, затосковал.

Вечность это... истина

Говорят, жизнь человека прекрасна своей непрерывностью и накоплением лет. Мы ценим время, подаренное Богом, и проживаем драгоценные годы без оглядки.

Филарет предпочитал медитировать с утра. Он полагал, что новый день продолжает непрерывность в реализации задуманного. Жизнь он прожил относительно спокойно. В ней всякое бывало, но в целом он был доволен судьбой. Родители его пережили нелегкие времена: войну, недостаток и голод, но во времена его поколения никаких мировых конфликтов не произошло.

Как у многих людей, у него тоже были периоды любви, счастья, радости, добра, которые переплетались с ненавистью и предательством. Это дало ему возможность понять, что человек зависим от законов природы и от поведения окружающих на жизненном пути. В конечном итоге, никто не может ***существовать отдельно.***

Он часто удивлял окружающих утверждением, что смерть есть чудо жизни: она в корне обновляет то, что приходит, существует рядом и уходит. И лишь смерть в конце пути освечивает дорогу к вечности.

Размышляя о бытие человеческом, он предпочитал думать о времени, ибо оно мощнее воды, огня, землетрясений и других катаклизмов. Ход вре-

мени и приход смерти случаются одновременно. Прервать, исказить или отложить их никто не может.

Он пытался понять границы достижений и провалов, и когда говорил, что удачный день — это шаг к новым начинаниям, убеждался, что каждый человек живёт собственной философией, но это не передаётся в письменном виде из поколения в поколение. Некоторые всё же умудрялись создать письменные трактаты для будущеего, другие жили философскими размышлениями, но их мысли не были зафиксированы ни в граните, ни на папирусе, а поэтому никто так и не узнает, о чём они думали. Размышления даются на короткий промежуток времени, затем появляются новые поколения с иными потребностями, но с теми же способностями, сотворённые Богом в бесконечном временном колесе. Великие личности прошлых времён – Юлиус Цезарь, Траян, Ганнибал, Македонский, Наполеон, Гитлер, Сталин – не всегда брали в расчёт понятия остановки времени и появления смерти, которые прерывает любой полёт мысли. Этого не учитывали ни короли, ни нищие.

Филарет был уверен, что не погружается в демагогию и приходил к выводу, что властелины мира прошлого провоцировали войны, охваченные неиссякаемой жаждой разрушения и истребления целых поколений. Каждый из них воображал себя Мессией, будучи на самом деле анахронистами. Себя Филарет считал простым человеком, как и миллионы других людей на планете, и был уверен, что живёт правильно. Он ценил свою жизнь, с детства избегая однообразия и скуки. Его амбиции не стремились изменить мир. Он всегда старался анализировать случаи, когда поступил правильно, когда ошибся осознанно, а когда невольно допустил ошибку. В вихрях банальных медитаций он созерцал реальность, сталкиваясь со множеством вопросов при тусклом свете свечей. По ночам он читал книги и изучал времена, когда люди жили по-иному, – в иных измерениях гармонии и взаимопонимания. И с каждым разом он обнаруживал, что прошлые столетия кишели бунтами, войнами, землетрясениями разных сил, а после этого с лица земли исчезали целые города, народы, цивилизации, сущность которых теперь изучают только археологи.

… Ночью, вроде бы, произошло землетрясение, но большинство людей спали крепким сном и плыли по волнам сновидений. Он лишь слегка его ощутил, а утром убедился, что многие почувствовали то же самое. Ущерба никакого не было, но люди все равно засуетились, и кто-то даже пустил слух, что в любой

момент толчки вот-вот повторятся. Ощущение беспокойства и неопределённости, невозможности определить ни час, ни минуту, ни секунду нового толчка. Он очутился в гуще бурлящих, неустойчивых движений, через которые проходит душа человека в подобные моменты: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать… В подобные моменты шаги становятся замедленными, неуклюжими, и начинается отсчёт в обратном порядке: одиннадцать, десять, девять, восемь, семь, шесть, пять… И к концу жизни – смерть!

После легкого, слегка ощутимого землетрясения, находясь в русле своих медитаций, Филарет, наконец-то, убедился, что жизнь прекрасна в своём непрерывном движении, и у него есть все основания радоваться тому, что он пережил за 60 лет. Он любовался тайным лесом, расположенным недалеко от его дома, у него появилось желание измениться и расти в гармонии с окружающим миром. Иногда покалывало сердце, но это говорило об активной жизни, хоть он был он одинок в свои годы. Он достиг тоей мудрости, которая позволяет идти по жизни, обходить опасности и не впадать в лапы депрессии или суицида. Он трудился с самого утра, противостоял ошибкам и неудачам, нёс на горбу несколько неудачных браков с кучей детей, которых он признал, вырастил и помогал материально. Филарет был уверен в своей жиучести. Он не был изгоем в глазах общества, и гордился этим. Он сумел самодисциплинироваться. У него не было тяги к алкоголю, он не пристрастился ни к табаку или к наркотикам. Но, как ни странно и неожиданно это звучало, его слабостью стали женщины. Но разве нормальный мужчина может прожить без слабости? Ему нравились молодые, красивые, стройные женщины, и он не переносил слоних, болтливых и неугомонных. Эта единственная слабость доставляла ему много неприятностей. Порою он чувствовал, что становится смешным. Более того, в солидном возрасте неуместно связываться с молоденькой, если даже мир кишит аморальностью! Разница между ним и другими мужчинами его возраста была в том, что он жаждал пожить ещё немного в колее молодости. Филарет был убеждён, что умеет любить женщин, но он не знал, любила ли его какая-то из них… Ему не дано было обходить приключения, он не уходил в себя, и продолжал и по сей день жить как можно интересней.

Человеческая душа хранит тайны, и никому ещё не удалось всех их открыть. Как и всегда, в то утро после землетрясения он спросил себя, где прячется истина прожитых лет? Вечность, которую он считал скрытой,

может молниеносно отколоться, как искры судьбы в ночи, и исчезнуть. Появление и исчезновение искр он старался чередовать со здравым смыслом, хоть и ощущал себя слабым перед силами природы. «Толчки — это предвестники перемен», – думал он, будучи убеждён что не оторван от реальности, потому что в очередной раз ***влюбился****! Его мозг и тело вздрогнули, когда совсем неожиданно перед ним возникла Она: дивная, молодая, стройная, красивая блондинка. Даже в тёмной ночи он видел огоньки разноцветных фонарей.*

Снова он переживал прелесть мгновенья, убеждённый что и она страстно любит его. Ему захотелось ощутить ещё раз привкус счастья в оставшиеся годы. Рано утром просыпаться, всё успеть и убежать от бестолкового ликования с самим собой во имя Той, которая стала для него религией. Он перестал чувствовать себя одиноким – рядом была новая любовь. Он оказался перед Вечностью и величием Вселенной, плывя по волнам времени настоящей человеческой жизни.

Часть I.
Натали
1

Тропинки детства, протоптанные ею, вели к селу, местами окружённому известковыми, обросшими кустарниками обрывами на самом берегу Днестра. Воды реки охватили островок с плакучими ивами, а те, старые и низкие, наклоняли свои ветви, как пряди волос, прямо на заросли камыша и кустарников. Другой берег соседствовал с украинским селением. Жители правого берега никогда не интересовались его появлением, и мирно жили по-соседски, а в последнее время некоторые семьи даже породнились между собой. Рядом с домом, вблизи села вниз по течению, вода стояла совсем близко к их огороду, потихоньку отрывая кусочки берега плавными волнами. В солнечные дни люди приходили к реке и загорали на белом песке прямо посредине реки.

Многие из местных построили дома в тени фруктовых деревьев на склонах над глиняно-песчаными обрывами с большими камнями, отшлифованными волнами речки *Климэуца,* которая с ранней весны

резвилась и бежала по склонам вниз, где утихала и мерно стекала в водовороты и мелкие водопады. Высоко на холме виднелась церковь со старым кладбищем вокруг, далее пастбища, а в самом низу – старые и скукоженные здания школы, мэрии и клуба, построенных ещё в советские времена. За селом, вдоль Днестра, лежали пастбища, обильно покрывавшиеся травой летом, а зимой – белым снежным одеялом. Ухабистая дорога мимо обрывов тянулась по холмам, виляла возле руин синагоги, а рядом были разбросаны надгробья с надписями на идиш. Седовласые односельчане рассказывали, что в здешних краях, рядом с молдаванами всего несколько десятилетий назад ещё проживали евреи, пришедшие сюда из Польши, Западной Украины и Подолии. Недалеко от синагоги когда-то находился рынок, стояли лавки и проводились ярмарки. В местечке жили сыновья и дочери Авраама, свято хранившие обычаи предков, идентичность и традиции: оплакивали умерших, справляли бар-мицвы и бат-мицвы (1), отмечали *Purim, Yom-Kipur, Pesah (2).* Евреи говорили на румынском языке. Тем не менее, они выпускали газеты на идиш (3), содержали школу для детей – хейдер (4) и занимались ремеслами и торговлей, что помогало крестьянам-хлеборобам продавать плоды своего труда. Евреи переправляли их по Днестру к Чёрному морю в Одессу, а из её знаменитого порта, привозили всевозможные товары для хозяйства.

В молодости бабушка Натали работала в одной из еврейских лавок. Там она и узнала об еврейской жизни. Тогда встретились *тыка* Тома и *мыка* Мария – так называли дедушку и бабушку в их селе. Ему приглянулась Мария. Её красота, румянец на щеках, молодая грудь, которая рвалась наружу из-под атласной блузки, – всё это вонзились ему в сердце, и он решил не дать другим сельским парням пути к сердцу девушки. Когда молодой, грамотный и богатый Тома пришёл к родителям девушки свататься, никто из них даже не думал сказать «Нет». Стоило ему только раз пригласить Марию на *хору* (молдавский народный танец), как после этого она говорила, что полюбила Тома не по воле родительской, как часто случалось с девушками в селе в те времена.

– Наша деревня Кэприорь славилась изобилием магазинов и лавок. Благодаря евреям, у нас кипела жизнь, пока вновь не *пришли по второму* разу *русские*, – вспоминала иногда мыка Мария, тяжело вздыхая…

Поначалу Натали не знала, что означает *пришли по второму русские*. Лишь через много лет она узнала, почему бабушка тоскливо вздыхала и вспоминала сельские идиллии своей молодости. Хорошая жизнь продолжалась до оккупации Бессарабии Советским Союзом, которая принесла с собой коммунистическую идеологию. Дедушка называл их *отпрысками москалей*. Они отобрали земли у людей и сломали мирную жизнь молдаван и евреев, а через год, летом 1941 года, началась четырёхлетняя война. Более зажиточным евреям удалось эвакуироваться в глубь СССР. Они спаслись, а те, что не уехали, прошли через невообразимые мучения или погибли.

– После войны советская власть показала своё истинное лицо, – рассказывал ей дедушка. – Люди говорили уже без опасения про «*освободителей*» с Востока после возвращения тысяч солдат с Одера и Берлина (до этих мест дошёл дед на войне в рядах советской армии). *Русские* принесли в наши края великий голод и колхозы. А те, которые не поддавались новой власти, узнали депортации и репрессии. Несколько еврейских семей, выживших в войне, всё-таки вернулись в село, но уже не смогли возобновить свою цветущую жизнь, которую вели до оккупации. Новая власть не дала им свободно жить и заниматься торговлей, а работать на земле им было не в привычку. Помимо этого, власти осквернили синагоги и запретили еврейские школы. Очень скоро даже те немногие, что вернулись в село, оставили его навсегда, так что, внученька, на берегу Днестра осталось лишь воспоминания о них.

Дедушка Тома на дух не переносил русских и редко называл их *советскими*. Но не только потому, что из-за них он стал калекой («Отморозил ноги в траншеях в боях у Одера», – рассказывала бабушка сквозь слёзы), а ещё потому, что убрали самых хозяйственных односельчан и поставили во главе села каких-то бездельников. А проходя мимо старой деревянной церкви, которую русские превратили в склад химических удобрений, он останавливался и подолгу осматривал её от фундамента до верха каменной башни, на которой стоял колокол, жалобно оплакивавший на ветру свою судьбу и руины синагоги на краю кладбища. Дед поимённо помнил всех евреев, их дома и лавки, которые при новой власти были конфискованы для административных зданий или контор для «восстановления сельского хозяйства» в Молдове.

Скупые изложения дедушки Томы и путанные рассказы бабушки Марии вызывали у Натали недоумение. Она никак не могла понять, зачем люди убивали друг друга и почему самых лучших из них увозили в Сибирь. С раннего детства она знала быт односельчан и их вековые традиции – простых крестьян, которые издревле трудились без посторонних указаний. Откуда появилось столько лютой ненависти среди людей?

У родителей Натали не было ни времени, ни особого желания что-то объяснять. Её мать родилась и выросла в украинском селе на другом берегу Днестра. Отец её в молодые годы в один прекрасный день поборол волны Днестра и привёл мать в своё село на правом берегу. Молодая жена быстро освоила местную речь, хотя в произношении всё-таки улавливался легкий, приятный украинский акцент. До замужества мать прошла какие-то курсы в *Рымнице* на левом побережье Днестра и вскоре устроилась в бухгалтерию по сельскому хозяйству. «Москалей», как она называла русских, она не презирала, но и не любила.

Отец был из семьи хозяйственных людей и обладал довольно жёстким характером. Если у него что-то спрашивали, а ответа не было, второй раз спрашивать не стоило. В молодости он работал в колхозе бригадиром, и молодая семья достаточно быстро обзавелась немалым хозяйством, так что поводов осуждать советскую власть вроде бы не было. Жена родила ему троих детей – двух дочерей и сына, – и он хотел дать им всем образование. Его несколько классов не позволили ему сделать карьеру, но он был убеждён что образованный человек может добиться многого при советской власти. Это убеждение не исчезло у него даже после распада колхозов. По этой причине старшую дочь Аделлу, после окончания сельской школы, он отправил в Румынию в педагогический колледж в город Васлуй учиться на учительницу. На третьем курсе дочь стала жаловаться, что не может найти общий язык с преподавателями и настойчиво просилась домой. После многих разговоров и разбирательств, после хождений по кабинетам, отец перевёл её в педагогическое училище в город Кагул. Но и там Аделла не переставала выставлять напоказ свой своенравный, иногда буйный характер.

Брат Натали был младше её на семь лет. Она за ним присматривала, когда родители были на работе или занимались хозяйством. Судьба распорядилась, что она была средней в семье. Старшая сестра была чересчур

сварливой, и на плечи Натали легла ответственность за выгон скота на пастбище. Луга стелились почти до Жапского монастыря, и она вместе с детворой пасла скот, и воспоминания об этих прекрасных временах сохранила на долгие годы. На этих лугах она уловила и выучила говор местных жителей, узнала много рассказов, баллад, сказок, множество детских игр, дошедших и до наших дней, и один лишь Бог знает, как давно дети играют *в драку, в свинью, в маслицу, в прятки, в аистов*…

Натали часто ночевала у бабушки с дедушкой, особенно в ночь на воскресенье и в праздники. Она любила их дом на краю холма неподалёку от реки *Климэуца.* У дома висели зубчатые балки и было каменное крыльцо, на котором они вместе проводили много вечеров почти до полуночи, наблюдая за звёздами и гадая, где *Большая и Малая Медведица*, где находятся *Плеяды* и другие созвездия, которые знал дедушка. Иногда он проверял, правильно ли внучка их выучила. Дедушка с бабушкой любили послушную внучку Натали, покупали ей ситцевые платья в цветочек и много книг со сказками и стихами. Под старым орехом с большими развесистыми ветвями, скрипевшими на ветру, стоял их дом. В нём настойчиво присутствовал запах чистоты, уюта, и Натали чувствовала себя здесь даже комфортнее, чем в родительском «замке», построенном по последней моде. По ночам закрытые оконные ставни словно скрывали что-то важное, а днём, открытые нараспашку, они встречали лучи солнца, с которыми она играла и ловила их осколком зеркальца.

В дом заходили через маленький коридорчик. Там стояла лестница, упираясь в люк выхода на чердак. С левой стороны располагались кладовка и спальня, а с правой – *каса маре (гостиная для гостей и праздников),* с нарядно украшенными стенами, на которых висели тканые ковры и вышитые рушники. Всё это была ручная работа её бабуши. Дедушка с бабушкой всегда угощали внучку вкусной едой, баловали, рассказывали всякие истории, учили вести хозяйство. У них на чердаке стоял старый сундук, на котором висел замок, а внутри лежали старые книги («от румын», как говорил дедушка) со времён его школьной учёбы. Некоторые из них были совсем пожелтевшими, без обложки, другие – обгрызаны мышами.

Как-то бабушка достала со дна сундука тяжеленную книгу с чёрной обложкой и серебряной подшивкой. Это была библия на молдавском языке, напечатанная славянским буквами.

– С тех пор как пришли *товарищи* (так она называла русских), я от всех её прячу.

– Научи внучку тому, чему тебя в школе учили, – сказал дед.

Бабушка вместе с внучкой листала пожелтевшие листы одной из её старых книг, напечатанные латиницей. Ей запомнилась на всю жизнь одна молитва:

Боже наш, Отче Небесный,
Просим мы тебя всегда,
Надели умом, Всесильный,
Чтоб понять, где доброта.

Дедушка Тома был широкоплечим мужчиной с седыми усами, широким морщинистым лбом и с ясными глазами. Зимой он носил тулуп и цурканскую шапку. Занимаясь хозяйством, ходил по двору и говорил сам с собой. Казалось, что он всегда угрюм и зол на всех и вся из-за осколка, застрявшего у него в левой ноге во время войны, но как только он заходил в дом с охапкой дров на руках, сразу взбадривался и нетерпеливо ждал беседы с внучкой. Они говорили об учёбе, о школе, о стихах, что она выучила, и кто их автор. Как-то в один из вечеров она решила похвастаться дедушке и рассказала наизусть стих «Зима на дворе» Джордже Кошбука. Дед очень обрадовался, и в ответ также рассказал два стихотворения Кошбука – «Последняя молитва» и «Втроём, Боже, и все вместе». Он их запомнил на всю оставшуюся жизнь – но вот только на втором стихотворении разрыдался. И тогда внучка, всхлипывая, сквозь слёзы, спросила: «Бабушка, дедушка, почему люди друг друга убивают?!»

Бабушка ужаснулась и испугалась, и сказала, что нужно будет внучке прочитать заговор от испуга. Она отчитала деда, но тот крепко обнял Натали и погладил её по мягким, пахнущим жасмином волосам, и нежно прошептал: «Ладно тебе, не плачь… Успокойся, вот подрастёшь – тогда всё поймёшь… А до тех пор, может быть, люди поумнеют и вовсе перестанут убивать друг друга».

Натали успокоилась, а старик ещё долго о чём-то думал. После этого случая дедушка перестал читать ей душераздирающие стихи, и перешёл на сказки Иона Крянгэ. Каждый вечер, перед сном, они все вместе молились перед иконами в углу опочивальни и, соединив руки на груди, повторяли за бабушкой молитву *Отче Наш.*

Летом бабушка с дедушкой расспрашивали Натали, как она справля-

ется с овцами на лугу. Она подросла и стала помощницей по хозяйству, а в селе у многих в хозяйстве был скот, и именно дети занимались его выводом на пастбища. После развала колхозов её отец-бригадир забросил сумку с делами на чердак, а с ней и свою должность. Он прикупил пару овец и несколько коз и сколотил небольшую овчарню. Дедушка провожал Натали до пастбища, заботился, чтобы у себя в торбочке она могла найти пару яблок и несколько орехов, но, конечно же, и книгу, которую она обязательно читала. Вечером, когда она возвращалась дамой, дедушка с бабушкой узнавали от неё новости из долины Днестра, и всем было в радость.

Натали начинала свой пастуший день в предрассветный час, когда сон ещё не сошёл с ресниц, а к ногам приставали утренние росинки. Возвращалась она в сумерки с венком из цветов на голове, а в её торбочке было полно приключений. Бабушка распутывала светлые косички с алыми бантами и слушала бойкие рассказы о приключениях. И рассказывала она, перепрыгивая с одного рассказа на другой: как ей удалось разжечь костёр при ветреной погоде, она перепрыгнула через костёр, у неё получился свист двумя пальцами, и удался удар кончиком кнута. Рассказывала, как учится различать травы и цветы, запоминает названия деревьев с *Равнины, из Долины, из Леса,* как научилась плавать в водах Днестра, ловить рыбу и раков руками. Услышав последнее, бабушка заволновалась и подумала, что Натали становится похожей на шаловливого мальчугана. Не дай Бог, внучке придёт в голову мысль переплыть Днестр до родного села её матери. Больше всего Натали любила ходить по тропам на склонах, по разрытым обрывам, похожим на античные построения, по каменистым оврагам. Она знала наизусть каждую тропу, каждый куст терна и шиповника, и разросшиеся заросли камышей от её села до села Кот, через местность Бурсук, и до самих белых стен Жапского монастыря. Она полюбила мир солнца, росы, бабочек, насекомых и птиц. К вечеру, когда спускалась к днестровской воде в низину, пускала по воде цветочные веночки, и они плыли как бриллианты по сверкающей воде. По вечерам она загоняла палкой овец в загон, где стоял запах кизяка. В этом окружении она представляла себе, что сказочные *Иляна-Косынзяна и Фэт-Фрумос* где-то рядом, и мечтала встретить *молодого чабана* – в точности, как в той сказке, что рассказывала бабушка о двух влюблённых которым родители не разрешали жениться, – и это история стара как мир. Мир казался На-

тали прекрасным, романтичным, как и жизнь казалась хорошей рядом с бабушкой и дедушкой, с родителями и школьными друзьями.

Девичья грудь уже украшала Натали, и бабушка решила, что пришло время научить её вязанию, а также петь дойны и колядки. Бывало, что вечерами они устраивали посиделки втроём: дед плёл корзины из папоротника для домашних птиц, бабушка и Натали вязали. Говорливая бабушка иногда рассказывала внучке, как власти выслали её родственников в далёкую и тёмную Сибирь. На глаза наворачивались слёзы, и она украдкой тихо плакала, а солёные слёзы аккуратно прятала в край платка, чтобы внучка не заметила, и не заплакала тоже. Иногда включали и слушали пластинку на патефоне, а в музыку вплетались днестровские волны.

С возрастом Натали записалась в школьную библиотеку и полюбила читать в свободное время. Ги де Мопасан, Александр Грин, Ливиу Ребряну убедили её, что за горизонтами существует волшебный мир, который она обязательно узнает, когда станет взрослой. Из библиотечных книг она узнала, что совсем рядом с её селом в живописных местах на Днестре когда-то появились на свет Думитру Матковски, Антон Рубинштейн, Ихил Шрайбман. Прочитав биографию Шрайбмана, она попыталась понять, почему в их селе больше не живут евреи, почему синагога развалена, а на остатках еврейского кладбища лежат плиты с неразборчивыми надписями, разрушенные временем. Евреи стали для неё тайной, которую хотелось познать, раскрыть, и лишь книгами можно было утолить эту страсть.

В доме стариков ещё хранилась та самая толстая Библия с плотной обложкой. Дед частенько читал её поздно ночью. Засыпая, внучка следила за его губами с которых сходили немые слова. Когда она не могла заснуть, дед отставлял Священное Писание в сторону и рассказывал о сотворении мира, о десяти заповедях, об ожидаемом мировом потопе и о Суде Господнем. Он даже рассказывал внучке, что никто не будет тратиться на его похороны, поэтому у него всё давно подготовлено: на чердаке ждёт дубовый гроб, который он сам смастерил, деревянные кресты – ему и бабушке, а софа из каса-маре наполнена ***поманами*** (подаяниями) для душ усопших.

– Я готов к смерти, и давно. И душой, и телом.

И тут вступилась старушка: – Не дури, не пугай девчонку!

– Ну, ты опять заводишься! – неодобрительно кивнул дед, надевая зипун. Он вышел во двор, чтобы наколоть дров, почистить деревья и просто

пройтись по сараю и спуститься в погреб, где хранились бочки с вином и соленьями.

Натали, лёжа на подушке рядом с бабушкой, обожала слушать её мягкий голос, но не понимала, почему родные ей люди говорят о смерти как о долгожданном празднике.

– Человек проходит свой жизненный путь, затем уходит в Царство Господне, – успокаивала её бабушка. – На всё воля Божья.

Натали полюбила книги и всё чаще проявляла интерес к новым изданиям с приятным запахом свежей типографской краски. Газеты и журналы из школьной библиотеки тоже интересовали её. Она стала самой активной читательницей в селе, а в старших классах порой читала по 100 страниц в день. В библиотеке она проводила время с особым удовольствием. Аккуратно расставленные книги на стеллажах придавали специфический уют и подсказывали путь к чтению для познания традиций и обычаев других народов. Дни в библиотеке дарили ей ощущения соединения с природой, с шумом дождя, с осенними пожелтевшими листьями, со снежной бурей зимой. Ей нравились песни Мирабелы Дауер, Штефана Хрушкэ, Дана Спэтару, Элвиса Пресли, Адриано Челентано, Хулио Иглесиаса и даже джаз Луи Армстронга. Всё красивое тянуло её к себе. Родители стали всё реже посылать её в поле пасти овец и перенесли это на брата. Они надеялись, что дочь пойдет учиться в один из серьёзных ВУЗов и поддерживали её во всём. Она участвовала в школьных олимпиадах, в ежегодном конкурсе народной песни *«На берегу Днестра»,* писала статьи в районную газету о страсти к книгам… Так быстро и безжалостно проходило время.

Закончив начальную школу, Натали продолжила учёбу в лицее соседнего села, известного тем, что там родились Ихил Шрайбман и Думитру Матковски. Ежедневно она возвращалась пешком из школы. С мальчишками и девчонками она беседовала на самые разные темы, иногда как будто незаметно обменивалась записками, завязывая дружбу. В воображении Натали отношения между парнем и девушкой означали нечто прекрасное, похожее на то, о чем она читала в книгах. Постепенно в ней пробуждались новые чувства, незнакомые до сих пор. Появилась симпатия к ребятам из её класса, которые тоже взрослели. Неожиданно появилась уверенность, что в один прекрасный день и к ней придёт любовь, появится принц с огненными волосами, возьмёт её за руку, и они будут вместе бродить по

лугам и полям, провожать закаты и любоваться восходящими луной и звездами. Натали ловила на себе пристальные взгляды парней, которые любовались её ясными глазами и распущенными светлыми волосами и стройной фигурой. Днестр и родные края словно застыли в вечности, сопровождая её переживания и незнакомые доселе чувства. В вихрях ночных мыслей о будущем, в вечерней тишине, в шуме листвы и на берегу у неподвижного камня Днестра, она становилась девушкой. Повседневная обыденная жизнь стояла между её подростковой воодушевлённостью и будущим, о котором она мечтала. Многие односельчане работали в колхозе, и большинство мечтали о красивом доме, об образовании детей. Трудились на кукурузных полях, на полях с сахарной свеклой, на табачных плантациях, в садах и на виноградниках, но колхозы распались. Жизнь продолжалась и кипела, и люди надеялись на лучшие времена, о которых знал дедушка и частенько их вспоминал:

– В самом начале русские пришли и принуждали нас вступать в колхозы. Где-то в 1949 году стало совсем тяжело. Кто не сдавал своих волов, телеги, десятины земли государству, того отправляли в тюрьму или в Сибирь. Вступившие в колхозы работали на полях и получали лишь немного пшеницы. Даже песня такая была:

«Отработал больше года,
Чтоб иметь буханку хлеба!..»

– Помалкивай, окаянный, не всегда уж было так плохо, как ты говоришь, не пугай бедное дитя, -– возмущалась бабушка. – Товарищи творили и хорошие дела: заставили всех детей учиться, открыли клуб, механизировали обработку земли, провели электричество, дали людям бесплатную медицину…

– Эх… все так – да не так... Может быть, ты и права, – отступал дед. – Я лишь рад, что наши внуки любят учиться, а затем посоветовал Натали поступить на серьёзную учёбу и получить высшее образование.

– Дедушка, я обещаю тебе поступить и учиться в Кишинёве…

По пятницам после школы, а затем и чаще она оставалась ночевать у бабушки с дедушкой, где спокойно делала уроки. Родители одобряли желание дочери быть опорой и помощницей бабушке, тем более, что поздней осенью дед Тома слёг с инсультом. Он лежал неподвижно целую неделю, не в состоянии произности ни слова. Изредка он открывал глаза, а по его

щекам катились слёзы. Скоро стало понятно, что старик борется со смертью, и тут родственники решили помочь ему ярмом от телеги, будучи уверенными, что старинный ритуал сможет облегчить страдания старика и помочь ему перейти в мир иной. Где-то в сарае нашёлся кусок от бывшего отполированного шеей быка ярма. Вечером его положили деду под подушку, а рано утром женщины уже жгли свечки за упокой. Дедушка Тома ушёл легко, и душа его затрепенала на ветру.

В день похорон двор был полон односельчан. Пустота пронзила душу Натали. Её любимый дедушка навсегда покинул дом её детства и больше не вернётся. Она брела за гробом, горько, из глубины души, оплакивая дедушку. Несколько вечеров подряд после похорон они с бабушкой сидели молча в тишине. На столе стояли миски с мукой, куда по традиции воткнули несколько свечей. Капли воска скатывались вниз и считывали мгновенья между жизнью и смертью. Они часто ходили к свежей могиле и окуривали её ладаном. Бабушка тихо плакала, гладила внучку по голове и говорила, что смерть, как и рождение, посланы нам Всевышним:

– Все мы в долгу перед Господом! Смерть — это Его зов.

После смерти деда бабушка стала несколько другой. Каждый божий день она ходила по двору и дому, проверяла всё ли на месте: *ткацкий станок, моталка, мотовило, прялка со старыми юлами*, затем показывала на настенные ковры с названиями: *Калачи, Корзина с розами, Дочь Царя и лань,* сотканные когда-то давно в молодости её руками, и говорила внучке:

– Всё это останется в наследство тебе и твоим родителям. Чтобы вы нас помнили….

Всю зиму и всю весну Натали жила у бабушки. К лету из Кагула на каникулы приехала её неугомонная и полная самомнения старшая сестра. Она заставляла Натали убирать двор, говорила, что она любимица родителей, создавала неприятную и невыносимую для всех обстановку. Бабушка уговаривала внучку задобрить старшую сестру, но ей это не удавалось. Облегчение наступило лишь в тот день, когда автобус остановился у ворот их дома, и сестра, загрузив сумки с продуктами, уехала обратно на учёбу. Натали любила сестру на расстоянии. Часто писала ей письма и рассказывала о школьной жизнь и о двух её подругах – Ольге и Алёне, о том, что они вместе готовятся к урокам, участвуют в олимпиадах, конкурсах и фестивалях. В те времена жизнь в селе ещё была благополучной по сравне-

нию с другими молдавскими сёлами. По выходным многие односельчане переступали порог сельской библиотеки, хотели узнать из газет о парламентских дебатах в Кишинёве, а в клубе села Кэприорь жизнь не утихала: устраивались конкурсы, кружки танцев, был хор, играли фанфары – и казалось, что их не коснётся волна перестройки, двух магазинов и молочной лавки. В школе были по два, по три. и даже по четыре параллельных класса, и все ученики принимали участие в местных, районных и республиканских фестивалях. Изредка приезжали артисты–любители из соседних сёл, а местные, среди них и Натали с коллегами, в свою очередь, ездили в соседние сёла с концертами. Натали стало интересно, и она хотела узнать, что происходит там, где учится её сестра. Она часто ей писала и сообщала сельские новости. Она рассказывала об учительнице французского языка Маргарете Андони и об её муже Андрее – учителе географии, в семье которых её тепло принимали. Своих детей у них не было, и они сблизились с Натали ещё больше. В это время в их доме появилась Вета Слуту, девочка из одной бедной семьи, что родилась в деревне в лесной глуши. Затем пошли слухи, что молодые Андони её удочерили. Натали откликнулась помочь Вете в учёбе, приходила довольно часто в тот дом и заметила, что в душах преподавателей поселилась надежда, что на старости лет у них будет хоть какая-то опора. Они модно одевали её и красиво укладывали ей длинные волосы с бантами, как у многих школьниц-подростков. Она была весёлой и общительной, её звонкий голосочек приятно звучал, и многих интриговала тем, что умела читать будущее по ладони.

После зимних праздников одноклассницы Веты узнали, что она влюблена. К ней часто приходил молодой человек из её родного села, и при его появлении у ворот лицея она сразу выбегала ему навстречу, и они вместе уезжали на велосипеде. А по выходным вместе ходили в ту самую глухую деревню, чтобы повидать родных. Но вдруг удочерённая Вета оказалась в центре внимания. Девушка начала округляться, носить широкие платья и стала тихой и грустной, а кавалер навещал её всё реже, а потом перестал приходить совсем…

Однажды майским утром перед выпускными экзаменами к мэрии подъехал наряд полиции, и тогда всё село узнало, что между деревьями *долины* найден выброшенный в колодец младенец. Натали вместе с Ольгой и Алёной побежали к долине прямо с урока географии, на который не явил-

ся учитель. На куске брезента лежал без дыхания синеватый комочек, и девчонки ужаснулись от увиденного. Машина скорой помощи подъехала к школе забрать Вету – бледную, с опухшими глазами. Она потеряла много крови и была ужасно напугана, а когда увидела машину скорой помощи у ворот школы в том самом месте, где её когда-то поджидал кавалер, упала без сознания. Люди в белых халатах положили её на носилки и загрузили в скорую, рядом с телом малыша, укутанного в целлофан. Из машины скорой помощи она едва успела попрощаться со своими приёмными родителями, которые тоже были до смерти напуганы. Машина тронулась с места, и Вета успела отчаянно пробормотать: «Мне было страшно… Я испугалась…»

Девушка была осуждена условно и вернулась в глухую деревню к своему возлюбленному. Учителя Андони, убитые больше горем, чем позором, тухли на глазах как две свечи в храме. Через год умерла госпожа Маргарета, а через короткое время после неё ушёл в мир иной и её муж Андрей.

Бабушка Натали всячески старалась найти чёткое объяснение происшедшему и повторяла с поводом и без: – Появление человека на свет — это всегда радость, а смерть – это спасение. В Царствии Господнем нет боли и печали. На всё воля Божья, а мы должны жить дальше…

У бабушки Марии было много приятельниц. После смерти деда к ней стали приходить односельчанки за советом по разным проблемам со здоровьем, а она им предлагала лечебные травы. Приходили и женщины, не ладившие с мужьями, с невестками, зятьями, детьми. Натали училась у бабушки готовить, выращивать цветы, украшать дом, петь старинные песни времён её молодости. Новый год, Рождество и Святого Василия они отмечали по старому обряду. Бабушка пела колядки, пекла в печи калачи и бублики для тех, кто по обычаю, ходил по селу колядовать и сеять. Вместе ходили в церковь, затем на могилу к дедушке. Бабушка постоянно её учила, давала советы, водила в Каса Маре и показывала поманы, рассказывала, как правильно класть их у изголовья гроба, на подсвечниках и на калачах. Перед тем, как потушить свет, она зажигала лампадку у иконы, затем тихо шептала молитву, призывая и внучку креститься и помолиться за здравие живых и просить прощения у усопших. По утрам, в мороз, бабушка просыпалась рано, открывала ставни и разжигала огонь в печке,

а когда внучка уходила в школу, всегда просила не запирать за собой калитку. Как-то раз Натали вернулась из лицея и увидела бабушку Марию бледной, с измученным лицом, тяжело дышавшей и с трудом открывавшей тяжёлые веки. На столике горели две свечи. Она позвала внучку к себе поближе и прошептала:

– Не бойся, моя девочка…

Натали позвала соседей, затем родителей. После полудня ясного и морозного дня душа бабушки ушла на небеса. Дорогу к её дому замело, а в окошках под навесом крыши стало темно. Никто больше не открывал ставни, не разжигал огонь в печи и не открывал дверь для Натали. На кладбищенском холме теперь высились уже два дубовых креста.

В конце весны Натали сдала вступительные экзамены на бакалавра. Её отец гордился дочерью, поступившей в Государственный Университет Республики Молдова, но пока что новость держали в секрете. Натали готовилась к выпускному вечеру. Сосед с её двора – Виорел Кэпэстру, рыжеватый и веснушчатый парень с ясными глазами, который всегда имел при себе истрёпанную тетрадь с необычными стихами, – играл на гитаре и напевал ей строчки из романса *«У одиноких тополей»*:

Пылает счастия костер
В лучах светящейся любви.

Но он ей совсем не нравился, и все его старания были напрасны. Жизнь казалась ей прекрасной, и она не сразу поняла, что её подружки Ольга и Алёна вдруг похолодели к ней, а всё из-за того, что они сдали экзамены хуже неё. Она заметила их изменившееся к ней отношение лишь после вручения аттестатов. Две подруги весь вечер провели отдельно от неё под предлогом, что пришли с молодыми людьми. Натали одела голубое платье в цветочек, в волосы завязала разноцветные ленточки, причесала их и уложила по модели из журнала. Стройная, в белых туфельках, в серебряных серёжках и с браслетом на запястии, она всем улыбалась, хотя в глазах была заметна тень ностальгии и расставания с детством. В самый разгар церемонии импровизированное жюри объявило её *Королевой бала* и вручило цветочный венок и фарфоровую статуэтку ангелочка. Затем все гурьбой спустились к Днестру, разожгли большой костёр и встречали рассвет. Музыканты играли на

тромбонах и барабанах, да так, что гудела вся долина то от сырбы[1], то от вальсов и танго. Каблуки её изящных туфелек вонзались в землю, веселье всё нарастало, а к концу вечеринки за ней настойчиво ухаживал Виорел Кэпэстру, который внезапно встал на пень у костра и прочитал ей стихотворение. К концу, под бурные аплодисменты, он её поцеловал в щёку. Затем музыканты играли «Пелиницу»[2], и в разгар хоровода, местный поэт прижал её к своей груди…

В тот вечер они вместе вернулись дамой. У калитки он неумело поцеловал её в губы. От неожиданности она покраснела и поспешно убежала дамой. С того вечера она стала избегать парня, но однажды вечером он подошёл к её окну и стал свистеть, как было принято, когда парень зовёт свою возлюбленную на свидание. Но она не вышла. На следующий день, встретив его у колодца, Натали предупредила:

– Не приходи больше и не свисти, а то я всё расскажу отцу.

– Ты девушка моей мечты, – смело заявил Виорел.

– Иди-ка, парень, своей дорогой!

Виорел решил, что не стоит встречаться с её отцом. Ничего не сказав, он уехал учиться в профессиональную школу в Россию. Натали заметила его отсутствие, но совсем об этом не пожалела. У неё было иное представление о любви, и она верила, что обязательно найдёт её. Она часто вспоминала времена пастушества и мечтала о прекрасном Фэт-Фрумосе, как он возьмёт её за руку, и они пройдут по берегу Днестра. Из книг Натали знала, что в больших городах, среди которых и Кишинёв, где живут сотни тысяч людей, улицы украшены деревьями, а в парках цветут клумбы цветов. У неё появилось желание стать специалистом по озеленению местностей. С такой специальностью ей не придётся расставаться ни с селом, ни с лесом, ни с полем. А столица во своей её красе поможет ей встретить своего суженого.

Натали сообщила родителям, что выбрала факультет зелёных насаждений и едет в столицу подавать документы. Вернувшись домой, она стала готовиться к вступительным экзаменам, и вдруг неожиданно приехала сестра, заявив родителям, что выходит замуж. С ней приехал

[1] Сырба – румынский народный хороводный танец в быстром темпе.

[2] Пелиница – народный танец, хоровод.

смуглый худощавый парень с усами и бакенбардами. Они были однокурсниками. А ещё сестра заявила, что свадьбу нельзя откладывать, поскольку она беременна. Ей очень хотелось поскорее одеть свадебное платье. Она даже не заметила, что с похорон бабушки прошло всего полгода. Все вокруг видели счастье в глазах невесты, а в селе они целовались и обнимались у всех на виду. Натали относилась к этому несколько холодно, чувствуя, что это наигранно. Жених был сиротой, и свадебные расходы легли на родителяй невесты. Проблемы Натали перешли на второй план.

На экзамены Натали поехала одна. Кишинёв показался ей слишком многолюдным и весьма непонятным. Полно высоких зданий с великим множеством магазинов, ресторанов, кафе, бутиков на каждом шагу.

Успешно сдав экзамены, она стала студенткой факультета садоводства по специальности «лесоводство и парки». Дома, где приготовления к свадьбе шли полным ходом, отец высказал своё недовольство по поводу её выбора. Он ей объяснил, что она выбрала факультет, где большинство мужчины, крестьяне, бездомные и пьяницы. Более достойной была бы специальность бухгалтера, экономиста или юриста. Мать была более снисходительной к выбору дочери.

Сестре сыграли пышную свадьбу, гости съехались со всей округи. Шаферы кричали и свистели по селу, как положено по местному обычаю, девушки и парни прыгали в воду с белого большого камня на Днестре, и это означало, что все старые заботы уходят прочь по течению, а жизнь новой семьи начинается с чистого листа. Праздничный стол накрыли в школьном актовом зале, украсили коврами, сотканными бабушкой Марией. Веселились всю ночь напролёт.

Все мысли Натали были об учёбе, хотя весь вечер она была в центре внимания, парни не давали ей проходу и настойчиво приглашали танецевать. Позднее её пригласил на танец отец, и сразу спросил:

– Тебе на самом деле нравится этот факультет?

– Да.

– Ну, тогда удачи тебе в этом!

Последние слова отца прозвучали как благословение. Через несколько дней, собрав всё необходимое, Натали уехала на учёбу…

2

Во время учёбы она скучала по родным тропам, по холмам, по пастбищу с овечками и по родительскому дому. Многие её однокурсницы были из состоятельных семей и после занятий проводили время в кафе или за другими развлечениями – каждая по-разному. У Натали денег было не так много, поэтому она проводила много времени в одиночестве, в комнате общежития за занятиями. Она самостоятельно изучала английский язык и увлеклась книгами о лесах и заповедниках Молдовы и мира. Иногда обдумывала планы о возвращении в родное село, и о том, как будет преподавать в школе науку о флоре и фауне лесов. Некоторые её однокурсницы менялись на глазах, становились городскими. Коллеги с других отделений были совсем другими, и ей это было хорошо заметно. На первых порах она жила в комнате с двумя девчонками, которые часто ночевали в городе или возвращались поздно и пьяными. Случалось, приводили с собой мужиков и бесстыдно ложились с ними на скрипучие кровати. В конце концов, терпение Натали лопнуло, и она пошла к коменданту с требованием переселить её в другую комнату. Свободных мест не было, но она настояла на своём:

– Мне надоело жить в борделе!

– Таковы нынче времена, – размахивала женщина руками во все стороны. – Молоко на губах ещё не просохло, а уже гуляют…

– А я не гулящая!

Её всё-таки переселили на второй этаж где жили её однокурсницы: Лариса Матаке и Олеся Албу. Она их знала как дружелюбных и благосклонных девушек. Лариса казалась замкнутой, одевала цветастые, слегка старомодные платья, носила то шляпу, то чепчик. Олеся была стройной, с резким взглядом, да таким, что в веселье – он сверкал, а в гневе – горел. У неё были тонкие губы, румяные щеки, и она казалась серьёзной натурой, но при малейшей обиде начинала стучать зубами, готовая разорвать всех и вся. Кто-то прозвал её «гадюкой». Узнав об этом, она почему-то заполыхала от счастья. Одевалась напоказ, подбирала к нарядам яркие ремни, акцентируя тонкую талию и элегантность. Стройная, хитрая Олеся легко сближалась с мужчинам, вела себя с ними вызывающе и получала удовольствие, отказывая одному, идти на свидание с другим. Была любопытной, знала биографии многих однокурсников, сплет-

ничала и хвасталась, что к ней пристают в ресторанах и кафе женатые мужчины.

– Ну и что, что родилась в селе, я готовлю себя для городской жизни, – говорила она.

Её отец умер, когда она была ещё ребёнком, и её растила только мать, которая и сейчас заботилась о ней. Уходя в город, указывала своим коллегам по комнате:

– Если вдруг меня будет искать мама, скажите ей, что я в библиотеке.

Иногда её не было в комнате всю ночь, а когда приходила, падала от усталости и спала весь день напролёт. Мать часто её навещала, привозила полные сумки с продуктами и новые наряды. Она была хрупкой женщиной с седыми волосами, с морщинистым лицом и глубокими глазами в орбитах. Мама утешала Олесю, говорила нежным, смиренным голосом, гладила по волосам и призывала дочь учиться и хорошо питаться, а то уж больно она худая. Олеся терпеливо всё выслушивала, затем провожала мать на автовокзал, а по возвращению в общежитие сразу надевала новое платье, наносила макияж и уходила, хвастаясь, что идёт на вечеринку, где её ждут мушкетёры и приключения.

Ходили слухи о любовных отношениях Олеси с некоторыми преподавателями, потому что у неё не было задолженностей и сдавала она абсолютно все экзамены, несмотря на то, что вела беспорядочный стиль жизни. Както раз она пригласила Натали и Ларису в ресторан и всё оплатила, чтобы подруги своими глазами увидели, какие состоятельные мужчины её содержат. Здесь Олеся чувствовала себя в своей тарелке: вызывающе танцевала на террасе, где ей бурно аплодировали посетители ресторана. Натали заскучала при виде таких непривычных ей зрелищ, и в следующий раз она отказалась от приглашения. Вечерами она сидела в комнате и занималась на радость родителям. А завидовала она лишь тем девчонкам, у которых была пара, и те по вечерам гуляли в парке. Натали не хотела отношений ради забавы. Она замечала, что парни смотрят на нее по-другому, нежели на её сверстниц. Они оказывали ей знаки внимания, но в ответ ничего не получали – у Натали не было к ним никаких чувств. Она никак не могла понять, почему кавалер обращается к девушке словами «О, какая ты сексуальная!», а не по-другому, например, «Какая ты милая!». Часто задавалась вопросом, почему всё сводится к сексу, а не к искренним, дружеским отношениям?

На скромной террасе возле Университета, где Натали обычно пила чай, она встретила молодого человека по имени Лилиан. Они познакомились, она узнала, что он закончил Технический Университет в городе Клуж и работает строителем в фирме, учредителем которой является. Он рассказал, что занимается строительством мостов, казался очень воспитанным и галантным. Однажды он предложил подвезти её до общежития на своём чёрном и модном автомобиле. По дороге остановился у цветочного бутика возле Центрального парка и купил ей букет белых роз. Подъехав к двери общежития, открыл ей дверцу машины и элегантно провел до входа. Там они обменялись телефонами, Лилиан поцеловал ей руку, и они расстались. Со второго этажа общежития Лариса и Олеся наблюдали за ней, и когда Натали поднялась в комнату, они встретили её с восклицаниями.

– Вроде хороший парень высокого калибра, – сказала Олеся Албу, обращаясь к Ларисе, – наша подруга молчит да творит!

Натали, застенчиво заулыбалась, понюхала цветы и поставила их вазу:

– Мне он тоже показался достаточно милым!

И тут девчонки захохотали.

Отношения с Лилианом развивались стремительно. Практически ежедневно он встречал её у главного корпуса университета, где у Натали были занятия. Он был вежлив, говорил культурно, прямо как в Клуже. В её душе постепенно появились нежные чувства к нему. Лилиан возил её по своим стройкам, затем они обычно ужинали в загородных кафе. Он был к ней внимателен, не пытался целовать в губы, давая ей понять, что у него серьёзные намерения. Вечером, провожая её до общежития, он демонстративно целовал её в щёку, чтобы сидевшие на скамейках у входа люди видели его уважение к Натали.

В её глазах зажегся счастливый огонёк. Жила в мечтах и ожидании. Её мысли всегда были о Лилиане, она любовалась им, всегда одетым опрятно и дорого. Через месяц они поехали в село Кодрянка, где в лесу, рядом с селом, были уютные коттеджи с номерами, обставленными старинной мебелью. Их обслуживал пожилой официант. Он принёс в номер ужин и шампанское. Они выпили по бокалу, затем он нежно её целовал, ласково обнял и уложил на диван, от которого шёл аромат трав и цветов. Дальше всё было как во сне: она плыла по волнам чувств в белой лодке с цветными

парусами по бурному синему морю. В окна светило солнце, деревья покачивались, медленно наступал вечер. Натали пребывала в волшебном сне, наслаждалась красивыми словами любви и отдавалась мужчине снова и снова – без угрызений совести, полностью предаваясь неведомым прежде наслаждениям. Она представляла себе, что с ней сейчас тот самый молодой чабан или Фэт-Фрумос из народных сказок, чудом явившийся из мира мечты, и верила, что будущее принадлежит им двоим. Они вместе уедут в село на берегу Днестра, и радостные односельчане не налюбуются на них. Натали была счастлива и благодарила судьбу за Лилиана. Что ещё нужно для счастья?

В конце встречи Лилиан оглядел её и удивлённо заметил:

– Я не думал, что встречу такую нежную, приятную и целомудренную девушку как ты!

Поздно ночью они подъехали к общежитию. На прощание Лилиан подарил Натали белого плюшевого медвежонка. Все уже спали. Когда появилась комендантша, рассерженная, что её потревожили в столь поздний час, Лилиан сунул ей в карман купюру. Женщина подобрела и даже сделала им комплимент: – Вы красивая пара! Дай Бог, чтобы всё у вас было хорошо...

Натали на цыпочках вошла в комнату, тихо легла на кровать, долго лежала с открытыми глазами и подводила итоги происшедшего в коттедже. Сегодня с ней случилось нечто исключительное. Она не чувствовала никаких угрызений совести, а мысли были только о Лилиане. Ощущения поцелуев не исчезли, она ещё парила в облаках любви и мечтала быть женщиной Лилиана навеки.

Утром подруги заметили, что Натали спит в обнимку с плюшевым мишкой и улыбается во сне.

– Наша влюблённая принцесса! – попыталась разбудить её Лариса.

– Оставьте меня, я до смерти устала…

– Всё с ней ясно, – понимающе сказала Олеся.

Девчонки ушли. Вокруг стало тихо. Натали перевернулась на другой бок и крепко спала до самого обеда. На улице шёл дождь, по ветвям гулял ветер и осторожно стряхивал прозрачные капли, не осмеливался потревожить счастье Натали. Проснувшись, она навела порядок в комнате, помыла полы и посуду. Ей захотелось позвонить матери в село и рассказать, что она, наконец-то, встретила молодого человека и влюбилась, а он – любит

её. Но обдумала всё – и воздержалась. Оглядела себя в зеркало, улыбнулась и слегка покраснела – её смущала мысль, что она больше не девушка. Вернувшись с занятий, любопытные подруги стали расспрашивать, им хотелось знать всё до мелочей. А Натали делала вид, что не слышит. Она лишь улыбалась и наблюдала за автомобилями в окно. Ей казалось, что каждый второй – это тот самый чёрного цвета. Ожидание было и мучительным и сладостным одновременно.

Мгновенья пролетали, на улице всё ещё шел дождь, вечер проник в город, а Лилиан не появлялся. Желание увидеть его становилось всё сильнее, но оно таяло как свеча по мере наступления ночи. Девчонки наблюдали за ней: вот она выходит в коридор, затем на порог, возвращается и ложится в кровать, а затем всё повторялось. Натали осмелилась позвонить, думала, что, возможно, что-то случилось, но телефон был вне зоны доступа. Ночь Натали провела, не сомкнув глаз, уверяя себя, что всему виной дождь. Рано утром она первой пошла в университет и была уверена, что Лилиан будет ждать её после занятий. На перемене она снова попыталась его набрать, но ответа так и не было. В таком ожидании прошла целая неделя. Натали не могла поверить, что стала жертвой своей наивности, ей не хотелось чувствовать себя обманутой и униженной, но анализ ситуации убедил её, что она мало знает о Лилиане. Она не знала его адреса, номера машины, фамилии, названия его фирмы. Она уже хотела звонить в полицию, в больницы, но подумала, что он может быть в командировке. Страдание отражалось в её глазах, и девушки пытались её утешить, но всё было зря.

Лилиан появился внезапно поздним вечером в общежитии. В правой руке он держал торт, а в левой – шампанское. Он вошёл в комнату, поставил всё на стол и стал аплодировать. Он был изрядно пьян и поразил присутствующих громким заявлением:

– Моя жена родила мне мальчика! Ну-ка, девушки, давайте отметим это и выпьем шампанского!

Его слова, как взрыв снаряда, разорвали душу Натали. Она растерялась, и Лилиан тут же стал чужаком в её глазах. Олеся Албу, как мать, защищающая своих детей, впихнула ему в руки шампанское и торт, а затем схватила за шиворот и вытолкнула в открытую дверь. Лилиан был шокирован таким раскладом событий. Он, шатаясь, спускался по лестнице, но чётко расслышал угрозу Олеси:

– Ещё раз переступишь порог этой комнаты, мы тебя кастрируем!

Натали долго проплакала и пришла в себя лишь далеко за полночь. В кромешной тьме и тишине она задавала себе тысячи вопросов: «Господи, почему именно я прошла через такой позор? Это будет мне уроком! Какая я наивная и глупая! О…!» Она не находила слов.

С того вечера время проходило в сером тумане. Она стала печальной и подавленной. Коллеги по комнате пытались всячески её взбодрить, но безуспешно. Ей казалось, что все вокруг знают о случившемся, о её боли и насмехаются над ней.

Однажды, когда Натали пребывала в подавленном состоянии, к университету подъехал Лилиан. Он ждал её возле автомобиля, с огромным букетом роз, как ни в чём ни бывало.

– Ты почему так поступил? – едва слышно пробормотала Натали. Ей хотелось отвернуться и пойти дальше.

– Мы живём в век свободной любви, дорогая, – стал он оправдываться. – Ты хороша, и я не хочу тебя терять!

– И почему ты изменяешь своей жене? – неожиданно даже для себя самой стала она его упрекать.

– Ну, что тебе сказать? Со мной или с другим ты должна была это сделать!.. Я хочу, чтобы мы дружили, я могу помочь тебе найти работу в городе.

– Какое великодушие! Я больше не хочу тебя знать! – и Натали демонстративно ушла.

Единственной, кому она могла открыть душу, была комендантша, госпожа Виктория, с которой они стали близки. Виктория была ровесницей её матери и знала, как некоторые студентки оказывались в таких положениях. Она позвала Натали на разговор по душам.

– Девочка моя, я догадываюсь, что с тобой случилось. Это тебе урок на будущее, не будь такой доверчивой. Парни на шикарных автомобилях почти все коварны. Вот он тебя и обманул, зато дал жизненный урок. Он испоганил твою душу, будь уверена, что добра ему не видать. Закон бумеранга никто не отменял! Однажды Бог его накажет!

– Я поверила ему как дура, – впервые пожаловалась Натали глухим голосом. – И почему со мной это случилось?

– Многие женщины проходят через обман и унижение мужчин. Они

нас обманывают, обижают, и ещё хотят,, чтобы мы были им верны. Выше голову! Иди по своему пути и проживай свою жизнь сполна.

Постепенно Натали смирилась с происшедшим. Для себя она поняла, что в жизни надо быть осторожной, самой искать выход из положения и надеяться лишь на себя. Мужчины продолжали обращать на неё внимание, но она замкнулась и совсем не думала о новых отношениях. Олеся Албу всегда напоминала жильцам по комнате:

– Да не ходите вы как святоши! Пока мы ещё не окольцованы, нужно экспериментировать! Нужно ворошить мужчин, пока не найдем подходящего для создания семьи.

…Целых два года Натали не хотела отношений с мужчинами, но обет воздержания она нарушила после того, как Лариса пригласила её погостить к своим родителям в Валя Прутулуй – в селе на юге Молдовы. Она ни разу не была в лесу Тигечь, о котором читала в книгах. Девушка с севера страны, с Днестра, она поехала посмотреть, как живут люди в других местах, а заодно и увидеть лес. Это пригодится ей в профессиональной деятельности: на юге встречаются иные виды деревьев, трав, цветов. Ну, а в селе все праздновали *День села* и танцевали *хору*. Ей рассказывали, что молодые люди с юга страны ведут хоровод по старым традициям, иначе, чем в других местах. Все – и молодёжь, и старики – приходили на хору в народных одеяниях.

В тот субботний вечер в Валя Прутулуй танцевали ту самую хору. Двоюродный брат Ларисы – Тимофей, был полицейским в селе. В конце мероприятия он проводил девушек домой, а потом вместе друзьямим устроил скачки на лошадях по селу. Жители села аплодировали молодым людям. У дома родителей Ларисы веселье стихло, и все разошлись по домам, а Тимофей пригласил обеих девушек на равнину поохотиться на зайцев. В конце осени стояла лунная ночь. Без долгих колебаний они согласились и пошли вместе с молодыми людьми к равнине Сухат. В лунном свете ночь была очень светлой, и всех было видно, как на ладони. Натали ни разу не была на охоте, и ей стало интересно. Они дошли до ивовых зарослей и остановились у родника. Парни разожгли огонь и оставили там девушек, а сами разошлись по обрывам. Вскоре раздались выстрелы, а затем охотники вернулись к роднику с несколькими зайцами. Они сняли с них шкурки и разделали мясо на чистой скатерти, подготовили его и поставили варить

в большом казане. До самой зари молодые охотники и девушки много смеялись, пели песни и рассказывали разные истории. Все угощались янтарным вином, и вином из белой земляники.

Тимофей не отходил от Натали ни на секунду. Под утро прохлада дала о себе знать, и он осмелился обнять Натали за плечи. Она слегка вздрогнула, но не отстранилась.

– Как тебе наша охота и наша весёлая компания?

– Я впервые нахожусь на таком мероприятии.

Лариса с ребятами вспоминали детство и школу. Натали прислушивалась к их разговорам и чувствовала себя дома.

– Сегодня я в хорошем настроении, – услышала Натали голос Тимофея, который неожиданно предложил: – Ты можешь называть меня *бадя*[3]?

– Это ещё почему?– удивилась она.

В ответ парень обнял её своими сильными руками: – В наших краях девушки так называют парней, что им симпатичны.

– С чего ты взял, что ты мне симпатичен?

– Ну. я думаю…

– Ты женат?

– Нет.

– Ладно, *бадя*! – согласилась она. – Будь по-твоему.

Вернувшись на учёбу, Натали часто говорила с ним по телефону комендантши. *Бадя* Тимофей звонил, интересовался, как она живёт, какие у неё планы на будущее и желает ли она, чтобы он привёз ей что-то вкусное в город. Он был внимателен и с нежностью относился к ней. Его слова казались Натали искренними, и ей хотелось убедится, что у молодого полицейского серьёзные намерения. и он не принесёт в её жизнь бури и ураганы. Он не богат, но и не беден. Его родители – респектабельные врачи в местной больнице. Натали согласилась ещё раз съездить в село погостить у Ларисы, а заодно повидаться с её двоюродным братом.

На этот раз они снова пошли охотиться на зайцев. Тимофей приехал на служебной машине вместе с другими полицейскими. Было холодно. Они выпили вина и приготовили зайца. В самый разгар гулянки у родника *бадя* накинул ей на плечи свой полицейский китель. Она была приятно удивлена, польщена и почувствовала защиту. Не отказалась она и от прогулки по

[3] Бадя – так называют молодого человека или старшего брата в Молдове.

лесу неподалёку. Листва шуршала под их ногами, а луна застыла в разбросанных по небу белых облаках. Он взял её за руку, и они поцеловались…

Иногда Тимофей заезжал в Кишинёв, привозил для Натали с Ларисой продукты и вино «Кагор». Постепенно *бадя* вернул ей уверенность в искренние отношения между парнем и девушкой. Он был старше Натали лет на семь, и ей казалось, что он опытен в отношениях с женщиной, научит её и поведёт по верному жизненному пути. Натали даже ощущала к нему некое влечение и забыла слова комендантши насчёт мужчин: когда они легко покоряют женщин, они также легко теряют к ним интерес.

Натали увлеклась новыми отношениями. На протяжении зимы Тимофей не раз приезжал в город, а порой она ездила в Валя Прутулуй. Натали была уверенна, что они поженятся, тем более, что *бадя* всё чаще заводил об этом разговор. Но к весне, когда кругом всё расцвело, Натали почувствовала в Тимофее первые признаки холода в их отношениях. Он стал звонить реже под предлогом занятости на работе. Натали чувствовала отдаление, но не видела в этом признаков тревоги, как в прошлый раз. Она попыталась поговорить с Ларисой, но та резко ответила:

– Разбирайся сама.

Когда она поняла, что *бадя* ведёт двойную игру, сразу успокоилась и просто прервала отношения, не хотела его больше видеть. На этот раз расставание было легче, хоть и не без горького чувства разочарования.

Студенческие годы подходили к концу, и Натали пришлось пережить ещё одну напасть: Лариса Матаке заподозрила её в краже 500 леев из своего кошелька. За три года их совместной жизни в общежитии у них никогда ничего не пропадало. Злобные подозрения подруги казались ей полной бессмыслицей, но её вызвали в полицию для дачи показаний, и Натали поняла, что предстоят неприятные дни. Толстый полицейский с висящими вниз усами приказал ей написать объяснительную по поводу обвинения и пригрозил, что в случае подтверждения подозрения её ждёт отчисление из ВУЗа и наказание в виде лишения свободы. Натали бросило в дрожь. Она написала, что ничего не знает об исчезнувших деньгах, но просидела в участке до поздней ночи. Под конец, тот же толстый полицейский заявил ей, что она ни в чём не виновата и позволил вернуться в общежитие. Позже стало известно, что Лариса нашла свои пропавшие деньги – она спрятала их в какую-то книгу.

В те же весенние дни Натали получила письмо от незнакомой ей жен-

щины, в котором сообщала, что у Тимофея есть возлюбленная, она ждёт от него ребенка, и они скоро поженятся. Денежный конфликт и горькое воспоминание о *баде* из Валя Прутулуй заставили её окончательно порвать дружбу с Ларисой и переселиться в другую комнату. В души у неё остались тёплые воспоминания о чудных хороводах при ясной луне, невольно наблюдавшей за ними и за их поцелуями. Рассудок говорил, что в этой истории, может быть, и нет вины Ларисы, но Натали сердцем чувствовала, что именно от нее идут все беды. С тех пор она стала ещё меньше доверять людям. Сложнее всего было преодолевать обиду и внутреннее возмущение. Она переживала, но когда прошла и это, – сразу почувствовала себя повзрослевшей, способной решать разные вопросы, и, в первую очередь, бороться с мужским эгоизмом.

Учёба подходила к завершению, и Натали начала искать место для прохождения производственной практики. Она выбрала организацию по обустройству парков в столице. Им нужны были сотрудники. Натали отдалась работе: ходила в парки и другие места, где на клумбах росли цветы, была частой гостьей в теплицах, где выращивали саженцы деревьев и кустарников для озеленения города. Экспериментировала. Узнала, что много материалов для посадки привозят из долины Днестра, и обрадовалась, что сможет посетить места детства. С первых дней она поняла, что надо не говорить, а делать – внедрять теорию в практику. По окончанию учёбы именно это станет её профессией, и она нисколько об этом не сожалела.

До госэкзаменов оставалось несколько дней, и Натали поехала домой, в родное село. Сестра с мужем, после рождения первого ребёнка, перебралась в дом дедушки и бабушки. Обзавелась коровой, овцами, козой, но молодой семье это не принесло счастья. Шурин всё чаще прикладывался к бутылке, пьяным конфликтовал с соседями, ссорился с Аделлой, а та не оставалась должной. Иногда он поднимал на неё руку, соседи видели и вызывали участкового. Позже шурин решил уехать на заработки за границу. Сестра осталась одна растить ребёнка и вести хозяйство. Не прошло много времени после отъезда мужа, и Аделла поняла, что ждёт второго ребёнка. Чтобы помочь дочери, мать перебралась жить к ней, а отец помогал по хозяйству. Их брат, закончив лицей, против воли родителей уехал в Тирасполь и устроился на работу в ведомственную службу безопасности. В село возвращаться он не собирался.

Натали тоже решила не возвращаться в село, а устроиться на работу в городе. Она даже знала, куда именно. После практики в муниципалитете ей предложили работу по совместительству, и Натали дала согласие. Теперь она стала независимой от родителей и могла себе позволить расходы на себя, даже посидеть в кафе. Она была уверена в своей профессии и знала, что ей не придётся отлучаться от мира природы, ибо городу нужны цветы, трава, деревья – мир зелёных насаждений. Натали не завидовала сокурсницам, которые теряли время, гуляя по городу с молодыми людьми: «Мой суженый обязательно найдет ко мне дорогу». В конце последнего года учёбы многие её знакомые девушки уже были замужем и родили детей, Натали же отгоняла прочь мысли о замужестве. Она наслаждалась ясными днями и невероятно сладким запахом цветущих акаций. Вечерами Натали стояла у открытого окна и думала, что в её жизни всё будет хорошо.

Как-то Натали из окна второго этажа увидела у входа в общежитие сокурсника Августина вместе с каким-то смуглым товарищем – высоким, с длинными волнистыми волосами, в белых штанах и красной рубахе, на плече у него висела гитара, а похож он был на цыгана. Они были слегка выпившими, остановились у окна Натали и стали расспрашивать её:

– Какое музыкальное произведение ты любишь? – Глаза «цыгана» засверкали, а пальцы звонко прошлись по струнам гитары. Затем он спросил товарища: – Ну что, завоюем сердце девушки?

– Чего ещё захотел! – Не очень любезно ответила им Натали.

Молодые люди не растерялись и стали приятными тембрами напевать:

Как жаждал я, чтоб ты нашла
Хоть слово для меня,
Чтоб ты хоть день мне отдала -
И мне хватило б дня!
Хоть час один побыть с тобой,
Обнять тебя хоть раз,
Услышать милый голос твой
И умереть тотчас!

Это её развеселило, и трубадуры спросили девушку:

– Ну, что, мы заслужили приглашение на чай!?

– Ладно, поднимайтесь сюда, весельчаки.

Они пили чай с малиновым вареньем и беседовали.

– Ты из города Сороки? – Спросила Натали гитариста. – Там живут красивые и талантливые цыгане.

– Меня зовут Аурелиан Доринцэ, – молодой человек почтенно поклонился ей и продолжил: – Мои предки оттуда, а я… я технический эксперт в аэропорту!

– Ух, ничего себе! – с лёгкой иронией ответила Натали.

– Без моего согласия даже птица не взлетит с полосы!

– Значит, ты у нас король самолётов? – усмехнулась Натали.

– Так точно! – чётко и по-военному ответил Аурелиан. – Это лучше, чем быть сбитым самолётом!

И парни опять взялись за гитару:

Летите, сани,
Сани с бубенцами!
Скакуны как ветер…
Хей!

Желает ли девица
Вечером явиться?
Летите, сани,
Сани с бубенцами!

Песни чередовались анекдотами, и когда они уже собрались уходить, Аурелиан повторил жест с мушкетёрским поклоном, решив немного поумничать:

– У меня везде есть связи! – Он стал на колени перед ней и в театральной позе, под аккорды гитары продолжил: – Я пью по капле алкоголя из-за моей сентиментальной неопределённости. Я сын бедного адвоката! Помоги мне добить своё одиночество, барышня! Помоги мне совершить побег из холостяцкой жизни!

– Ты выпил слишком много капель, сеньор! Смотри, чтобы алкоголь не добил тебя прежде, чем ты добьёшь одиночество, – резко ответила ему барышня.

Занятий уже не было, и чтобы не скучать одной в общежитии, Натали согласилась в последующие дни погулять по городу вместе с Аурелианом. Он показался ей интересным с первого вечера, когда они познакомились. Прогулки и несколько свиданий с гитаристом опровергли слухи о том, что после двух неудач в отношениях с мужчинами она поменяла сексуальную ориентацию...

3

Государственные экзамены она сдала на «отлично». Через несколько дней получила диплом и стала дипломированным специалистом. На выпускном вечере сокурсницы были с молодыми людьми и развлекались отдельными группками. Натали думала, что вечер пройдёт как тогда в лицее на берегу Днестра: все вместе встретят зарю, но все прошло спокойно и менее интересно. Её мысли были о предстоящем будущем. По просьбе своей матери Олеся Албу уехала в родное село преподавать в сельской школе, остальные разъехались, кто куда.

Вопрос с трудоустройством решился легко: её взяли в Городской департамент по озеленению города, где она проходила практику. Несколько дней Натали жила в полупустом общежитии вместе с госпожой Викторией. Её оставили в её комнате, пока администрация с места работы не заключит с ней трудовой договор и обеспечит местом в их общежитии. Студенты разъехались на лето по домам, и все пять этажей пустовали. Натали часто оставалась в компании комендантши, и они любили подолгу беседовать и делиться воспоминаниями в спокойной обстановке каникул. Она узнала, что у госпожи Виктории был муж, двое детей, и что в молодости она работала в Государственном комитете радио и телевидения. Она рассказывала, что любила свою семью, у них было много друзей, но весной 1986 года мужа отправили на ликвидацию Чернобыльской аварии. До отправки в Чернобыль он был крепким, подвижным и здоровым мужчиной, журналистом высокого уровня. Его работа была признана даже заграничными коллегами. Вернувшись из района Чернобыля, он написал книгу *«Катастрофа века»,* но не успел увидеть её выход своими глазами. Он боролся с тяжёлой формой рака крови и скончался в страшных мучениях. Став вдовой, Виктория постаралась устроить детей – дочь закончила медицинский университет, вышла замуж и уехала с мужем в Израиль, сын, будучи специалистом по керамике, уехал жить в США. Госпоже Виктории нравилось находиться в компании Натали, нравилась её бескорыстность и восприимчивость. Она переселила её в просторную меблированную комнату на всё лето, приглашала к себе домой, где они вместе готовили традиционные блюда: овечий сыр телемя, плацинды, голубцы-сармале, пироги с овечьим сыром и зеленью.

– Какова будет судьба семьи, зависит, насколько мудрым окажется муж, – наставляла она Натали -. Мой Павел был родом с севера Молдовы и приехал в столицу учиться. Он был худым и застенчивым. Мои родные недолюбливали его. Я же была красавицей, отличницей, и они считали, что мне нужен более видный жених. Но меня это не останавило. Любовь – это как океанский шторм – его не остановишь! А жизнь — это как работа у ткацкого станка: бессонные ночи и дни, потраченные на поиски подходящего цвета. Только потом понимаешь, какой сложной и бурной может быть любовь… Когда Павел работал как ломовая лошадь на телевидении, его обвинили в национализме. У него, видите ли, слишком румынский язык! Кто-то сдал его властям: он, якобы, хочет создать политическое движение и бороться за воссоединение Бессарабии с Румынией! Его вызвали в КГБ, затем уволили. Мы настрадались в тяжёлые времена коммунистического режима, но оставались вместе! После его смерти я не могла себе даже представить, что могу связать свою жизнь с другим мужчиной. Было много предложений от мужчин, во многих можно было влюбиться, но по-настоящему любишь только один раз в жизни. Натали слушала и думала, что странное совпадение было во внешности госпожи Виктории со старухой с полотна Рембрандта – по лицу вытянулись и тень, и свет, и все остальные жизненные переживания.

– Современные девушки живут иными представлениями о ценностях, – сказала Натали с целью узнать мнение пожилой дамы.

– Хороших людей видно с молодости. Если вдруг заблудишься в молодости, позже будет намного сложней встретить свою любовь. Но девушкам это становится понятным только, когда жизнь швыряет их со стороны в сторону…

Госпожа Виктория частенько читала ей Библию, истолковывала выбранные слова и места и пыталась донести божественную мудрость. Они стали подругами по несчастью. Когда Натали устроилась на работу и поселилась в новом общежитии, её подруга испекла вкуснейший пирог, открыла бутылку игристого вина, и они отмечали событие допоздна.

– Вот и начинается для тебя та самая настоящая жизнь, – госпожа Виктория благословила её и продолжила, – теперь ты будешь всегда занята работой, но знай, что дверь моего дома для тебя всегда открыта…

– Справлюсь ли я с работой и с людьми?

– Даже не сомневайся! Ты быстро привыкнешь. Помни: всегда встречаются и ангелы, и демоны в людских характерах!

Это была их последняя беседа перед первым рабочим днём Натали.

Парки, газоны и клумбы города нуждались в постоянном уходе. Натали руководила несколькими бригадами рабочих, состоявших из жителей пригородов. У многих из них судьба была тяжёлой, полной разных несчастий. Текучесть кадров была высока. Часть рабоников проживала в том же общежитии, что и Натали, и по вечерам после работы она становилась свидетелем пьянок до полуночи. Сама Натали жила в отдельной уютной комнате и быстро привыкла к жизни рядом с бывшими заключёнными, неграмотными и грубыми людьми, видевших пьянство основным принципом жизни. Она должна была найти к ним подход и сработаться. Как крестьянка она работала наряду с ними, сажала цветы, декоративные саженцы на газонах и с нетерпением ждала весну, чтобы всё расцвело.

Водители, как отдельный контингент, не позволяли себе употреблять спиртное в рабочее время, ведь они были за рулём и возили материалы для посадки из питомников в лесах Оргеева и возле Теленешт. Натали часто просыпалась в предрассветный час, ездила с водителями по питомникам за саженцами, кустарниками и за чернозёмом, а по возвращению руководила процессом посадки. Она проявляла терпение к замечаниям комиссии, которая принимала и утверждала работы и без особых споров подписывала акты. На ней были и бухгалтерские отчёты, и заседания администрации. И совсем не было времени на чтение книг или на поход на концерт, в кино или в театр. На её лице всё больше появлялись следы усталости. Изредка она созванивалась с бывшими сокурсниками, чтобы поделиться и обменяться информацией о прохождении адаптация у каждого из них. Олеся Албу никак не могла приспособиться к сельской жизни, оставила школу, попросила Натали найти ей место работы, а пока – уехала в Санкт Петербург.

Подходил к концу 2000-ый год, а с ним – и второе тысячелетие. За пару недель до новогодних праздников, после того как она завезла в город достаточное количество новогодних ёлок, а на Площади Великого Национального Собрания нарядили Рождественскую ель, Натали вызвал к себе сам Семён Марджине – директор Управления. Он был крепким мужчиной

с овальным лицом и с румянцем на щеках, седые волосы аккуратно подстрижены и одет безупречно. Он предложил ей чашку кофе.

– Тебе нравится твоя специальность? – спросил он.

– Вроде как справляюсь...

– Мне об этом доложили. И я начинал с этой должности. В то время мы завозили посадочный материал телегами. А сегодня уже переходим в новое тысячелетие…

– Могу ли я перевестись в другой сектор? – решилась Натали взять быка за рога.

– Ну, смотря, что ты для себя желаешь в дальнейшем, – улыбнулся ей директор. Он зажег сигарету и подошёл к широкому окну, откуда открывалась панорама города. – Я могу предложить тебе должность в управлении. Смотри, какая красота на улице!

Натали подошла к мужчине. За окном весело играли снежинки, и улица преобразилась под снежным перламутровым покровом. Разноцветные огоньки гирлянд зажглись и танцевали на ветвях центральной новогодней ели.

– Это мы сотворили эту красоту. Жаль, что не всем это известно!

– Главное, что администрация это ценит, – негромко добавила она, стоя совсем близко к мужчине.

– Красота этой зимы особенная, как и начало следующего тысячелетия…

В следующее мгновение руки директора легли ей на плечи, а затем медленно спустились до талии. Её удивлению и смущению не было предела, а его руки спустились ещё ниже… Натали вздрогнула, их взгляды встретились, и в ту же секунду он убрал руки и как ни в чём не бывало пригласил сесть в кресло рядом с кофейным столиком. Её сердце отчаянно билось в груди. Ей хотелось вскочить и выбить входную дверь, но она собрала силы в кулак и села в кресло. На пару минут настала неловкая тишина. Семён Марджине вытащил из сейфа коробку конфет и бутылку коньяка. Налил напиток в рюмки и стал оправдываться:

– Знаешь, этот мир не нами придуман… Я тебе желаю успехов в новом году!

– Я не пью, – стала отнекиваться Натали, отодвинув от себя коньяк.

– Никогда не спеши отказываться от того, что поначалу кажется тебе

не по вкусу, – прошептал мужчина. Вдруг зазвенел телефон. По разговору было понятно, что звонят из министерства. Пользуясь моментом, Натали хотела выскочить из кабинета, но начальник неожиданно быстро положил трубку. Звонок слегка растопил напряжение, и директор заново стал её расспрашивать:

– Хочешь перевестись на более лёгкую работу?

– Конечно…

– Тебе подойдёт должность референта в министерстве? После праздников я перехожу туда работать. Будешь работать со мной…

Заметив эмоции на её лице, Семён Марджине решил оживить происходящее шуткой:

– Один мой знакомый, уходя с должности, передал преемнику кабинет, ключи от сейфа и … любовницу!

– В чём состоит работа референта? – спросила Натали, не принимая во внимание скользкую шутку начальника.

– Пустяки! Отчёты, протоколы. Простые формальности. Свободное время у нас будет в избытке. Мы будем ездить вместе по командировкам, и за границу тоже! У тебя будет прибавка к зарплате, и перспектива приобрести квартиру в центре города. У министерства есть свои резервы, я тебе доверяю, и мы с тобой будем как одно целое…

Натали поняла, куда ведёт его предложения.

– Если я правильно понимаю, я буду не только референтом?!

– Буду с тобой откровенен, – сказал Марджине слегка другим тоном. – Ты мне нравишься, и я хочу от тебя большего, чем просто работа…

– Не думаю, что я подходящая для вас кандидатура.

– А я не буду возражать, если ты найдёшь мне девушку, которая согласится быть моим референтом, – закончил директор дискуссию.

Вздохнув с облегчением, Натали вышла из кабинета, хлопнув дверью.

В канун новогодней ночи Семён Марджине получил приказ о переводе в министерство. На его место пришёл пенсионер. В тот же вечер Натали встретила Олесю Албу – бывшую сокурсницу, которая вернулась из Санкт-Петербурга, где была домработницей у состоятельных людей, и мать настойчиво умоляла вернуться домой или найти работу в Кишинёве.

– Ты согласилась бы на работу в министерстве? – спросила её Натали, вспоминая её образ жизни со студенчества.

– Ну, если по рекомендации…

– Моему бывшему начальнику нужен референт, но я тебя предупреждаю, что он такой бабник, каких свет де видал. Поэтому я и отказалась от его предложения.

– Звучит заманчиво! – казала Олеся.– Мы можем с ним связаться прямо сейчас?

Натали позвонила, и в тот же вечер Олеся пошла на собеседование. Вернулась через несколько часов, весёлая и довольная. Открыв чемодан, достала оттуда косметику, серый костюм с белым воротничком, что привезла с берега Невы, обула черные лакированные туфли, надела блестящие украшения и красиво причесала волосы. Посмотрелась в зеркало, как будто ей прямо сейчас выходить на подиум, и заказала такси. Перед уходом, она поблагодарила бывшую коллегу, как будто не она была в гостях, а наоборот:

– Надо же, какой поворот событий! Как говорится: всё приходит хорошо и неожиданно! Престижная работа, приличная зарплата! А Семён такой галантный! Представляешь, предложил мне продолжить разговор в ресторане!

– Всё хорошее приходит неожиданно, – поправила её Натали, но не успела рассказать других подробностей – такси уже стояло перед входом в общежитие, и Олеся поплыла по ступенькам, напевая мелодию.

Натали зашла в гости к госпоже Виктории. Они выпили шампанского и смотрели предновогодние развлекательные передачи по телевизору. На столике у зеркала стоял портрет мужа. Женщина вдруг стала рассказывать о своей дочери и жаловаться, что она давно не приезжала.

– Лукреция уехала нелегально в Израиль. С документами были проблемы, и она не смогла приехать на похороны Павла. Оплакивала его по телефону. Попросила меня приблизить трубку к уху усопшего отца и… Да ладно, не будем грустить, праздник же!

Они зажгли свечи. На часах одна за другой мелькали секунды, и ровно в полночь Натали сказала тост:

– Хочу, чтобы в новом году и в новом тысячелетии у нас была лишь радость и удача…

– С новым годом, Натали!

Они засиделись далеко за полночь. Натали рассказала о предложении директора и про то, как легко согласилась на это Олеся. Пришло время

уходить, и она слегка взгрустнула, но не хотела оставаться ночевать в гостях, хотя хозяйка настойчиво просила. На дворе стояла новогодняя ночь, легкая метель накрывала мягким снегом современные кварталы.

– Я немного пройдусь, чтобы согнать грусть и разочарования уходящего года, -улыбаясь, сказала ей на прощание Натали. – Все-таки Новый Год!

– Ты хорошая девушка, и Бог пошлёт тебе суженого, – подбодрила её госпожа Виктория.

По улицам гуляло много народу, в окнах квартир сверкали новогодние разноцветные огоньки. Молодёжь гуляла, на ходу пила шампанское из бутылок, становилась в импровизированный хоровод, выкрикивала поздравлени. За углом общежития, где была её уютная комнатка, послышался какой-то весёлый голос.

– Какой сюрприз, дорогая!

Это был Аурелиан Доринцэ в компании друзей и с гитарой на плече.

– С новым годом! – поздравила их Натали, приятно удивлённая их встречей.

– Барышня, ты идёшь с нами! – заявил Аурелиан, обнимая её за плечи. – В новогоднюю ночь все целуются, как в Болгарии!

Вся компания обрадовалась их встрече, хотя Натали была против поцелуя. Один из них налил бокал шампанского и протянул его Аурелиану:

– За здоровье твоей принцессы!

– Чтобы вам везло весь год, – сказал другой товарищ, обращаясь к ним обоим.

Ловким жестом, Аурелиан подвёл бокал к уху, прокатил его ладонью до рта и залпом выпил, затем одним ударом разбил бокал об асфальт, сказав:

– Чтобы нам везло весь год!

– Ну что ж, молодёжь, я вас оставляю! Хочу отдохнуть, – попыталась от них отделаться Натали.

– Ни в коем случае! – драматично стал на колени Аурелиан. – *Дорогая, не бросай меня.*

Двое других мгновенно и таинственно исчезли средь белого снега. Пьяные, выразительные глаза Аурелиана сверкали перед ней, перекрывая путь. Она помогла ему встать и удивлённо сказала:

– Ты чего? Твоя гитара же отсыреет под снегом!

– Не промокнет. Не уходи, пожалуйста! Дай мне руку, и мы пройдёмся

вместе до ёлки, – старался её уговорить молодой человек, стараясь не заплетаться языком.

– Ладно, пойдём, – согласилась Натали, думая о том, что все равно нет другой альтернативы, и даже позабудет некоторые горькие воспоминания.

У елки на центральной площади города им встретились знакомые из университета, с работы и даже односельчане. Все были в отличном настроении. На площади они закружились несколько раз в хороводе. Успокоились лишь под утро. Аурелиан провёл её до общежития, его глаза слегка успокоились, и он стал ею любоваться.

– Ну, давай прощаться! Разойдемся по домам.

– Не могу, у меня мочевой пузырь сейчас лопнет, прости…

– Ладно, но только на минуточку! – сказала ему Натали строго.

На столе играли огоньки ёлочной гирлянды. Натали сняла пальто и ждала, чтобы Аурелиан ушёл, а он сел в красное кресло и мгновенно уснул. Она пожалела его и не стала будить, только накрыла пледом, а сама легла на диван и уснула крепким сном, но заснула немного в беспокойстве. Во сне ощущала, что кто-то накрывает её одеялом.

Проснулась к обеду. За окном шел снег. Перед ней стоял Аурелиан – такой серьёзный и даже доброжелательный, готовился уходить. Натали думала, что ему сказать на прощание, но вдруг её охватило нестерпимое желание быть с ним рядом. Её не покидало ощущение, что видела его во сне всю ночь, вместе с ангелами. Странное чувство подталкивало её раскрыть ему свои объятия и притянуть к себе, ощутить его ласки, слушать красивые слова, а потом отдаться ему и превратить первый день нового года в сказку. В ней просыпалась женщина, и появилось желание ощутить давно забытые и мало прожитые волшебные ощущения.

– Я знаю, – интуитивно сказал Аурелиан, – но мне пора. Я наблюдал за тобой спящей, ты улыбалась во сне… А я прошлым вечером напился как чёрт, и теперь мне страшно болит голова. Я должен идти на работу. Все празднуют, но самолёты продолжают летать…

– Всё там же трудишься, с самолётами?

– Да, и праздников у нас нет. В непогоду полосу нужно поддерживать в порядке, – говорил он, сам себя не слыша. Чуть замолчав, продолжил шёпотом: «Спи и отдыхай, моя дорогая».

– Счастливо! – прошептала вполголоса Натали.

– Знаешь, тебе пора замуж, – остановившись в дверях, сказал Аурелиан.

– Почему? – спросила она с удивлением.

– Чтобы тебе не было одиноко.

Дверь захлопнулась, и Натали больше не могла заснуть. Её мучило множество вопросов, она ломала себе голову: «Разве так бывает, чтобы она стояла перед ним в одной сорочке и в нижнем белье, а он не накинулся на неё, как бешёный самец? Почему он её даже пальцем не тронул, пока она спала? Он ушел, не оставил свой номер телефона... Женат ли он, где он живёт, почему остался у неё ночевать?

Прокручивая всё это в голове, Натали уснула. Ей снились приятные сны, но проснувшись, всё забыла, всё стёрлось невидимой ладонью, что прошлась по извилинам её памяти. На дворе стояла ночь, деревья сверкали под покровом снега, на улицах намело так, что приостановилось движение.

Неожиданно почувствовала себя брошенной. Привела себя в порядок, взяла телефон и обзвонила родных и друзей, поздравила с Новым Годом. Набрала и номер Олеси, и та ответила ей безумно весёлым голосом, заявив, что находится сейчас в аэропорту и ждет с минуты на минуту вылета в Хургаду, курорт на берегу Красного моря, вместе с Семёном Марджине. Похвасталась, что посетит Луксор, затем пирамиды из Гизы, Сфинкс и поплывёт на корабле по древней реке Нил.

– Господи, отчего же я такая дура! На её месте сейчас могла быть я... – Затем, вспомнила: «В аэропорту? Там же работает Аурелиан, и он подготовит им полосу для взлёта…» Почему она вспомнила?

Аурелиан не давал о себе знать целую неделю. Из села тоже не было никаких новостей, кроме тех, что вся семья празднует. Прошлась по рабочему маршруту, чтобы уйти от скуки и забыть об одиночестве. Из-за снега работы на её участках были приостановлены. Безделье сбивало её с толку и наводило скуку. В общественном транспорте она наблюдала, как девушки увлечённо болтают по мобильным телефонам. По улицам гуляли влюблённые пары, держась за руки. Ей казалось, что все вокруг счастливы, и лишь она одна такая мрачная, серая, и никому нет до неё дела. Впервые почувствовала, что нуждается в утешении, и ей захотелось, чтобы кто-то её пожалел. Но кто? Родители, мать? У них у самих полно хлопот из-за сестры и её нервных срывов. Госпожа Виктория? «Зачем ей мои проблемы, у нее своих достаточно», – подумала Натали.

Может, завести кошку или собаку? Этим и займёт себя… Почему она всегда одна? Прослушав песни *The Beatles* из прошлого столетия, поняла, что в жизни людей всегда есть ценности. Каждому человеку присуща своя судьба, своя дорога и свои предпочтения. С ними он пытается совладать. Она попыталась успокоиться и сказать себе, что она, как и миллиарды людей на свете, имеет свою судьбу. И она пройдёт по ней в любом случае. Пытаясь отогнать терзающие мысли, вспомнила, что в комнате в один из углов висит икона. Зажгла свечку у иконы и смотрела, как заколдованная, на смиренный лик Богородицы с младенцем Иисусом на руках, перед которыми горело пламя свечи. Прочитала молитву. Она веровала в Господа Бога и была уверенна в Его существовании. Откуда взялся мир и всё то, что её окружает? Откуда взялось чувство любви? «Сколько зим мне дано прожить на земле? – Задала она себе вопрос. – Много, ещё очень много! Не желаю их считать, рано ещё, я ведь так молода... Моя жизнь будет красивой, интересной… и желанное сбудется».

Размышления не показывали будущего, но она чётко знала, что жизнь продолжится, а любовь её обязательно найдёт. Она будет молиться и зажигать свечи у иконы – так она хочет. Утром прочитала пару страниц из Святого Писания, пыталась найти смысл в слове божьем, как миллиарды христиан, для которых оно является путеводителем. Она верила, что чтение внесёт свет в её жизнь, и сердце наполнялось надеждой, лучи солнца осветляют мир после серых дней.

Аурелиан позвонил ей вечером и принёс красную, страстную розу. Он весь был в снегу, и Натали помогла ему встряхнуть снег и снять верхнюю одежду. Он сел в кресло, рядом стояла ваза с розой, она угостила его кофе. Его глаза горели, и он нервно стучал пальцами по столику.

– В эти дни я работал как проклятый, – сказал он. – Снег нам доставил кучу проблем! Нас трое инженеров, и мы обслуживаем взлётную полосу. Она всегда должна быть чистой. После 24-х часовой работы можно расслабиться лишь с товарищами за стаканом алкоголя.

– И алкоголь тебе помогает?

– Да, пиво. Я думаю, оно содержит много витаминов и полезно для здоровья. У меня впереди целых три свободных дня, но сегодня ещё ни капли. Слушай, а давай сходим с тобой на концерт. Ты когда последний раз смотрела балет?

– В прошлом столетии, – не упустила шанс блеснуть умом Натали.

Она празднично оделась. Выходя на улицу, почувствовала бодрость после нескольких дней, проведённых в онемении. Из-за снега общественный транспорт так и не ходил. Они встретили друзей Аурелиана, и они все вместе пошли в ресторан. Он был обустроен в стиле охотничьего дворика с каменными стенами, на которых висел охотничий инвентарь и постимпрессионистские репродукции. Веселая обстановка охватила всех присутствующих в шумной компании. Аурелиан сидел слева от Натали, чокаясь бокалами пива и закусывая жареными колбасками.

– Пиво моя слабость! – оправдываался он в очередной раз.

– Я заметила. Но я не дружу с алкоголем, – предупредила его Натали.

– В Новый Год разрешается, – сказала одна из девушек, держа за руку пухлого парня.

– Я не буду, – продолжала сопротивляться Натали.

– А мы будем руководствоваться законами природы! – весело заявила другая девушка. – Даже звери один раз в год ведут себя влюблённо. Но мы же ещё молоды?

Натали переступила через себя и подумала. «Почему я должна вести себя как святая? Я всё-таки попробую и посмотрим, что выйдет?..» Наряду со всеми она пила пиво, шампанское и даже коньяк, и в один миг всё вокруг вдруг закружилось. Она вышла на террасу подышать свежим воздухом, а затем попросила Аурелиана провести её дамой – боялась потерять над собой контроль. Он держался хорошо, не то, что в новогоднюю ночь, и вместе они шли по заснеженному пути. Холод держал её более-менее в норме, но задним чутьём она понимала, что напилась впервые в жизни, и поэтому оба без повода смеялись. Он поскользнулся несколько раз и падал, а она помогала ему каждый раз подняться.

– До моей съёмной квартиры общественный транспорт не ходит, я останусь у тебя, – сказал Аурелиан. – Ты ведь меня не прогонишь на улицу, в мороз?!

– Нет, не прогоню! Ты поспишь в кресле. – И истерично рассмеялась.

Из-за опьянения они уснули вместе на кровати прямо в одежде, как на вокзале. Пришли в себя лишь к вечеру. Головы у них раскалывались, Натали тошнило и качало. Роза упала со стола вместе с хрустальной вазой, разбившись в дребезги. Аурелиан спал одетый в пальто и с шарфом на

шее. Проснувшись, Натали заварила кофе. Молча попили крепкий кофе, но головные боли не ослабевали.

– Клин клином вышибается, – сказал Аурелиан осипшим голосом, услышав её жалобы на головные боли. Он выскочил в магазин и вернулся с двумя бутылками пива.

– Сейчас мы шлифанём…

Натали категорически отказалась. Она плохо себя чувствовала, как будто её отхлестали крапивой. Настроения не было, и она хотела остаться одной.

– Полный бардак! Жаль! Вчера вечером мы собрались на балет, – недовольно заявил Аурелиан.

– Я никогда больше не буду пить алкоголь, – дрожа всем телом, сказала Натали.

– Можно по праздникам, но в меру.

– Никогда!

– Ты оторвана от реальности, – неожиданно сказал Аурелиан. – У тебя нет ни мобильного телефона, ни Интернета…

– Нет необходимости, у меня есть мобильный телефон и Интернет на работе. Но… я заработаю и куплю себе ноутбук. Качественный.

– Мы могли бы переписываться, присылать сообщения, как и все современные люди.

– Буду иметь в виду. Но сейчас я хочу остаться одна, чтобы прийти в себя.

Аурелиан ушёл, и она опять загрустила. Она встретилась с молодым человеком и напилась, вот и всё. И опять она ничего о нём не узнала: женат ли он или холост, что означали эти платонические встречи?! Голова также болела. «Помимо того, что я глупа, ещё и удача обходит меня стороной! Что за жизнь?! Ни к селу – ни к городу…»

Приняла прохладный душ, укуталась в одеяло и лежала до тех пор, пока голова не прошла. К вечеру снег стал таять и начал ходить общественный транспорт. Город вошёл в нормальное русло.

На следующий день она пошла на работу. Вечером зашёл Аурелиан, одетый с иголочки, и принёс ей в подарок мобильный телефон и ноутбук. Ей стало не по себе, но всё же она приняла чудеса мира. Смущённая спросила:

– Откуда у тебя столько денег?! Ведь это дорогие вещи.

– Для своей избранницы я на всё готов! – то ли в шутку, то ли всерьёз сказал он. Ты не видишь, что нравишься мне? И в ту же секунду вытащил из кармана два билета, сказав: – Сегодня ни за что не упустим возможность. Вперед, нас ждёт «Лебединое озеро»!

Театр Оперы и Балета принял их торжественной обстановкой. Танцы и чудесная музыка Чайковского, а с ней рядом – опрятный и красивый молодой человек. Натали чувствовала себя чудесно и положила руку в его ладонь.

После спектакля он довёз её до общежития на автомобиле. Теперь Аурелиан казался совсем другим. Он рассказывал о своём детстве на левом берегу Днестра, как он учился в русской школе в городе Тирасполе и лишь после школы в румынской группе в Политехническом Университете Молдовы. Рассказал и пару смешных историй о приключениях в аэропорту. На прощание предупредил, что его не будет три дня, затем они снова увидятся, если она этого пожелает.

– У меня есть другой выбор? – кокетливо ответила Натали.

– Я снова к тебе приду…

В последующие три дня Натали анализировала моменты, проведённые с ним. Волосы у него вовсе не были светлыми, как она мечтала в детстве, но Аурелиан ей нравился, и она постоянно думала о нём. Он приходил много раз. Приносил цветы и приглашал в кино и в театр.

Ночь праздника *Драгобете*[4] они провели сказочно. Через несколько дней Аурелиан оставил съёмное жильё вблизи аэропорта и переехал к Натали. Он обращался с ней по особенному нежно, по много раз за день звонил, хотел, чтобы она чувствовала его присутствие вблизи. Они не пропускали главные культурные мероприятия в городе. Через несколько месяцев они поехали в село, и он попросил руки у её родителей. Мать с отцом, сестра, зять и брат сразу приняли его. Их благословили на правом берегу Днестра, и в тот же день молодые перешли мост в Каменке и дошли до родного села Аурелиана, где он представил её своим родителям. Натали была уверена, что связала судьбу навсегда с воплощением прекрасного.

Они сыграли свадьбу в конце весны в Доме Счастья на окраине города. Столы ломились от изобилия, играла хорошая музыка, огромный зал был

[4] Драгобете - Традиционный праздник, празднуется в Румынии и Молдове 24 февраля и является аналогом дня святого Валентина.

украшен разноцветными шарами, цветами и огоньками. Там встретились родственники с обоих берегов Днестра, они пожелали им долгой и счастливой жизни. Один из гостей со стороны жениха, хорошо выпивший, взял микрофон и сказал:

– Муж и жена не породнятся никогда! А мы, те что сейчас собрались, уже на веки вечные породнились!

Аурелиан в белом костюме с чёрным галстуком-бабочкой и в лакированных туфлях. Невеста была в длинной фате, вуаль накрывала её белые кудри, мастерски собранные в причёску. На лбу блестела серебристая диадема. Молодые счастливо танцевали, и все им аплодировали. Потом в свадьбе сделали перерыв. Молодожёны вместе с посажёнными родителями и со свидетелями направились в церковь на Чеканах[5], чтобы совершить обряд венчания. Во время венчания посажённые родители держали над их головами короны, ветерок приносил через окно аромат акаций из недалёкого леса, а здоровый священник басом прочитал нужные молитвы и пожелал счастья в семье. Молодые принимали поздравления в святой обители с чувством настоящего счастья и выполненного долга перед Богом по всем христианским правилам. Натали любовалась торжественным шествием на улицах города. Молодёжь ликовала, автомобили сигналили, пешеходы любовались молодыми и махали им руками. Они положили букеты цветов к памятнику Святому Штефанау Великому[6] и к героям, погибшим в военных конфликтах. Вернувшись в зал торжеств, гости продолжили веселье и пир. Натали переживала звёздный час, которого ждёт каждая девушка, но неожиданно она подумала: «Много женщин проживают жизнь, так и не попав под венец. Я же должна быть благодарной Аурелиану, за то, что он дал мне такую возможность!» В загсе им пожелали счастливой жизни и вручили свидетельство о браке, а венчание навсегда соединило их перед Богом. С этого дня жизнь продолжится в их узком кругу – её и Аурелиана!

Натали улыбалась. Она познакомилась с гостями со стороны мужа, у которого их оказалось очень много, все с высшим образованием и с высокими должностями на левом берегу Днестра. Родственники Натали оказались

[5] Чекана – район в Кишинёве.

[6] Святой Штефан Великий/ Штефан чел Маре – господарь, один из самых видных правителей Молдавского княжества.

скромнее, но такими же весёлыми и говорливыми. «Странно, но кажется, что все совсем забыли о конфликте между двумя берегами Днестра», – подумала Натали и быстро выбросила эту мысль из головы. Она была приятно удивлена, что на свадьбу пришла и госпожа Виктория. Она одела чёрный костюм с белым воротничком, и выглядела очень молодой и современной.

– Я так счастлива! – прошептала Натали.

– Ты этого заслуживаешь, моя хорошая! Как говорят армяне, желаю вам состариться вместе, на одной подушке и под одним одеялом.

Свадебная сказка длилась до рассвета, и даже романтичнее, чем в гостинице с Лилианом, который лишил её девственности. Проводив гостей и попрощавшись, молодые вернулись в комнату в общежитии со множеством букетов, падая от усталости. На лбу ещё было ощущение и след диадемы, которую сняла с её головы нанашка[7], проводя обряд снятия украшений с невесты. Весь вечер Натали светилась от счастья, да а жених был на высоте, но сейчас они оба валились с ног от усталости. Они сняли друг с друга одежду и плюхнулись на новую и мягкую кровать, целуясь и обнимаясь. Аурелиан уснул, а Натали ещё долго стояла у окна и наблюдала за городом, за людьми и вспоминала происходившее. Довольная улыбка прорисовывалась на её лице, и ей хотелось как можно дольше удержать в себе подобные ощущения. Она была уверенна, что Аурелиан навеки стал её мужчиной. «Ну. вот я и замужем! – прошептала она, водя пальцами по окну и рисуя два сердечка. – У меня будут дети от этого мужчины, которого мне послал Господь Бог!..»

Наступал день, и он был таким же ясным, как и предыдущий. Натали чувствовала себя уверенно и надеялась, что у неё будет полноценная жизнь.

4

В первые дни замужества Натали сделала ремонт в комнате, переклеила обои, покрасила окно, дверь, приобрела новый коврик в прихожую и повесила симпатичную люстру. Мужу, конечно же, всё понравилось, и он подарил ей французские духи и пригласительные билеты на концерт народных исполнителей. Аурелиан работал допоздна, и они редко

[7] Нанаш/нанашка – посажённые родители на свадьбе по местному обычаю в Молдове и Румынии.

выходили куда-либо вместе. После работы он обычно проводил время с друзьями за кружкой пива. Несколько раз он приводил на такие встречи и Натали, и она узнала его шумную и весёлую компанию. После таких посиделок муж приходил дамой пьяным, падал, как бревно, на кровать прямо в одежде и засыпал мёртвым сном. Она его отчитывала, и после чтения морали он несколько дней подряд приходил дамой вовремя, но вскоре опять возвращался к прежнему.

– Ты почему пьёшь? – спрашивала она беспокойно. – Ты выглядишь смешно.

– У меня тяжёлая работа. Я ужасно устаю, а пиво содержит много витаминов которые необходимы моему организму. Так говорят мои товарищи.

– Тебе хотелось бы ребёночка?

– Я хочу мальчика.

– Знай, что я не хочу зачать ребёнка в алкогольном опьянении, – твёрдо сказала Натали.

– Ну, не драматизируй, – попытался успокоить её Аурелиан.

– Посмотри, на кого ты похож, когда приходишь дамой пьяным, – повторила Натали возмущённо.

– Ладно, успокойся, любимая!

– Я хочу стать матерью.

– Я обещаю, что буду употреблять только мёд, орехи и молочные продукты.

– Лучше бы ты не пил ни грамма алкоголя, это намного важнее!

– И что тогда произойдёт?

– То, что нужно.

– Приказывайте! – Аурелиан подвёл руку к козырьку, встал по стойке смирно и пообещал: «Если даже в Святом Писании сказано – *жена да убоится своего мужа* – я благочестиво тебя уважаю! Целый месяц я буду питаться лишь молочным!

Натали жила надеждой, что скоро появится под сердцем новая жизнь, и она почувствует радость *материнства*. Она представляла себе, как держит на руках младенца, и тогда муж проявит к нему ласку и нежность. Он будет нежным, ласковым и послушным и не будет пить. Ей хотелось кричать от радости всем кругом и рассказывать: «Я стану мамой! Я стала женой Аурелиана, с ним же я стану мамой!»

Иногда они ходили на концерт, в кино, в театр, их окружали красиво одетые люди с ясными лицами. Она тоже хорошо одевалась, ухаживала за своими светлыми волосами, красиво зачёсывала их на плечи, и больше была похожа на незамужнюю, чем на женщину, у которой уже есть муж. Выглядела счастливой рядом с ухоженным мужем в сером костюме и голубой рубашке, в галстуке. Однажды она встретила Семёна Марджине в антракте в театре «Лучафэрул». Его физиономия показалась ей довольной, он завёл бородку и усы. Он был с Олесей Албу, одетой в длинное бордовое платье с боковым вырезом, из-под которого обнажалась нога, на плечах висела белая, изящная шубка, а на шее блистали дорогие украшения.

– Я зайду к вам на днях, – сказала Олеся изнеженным голосом. – Я не пришла к вам на свадьбу, но приготовила подарок.

– Приходи в наши хоромы, когда захочешь! – в шутку сказал Аурелиан.

– Я обязательно приду со своим… помещиком! – пообещала она, поправляя шубку. – Созвонимся. Я приготовлю утку с яблоками, как твоя мать готовила и приносила тебе в общежитие.

– Стала хозяюшкой, – кокетливо сказала Олеся, с аристократической высоты, здороваясь вокруг с другими знакомыми.

– Издалека видно, что она стерва! – оценил он Олесю. – Её манеры вызывают у меня отвращение! А глаза вовсе как у шлюхи!

– Не говори плохо о моей сокурснице! – сказала, как отрезала, Натали.

– Всё равно она потаскуха, – продолжал Аурелиан, затем сел в кресло и потянулся от усталости: «Выпил бы сейчас пивка…»

– Полегче! – пригрозила ему Натали пальцем.

– Да, у нас специальная миссия: заниматься сексом по пьяни не рекомендуется. Слышал, что в Монголии мужчины и женщины при зачатии ребёнка пьют кумыс, чтобы у них родились сильные дети.

– Мы – румыны!

– Ну и что, – сказал он, поцеловав её в обе щёки.

– Тебе здесь нравится?

– Очень!

– Наш будущий ребёнок будет ценить прекрасное. Может, станет артистом?

– Оперной певицей.

– А если родится мальчик?

– Значит. станет танцовщиком, какие проблемы?

Ещё целый месяц молодые словно прописались в концертных залах. В студенческие годы Аурелиана никто не приглашал на культурные мероприятия города. Тем не менее, он трезво рассуждал о виденном и даже мог высказать мнение о спектакле или прослушанной музыке. Они обсуждали декорации и костюмы актёров. Аурелиану особенно нравился рок-н-ролл. Как-то он настоял пойти на оперу «Аида», и они просидели до конца, в то время как зал постепенно пустел. По дороге домой он неумело спел несколько отрывков из оперы Верди, здорово насмешив жену. Так они проводили время. А дома они вместе практиковались в кулинарном искусстве, готовили салаты, плацинды[8], сладости. Часто обсуждали картины или симфонии, их ритмы, интонации и отрывки. Аурелиан объяснял, что именно имел в виду тот или иной художник, что означают линии, тени и гармония цвета. Он многое знал об искусстве, разбирался в живописи, удивляя Натали, ибо она думала, что он далёк от всего этого. И ещё он дарил ей цветы.

Пришла весна. Молодожёны по-прежнему обожали друг друга и были нежны друг к другу. Натали предложила навестить её родителей – они с осени не виделись с ними. Село окунулось в море зелени и цветов, а в родительском доме на берегу Днестра всегда были рады их приезду. Элегантно одетые они притягивали взгляды прохожих. Мечта Натали сбылась: рядом с ней был Фэт-Фрумос, которому она отдалась и душой, и телом, дарила любовь и ласку. Она прошлась с Аурелианом по оврагам и девственным полянам вдоль Днестра. Там они любили друг друга, играли в прятки, собирали цветы и ходили босиком. После однодневного отдыха в её селе у Днестра они поехали в Приднестровье к его родителям, которые обрадовались их приезду. Аурелиан не пил и во время застолья был единственным с трезвой головой. Его красота замечательно гармонировала с его умом. Натали была счастлива, что ей удалось создать крепкую семью. После возвращения в город в их уютную комнатушку она продолжала хранить душевное спокойствие, но через неделю её стало тошнить и охватывать волны слабости. Ей стало понятно, что она беременна. Муж был на седьмом небе от счастья.

[8] Нанаш/нанашка – посажённые родители на свадьбе по местному обычаю в Молдове и Румынии.

– Вот видишь! – сказал он. – Я тебя послушался, и у нас всё получилось!

Натали ощущала дискомфорт лишь в первые два месяца, а дальше беременность протекала нормально. Узнав, что Натали беременна, работники, в большинстве женщины и приезжие из пригородов Кишинёва, вели себя с ней более снисходительно. Руководство больше не отправляло её за посадочным материалом в лес, а поручило это дело другим сотрудникам. Аурелиан продолжал носить ей букеты цветов, но вернулся к прежней привычке приходить дамой поздно и под градусом.

– Почему ты себя так ведёшь?

– Мы с коллегами распивали магарыч! Я готовлюсь стать отцом! – оправдывался он. – Мы слегка подкрепились пивом и заодно витаминами!

– Мне врачи запретили нервничать.

– Прости меня, я исправлюсь…

До самого утра Аурелиан аккуратно спал рядом с ней. По звону будильника он резко вставал, чистил зубы, молниеносно одевался, как в армии, и на прощание напоминал:

– Когда родится малыш, мы обязательно купим машину, чтобы не ездить на общественном транспорте.

– Для начала нужно приобрести квартиру с удобствами, затем всё остальное.

Как-то вечером муж принес несколько книг.

– Мы пойдём учиться в автошколе, чтобы получить права, – сказал он.

– Вместо квартиры? – возмутилась Натали.

– После ребёнка и машины, мы возьмём кредит в банке. Приобретём большую квартиру, чтобы каждый в семье имел свою комнату!

Жене понравилась эта мысль, и она пошла на курсы вождения. Они успешно сдали тест и поздравили друг друга, а вечером в гости заявилась Олеся Албу. Она пребывала в хорошем настроении. В синем брючном костюме, из-под которого выглядывала прозрачная блузка, через которую смотрелась обнажённая грудь. Нижнего белья не было. И слегка экстравагантный макияж. Она рассказала им о чём говорят в городе, в Министерстве, похвасталась, что вместе с Семёном Марджине побывала в Македонии, в Египте, в США. Олеся принесла копию бюста Нефертити и поставила его на стол, за которым они сидели.

– Это из Луксора на берегу Нила. Египет волшебная страна! Я проехалась вокруг пирамид на верблюде, – и закурила дорогую сигарету.

– Ну, тогда за Нефертити! За вас, мадмуазель! Чтобы сбылись все твои мечты, – пожелал ей Аурелиан, открывая бутылку шампанского. Они выпили одну бутылку, затем вторую. Гостья хорошенько набралась и не могла следить за языком:

– В Америке меня удивил парад сексуальных меньшинств. Я заявила своему Марджине, что стану лесбиянкой…

Уже было поздно и Натали устала.

– Проводи её до остановки, – попросила Натали мужа, заметив, что гостья еле держится на ногах.

Ему хотелось спать, но он вышел с гостьей на улицу, чтобы поймать такси. Натали наблюдала из окна, как они стоят у входа в общежитие. Олеся, курила сигарету в ожидании машины, что-то невнятно бормотала и пыталась обнять его, а муж отмахивался от неё. Когда подъехало такси, она неожиданно обняла его лицо своими ладонями и страстно поцеловала в губы. Когда он вернулся в комнату, Натали заметила на его лице следы помады от поцелуя Олеси, и её пронзил укол ненависти к ушедшей гостьи. Она молча стояла возле неубранного стола, а муж лёг на кровать и уснул. Не хотелось вести себя грубо, но подруга её разозлила, и ей хотелось выкинуть в окно элегантный бюст египетской королевы, который казался схожим с ней. Она убрала со стола и перемыла посуду, прибрала в комнате, но не могла успокоиться. Разные мысли лезли в голову, и она никак не могла уснуть. Что-то ей подсказывало, что с рождением ребёнка хлопот прибавится, и многое усложнится.

На следующее утро Аурелиан привел себя в порядок, выпил кофе и уже хотел выйти из дома, но решил поговорить.

– Твоя приятельница чокнутая.

– Умоляю, не напивайся больше. Я хочу спокойствия, не хочу волноваться до рождения ребёнка.

– Успокойся. Я о тебе позабочусь.

В течение дня Натали побывала у врача, и тот сообщил ей, что беременность протекает нормально, и она родит примерно в середине весны.

К вечеру Аурелиан принёс икону и лампадку, освящённые в Соборе,

затем они сидели и допоздна читали изречения и поговорки на все случаи жизни из книги в зелёной обложке.

– Ну что, свет Божий тебя успокаивает? – спросил он её, поглаживая животик.

– «Он меня умиляет».

– После Бога есть только мы с тобой! – улыбнулся ей муж.

– Не забывай, что нас уже трое!

– Ты права, дорогая! Дети появляются от женщины и от мужчины, и нет тут никакого плагиата.

– Звучит странно! – ответила Натали.

– У нас будет удивительный ребёнок!

– Главное, чтобы был здоров.

– Мы будем молиться у иконы и часто зажигать лампадку…

По вечерам Аурелиан читал ей из Святого Писания, чтобы божественная мудрость проникла в их дом и в сердце жены. Он видел её сильной и волевой. Вместе они пройдут через все трудности. Он думал даже пригласить тёщу в Кишинёв помочь дочери, но Натали отказалась, ей хотелось самостоятельности. Они намеренно не узнавали пол ребёнка и не пошли на ультразвуковое обследование.

– Мне хочется дать ребёнку двойное имя, сейчас это модно! – предложила Натали.

– Ладно, но чтобы оно было удобным в произношении.

– Аурелия–Антонелла, согласен?

– Выбирай сама, дорогая!

Аурелиан взял отпуск и был дома. Деревья уже пустили листья и начали цвести. Однажды утром у Натали начались сильные схватки. Боль исказила лицо жены и после того, как он передал её врачам. Он ждал на скамейке во дворе больницы. Работники чистили деревья, стая голубей клевала с земли крошки, из окон высокого здания неслись крики новорожденных. Через несколько часов к нему вышла женщина в белом халате и поздравила:

– У вас родилась дочь…

Он был на седьмом небе от счастья. В тот день врачи не разрешили Аурелиану видеться с женой и с дочкой, и он решил зайти на работу, где все уже были в курсе прекрасной новости, и пристали к нему с просьбой о магарыче. Естественно, он не мог отказать…

Натали забрала из роддома Олеся Албу на служебной машине Семёна Марджине. В комнате был порядок, на столе стояли бутылки с шампанским и коньяком, большая коробка конфет, но было накурено. Олеся подарила ей комплект подгузников и заявила, что зайдёт через некоторое время посмотреть, на кого похожа малышка.

– Ну, как назовём девочку? – спросил муж.

– Аурелия – Антонелла, мы вроде как договорились, – сказала Натали.

Первая неделя, как и первый месяц пролетели незаметно. Девочка спокойна спала, просыпалась только для кормления и смены подгузников. По ночам Натали прислушивалась к каждому её движению. Зато муж никак не мог прекратить праздновать с друзьями, спал как убитый, а по утрам спешил на работу.

Натали его умоляла:

– Остановись, дорогой. Нужно крестить ребёнка, скоро родители приедут.

– Хорошо, согласился он, – почувствовав вину.

– Я надеюсь, что ты поумнеешь.

Аурелиан был уверен, что Натали хорошая хозяйка, и ребёнок всегда будет ухожен и накормлен, а заодно и его вытащит из передряг. Он хотел её радовать, пытался больше не напиваться с друзьями, но ему было достаточно выпить одну кружку пива, как он выпивал и вторую, и третью...

5

Уже второй год Натали была в декретном отпуске. Ей было тяжело, она изворачивалась по мере возможностей, создав себе свой отдельный мир. В общежитии было несколько мам с малыми детьми, но она с ними почти не общалась – они были простушками-сплетницами. Аурелиан уходил рано утром в аэропорт и возвращался поздно, часто выпившим. Она чувствовала, как отдаляется от него всё дальше. В свободное время выходила погулять в город с дочкой, а иногда навещала госпожу Викторию, которая ещё была комендантшей студенческого общежития. Изредка её навещала Олеся Албу. Она была такой же стройной, и лишь несколько морщинок слегка прорисовывались у неё под глазами и накидывали тень усталости на её лице.

– Знаешь, в наше время не стоит выходить замуж, – говорила Олеся. – Лучший вариант – это завести любовника, каким был у меня Семён

– Вы больше не вместе?

– Ты не в курсе? – удивилась Олеся. – Его взяли с поличным, взятка. Я его бросила, хватит с меня! Сколько я его обслуживала... Он всегда думал лишь о сексе, но был щедр ко мне, ничего не скажешь. Жизнь берёт своё, и я вовсе не виновата, что он нарушил закон! Наши отношения закончились. А после того, как я сделала аборт…

– Ты не хочешь выйти замуж?

– Есть у меня в Москве один богатый еврей, но я ещё не решилась. Хотя я сейчас и безработная, но Семён меня обеспечил на первое время.

– Ты должна его поддержать сейчас, хотя бы морально.

– Ну да, друг признаётся в беде! – ответила Олеся с иронией. – У него есть толстая жена, двое детей, вот они и поддержат его! А ты что планируешь дальше?

– Я планирую выйти на работу или переехать жить в лес. Часто вспоминаю лес и Днестр.

– Мы туда не вернёмся никогда. Сейчас у нас другие возможности. – Олеся взглянула на неё и заявила: – Дорогая, меняй свой менталитет! Ты утонешь в своей рутине!

Они расстались у выхода из общежития. Олеся села в автомобиль и исчезла за углом. Натали глубоко вдохнула свежий воздух, и ей захотелось вернуться на работу, заниматься обустройством парков и скверов. «Посоветуюсь с мужем», – решила она. В тот вечер, как и в многие предыдущие, Аурелиан вернулся домой пьяным и сразу завалился спать, ни сказав ей ни слова. Всю ночь он храпел, но поутру Натали решила всё же поговорить с ним.

– Я хочу выйти на работу, мне надоело сидеть дома. Отдам малышку в ясли.

– Погоди, мала она ещё. Я достаточно зарабатываю на достойную жизнь.

– Я тоже хочу работать, – настаивала жена.

– И как ты будешь успевать? Кто будет водить и приводить ребёнка?

– Я займусь проектами дизайна на компьютере дома, и может быть… наймём няню.

– Поступай как знаешь, – равнодушно ответил муж в свойственной ему манере.

Натали всё-таки устроила девочку в ясли и вернулась на работу. За это время в мэрию пришло новое руководство, более приверженное к компьютерным и автоматизированным процессам. Все, что было связанно с дизайном парков и скверов, Натали схватывала на ходу, договаривалась с агрономами о новых сортах посадочного материала: цветов, трав, деревьев и кустарников, привезённых из Оргеевского леса. После зимних праздников руководство решило отправить Натали на курсы повышения квалификации до самой весны. Там преподавали зарубежные специалисты из Северной Каролины, специалисты в урбанистике. Ей надо было освежить свои знания английского, чтобы понять и освоить информацию от специалистов из США, которые привезли с собой много учебников, аудио и видео материалов. Вечерами, как только Аурелия засыпала, Натали одевала наушники и изучала язык далеко за полночь. В скором времени она стала понимать преподавалей и твёрдо решила внедрить полученные знания в практику. Натали оставалась при своём мнении, что её работа лучшая в мире, пусть даже горожане и не понимают, что обустройство города — это нелёгкий труд конкретных людей. А вот Аурелиан совсем сел на мель. Отрастил бородку и усы, одевал одни и те же вещи. Стал молчаливым, пассивным, его интересовала лишь еда и отдых. Иногда на выходные они ездили в Приднестровье, где он приходил в себя. Его родители гнали самогон из абрикосов и слив. Крепкие напитки были для их семьи гордостью, культом, передаваемым из поколения в поколение. Они выпивали по триста грамм, как русские, затем оживлённо беседовали.

Натали не следовала их пример и всячески пыталась отучить Аурелиана от дурной привычки. Свекровь показывала своё недовольство тем, что невестка не следует их привычкам, и воспринимала это, как неуважение с её стороны:

– Мне алкоголь не по душе, – сказала Натали. – И мне хотелось бы, чтоб Аурелиан не пил больше.

– Он твой муж, вот и воспитывай его как тебе хочется. – согласилась свекровь.

Однажды Аурелиан пришёл на радостях с работы.

– Я приобрёл путёвки в Кемер, в Турцию. Пятизвёздочный отель прямо у моря, всё включено…

– Дорогой, ты же знаешь, я посещаю курсы американцев, сейчас совсем неподходящий момент, у меня учёба.

– Сейчас или никогда! – ответил он, напевая гимн Румынии и размахивая путёвками перед ней.

– Я подумаю.

– До завтрашнего утра.

В полночь она решила связаться по *Skype* с Олесей Албу, которая была в Москве.

– Тебя впечатлит поездка! – радостно сказала Олеся. – Кемер прекрасен! Езжай!

Своенравный начальник не отпускал её, и она слёзно стала просить у него, отпуска на две недели.

Поездка в Турцию была для Натали первым знакомством с заграницей и первый полёт на самолёте. Они жили в хорошем отеле: с выходом на Средиземное море, двумя бассейнами, с турецкой баней и сауной. В номере стояли большие кровати, телевизор, компьютер, холодильник, полный различными напитками и шоколадными конфетами, которые можно было отведать в любое время. На террасе был ресторан по системе *шведского стола,* бар, вежливые официанты, которые обслуживали туристов. Здесь отдыхали гости из разных стран. Молодая семья ходила на пляж, обедала, отдыхала в полдень, а вечерами долго гуляла. В один из дней они заказали прогулку по морю с гидом. Они любовались заливом Анталия, панорамой гор и голубым небом. Заодно узнали, что в этих местах побывали войска Александра Македонского, увидели прелестный водопад, стекавший молоком к морю, а высокие обрывы напоминали античный рельеф. Была у них и экскурсия на террасы Памуккале с термальными источниками, увидели бассейн Клеопатры и апельсиновые плантации на холмах Алании. Всё казалось необычным, как в сказке, и полно чудес. Аурелиан не пил, играл с дочкой и гулял с ней по пальмовым аллеям. Отпуск пролетал как волшебный сон, а главное, они были вместе. Натали замечала внимание мужа и радовалась.

– Мне хотелось бы подарить Аурелии братика или сестричку, – сказала Натали.

– Годика через два, – согласился Аурелиан.

Как только самолёт приземлился в кишинёвском аэропорту, обстановка сразу изменилась. Было дождливо, все суетились и кричали, кто-то ждал прилёта гостей, но большинство улетало на заработки и брали с собой огромные багажи. Натали увидела знакомую ей рутину и реальность.

В первую неделю после прибытия муж вернулся к своей привычке выпивать, доведя Натали до истерики. Однажды утром она накинулась на него с криками:

– Что с тобой творится? Может быть, работу поменяешь?

– В аэропорту хорошо платят, мы работаем целый день, как рабы, затем пропускаем по стаканчику и снимаем стресс, – стал он оправдываться уже в который раз.

Натали решила пойти к госпоже Виктории за советом.

– Семейная жизнь нелегка. Это целая наука, – сказала она. – Мы, женщины, должны иметь терпение.

– Мне хочется всё бросить, забрать ребёнка и уйти, куда глаза глядят.

– Так ты ничего не решишь.

– Может, одумается. Поймёт, что так дальше не пойдёт…

– Молись Богу, чтобы он дал тебе здоровье! Вот я уже несколько лет страдаю от бессонницы, у меня подагра, головные боли, почки не в порядке, желудок… С такими проблемами, как у тебя, сталкиваются все женщины.

– Я боюсь себе представить, что будет через несколько лет. Сколько я это буду терпеть…

– Попытайся смириться с его слабостями. Ведь вы поженились по любви.

– Поначалу он был другим. Сейчас же по вечерам приходит пьяным, ложится лицом к стенке и храпит! Но я ведь ещё молода!

– Ты умна, время тебе подскажет, как быть. Жена может и на стороне получить то, чего дома не дополучает.

– Вы предлагаете мне завести любовника? – удивилась Натали.

– Я не в том возрасте, чтобы давать тебе такие советы.

Натали думала, что всегда можно рассчитывать на помощь людей, но теперь вдруг засмущалась от того, что решилась просить помощи у других. Она ведь молода и может вполне рассчитывать на себя. Если же вдруг ситуация станет безвыходной, она сама примет решение как жить дальше.

Она всё взвесила и увидела, что у неё есть подруги, есть компьютер. Весь виртуальный мир у неё в руках, и она растит дочь. Рядом с ней невзгоды исчезали. Натали понимала, что материнская любовь была сильнее поведения мужа. Она всё переживёт и отдастся семье, а намёки на любовника ей совсем не нравятся. На работе у неё было много мужчин – и молодых, и постарше. Для неё они были коллегами, но не в юбках, а в штанах. Её возмущало поведение некоторых, что постарше, которые делали ей многозначительные комплименты, даже директор Андрей Дорган проявлял симпатию и вроде бы очень уважительно к ней обращался. Он был среднего возраста, невысокий, тихий по натуре, звал к себе в кабинет, выезжал с ней вместе по рабочим делам, и никогда не упускал возможности подчеркнуть, что он не женат. Она всё понимала, и ей было смешным его ухаживание, но она лишь равнодушно ему улыбалась. Он пригласил её пару раз на чашечку кофе. Поначалу она лишь нерешительно кивала «Как-нибудь...», а затем категорически отказала.

– Я начинаю в тебя влюбляться, – предупредил её директор.

– Я замужем! – ответила она.

– Твоё лицо выдаёт страдания. Счастливая женщина выгладит по-другому.

– Позаботьтесь о собственной душе. Я как-нибудь в своей сама разберусь.

– Слушаюсь! – шутливо отвечал он, подводя руку к виску.

Слова Андрея Дорган оставили след в её душе. Она задавала себе один и тот-же вопрос: «Почему Аурелиан меня не любит? Может быть, я, как женщина, недостаточно к внимательна к нему?» Несколько вечеров подряд она ему названивала, просила приходить дамой трезвым и страстно любила – как в первые дни после свадьбы, но все её старания действовали лишь некоторое время.

Как-то ночью он проснулся, подошёл к холодильнику и стал искать бутылку пива, которую она припрятала от него.

– Жаль, что ты спрятала от меня витамины. Завтра воскресенье, и ничего бы не случилось, если б я выпил бутылочку.

– Выпивка подорожала в цене.

– А я думал с тобой поговорить, – оживился муж. – Мои приобрели нам самогонный аппарат, у нас будет свой самогон, так что будем экономить!

– Глупая идея! – у Натали навернулись слёзы на глазах от обиды. Она чувствовала, как идёт на дно. На дворе стояла тёмная безлунная ночь без звёзд. Аурелиан, как всегда, уснул, скрестив руки на груди.

6

Сразу, как только она вышла из декретного отпуска, Натали стала строить планы улучшения уровня своего английского языка, а насчёт мужа – ей хотелось, чтобы он стал активнее, больше вникал в её сердце и избавился от рутины. Было много планов, но она не хотела зацикливаться на всех сразу, а работать над ними постепенно, по нарастающей. Иногда вечером она хотела поделиться своими мыслями с мужем, но он съездил в Приднестровье и привёз самогонный *аппарат*. Вскоре на полках вместо книг появились бутылки со спиртным, и этим он гордился перед приятелями.

– Мои предки были виноделами! – хвастался он. – И я тоже.

В дом приходили его товарищи на дегустацию, и Натали должна была накрывать столы. Её планы потихоньку ушли в небытие, а комната стала превращаться в кабак. Она пожаловалась его родителям, но безрезультатно. Олеся Албу навестила их, и Натали попросила её отчитать Аурелиана, но та лишь продегустировала самогон, стала смелее и начала рассказывать о своих любовниках. Она выглядела слегка постаревшей, имитировала тонкие манеры, но неуклюже, а в разговоре смешивала русизмы с выражениями на румынском…

– А ты как поживаешь? – спросила её Натали.

– Все нормально, только вот беспокоят меня головокружения.

– Может быть, ты беременна и пока об этом не знаешь?

– Не может быть! – улыбнулась она. – Дети подождут. – И неожиданно обратилась к Аурелиану: – Почему ты столько пьёшь?

– Моему организму нужны витамины! Я произвожу натуральный продукт, без всякой там химии! – стал он хвастаться.

– Может, вам начать бизнес? В Москве с таким продуктом можно хорошо заработать.

– В Кишинёве также можно продавать, но здесь нужна лицензия! Натали может переквалифицироваться на производство солений. К самогону в самый раз подойдёт солёный огурчик.

– Вы можете разбогатеть, – рассмеялась Олеся от души.

– *Витаминный напиток* лучше всякого шампанского! – сказал Ауре-лиан.

– И подходящий стимул для секса!

Натали поняла, что приверженность мужа к выпивке нарастает и становится почти невозможным убедить его бросить это дело. В последнее время все были помешаны на деньгах, она тоже хотела денег, но не продажей алкоголя. Подавленная, она слушала их допоздна, затем дала понять, что пора прощаться и закончить посиделки. Шатаясь, Олеся надела свой пиджак и, морщась от боли, вызвала такси и уехала.

– Что-то с ней не так, – сказала Натали, но Аурелиан её не услышал. Он еле-еле снял с себя одежду, лег в постель и захрапел. Аурелия похныкала некоторое время, затем уснула рядом с ним. Натали вымыла посуду, прибрала, проветрила комнату и села в кресло. Она долго сидела перед телевизором, уткнувшись подбородком в колени, а душу наполнила пустота. Между ней с мужем разверзлась пропасть. Она искала перемен, хотела в театр или на концерт, навестить друзей, по которым соскучилась. Аппарат душил её, везде воняло самогоном, а муж счастливо храпел! Неожиданно она подумала: «Если вдруг мне встретится интеллигентный мужчина, я бы решилась на измену. Аурелиан неизлечимый, жалкий мерзавец, и заслуживает этого сполна. Почему я страдаю, и для чего мои эти жертвы?» Её губы задрожали, из глаз хлынули слёзы, и она почувствовала, что в её жизни ничего так и не изменится. Ни сегодня, ни завтра, никогда… Её мысли улетели далеко в детство, к родному дому, в село, где она никогда не имела дело с людьми, для которых алкоголь — это смысл жизни. Натали провела ночь в беспокойном сне. Утром, перед уходом на работу, она обратилась к Аурелиану:

– И что ты думаешь делать дальше? Я молода, мне нужна другая жизнь.

– Твои думаешь только о сексе, – ответил он с отвращением.

– Тебе нужно закодироваться, лечиться от алкоголизма.

– Ладно тебе, не нервируй меня с утра. Я зарабатываю деньги на семью. Чего тебе ещё нужно?

– Давай пойдём прогуляемся, сходим в театр или на концерт.

– Летом опять поедем на море.

На работе одна из сослуживиц заметила её подавленность и спросила:

– Госпожа Натали, вам случайно не наложили проклятие!? В наше время многие этим пользуются. Может, сходите в церковь, поговорите со священником. Он посоветует, что делать, – сказала другая. – Бейте поклоны, поставьте свечи за здравие…

– Я попробую.

В субботу Натали пошла в церковь *Святого Штефана Великого* в районе Чекан. Она исповедовалась у седого священника, который посоветовал ей молиться, освятить жильё и бить поклоны у иконы перед сном. Натали даже начала читать терпеливо, страницу за страницей, читать Библтю, стараясь вникнуть в смысл. Поехала в монастырь Хынку, её благословили, и она причастилась. Принесла домой святую воду, опрыскала ею жильё и снова читала молитвы *Отче наш* и *Символ веры.* Когда Аурелиан возвращался в нетрезвом состоянии, она читала дочке сказки и заучивала с ней молитвы. Мысли её были направлены к Богу, и так она отвлекалась от плохой жизни в доме в надежде, что всё станет на свои места. Аурелиан вдруг стал приходить трезвым с работы и целую неделю не пил ни капли. Он жаловался на здоровье. Жена настояла, чтобы он обратился к врачам. Выяснилось, что у него повышенное давление, ему прописали лечение. Профсоюз на работе выделил ему путёвку в санаторий на две недели в село Кочиерь на берегу Днестра. За две недели отсутствия мужа Натали наняла рабочих, сделала ремонт в комнате, пригласила священника, который освятил жильё. Таким образом она убедила себя, что очищает дом от скверны. Вернувшись, Аурелиан увидел жильё чистым и светлым.

– Давай начнём жить без твоих пьянств. Они же тебя гробят... – предложила Натали.

– Где *аппарат*!? Ты его уничтожила? Он дорого стоит, и это подарок от родителей, – заметил он.

– Я отвезла его к родителям, они привезут нам готовый самогон из абрикосов и слив.

– Ты поступила хорошо, – согласился муж.

После приезда из санатория Аурелиан приходил домой вовремя и трезвым. Больше не ходил в сауну с друзьями раз в неделю, но и к жене охладел. Она пыталась привлечь его новостями, шутками, едой. Муж внимательно слушал, смеялся от души и занимался дочкой, затем о чём–то задумывался. Водил дочь в зоопарк, катал её на белом пони, ходил с ней в детский театр

и на разные аттракционы. Девочка счастливо обнимала его, становилась ближе. Он всё больше занимался её воспитанием, и Натали была счастлива. Она оставалась дома, готовила обеды и ждала их с прогулки дамой.

С возвращением Аурелиана из санатория она заметило одну вещь, которая ей не нравилась и вызывала подозрение: он выходил на балкон и шёпотом с кем-то беседовал по телефону. Иногда, когда муж гулял с дочкой, звонил телефон, но никто не отвечал на её «Алло!» В конце концов, анонимные звонки надоели ей, и она спросила мужа прямо:

– Что это за таинственные звонки? Ты что, в санатории обзавёлся любовницей?

– Видимо, кто-то развлекается или ошибся номером, – ответил Аурелиан. – Мне никто не звонит.

Натали пошла в студенческое общежитие за советом.

– Говоришь, он холоден с тобой? – спросила госпожа Виктория.

– Мне кажется, у него кто-то есть, – сказала Натали дрожащим голосом.

– Они все такие, так бывает. Их кусает *та самая муха,* они бегают за юбками, а потом успокаиваются. Ты не следи за ним, не надо, всё пройдёт.

– Мне так тяжело на душе. За что мне это?

– Мы, женщины, терпеливы, и нам приходится терпеть больше, чем *самцам*…

Натали не соглашалась с подругой. Её беспокойство учуял начальник, который встретил в одно утро Натали высказыванием:

– И чем же занимается твой муж по ночам? Ласки от него тебе хватает?

На её работе мужчины были прямолинейными: что на уме – то и на языке. Она враждебно взглянула на начальника и подумала запустить в него пепельницей прямо в лысину, но воздержалась, а он, улыбаясь, продолжал: – Мне в постели нужна женщина. Я не буду настаивать, но знай, что любовник всегда намного лучше мужа!

– Перебьётесь! – закричала Натали и пулей выскочила из кабинета.

«Ну и сволочь. Козёл, кастрат!» – думала возмущённо Натали. Она на дух не переносила мужчин в возрасте, и не могла даже представить себе, что может изменить мужу, тем более, сейчас, когда он более двух месяцев не пьёт ни грамма, не закатывает скандалы и получает хорошую зарплату.

– Ты освятила дом, вот церковь тебе и помогла, – сказала ей мать по телефону. – Потерпи! Я целую жизнь прожила с твоим отцом, а ты знаешь его характер!

Натали ушла в себя. В свободное время читала Священное Писание и всегда думала, что путь к Богу лежит через сердце. Стала поститься, по утрам и по вечерам молилась у иконы, как в детстве учили её бабушка и мать. Читала Песнь песней: *«Голос возлюбленного моего! вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам. Друг мой похож на серну или на молодого оленя. Вот, он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает сквозь решётку»* ...

Она вдумалась в прочитанное и жила этим. Ей хотелось покоя и семейного счастья. Её душа стала более смиренной, светлой, несмотря на то, что Аурелиан часто бывал мрачным и холодным. Она стала верующей женщиной, и ей казалось, что все вокруг разделяют с ней состояние благочестия. Через некоторое время она заметила, что даже её начальник более уважительно к ней относится, не отпускает больше грубых шуток в её адрес. Она обдумывала, как лучше провести летние каникулы. Приобрела купальник, атласный халатик, пляжные шлёпанцы, Аурелиану взяла удочку и кепку. Наступали жаркие дни, всё чаще городской асфальт нагревался на жаре, а деньги в семейном бюджете накапливались. Но не прекращались телефонные звонки. Натали приобрела телефонный аппарат с определителем и зафиксировала звонок от незнакомца. Натали набрала номер, и ей ответил молодой женский голос.

– Что за шутки!? Вы кто такая? Почему звоните нам домой?

– А вы жена Аурелиана?

– Допустим!

– У вас хороший муж! – стала его расхваливать женщина в трубке.

– Вам какое дело до этого?

– Мне хотелось бы, чтобы вы отдалили его от той потаскухи, которая постоянно пьёт и курит. Олеся не под стать ему, а я его люблю…

– Поговори с ним сама, – рассердилась Натали. Голос её дрожал.

– Мне он не отвечает, а вас он не любит, и вы это знаете…

Женщина положила трубку. В Натали словно ударила молния. Растерянная, она никак не могла понять, почему услышала имя *Олеся*, или ей показалось? Сердце билось бешеными толчками. *Олеся, Олеся,*

Олеся! Друг семьи! В голове не укладывалось что речь идёт об *измене* мужа, но трудно было бороться с реальностью. Попыталась найти Олесю, но по телефону услышала. что абонент временно не доступен. Позвонила её матери в село, и та сообщила что Олеся уже месяц как в Москве.

– В прошлом месяце она отдыхала в санатории в Кочиерь?

– Мне не доложили, где и когда она отдыхает, – услышала она резкий ответ.

В голове у Натали все смешалось. Она заупрямилась узнать, способна ли её давняя подруга на предательство, хотела чтобы её личного признания в истории с её мужем. Но! Если узнает правду, что будет? Она решила успокоиться перед приходом мужа, уложила спать дочку, а сама облачилась в прозрачную сорочку, не скрывавшей красивое изящное тело. Так она сидела в кресло перед телевизором, ожидая мужа и считая минуты, секунды: один, два, три…

Аурелиан вернулся к полуночи в хорошем настроении. От него пахло женским духами. Он не спеша принял душ, надел пижаму и сел за стол. Натали спокойно спросила:

– Ты хочешь мне что-то сказать, или мне самой спросить?

– Что я должен говорить?..

Она подробно рассказала о беседе с женщиной по телефону и спросил:

– Кто она такая?

– Какая-то странная женщина.

– У тебя что-то с ней было? – продолжила Натали. – Она призналась мне, что любит тебя.

– В санатории по вечерам были танцы, вот она меня и пригласила на белый танец и рассказала, что я похож на её отца, который трагически погиб.

– А кто такая Олеся? Она была в санатории?

– Сказать тебе правду?

– Не помешало бы.

– От неё и узнаешь, но только ничего серьёзного между нами не произошло.

– Сейчас у тебя кто-то есть?

– Хватит! – вскочил Аурелиан. – Я не виноват, что все женщины гулящие!

Беседа закончилась, но они многого не договорили. Муж взбесился и стал раздражённым, хотя она его ничем не обидела. Натали понимала, что в его жизни произошли перемены.

Напряжение сделало своё дело, и на следующий день она опять позвонила анонимной женщине.

– У вас хороший муж, – повторила та. – В санатории все женщины заглядывались на него, а мне он напоминал моего отца. Он не хотел связываться со мной, ведь я инвалид, у меня отсутствует правая рука.

– Кто вам дал наш номер телефона?

– Я позвонила ему на работу, чтобы услышать его голос, секретарь дала мне домашний номер. Мне очень жаль, что я вас побеспокоила.

– В санатории у него кто-то был?

– Он часто танцевал с Олесей. Я не предательница. Аурелиан хороший и не должен страдать.

– Забудь этот номер и больше сюда не звони.

Часть II.
Филарет
1

С малых лет Филарет интересовался, откуда происходит название их красивой местности, расположенной среди живописных холмов и долин. Таких красот он не видал ни в детстве, ни позже, когда ему пришлось объездить Бессарабию вдоль и поперёк, любуясь лесами и ландшафтами. От своих предков он знал, что здесь когда-то выращивали лён. Из него местные жители шили себе одежду, и по качеству она была намного лучше, чем из конопли. От слова «лён», что на румынском звучит «ин», и пошло название села «Иняска». Эта легенда Филарету была не по душе, но другой он не слышал. Прошло время, и на южной солнечной стороне холмов, где дули ветра, поселились виноградари. Некоторые из них приехали из самой Франции вместе со знающим дело барином по имени *Faure* (позже местные жители называли его просто Фор), который привёз с собой и саженцы редких сортов винограда для виноделия. На винограднике он построил Двор из красного жжёного кирпича. С каждым годом урожай становился всё обильнее, а осенью, во время уборки винограда и производства вина из него, над селом висел аромат выжимок, остававшихся от давки ягод в давильных прессах. Вино отстаивалось в деревянных бочках, начинался процесс брожения, затем его запечатывали в огромные бочки. За селом были дубовые леса, а бочки, в которых хранили вино, были сделаны из этих дубов. Из одного дерева бондари могли смастерить во всю его длину одну клёпку. Готовое вино возили на телегах в Киев, в город Станислав в Польшу и даже в Париж под названием «Бессарабское вино».

Одно поколение виноделов сменяло другое, но память о боярине *Фор* не забывалась: односельчане проходили мимо Двора, где ещё стояли огромные бочки, огромные жомовые прессы, чаны и другие атрибуты виноделия. А ещё на сельском кладбище в конце *Глухого переулка* стояли две могилы, обнесённые железными заборчиками. На одной из них высится белое мраморное надгробие с надписью на французском – там похоронена родня боярина, а на второй возвышается пьедестал с надписями на польском и статуэтка ангелочка в обличии невинного дитяти с крыльями и с букетиком цветов в руках. Могилы со ржавыми заборами стоят по сей

день возле старой церкви в *Глухом переулке*. За долгие годы мраморный облик ангелочка не потерял ясной прелести маленькой девочки, жившей на этой земле всего лишь три года, и которую отец-боярин увековечил для последующих поколений.

Филарет любовался мраморным шедевром. К его удивлению, памятник до сих пор не был обезображен недоброжелателями. Значит, среди односельчан до сих пор ещё есть порядочные, набожные люди. Виноградарей-французов давно уже нет. Нынешние поколения даже имён их не помнят, а самый старый односельчанин не сможет рассказать об их судьбе, но остались могилы и кирпичный Двор, где когда-то делали и хранили вино.

Виноградники на холмах, раскинувшихся вокруг села, были живописным пейзажем и притягивали взгляды. В селе ещё проживало несколько еврейских семей, владельцев виноградниками, но они их не обрабатывали, а нанимали работников из бедных семей. Может, поэтому им и не суждено было стать крупными виноделами. Самым состоятельным из них был Ицик Шульмейер. Его хозяйство располагалось в *Глухом переулке* у леса. Там были большой дом и двор с плугами, телегами, боронами, стоял загон с быками и иноходными скакунами. У Ицика было трое детей: две дочки – Дина и Дора, и сын Шлойма. Семья была верующей, и каждую субботу все ходили в Теленешты в синагогу. Ицик ходил с белой бородой, в необычной для местных одежде, и односельчане верили, что он раввин местной еврейской общины. Он был уже пожилым человеком, носил очки, а во время молитв привязывал ко лбу тёмную коробочку, которую называл ***тфилином.*** По рассказам односельчан, он читал только религиозные книги, которые хранил в красном сундуке, который берёг как зеницу ока. Он молился три раза в день лицом к Иерусалиму, куда мечтает попасть каждый еврей, и качался – взад-вперёд,

Шульмейер выращивал столовые сорта винограда, а также *алиготе*, из которого делал вино янтарного цвета. Бочки с вином он продавал купцам-евреям на рынке, а те увозили «*вино из Иняски*» за границу. Во дворе Ицика стояла лачуга, с большим глубоким погребом. Зимой он приносил с речки Чулук глыбы льда для хранения сочных гроздей винограда, затем вёз их на продажу. Чуть дальше, за обрывом, жил ещё один еврей, Илие Тоба по прозвищу Глухой. У него также был виноградник с разными со-

ртами винограда. Летом он его опрыскивал, чтобы защитить от болезней, а для полива наёмные крестьяне бочками возили воду из долины Вельница. Тоба делал белое вино из мускатных сортов винограда, и из сорта *райндорн,* за которым приезжали покупатели из Польши. Выше, ближе к лесу, стоял дом дочери Тобы, где она жила с мужем-односельчанином, и звали её Сарра. Казалось, что Тоба не соблюдает еврейских обычаев, но работать по субботам он себе не позволял, а чтобы разжечь печь, он звал на помощь соседских детей-молдаван, и в знак благодарности за помощь раздавал им красивые фигурки из сахара.

Ещё один двор принадлежал еврею Нусиму. У него умерла жена и дети, он обнищал, а затем и вовсе из ума выжил. Бесцельно бродил по селу и разговаривал сам с собой. Однажды в субботу утром его нашли мертвым под Чулукским мостом. Его виноградник перешёл во владение к дальнему родственнику по имени Зельцер, жившему в Теленештах и нанимавшего крестьян для обработки своих земель.

Еврейские семьи Залман и Нафтуля не занимались виноградарством и не обрабатывали земли. Они открыли лавки в селе в арендованных домах у местных крестьян в разных местах и продавали соль, спички, сигареты и всякую другую мелочь. У Залмана был радиоприёмник, что было редкостью в те времена, и только он, единственный в селе, слушал новости со всего мира. Иногда он приглашал кого-то из покупателей послушать музыку, рекламируя свой чудо-аппарат. Радио приходили слушать те, что помоложе. Люди постарше отказывались: «Это дьявольское увлечение, – говорили они, – счастья ему с ним не видать. хоть он и добр со всеми и спокойно живёт свою жизнь». Жизнь евреев походила на жизнь христиан: рожали детей, оплакивали усопших и каждый молился своему Богу.

В середине лета на Чулукской равнине обычно останавливался цыганский табор. Цыгане расставляли палатки, мужчины мастерили в самодельных кузницах сапы, лопаты, мотыги, серпы, а их женщины с толпой цыганят вокруг себя ходили по селу, продавая *продукцию*, а ещё предлагали гадание на картах, заклинания и снятие порчи. Иногда цыгане совершали кражи, после чего бесследно исчезали.

Как-то ночью несколько цыган пришли в лавку Нафтули, разбудили его, купили табаку и водки. Полусонный еврей продал им товар, а затем они бросили ему на грудь ежа. Нафтули до смерти испугался. После того

случая он долго не приходил в себя, и как только вечерело, закрывал ставни, запирал дверь лавки и никому больше не открывал. Он сквозь слёзы рассказывал односельчанам: «Цыгане бросили в меня зайца с колючей шерстью!»

Население в селе было смешанным: молдаване, евреи, французы, поляки. В их собственности были местные виноградники, и они их обрабатывали.

Издалека была видна новая церковь на холме, построенная в начале XX–го века по Санкт-Петербургскому проекту. На крутом склоне росли виноградники монастыря Хырбовэц, и весной туда приезжали монахи на телегах с быками для работы. Виноградники монахов были ухоженными, аккуратно уложенными на подпорки, рядом с полями кукурузы, фасоли и картофеля. У подножия холма находились винный погреб и несколько домов.

Монахи были для всех тайной, притаившейся за забором монастыря. Весь день они работали, а по вечерам пели, и сельские жители слушали их церковное пение, проникавшее в сердца и умиротворяя всех и вся. Люди прозвали это место *Долиной Монахов*. Из *Глухого Переулка* по дороге, что вела в сторону кладбища и старой церкви, стоял дом священника по имени Базелюк. Дом был большим, крыльцо с колонами, и был построен лицевой стороной к солнцу. Батюшка выделялся добродушием, смирением и благочестивостью. У них с попадьёй было четверо детей. Сельская церковь была под покровительством святого Архангела Михаила.

В 1940 году, мирную и обеспеченную жизнь прервало вторжение большевиков в Бессарабию. Евреи встречали советских солдат хлебом с солью, пели «Интернационал», а на домах водрузили красные флаги с серпом и молотом.

Бояре Трандафиреску и Николаенку, налоговый инспектор и учителя вместе с семьёй Базелюк из села Иняска укрылись на другом берегу реки Прут. Только боярин Трифан Друцэ не эвакуировался. Русские арестовали его в первый же месяц оккупации и сослали в Сибирь, чтобы сгноить там. Жители села не были в курсе мировых событий и смотрели на происходящее вокруг несколько равнодушно, пока однажды оккупанты не арестовали сразу несколько состоятельных односельчан. Солдаты отвели их до Леушенского холма. Туда же организованными колонами привели и

других арестованных, всех согнали глубоко в лес на *Ландышевую Поляну* и расстреляли как «классовых врагов». После этого всех мёртвых закопали в одну яму. Об их смерти стало известно лишь через много лет, а пока в селе появился *уполномоченный*. Советская власть заставляла население сдавать государству зерно, мясо, яйца, лук и чеснок. В пустом доме священника Базелюка открыли молочный цех, куда жители села в обязательном порядке сдавали молочные продукты, и из них готовили творог и сливочное масло. Ежедневно туда подъезжал грузовик, за рулём которого сидел человек в военной форме, и отвозил продукцию в неизвестном направлении. По пыльной дороге за грузовиком всегда с криками бежала детвора. По воскресеньям в центре села военный оркестр играл русские песни и марши, пытаясь таким образом развлечь людей.

Летом следующего года началась война. Над селом и над поселком Теленешты произошли воздушные бои. *Messershmitt* в Чулуксуой долине сбил самолёт с красными звездами на крыльях. Советская армия отступала в сторону шляха к Днестру. В панике и впопыхах эвакуировались и евреи. Несколько сельских жителей в нарядных одеяниях вышли на окраину села в попытках понять, что происходит и куда направляется толпа. Вскоре кто-то пустил слух, что придут румынские войска остановить и пленить отступающих. К шляху вышло много людей встречать румын хлебом с солью. К несчастью, на холме у Хыртопа одна советская войсковая часть задержалась. В бинокль их командир наблюдал за восторженной толпой, вышедшей встречать освободителей-румын, отступивших за Прут прошлым летом. Советские солдаты открыли огонь из винтовок по вышедшим на окраину села людьми. В панике они разбежались во все стороны, оставив лежать на земле с десяток трупов и много раненых. Войсковая часть внезапно ушла и скрылась между холмами.

Немецкие и румынские войска сначала вошли в Теленешты. Начались аресты и облавы. Во двор Мокилясы, где ещё недавно проходили ярмарки, загнали евреев, которые не успели эвакуироваться. Несколько дней подряд шли дожди, и людей – женщин, детей и стариков – держали без еды и питья под открытым небом. На третий день всех, даже слабых и больных, под конвоем загрузили в телеги и увезли, затем расстреляли средь белого дня и бросили в глиняные ямы рядом с *Мовилой* на берегу Чулука. Несколько евреев сумели убежать через Днестр, и только старика Ицика

Шульмейера новая власть схватила. Год назад у него умерла жена, а дочь уехала с семьёй в Палестину. Старого раввина солдаты застали за молитвой. Он читал отрывки из Торы. Его забрал конвой, а он взял с собой лишь сундучок с книгами. Старший по званию ударил его прикладом винтовки и погнал на окраину села к дому Гафицы Беспрозванной, которая готовила еду на огне во дворе. Старшина вырвал из рук еврея сундучок и приказал женщине:

– Сожги его!

Старый еврей стал на колени, умоляя пощадить его книги, но женщина, под страхом смерти, бросала в безжалостный огонь одну за другой святые книги. Ицика Шульмейера вместе с другими евреями из соседних сёл согнали на ту самую *Ландышевую Поляну.* Их застрелили и сбросили в общую открытую яму. Гафица Беспризванная начала себя странно вести, разговаривала сама с собой. «Сошла с ума», – говорили жители села, а через месяц она повесилась под козырьком своего дома. Односельчане с содроганием вспоминали историю со священными книгами, безжалостно брошенными ею в огонь…

Все эти истории о фашистах и евреях Филарету рассказывали его родители, сельские старики, пережившие войну, голод и ссылки. О советской власти они вспоминали и рассказывали редко. Его мать часто плакала, сидя за швейной машинкой, и сквозь слёзы рассказывала, как советская армия прошла по селу в 44-м: солдаты жгли и грабили дома, имущество, издевались над женщинами. А когда смотрела какой-то советский фильм, где немцев показывали свирепыми убийцами, со вздохом и с болью говорила:

– Товарищи (так она называла советских) рассказывают нам такое про немцев? Но почему они не рассказывают, как их власть издевалась над народом в ’40, и в ’44?!

– Тише, женщина, – предупреждал её отец. – Иван все ещё у власти, смотри, достанется тебе от него.

Детство Филарет провёл среди людей, переживших события прошедшей войны. У его родителей было много родственников в Теленештах. Он часто туда ходил, ведь там жила сестра его матери – крёстная Зина. Она была весёлой женщиной, замужем за Думитру Гойу, приходившимся Филарету крёстным. Он был некрасивым и смуглым, низкого роста и всегда

ходил мрачным из-за плохого здоровья. У них в гостях Филарет чувствовал себя в безопасности, знал, что его всегда ждут, потому что своих детей у крёстных не было. Они содержали красивый, ухоженный огород. Там росли черешни, вишни, груши, яблони, сливы и виноград. Недалеко от дома под глиняным откосом была сушилка, где летом они сушили сливы и груши, отчего по всюду двору распространялся приятный аромат. Иногда они брали Филарета с собой на рынок торговать среди киосков и лавок. Рынок лежал меж трёх предместьев: еврейским, липованским и молдавским. Люди общались между собой на идиш, на русском, на румынском, и прекрасно понимали друг друга, хотя у каждого был свой язык, свои праздники и обычаи. Недалеко от липованской церкви в центре посёлка стояла синагога, выше на открытом месте возвышался собор столетней давности, где молились православные христиане. По праздникам и по воскресеньям сельские жители всей округи привозили на рынок скот. Люди роднились, женились и спокойно жили.

Иногда мама одевала его в праздничные наряды, брала за руку и вела с собой в гости к своим приятельницам-еврейкам. От своего деда Филарет знал, что в их семье, когда-то давно, примерно лет 200 лет назад, один из его прадедов соблазнил смуглянку по имени Этлия Беккер. Любовь повела её за этим видным женихом, и она согласилась уехать с ним в соседнее село. Её отец никогда не позволял ей вернуться в родительский дом. Этлия родила детей, освоила местные традиции, вместе с мужем сколотила хозяйство и жила, как многие другие, в радостях и печалях. Иудаизм не признавал брак с представителями других конфессий, поэтому Этлия отказалась от своей религии и перешла в православие, и тогда от неё отреклись её родственники.

Была ли эта история правдивой или выдуманной – никто не мог ответить. Филарет никогда не слышал, что кто-то из евреев приходится ему родственником, но тем не менее, пожилые еврейки часто приглашали его мать к себе в гости, и общались между собой на идиш. Про некоторых родственников по линии матери говорили, что они *«от жидовки»,* и это ему казалось возмутительным, но со временем он привык и не придавал этому особого значения, тем более, что местные евреи хорошо к нему относились. Его дед по матери носил белую бороду, коротко стриженные усы, читал Библию перед ликами святых, но говорил о своём еврейском проис-

хождении. На Родительский день родственники собирались на сельском кладбище у могил своих родных, чтобы помянуть усопших, и никто не знал, где находится могила той женщины с таинственным именем – Этлия Беккер, которая когда-то пошла жить с прадедом.

Филарет обожал ходить со своей матерью по гостям в еврейские семьи, особенно на *песах*. Добродушные и доброжелательные женщины угощали его вкусной и приятной едой, не похожей на домашнюю. А мать, казалось, никогда не могла наговориться с ними. Женщины усаживались во дворе на цветных коврах и вполголоса вспоминали сквозь слёзы, как когда-то летом 1941, на окраине села были застрелены евреи, а затем, на том же месте была устроена свалка. Поочерёдно вспоминали, у кого из них была лавка, кто был портным, а кто пекарем, кто из них был учителем, кто парикмахером. По дороге домой Филарет вместе с матерью заходил в магазины, где продавались разноцветные шары, глиняные свистки, конфеты, старики называли их *сласти.*

Проходя мимо витрины магазина, Филарет увидел лошадку с упряжью, уздой и изящной гривой. Не неё можно было садиться верхом и качаться. Он очень хотел, чтобы мама купила её, но, увы, у неё не было столько денег. В тот день он хныкал всю дорогу. А через несколько дней к ним в гости зашла продавщица Фира Локш и подарила ему ту замечательную, желанную игрушку!

Детство Филарета, несомненно, было самой красивой порой его жизни. Он учился в сельской школе, где преподавали учителя-евреи, и они говорили на чистом румынском языке, старательно стараясь передать знания детям. Он был способным ребёнком, но всё же предпочитал выходные дни, праздники и каникулы, когда они вместе с товарищами проказничали и ввязывались в различные приключения. Вместе с друзьями Суником Цехманом и Мусиком Шапочником он бродил по песчаным и глиняным карьерам в *Поноаре* – ухабистом месте с густыми зарослями камышей. Вместе они ловили сетками воробьёв, закрывали их в клетки, затем забирались на холм возле кирпичной фабрики и отпускали птиц на свободу, и они разлетались в голубом небе. Мастерили из цветной бумаги воздушных змеев и запускали их над посёлком со старого еврейского кладбища, где стояли большие каменные глыбы, с неразборчивыми надписями, покрывшимися зелёным мхом.

– Они точно долетят до наших предков, которых расстреляли в лесу, – говорил Мусик.

– Захоронены ли они там на самом деле, неизвестно, – отвечал ему Суник.

– В любом случае, небесам известно всё! – говорил Филарет.

Они жили воспоминаниями, художественными фильмами, которые крутили по субботам и воскресеньям в кинотеатре в старом парке посёлка, где стоял огромный памятник Ленину. Но больше всего они любили играть вместе. Они лазили по амбарам и складам, находили гнёзда сов, сычей, ласточек, видели напуганных чёрных хорьков.

У калитки одной из знакомых его матери, Бузи Беккер, рядом с новым колодцем, стоял старый колодец-журавль. К нему весной прилетали два аиста, которые кружили в небе над посёлком, над камышовыми болотами с Чулукской долины. Часто играли в футбол на травяной равнине вблизи аэропорта.

В восьмом классе Филарет нашёл себе подружку, Майсю Коган, дочь учителя румынского языка. Она была веснушчатой с рыжими вьющимися волосами. Девушка относилась к нему с уважением. Она говорила на идиш, на румынском и на русском языках, и воодушевлённо объясняла ему значение какого-то конкретного слова на всех трёх языках, рассказывала об астрономии, о жизни на других планетах, о географии, про мореплавателей Магеллана, Христофора Колумба, Васко да Гама… Иногда они гуляли по окрестностям, по полям и склонам, где росли разные ароматные травы – луговик, чистотел, желтый и синий камыш и другие полевые цветы. Майся собирала огромные букеты цветов, затем они шли к ней дамой, и она играла ему на пианино композиции Шопена, Стравинского или Рубинштейна. Крышка спускалась на чёрно-белые клавиши, и она начинала рассказывать ему про эпоху Возрождения, Рафаэля, Микеланджело, Тинторетто. В библиотеке её отца имелись альбомы с их репродукциями, и она увлечённо рассказывала про Джиоконду, чей портрет висел на стене в домашней библиотеке.

Иногда Майся приводила его в Дом пионеров, где работал *Давид Вайнбойм* –суховатый, седовласый мужчина, походивший на Бетховена. Он говорил на отличном румынском языке, рассказыал, что учился в Бухаресте в Академии искусств, где ему преподавал лично Джеордже Енеску. Давид Вайнбойм виртуозно играл на скрипке, на аккордеоне и цимбалах, и даже на

мандолине. Во всём Доме пионеров не было инструмента, на котором он не мог бы сыграть. К нему на занятия приходили дети учиться игре на инструментах. Филарету захотелось научиться играть на аккордеоне, и одну зиму он даже посещал музыкальные занятия, изучая гамму *до-мажор*. Но потом он забросил, потому что пришла весна, и родители заставляли его работать вместе с ними в поле. Майся Коган закончила школу и уехала учиться дальше. У Филарета больше не было возможности и желания изучать инструмент или любоваться портретом Моны Лизы в кабинете отца девушки.

Всем было в радость, когда на праздниках на стадионе выступали коллективы самодеятельных исполнителей из сёл всего района. Все были доброжелательными, приятными, дружелюбными – молдаване, евреи, липоване. Подростком Филарет уже сам ходил на рынок. Иногда заходил к приятелю Ивану Цыброву неподалёку от молочной фабрики. У его родителей была пасека в большом саду королевской акации. Липоване обрастали густыми бородами, ходили в брюках с красными лампасами, на голове каскеты с зелёными кромками, а женщины носили длинные цветастые платья, белые или разноцветные косынки с бахромой. Между собой они общались на непонятном остальным жителям языке, и говорили так быстро, что иногда казалось, что им самим не совсем понятно, о чём говорят. Липоване были очень трудолюбивыми, всегда подолгу возились на своих огородах, а по праздникам ходили в свою церковь. В предместье липованов молодёжь и население постарше собирались вокруг мужика с гармошкой, который душевно исполнял русские мелодии. Среди липован жили несколько семей советских чиновников. Их дома были огромными, с большими окнами, а дворы с высокими заборами.

Далее лежал еврейский квартал. Дома евреев были длинными, прилепленными один к другому. В них жили семьи парикмахеров, сапожников, врачей и много продавцов. Позже дома большинства евреев снесли, а их самих переселили в квартиры. На месте домов власти построили административные здания, большой рынок, в центре поставили ещё один бюст Ленина. Сестра отца Филарета, потерявшая руку во время аварии на кирпичной фабрике, получила от государства квартиру в тех самых многоэтажках, что построили в центре посёлка. Филарет ходил к ней в гости и встречался с друзьями-евреями, которые учили его правильно говорить на русском языке, напевали непонятную песню, приятную на слух:

Жили были три бандита –
Ленин, Сталин и Никита!

Как-то раз Суник и Мусик получили по ушам от взрослого за то, что они учат Филарета таким глупым песням. Скорее всего, это был кто-то из родственников его товарищей, который знал и понимал серьёзность и опасность этого пения. Он знал, что крамольно высказанные слова намного опаснее, чем обычная игра на школьном дворе.

В гостях у своей тёти Филарет чувствовал себя более чем комфортно. Асфальтированные улицы, цветы, «городское» поведение людей, в центре большой книжный магазин, а через дорогу библиотека, в которую он часто ходил вместе со сверстниками.

После окончания восьми классов у себя в сельской школе, Филарет продолжил учёбу в школе-интернате в посёлке. Будучи подростком, он открыл для себя иной новый мир. Женщины-еврейки после переселения в современные многоэтажки словно потерялись в потоке городской жизни, где со временем все нивелируется, становятся одинаковым. Мать больше их не навещала как раньше – то ли она постарела, то ли у них появились разные интересы. Они всё же встречались иногда на рынке, в магазинах, но, поговорив друг с другом, сразу расставались. Филарета удивляло, что простые люди говорили по-румынски, а чиновники, липоване и евреи общались на русском. А несколько цыганских семей, живших за мельницей, недалеко от реки Чулук, свято хранили язык коренных жителей…

Ему нравилось беседовать с пожилым поколением о первой и второй Мировых войнах, особенно интересно было беседовать со стариком Ициком Пенкисом, который торговал известью на краю посёлка. Тот помнил много трагических моментов потери всех своих родных во время войны. С грустью он говорил, что молодые евреи не хотят говорить на идиш, утверждая, что это устаревший язык, что многие уезжают на учёбу в разные города России и не возвращаются. Старик с печалью говорил, что в посёлке царит махровый антисемитизм, особенно после конфликта между Израилем и арабскими странами на Ближнем Востоке. А в 70-е годы XX века большая часть евреев начала уезжать, эмигрировать за границу.

В посёлке открылось много фабрик и предприятий, и из соседних сёл приехали крестьяне, смывая былой этнический колорит, который постепен-

но исчез. Иняска почти что слилась с соседним поселком. Филарет окончил среднюю школу, и в ту прекрасную весну, когда на вокруг цвели черешни и вишни, в его сердце зародилось чувство первой любви… Любовь оказалась мимолётной, и уже на выпускном вечере они расстались. Одноклассница уехала с родителями в Тирасполь, а позже он узнал, что они эмигрировали. Он расстался и с друзьями-евреями своего детства, которые один за другим уезжали за границу. Идиша больше не было слышно на улицах посёлка, а синагога всё чаще пустовала и со временем стала рушиться.

2

В советское время после окончания войны каждый совершеннолетний молодой человек должен был пройти военную службу. Молодых людей призывали дважды в год: весной и осенью. И вот, в городах и сёлах между реками Прут и Днестр, одновременно со свадьбами и крестинами, провожали парней в армию. Россия упорно хотела укрепить своё влияние над миром, особенно в Западной Европе, и в течение 20 лет после окончания Второй мировой войны её вооружённые силы начинали военные конфликты, в которых погибали люди. Грусть и плач стояли над селом, когда привозили цинковые гробы с телами погибших молодых солдат. На кладбищах городов и сёл Молдовы появлялось всё больше памятников и обелисков с красной звездой – в память о тех, которые выполнили свой «международный долг». Проводы в армию стали для родителей и родных большим знаком тревоги. Они не знали, куда и в какую сторону увезут их сыновей: в страны Балтии, на Урал, в Сибирь, в Среднюю Азию, в Бурятию, в Туву, в Якутию, на Дальний Восток, за моря и океаны, или же в африканские или азиатские страны, в Латинскую Америку, – всюду, где Кремль хотел «построить всемирный коммунизм». Призывники сидели за обильно накрытыми, богатыми столами с вышитыми рушниками и слушали песни девушек, напевающих грустные мысли:

Родная мать, провожай!
До вокзала провожай,
Служить я уезжаю;
В какой стране – не знаю.
Чужаков в мире полно,
Любовь же у меня одна…

В тот майский день в селе мобилизовали десятерых парней. Военный комиссариат в Теленештах находился в большом дворе возле парка со старыми дубами. На главной аллее парка возвышался памятник Ленина, а его рука указывала направление, по которому должно было следовать всё человечество. Призывников осмотрела военная комиссия, затем их увезили на автобусах в Республиканский комиссариат в Кишинёв или в Бельцы. Отец с матерью оплакивали Филарета, словно его забирали на войну. Молодые восемнадцатилетние парни также плакали вместе с провожающими их родственниками. Вернувшиеся из армии рассказали Филарету, что на военной базе у новобранцев забирают вещи и выбрасывают, а взамен выдают новую солдатскую форму, и поэтому он надел на себя старую одежду. В рюкзаке у него были съестные припасы и бутылка с водкой. По пути в Кишинёв один шустрый парень собрал со всех призывников деньжат, договорился с сопровождающими офицерами и те купили им выпивку. Напившись, офицеры стали рассказывать парням, как армия сделает из них настоящих мужчин, и по возвращению на родину они уже будут готовы к женитьбе. В республиканском комиссариате, недалеко от кладбища на *Армянской* улице, их передали другим офицерам. Призывники наполнили огромный двор с полуразрушенным забором. Все вокруг суетились. По громкоговорителю вызывали новобранцев, строили в колонны посреди двора, затем увозили на железнодорожный вокзал через большие ворота, охраняемые вооружёнными солдатами. Каждый ждал своей очереди. Обстановка была довольно напряжённой, как на войне. Парни провели под открытым небом несколько дней и ночей, питались тем, что было у них с собой из дому. По громкоговорителю всё время велась перекличка, а во дворе собирались всё новые и новые группы молодых людей в чудных одеяниях.

В одно утро, ещё до рассвета, казённый голос назвал имя Филарета, и вдруг он очутился в огромной колонне. На вокзале их загрузили в вагоны, и состав тронулся в путь. Для Филарета это было первое путешествие в жизни. Под ритмичный стук колёс они доехали до Одессы, где их пересадили на другой поезд с пассажирскими вагонами. Каждый имел своё место. Через украинские степи они держали путь на Кавказ. Погода была жаркой, в пути им давали рыбные консервы, сухари и чай. У кого были деньги, на станциях покупали еду и русскую водку. По вагонам ходили

глухонемые и предлагали им приобрести иконки, украшения и игральные карты с непристойными изображениями. Один из призывников из села Киштельница, умело играл на аккордеоне, остальные громко пели, да так, что их пение звенело по всей степи. Они доехали до Ростова-на-Дону, часть из них осталась в местной военной части, а Филарет вместе с другими поехал дальше по куманской степи к Волге, где в 1942–1943 годах были большие сражения. Из-за жары в вагонах было тяжело дышать. Иногда поезд долго стоял, ждал, чтобы проехали другие эшелоны с противоположной стороны, затем продолжали свой путь.

В одно утро поезд долго гудел, заехав на Сталинградский вокзал. Прошло 25 лет со времён второй мировой войны. Часть разрушений была восстановлена пленными из гитлеровской коалиции. Из окон вагонов виднелся мемориальный комплекс на Мамаевом Кургане с огромной статуей Родины-матери. На вокзале позволили покинуть вагоны лишь тем, кто оставался в местных воинских частях. Естественно, Филарету было бы интересно посетить исторические места. Он читал, что две румынские армии воевали на Донском фронте в Калмыцкой степи, и что в тех боях героически погибли или попали в плен румынские солдаты, но там находилась и 6-я немецкая армия под командованием фельдмаршала Паулюса. Офицеры строго следили, чтобы никто из призывников не покидал вагоны. Из Сталинграда они продолжили путь вдоль Волги на Север. Через грязные окна вагона виднелись бесконечные сухие земли, а на одной из остановок, где они простояли всего несколько минут, увидели верблюдов, которые медленно и непрерывно жевали. Летняя жара дороги была утомительной и невыносимой. Никто не исключал того, что их везут на север России, к Ледовитому океану, на службу в морфлоте или в воздушных войсках, которые считались элитными. Они не хотели допускать даже мысли, что их везут в «позорные» строительные войска под названием *стройбат*.

В полночь они приехали на вокзал посёлка Петров Вал. При выходе сформировалась колонна из драных, грязных, косматых и жутко уставших парней. Колонну вели маршем несколько километров до города Камышин. Офицер напомнил ребятам, что в этом городе проживал Михаил Шолохов, автор романа «Тихий Дон».

Город выглядел современным, кое-где встречались дома из брёвен, а также старые исторические здания. Наконец, по пыльной, извилистой до-

роге вдоль берега Волги колонна дошла до места, обнесённого каменным забором. До прихода советской власти там была усадьба, принадлежавшая дворянской семье. Часовые со штыками на поясах открыли ворота с красной звездой, и вся колонна вошла во двор, превращённый в плац с белыми линиями. Ребят разделили по взводам и постригли налысо, затем прогнали через душевые и выдали новенькую военную форму. Какой-то офицер приказал сделать шаг вперёд солдатам с музыкальными навыками. Филарет слышал, что в армии лучше всех живётся музыкантам и поварам. Он вышел вперёд, потому что Давид Вайнбойм из Дома пионеров когда-то хвалил его за игру на барабанах. Его прослушали и, к удивлению, никто не предъявил ему никаких претензий. Так его определили в духовой оркестр. Помимо этого, Филарет попал на курсы, где в течение полугода интенсивной учёбы нужно было освоить военную профессию, посещать уроки по механике метеорологических аппаратов и наблюдателей метеорологических служб. Им сказали, что ни один самолёт в мире, ни гражданский, ни военный, не может взлететь без помощи этих служб, и те, кто освоит эту специальность, будут иметь некоторые привилегии после демобилизации. Их, как молодых специалистов, распределят на различные воздушные объекты по всему Советскому Союзу. Кроме ежедневных занятий, после уроков, когда остальные их товарищи отдыхали, 30-й взвод репетировал. Утром на линейке строились десятки взводов и маршировали под фанфары. Вместе с тем, взвод Филарета не был освобождён от других обязанностей. Раз в неделю они дежурили в столовой, и там они должны были накрывать столы на завтрак, обед и ужин для 2000 солдат, не считая офицеров. И тут он понял, что быть музыкантом в армии эта обуза. Какая это привилегия мыть посуду и убирать помещение? С трудом, но он осваивался. Тяжело было говорить по-русском. В части служили украинцы, узбеки, казахи, армяне, азеры, грузины, даргинцы – и у каждого из них были свои привычки и особенности. Особым рвением выделялись, конечно, украинцы, «хохлы» как их называли, которые любой ценой хотели добиться повышения в звании, чтобы на погонах у них была хоть одна лычка. О них сочинили фразу: *Хохол без лычек, что справка без печати…*

В армии он узнал, что украинцев называют *хохлами.* Тех, кто был родом из Средней Азии и Кавказа, называли *чурками.* Их почему-то назначали ответственными за склады с припасами. На занятиях солдатам в

обязательном порядке рассказывали о политике, об опасности со стороны империалистов из Америки и стран Западной Европы; о том, что все они вмешиваются в дела России и других демократичных стран и мешают строить социализм – общество, где люди хотят жить свободно, без эксплуататоров. Во дворе военной части висели плакаты с разными карикатурами на американский империализм и «сионистский Израиль», который угнетает и захватывает территории арабских стран.

Филарет был дисциплинированным, послушным и активным на политических уроках. Он выходил перед всем классом и на ломаном русском пересказывал о положении в мире из услышанного от инструкторов. Уже через два месяца его портрет висел на доске почёта. Мало того, его ещё наградили почётной грамотой. Он привыкал к ритму курсантской жизни и вскоре понял, что его долг – участвовать в строительстве того воображаемого, гигантского щита, что стоит на страже интересов бастионов всемирного социализма. Он занимался спортом, изучал технику, участвовал в репетициях оркестра, выучил наизусть узбекские и таджикские песни, исполняя их на музыкальных инструментах, привезённых солдатами из дому.

Стояло жаркое лето, но в военной части воду выдавали нормировано, и его постоянно мучила жажда. Он получил оружие, охранял военные объекты и часто стоял на посту и наблюдал за гражданской жизнью. По Волге плыли шлюпки и корабли, на которых веселились люди. Он завидовал им и понимал, что в последующие два года будет о свободе лишь мечтать. Ежедневно он делал какие-то записи, вспоминал свои школьные годы. Получая письма с новостями из родного села, узнавал, кто демобилизовался, кто уехал учиться, кто из девушек вышла замуж. Ломая язык, сочинял стихи и тексты к народным песням. Часы, выделенные для отдыха, он проводил в библиотеке и читал русских классиков. Его притягивали полотна, что висели в классах, и он понимал, что помимо коммунистической идеологии существует и настоящее наследие всемирной культуры. В библиотеке Филарет нашёл несколько книг со стихами поэта Михая Еминеску, некоторые повести писателей Садовяну и Ребряну в русском переводе. Товарищи удивлялись его желанию читать книги взапой, одну за другой. Уже почти без ошибок он говорил на языке, который полюбил и давал ему доступ к великой культуре. Он листал толстые книги Ф. Энгельса и К.

Маркса, много читал и радовался, что никто ему не мешает. По военной теории и по заданиям на военной практике в поле у него были хорошие результаты. Однажды к двору воинской части подъехали два грузовика, и почти всех курсантов отправили работать на полевые рабрты недалеко от Камышина. Им выдали по мотыге и отправили на бахчу. Там росли арбузы – они несли хорошую репутацию и доходы этому региону России и назывались *Камышинские арбузы!* Филарет был приучен к таким работам с детства, и всех удивил своим мастерством. Вечером, когда солдаты вернулись в часть, на стене уже висел плакат с его именем на арбузном фоне.

В следующее воскресенье часть вывезли в город на оперный спектакль, а через несколько дней на спектакль симфонической музыки. Многие из солдат были родом из деревень и не были знакомы с подобными музыкальными жанрами, и, конечно же, скучали или засыпали во время спектаклей. Филарет тоже скучал, но старался всё-таки досмотреть и дослушать всё с начала до конца. Ему нравился Камышинск, где по красивым современным улицам ходили элегантные девушки, и при виде колонны солдат задорно здоровались, по-военному отдавали честь, прикладывая руку к виску, и подбрасывали клочки бумаг с их адресами. В городе находился самый большой текстильный комбинат в Европе, и там работали тысячи молодых девушек! По реке завозили из Средней Азии хлопок, а умелые девушки превращали его в ткань для индустрии всей страны. Городская жизнь молодёжи кипела. Военный оркестр был частым гостем по просьбам администрации города на разных мероприятиях. Оркестрантов штурмовали симпатичные девушки, но офицеры строго за ними следили… Так и летело время до сдачи военных экзаменов, после чего Филарета отправили в одну из действующих военных частей. Он вместе с тремя товарищами в сопровождении сержанта с конвертом приказа поехали на Западную Украину. Вдруг он подумал: «Очередная страница моей биографии заканчивается здесь. Я никогда больше не вернусь в эту часть, где начал солдатскую жизнь и прочитал кучу книг на русском языке...» Стоял ноябрьский вечер. Три старых тополя с одряхлевшими стволами тихо шумели возле казармы, над Волгой в звёздном небе блестела луна. «Ясное небо России навсегда останется в моей памяти...»

Перед отправлением седой полковник в очках позвал его в свой кабинет. Листая документы, он признался Филарету:

– Ты очень дисциплинированный солдат. Мы думали оставить тебя инструктором в школе, затем отправить в Авиационную академию, но проверили твою биографию и… Ты улавливаешь? Вот мы и вынуждены отправить тебя в авиационную часть специалистом по метеорологии. Жаль, конечно, но там ты будешь расти. Оставайся таким. какой ты есть, – продолжил полковник. – Знаешь, ты сильно похож на моего сына, который сгорел в танке на улицах Праги в 1968. Моя жена даже приходила несколько раз в часть, смотрела на тебя с расстояния и плакала».

У Филарета задрожали колени, и он ничего не ответил.

– Солдат Инеряну, к выходу! – позвал его какой-то голос.

– Береги себя! Ты хороший парень, – и полковник расстался с ним, по-отцовски обняв его.

В военную часть на Западной Украине они ехали три дня и три ночи. Солдаты были в чистой парадной форме, на плечах блестели погоны с голубыми звёздочками, и у них с собой было достаточно еды для дальней дороги. Пока стояли в Сталинграде в ожидании другого эшелона, они пошли в экскурсию по местам, где в 1942-1943 годах шли бои. Здесь Волга направляла своё течение в сторону Каспийского моря. Город восстановили, на многих домах висели таблички с объяснениями, что именно здесь проходила линия фронта. Затем осмотрели фонтан, холм Мамаева Кургана, дом Павлова, подвал универсального магазина, где держали в плену командира 6-ой армии Германии. У подножья холма с памятником «Родина–мать зовёт» тихо текла Волга, и был виден тракторный завод. Здесь много лет назад лилась человеческая кровь. Филарет представлял себе взрывы, с болью смотрел на обелиски неизвестных могил в земле, где лежали останки победивших и побеждённых солдат; мемориалы, памятники, сцены с поля боя, высеченные в граните. Он смотрел на них и вздрагивал, не осознавая весь ужас происходившей здесь трагедии. Он лихорадочно искал следы румынских солдат, но ничего не нашёл. Внезапно их задержал военный патруль. Им проверили документы и убедились, что солдаты здесь проездом. Затем старший лейтенант из патруля, с кавказским акцентом, предупредил:

– Без пропуска вы не вправе разгуливать по городу. Шагом марш на вокзал, и ждите там свой поезд, не то закроем вас в карцер!

К вечеру поезд уже покидал Сталинград, продолжая путь в сторону Украины. Через один день и одну ночь они прибыли в Киев. В запасе у них

было ещё много часов до следующего поезда, и Филарет вместе с лейтенантом прогулялись по Крещатику, посетили Печерскую Лавру, где, якобы, по слухам находится могила Петру Мовилэ. К вечеру вдруг пошёл снег. Филарет вспомнил, что его дедушка Никэ рассказывал ему, как в молодости молодые парни из Иняски ездили на арендованных телегах *в Киу* и привозили в бочках молдавское вино. То, что когда-то видел дед, видел и он он в данный момент. Он задумался, и время пролетело мигом.

Продолжая путешествие по украинским равнинам, в полночь они прибыли на станцию города Луцк, столицу региона Волынь, который до русской оккупации 1939 года находился в составе Польши. Поздно ночью курсанты, три солдата и сержант направились к военному аэродрому на расстоянии пяти километров от города. Они без проблем прошли через все контрольно-пропускные пункты, дошли до взлётной полосы, где стояли бомбардировщики и истребители МИГ-27, в то время они были суперсекретными. Затем подошли к зданию Командного метеорологического центра и других подразделений, где велось дежурство 24 часа в сутки. Сонные офицеры и солдаты, увидев четверых неизвестных, были сильно удивлены и посадили их под арест. А кто-то даже приказал им:

– *Руки вверх*!

Лишь после того, как один из офицеров распечатал конверт с личными делами каждого, их провели в зал, где стояли метеорологические аппараты. Новоприбывшим надо было сменить солдат, у которых уже истёк срок пребывания на службе, и их демобилизовали. Они показали новеньким, в чём заключается работа и как правильно собирать метеорологическую информацию со всего Союза, как фиксировать на карте синоптические изменения в Калининграде, Карелии, Мурманске, Молдове, на Кавказе, в Средней Азии, на Урале, в Сибири, на Байкале, на Курильских Островах, на Чукотском полуострове и до Северного Ледовитого океана. Во всех этих местах стояли военные базы...

Демобилизованные радовались, что служба завершилась, и они уезжают на родину. Их хвалили, на прощание обнимались,

Ранним утром на аэродром подъехало начальство. Оно было шокировано, что новенькие прошли на территорию секретной базы без препятствий. Разразился скандал. Впоследствии ответственные за охрану стратегическогоо объекта попали под суд и былм наказаны.

С самых первых дней служба на новом объекте увлекла Филарета. Офицеры базы хотели познакомиться лично с новыми сослуживцами, которые доказали, что бдительность охраны самолётов с атомным оружием не эффективна, несмотря на заборы, электрическую сигнализацию и дрессированных овчарок, ничего не стоят. В части постоянно находилась команда специального назначения ночной службы. Их называли *хитрачи*.

Миссия Филарета заключалась в 24-часовом дежурстве на метеорологической станции на территории аэродрома и последующим суточным отдыхом в казарме, расположенной в двухэтажном здании из красного кирпича, построенном поляками ещё в довоенное время. Спальни были на втором этаже, а на первом находились клуб, библиотека и умывальники. За зданием находился стадион с различными атлетическими атрибутами, а также футбольное поле, где солдаты тренировались. Сюда приезжали тренироваться спортсмены из профессиональной команды, участвовавшей в чемпионате Украины по футболу. Рядом с солдатскими спальнями находилась Ленинская комната с длинным столом и множеством стульев, телевизор, газеты и журналы, и проигрыватель с пластинками Людмилы Зыкиной, Софии Ротару, Владимира Высоцкого. После демобилизации Филарет думал поступать в университет в Кишинёве. Он написал родителям письмо с просьбой прислать ему программы для поступления в ВУЗ, затем разработал себе план подготовки к экзаменам, хотя и не выбрал ещё конкретного направления. Свободные дни он проводил в библиотеке, часто ходил на стадион и занимался спортом, а когда разрешали отлучки в город, старался ознакамиться с новыми местами.

Луцк его удивил, особенно старая сторона города, где были вымощенные улицы, окна зданий красиво оформлены. Там когда-то жили Леся Украинка, Адам Мицкевич, Фридрих Шопен… Посредине парка стоял памятник поэтессы Леси Украинки. От её памятника аллея вела к реке *Стырь* до средневековой крепости Любарта неподалёку от нескольких католических церквей. Внутри крепости была картинная галерея XVII – XIX веков. Через неё можно было пройти до самой высокой башни у входа в крепость, ухоженной и хорошо сохранившейся. Там негромко играла музыка Шопена на стихи Леси Украинки, и оттуда открывалась чудесная панорама старого города.

Тренировки летчиков проводились 24 часа в сутки. Метеорологическая служба проверяла состояние погоды ежечасно: скученность туч,, вероятность града, ураганов, направление ветра на разных высотах на возможных воздушных маршрутах. Филарет, как и его остальные товарищи, выкладывался на службе до изнеможения, с нетерпением ожидая дня отдыха. Бывали дни посвободнее, когда шли проливные дожди или снег. В такие свободные часы он ходил в кино или в театр. Ему нравилось, что люди хорошо относятся к военным, которых в городе было много: танкисты, артиллеристы, внутренние войска, стройбаты. Филарет с удовольствием слушал певучий говор украинского языка. Как-то раз на аллее парка он познакомился с девушками в народных костюмах. Они пели красивые народные украинские песни. Он беседовал с гражданскими лицами из деревень, которые обслуживали котельную, столовую, заправки.

Один пожилой местный житель рассказал Филарету о временах, когда здесь были поляки, о разгроме и разъединении Польши, о коммунистических репрессиях в 1939 году, о ямах с известью, куда бросали политических активистов и евреев, которых считали опасными для советского режима; рассказывал, как в Волынских лесах действовала партизанская группа, организованная и возглавленная Степаном Бандерой. В словах и поведении старшего поколения Филарет ощущал враждебность к русским, которых называли *москалями* или *кацапами.* Как и у мятежного Филимона Богиу в Молдове, украинские партизаны после войны продолжали воевать против русских. «Оккупация всегда несёт за собой недовольство местных жителей и, естественно, порождает сопротивление, – думал про себя Филарет, – но я ещё многого не понимаю и не знаю». Он знал, что в каждой военной части есть люди из государственной безопасности, а в его возрасте хочется проникнуть в суть важных дел и интересов государства, разобраться в них, а затем принять решение. Филарету предстояла долгая профессиональная подготовка, и он думал, стоит ли ему оставаться в армии на метереологической службе. «Кроме того, – с тайной гордостью размышлял он, – полёты реактивных самолётов происходят благодаря моим усилиям тоже!» Метеорологические данные, собранные их отделом, разрешали или запрещали тренировочные полёты самолётов.

Филарет работал в команде с белорусом, татарином и с украинцем. Их начальник, капитан Горячев, был весьма компетентным специалистом

в своей отрасли, но, к сожалению, и неизлечимым алкоголиком. Чтобы уберечь самолёты от заледенения во время полётов, через специальную систему внутри крыла создавали автономную циркуляцию технического 96-градусного спирта. На военном сленге это называлась *султыга*. Офицеры и солдаты из технических подразделений частенько припрятывали пару литров такого спирта, и после полётов выпивали его. В течение рабочего дня капитан Горячев был серьёзным и разумным, но как только выпивал – становился агрессивным, мог даже ударить кого-нибудь, громко матерился и вёл себя неподобающим образом, пока не засыпал. Спирт превращал его из человека в животное. По сравнению с механиками и с обслуживающим персоналом летчики были военной элитой. Они были сильными, видными мужчинами, отлично обученными и компетентными в авиации. С ними можно было беседовать абсолютно на разные темы, даже о политике, и на многие вещи у них всегда было своё мнение. Некоторые из них были советниками египетской армии во время войны Судного дня в 1973 году с Израилем. Тогда Египет вместе с русскими советниками потерпел полнейшее фиаско в войне с израильтянами. Об этом позорном поражении говорили только в узком кругу или за закрытыми дверями на политических лекциях. Советские военные пытались понять, в чём опасность воздушных войск Израиля, США и НАТО. Все тренировочные полёты на современных самолётах проводились с целью накопления военного опыта в случае новой мировой войны. «Советская армия к этому готова!» – говорили они. Лётчики жили в казармах гостиничного класса типа люкс со столовой ресторанного типа, и их обслуживали милые официантки. Но случались и аварии с трагичным исходом, в которых лётчики погибали.

– Смерть – это вторая профессия военного лётчика, – говорили они.

За время службы Филарет обзавёлся новыми приятелями: таджик Карим Гадоев – дружелюбный и весёлый, родом из города Кулоб у подножья горы Памир. Он был интендантом в казарме лётчиков. После тренировочных полётов они вместе пили чай, дискуссировали на тему мудрости Омара Хайяма, Фирдоуси, Авиценны, о традициях и обычаях персидского народа. Филарет научился играть на инструменте под названием *рубоб* – четырёхструнном музыкальном инструменте. И выучил несколько песен на таджикском языке. Иногда к нему присоединялись товарищи, удивляв-

шиеся мастерству молдованина. Филарет сблизился с диаспорой таджикских солдатов, которые всегда были ему рады. Таджики получали посылки из дому с продуктами, пакеты с каким-то порошком, какие-то зелёные гранулы, они клали их под язык, видимо, для удовольствия. Филарету тоже часто предлагали, но он всегда отказывался, и тогда памирские товарищи делились с ним цитрусовыми: гранатами, апельсинами, мандаринами…

Михась Лесюк также был ему другом – гуцул из Яремчи, что в Карпатах. Он был высоким, широколобым с умным взглядом, очень терпеливым, виртуозно играл на гитаре. Его голос повторял слова душераздирающей песни:

Ніч яка місячна, зоряна, ясна!
Видно хоч голки збирай
Выйди коханя працею зморена
Хоч на хвылыночку в гай…

Это была первая выученная им песня, аккомпанированная на гитаре.

Другом ему был и Женя Перлов, еврей из Нижнего Новгорода, любитель песен *Beatles.* Он знал песни из городского русского фольклора, которые он исполнял в стиле Владимира Высоцкого, и ещё у него был талант веселить товарищей разными историями и байками из жизни евреев. После того, как Филарет исполнил песни «Колесо мельницы», «У одиноких тополей», «Сани с бубенцами», он сразу стал одним из своих. Друзья восхищались его исполнением песен на таджикском, туркменском, армянском, итальянском, украинском и русском. Филарет словно вернулся в детство, когда участвовал в разных фестивалях, и ему бурно аплодировали и вручали много премий. Но сейчас он не хотел выделяться. У него была совсем другая цель, он готовился к вступительным экзаменам…

Армейская служба подходила к концу, и весной его ждала демобилизация.

В Луцке организовывалось множество культурных мероприятий в честь 30-ти летней годовщины окончания Второй мировой войны. Вечерами солдаты готовились к параду во плацу полка. Была ещё одна традиция: каждый демобилизирующийся солдат готовил себе памятный альбом с фотографиями, а в личной записной книжке чередовались записи впечатлений и адреса сослуживцев для дальнейшей переписки с ними. Во время прогулки по городу они фотографировались в парке, возле крепости рядом с красивыми

девушками. В один из последних дней службы, Филарет встретил на остановке двух девушек: блондинку и брюнетку. Блондинка с длинными волосами позировала рядом с Каримом Гадоевым. Они поговорили, затем Карим подошёл к брюнетке, а Филарет остался воле блондинки.

– Меня зовут Оксана Гилецкая. Но ты можешь называть меня Оксанка–Хулиганка!

Девушка рассказала, что она родом из Винницкой области, недалеко от Мовилэу. Она была замужем, и у неё растёт дочь, которая осталась с матерью в селе. Они разговорились и дошли до крепости Любарт. Вечер был прекрасен, вокруг цвели деревья. На небе блестела луна и сверкали звёзды. Они сидели на скамейке и долго любовались лунным светом, что нёс с собой Лунную Сонату. Влечение между ними становилось всё сильнее, по ним прошла искра, воспламенившая страсть. Они дошли до памятника Леси Украинки, и девушка сладко проговорила:

– Пойдем ко мне на квартиру…

Филарет сопротивлялся, но Оксана его не отпускала и не хотела слышать, что у него истекает срок увольнительной и что он обязан вернуться в часть вовремя. «Соблазну нельзя не поддаваться!» – думал он, но вскоре очутился в квартире девушки…

Он вернулся в часть далеко за полночь. В штабе успели забить тревогу и объявить поиски. Затем к нему явился один из капитанов с упрёками:

– Ты был примерным на протяжении всей своей службы, но сейчас я вынужден отправить тебя в карцер!

– Я спутался с одной *дивчиной,* которая взяла меня в плен. Мне было очень сложно отказаться в подобном положении…

Его искренность смягчила капитана, но о случае уже узнали все. Нужно было принимать меры.

– И ты думаешь, что одна ночь с бабой что-то значит?

– Это была первая ночь любви в моей жизни, – признался Филарет без всякого смущения.

– Ладно! – улыбаясь сказал капитан. – За твою искренность я урежу твой срок пребывания на *гаупвахте* до трёх дней. Будет тебе уроком на будущее. Знай, что нужно держать себя в руках.

Филарет находился в карцере на протяжении трёх дней и трёх ночей и постоянно слышал с улицы голос какой-то женщины. Когда он освобо-

дился и вернулся в часть, Оксанка ждала его у ворот. Дежурные всячески пытались её отогнать, но она настаивала на встрече с ним. О её настойчивости узнал командир.

– Я разрешаю тебе пойти в город и разобраться с этой барышней, – объявил Филарету капитан Горячев. – Хохлушка всю часть на уши подняла! Будь осторожен, – сказал капитан, будто отправляя его на спецоперацию.– Не подавайся.

Целый день Филарет провёл с Оксаной, и она беспрерывно молила его на ней жениться. Говорила, что они поедут в её родное село, возле Винницы, сыграют свадьбу и будут воспитывать Машульку, её дочь. Затем она родит ему ребёнка…

Филарет знал многих односельчан, которые после армейской службы сразу женились. Но большинство этих браков распалось. Поздно ночью он ушел от неё полностью обессиленным… Вся эта история с Оксаной Гилецкой заставила его задуматься: да, она ему нравится, но не готов брать её в жёны. Он хотел поступить в вуз, и эта женитьба лишь помешала бы его будущим планам. С другой стороны, не хотелось её обижать. Филарет всё же твёрдо дал ей понять о своём решении. Девушка поменялась в лице, перестала звонить и приходить к контрольному пункту части.

Расставание с ней тяжело далось ему, никак не мог найти себе места, появились мешки под глазами, да и товарищи над ним подшучивали. Он ждал от Оксаны хоть какой-то весточки, но её не было. Тогда Филарет добился отпуска в город и пошёл искать её на съёмной квартире. Дома была лишь её подружка брюнетка с Каримом.

– Оксана уехала в село, – сообщила она. – Сказала, что ты не её больше не интересуешь, и она не желает, чтобы ты её искал. Оксана такая, с характером!

В день 9-го мая Филарет с солдатами маршировал вместе с ветеранами на параде на центральной площади города в честь 30-летия со дня окончания Второй мировой войны. Это был солнечный день, было много цветов, торжественная обстановка, но слегка веяло грустью. Ведь скоро демобилизация, а сослуживцы были одной семьей целых полтора года. Михась Лесюк планировал поступить в Институт пищевой промышленности в Ивано-Франковске, Женя Перлов хотел стать врачом, а Карим Гадоев решил продолжить учёбу в училище по обработке хлопка в Колубе. Филарет

был в размышлениях по поводу выбора факультета, говорил, что предпочитает стать… библиотекарем!

– Ты явно хочешь быть вожаком в женской среде! – с иронией говорил ему Женя Перлов. – Туда поступают только бабы… Лучше выбери мужскую специальность.

– Будешь читать романы среди юбок и стройных ножек, – подшучивал Карим.

– Серьёзный выбор, – высказался Михась Лесюк. – Если бы у меня была голова как у тебя, я бы выбрал то же самое.

В часть прибыла подмена из Камышинской школы. Задачей Филарета было провести инструктаж новеньких в работе на метеорологических аппаратах, затем подписать обходной лист: в библиотеке, на складе, сдать обычную форму и получить парадную для поездки домой. Филарету выдали билет на поезд, отправной лист и приказ о демобилизации. На следующий день вместе с Михасем Лесюком, Каримом Гадоевым и Женей Перловым они стояли на перроне и с волнением ждали поезда. Как быстро пролетело время! ...

Неожиданно, появилась Оксана Гилецкая – с красивой причёской, в легком платье в белый цветочек. Она пришла провожать Филарета. Не позволила себя целовать и обнимать. Только подарила ему зимний шарф, связанный специально для него.

– Желаю тебе счастливого пути… И знай, что я на тебя не обижена.

– До тебя я никого не любил, – сказал он. – Приезжай ко мне, обязательно.

– Не забывай те часы, что мы провели вместе, – продолжила Оксана. – Я была честна с тобой.

Её слова были для него бальзамом на душу. Он хотел её обнять, но Оксана ушла, а он держал в руках шарф, от которого веяло женским теплом и нежностью.

Товарищи по службе расставались, понимая, что это, возможно, навсегда. Они пели песни, пили водку. Все происходило как во сне, пока кто-то не впихнул их в вагон. Соседями по купе из Луцка до Жмеринки были какие-то люди среднего возраста. Они угостили солдат салом и горилкой. На железнодорожной развязке Жмеринка попутчики сошли, и на их места сели студенты из Молдовы: два парня и три девушки, которые возвраща-

лись из Москвы на каникулы. Имея при себе деньги, выданные при демобилизации, Филарет предложил землякам поужинать в вагоне-ресторане. Молдаване травили байки, пели народные песни, и он предвкушал приезд на родину. Через окно он видел ухоженные поля, сады и виноградники, и его не покидало ощущение, что он возвращается в тот рай, из которого уехал два года тому назад, возвращается в форме военно-воздушных сил, с полным чемоданом подарков и с огромным желанием учиться в университете.

На Кишинёвский вокзал он прибыл в полдень. Столица казалась ему несколько другой, было заметно больше молодёжи, улицы вроде как стали широкими, чистыми, позеленевшими. В сельском автобусе он увидел знакомых ему девчонок, теперь уже повзрослевшими, настоящими девушками. Он ловил на себе их взгляды восхищения – военная форма имеет такую магию на женщин. Село тоже казалось другим, расцветали акации, липы, поспевала черешня, на холмах зеленели орехи. Отцу и матери на их усталых висках прибавилось седины.

Через несколько дней после прибытия родители стали намекать на женитьбу и спросили, не посватать ли ему хорошую девушку из села? Брат матери, дядя Андрей, сразу предложил свою кандидатуру в сваты. По местной традиции встреча жениха с будущей невестой до свадьбы не являлась обязательной, было вполне достаточно найти хорошего свата. Впервые молодые могли увидеть друг друга в день сватовства, и в случае согласия, помолвку объявляли состоявшейся, затем преподносили им обручальные кольца, спрятанные в миске с пшеницей и назначали день свадьбы. Все присутствующие на помолвке выпивали магарыч, на следующий день о событии узнавало всё село, а молодые прогуливались по селу целый месяц, держась за руки, пока уточнялись все детали свадьбы. В случае отказа одной из сторон через свата происходил обряд возврата обручального кольца, и помолвку аннулировали. Пока молодые были помолвлены, их родные наводили справки о родне жениха и невесты до пятого колена, чтобы убедиться, что в роду не было пьяниц или заключённых. Определённый вес имело слово родителей и старшего поколения. Если сходились во мнениях, родители невесты приходили к родителям жениха на обряд согласия. Во главе стола сидели молодые, которых спрашивали нравятся ли они друг другу. Гости с обеих сторон объявляли, что и в каком коли-

честве подарят будущей семье. Часто всё происходило по взаимному согласию: родители невесты дарили участок земли, где молодые начинали строительство дома, мешки с мукой, ковры, скот. Родители жениха дарили строительные материалы, телегу, бочки, жомовый пресс, виноградник. А иногда бывало, что по-настоящему ссорились. Бывали скандалы и из-за того, что другая сторона не могла выполнить требования первой. Ну, а если все проходило гладко, молодые с роднёй собирались дома у жениха, где по традиции обсуждалась уже сама свадьба: как будет все выглядеть, кого желают звать посажёнными родителями, кто будет подружкой невесты, кто будет шаферами, каких музыкантов пригласят, сколько вышитых рушников понадобятся для приглашённых, и обязательно нужно учитывать ранг родства и за какие столы всех рассадить.

После согласовывания всех деталей свадьбу играли два дня подряд. В воскресенье свадьба начиналась дома у невесты, затем поздно ночью загружали приданое в телеги, и вся свадебная процессия с невестой направлялась к дому жениха. На следующий день свадьба продолжалась у жениха и называлась *маса маре*[9]. В конце свадьбы все поднимали бокалы и дарили подарки. Сват писал в специальной тетради, кто и что подарил молодым. Кто-то дарил домашнюю птицу, кто-то муку или несколько килограммов овечьего сыра, кукурузной муки или подсолнуха. Обещанные подарки позже собирал один из близких родственников. Они ходили по домам со списком, составленный сватом на свадьбе. Во время обряда снятия украшений с невесты она плакала, и плакала её мать от того, что дочь уже не её ребёнок и что она вошла в дом свекрови. И только после всех церемоний молодые муж и жена имели право лечь в одну постель. Дочь не имела права ходить в дом своих родителей целый месяц. Эти обычаи исходили от предков, хотя коммунистический режим и препятствовал этому.

По возвращению Филарета из армии эти традиции ещё соблюдались. Его родители хотели для него красивой свадьбы и готовы были помочь в строительстве дома, затем нянчить внуков. Но Филарет заявил, что намерен продолжить учёбу в университете в Кишинёве. К великому удивлению его школьных учителей, знавших об его способностях, он подал документы на факультет библиотековедения. Его выбор удивил всех, но совсем не

[9] Маса маре – большой/главный стол; ритуал свадебной церемонии где гости дарят деньги и подарки.

удивил дядю Андрея. Он многое повидал на своём веку, был для Филарета авторитетом, всегда поддерживал его:

– Этот факультет связан с книгами, а книги – проникают в глубину души, и наполняют её божественной силой.

Филарет стал готовиться к вступительным экзаменам. Он решил исполнить желание отца, жалевшего о том, что в его молодости не было возможности учиться, и был горд тем, что сын выбрал учёбу, и когда его спрашивали, где сын, он гордо отвечал:

– Филарет отдалился от общества и с головой ушёл в чтение!

Чтобы слегка расслабиться, как-то вечером Филарет пошёл в сельский клуб. В тот вечер играл оркестр Наума Локша – местного еврея, и как только он заметил гостя, сразу объявил: «Дамы приглашают кавалеров!». Перед Филаретом появилась девушка, которая поклонилась и спросила:

– Желаете потанцевать со мной?

Он немного разучился танцевать, но девушка прекрасно вела, и до конца танца он отдался её ритму.

– Как зовут эту сказочную танцовщицу? – спросил он.

– В Иняске меня называют Пэуницей, – ответила она, слегка покраснев, затем смело продолжила: – Вы зашли в клуб слегка грустным. Вот поэтому я вас пригласила.

– Я буду признателен вам за это всю жизнь!

– Ну да, – ответила она, приняв шутку.

Танцы завершились. Наум Локш сыграл марш, и все стали расходиться. Филарет попросил у девушки разрешения проводить её домой. Дом находился за родником Вельница рядом с рощей. Пэуница носила платье в цветочек, белые носочки и чёрные туфли. Они долго шли и не заметили, что остались одни на тёмной дороге, которую освещал только лунный свет. Филарет прижимал её к своей сильной груди.

– Я могу тебя ещё навестить? – спросил он, когда они остановились возле старой ивы у родника.

– Можешь, а ты умеешь покрикивать? – захотелось ей узнать, и она медленно отошла, как пугливый кролик.

– И почему же я должен это уметь?

– Ты совсем одичал в этой армии, – сказала девушка. – Почему ты провожаешь меня домой, если не умеешь покрикивать от радости?

– А что, сейчас модно ликовать и кричать от радости, когда находишься на свидании?

– Не ради меня, *бадя*! Когда вернёшься по дороге в село, ты должен вскрикнуть! Этому обычаю тысяча лет, и парни ликуют, когда возвращаются со свидания.

– К сожалению, я этого не умею.

– Ты двоечник! Подучись! За неумение тебя прогонят из села! – шутливо сказала Пэуница и повела его к дому.

На столбах не было освещения. Неожиданно Филарет вспомнил Оксану Гилецкую, которая сблизилась с ним, согрела, подарила ему свою душу и тело. Сейчас он шагал рядом с девушкой из родного села, и должен был вести себя корректно, как серьёзный молодой человек, а на прощание всё-таки вскрикнуть! Девушка стала ему рассказывать, как однажды, на конкурсе танца, она станцевала на сцене районного центра. Она пристрастилась к танцу и прямо посреди дороги стала показывать, прыгая и кружась. Она рассказывала разные сельские истории. Проходя мимо двора боярина Трандафиреску они наткнулись на чёрного пса, появившегося из ниоткуда. Тот лениво полаял, а затем скрылся.

– Это мой свёкр, – пошутила Пэуница, и весело вскрикнула как танцовщицы из ансамбля *Жок*. – Знаешь, пусть большинство танцоров родом с юга Молдовы, но Владимир Курбет наш земляк, он из центральной части страны!

– И что это значит?

– Самые одарённые танцоры не с севера и не с юга, а из центральной части, там, где растут *Кодры*, с Иняски!

Её рассказ казался ему по-детски весёлым. Они дошли до её дома. Он хотел её обнять, но она отошла.

– Я тебе не нравлюсь?

– *Бадя*, ты высок как гора, и такой наивный, – сказала она, а на прощание сказала: – Ты вовсе не дурак, лишь слегка глу-пень-кий! На первом свидании не положено целоваться.

– И что нам мешает нарушить традицию?

– Не положено, потому что я закрою глаза. Знаешь, почему девушка закрывает глаза, когда целуется впервые?

– Понятия не имею.

– Чтобы не видеть с каким неотёсанным парнем целуется, – сказала она с удовольствием открывая свои белые как бусинки, зубы. Затем она посмотрела серьёзно ему в глаза и сказала: – Если пожелаешь, увидимся в Кишинёве, а теперь чеши дамой! Не забудь крикнуть, ты же проводил до дома танцовщицу!

На обратном пути Филарет пытался изо всех сил вскрикнуть, как следует по древнему обычаю, но получился только звук, схожий с охрипшим пением петуха. Чертовка его заинтриговала и запутала. В его воображении сейчас спутались образы Оксаны и Пэуницы. Вдруг он подумал, что приятно поддаться страсти, но сначала он должен сдать вступительные экзамены. Может быть, они даже встретятся с ней в столице, но только если станет студентом!

До дня своего отъезда Филарет никуда не выходил. По селу ходили слухи, что он проводил танцовщицу домой. Если между ними было бы что-то серьёзное, он сейчас, видимо, молится за её здоровье дома перед иконами. Его страсть погасла где-то на краю села, и он так и не научился кричать и ликовать от радости.

3

Вступительные экзамены он сдал успешно и ждал начала занятий. Среди студентов репутация специальности библиотекаря ассоциировалась с неспособностью многих девушек изучать другую профессию. Его выбор многих удивлял, даже самих преподавателей, но Филарет не обращал внимания на иронию, чувствовал себя на факультете как рыба в воде. Ему нравилось учиться, он всё конспектировал внимательно и старательно, как школьник. Жил он в общежитии с другими студентами его возраста – будущими юристами, экономистами, биологами, химиками, которые, в свою очередь, тоже иронизировали по поводу выбранной им профессии: как такой умный, видный и красивый парень выбрал «бабскую» профессию? Но у него не было потребности кому-то что-либо объяснять. Он изучал марксистско-ленинскую философию, историю КПСС, научный коммунизм, политэкономию, историю политических наук – все эти предметы изучали и историки, и юристы. После занятий он отдыхал немного, затем спускался в подвальное помещение где были расставлены столы и стулья, и вместе с другими студентами готовился к занятиям на

следующий день. Иногда с утра он приходил туда и готовился к семинарам. В свободное время читал классиков универсальной литературы. Это был период, когда кишинёвские издательства огромными тиражами печатали «дефицитные книги» для всего Советского Союза. На них был спрос среди студентов, просто читающих людей, и, разумеется, их искали и спекулянты. Люди читали везде: в автобусах и тролейбусах, в парках и в очередях. Это были романы Фолкнера, Херве Базина, Ремарка, Митчела Уилсона, Чингиза Айтматова – все на русском языке, Филарет любил читать, и чтение давалось ему легко. Иногда в хорошем настроении он чувствовал необходимость расслабиться, тогда брал в руки гитару и развлекал коллег армейскими песнями. У него был приятный, мягкий голос который он унаследовал от матери, а она пела в церковном хоре. Он очаровывал поклонниц, хоть и считал себя не очень талантливым.

У общежития в субботние вечера устраивали танцы. Он попытался пригласить на танец пару симпатичных девушек, но они вежливо ему отказали, так как уже были заняты. Те, что ему не нравились, клеились к нему, и его это раздражало. Ни одна из них не была на уровне Оксаны и Пэуницы из родного села. На одном занятии он вдруг понял, что влюблён в студентку с исторического факультета, которую он назвал Линелия. Девушка согласилась встретиться с ним. Они сходили на балет, но вскоре она послала ему записку с признанием, что у неё есть молодой человек. Девушка жила на квартире в центре города, имела телефон. Филарет названивал ей, пытаясь разобраться, но Линелия отказывалась от встреч под разными отговорками: то она в ванной комнате, то она уже спит, то занята и не может подойти к телефону. Как-то весной, в мае перед каникулами, Линелия объяснила:

– У меня есть парень. Когда я пошла с тобой на балет, он как раз повёл себя со мной очень некрасиво, вот я и решила вызвать у него ревность. Он понял, что может меня потерять, и теперь мы неразлучны.

– Ладно, экспериментируй дальше! – ответил Филарет иронично.

– Мой парень не будет библиотекарем! – отрезала девушка. – Он будущий юрист или прокурор! Это серьёзные профессии!

Филарет ходил на лекции международных отношений общества «Наука» с участием лекторов из Москвы. Он с удовольствием слушал о событиях во Вьетнаме, США, Аргентине, Колумбии, Бразилии, Чили, Демократи-

ческой Германии… Много читал про дальние страны, про американские базы на Средиземном море, про горы Кордильер, где древние племена рисовали те самые мистические линии и иероглифы в пустыне Наски, городе инков Мачу-Пикчу. Он изучал латиноамериканскую литературу, полную таинства, страстей и мифических образов, и даже успешно выступил перед коллегами с презентацией на факультативном уроке. Его заметили, и деканат выделил его как способного студента. Тем самым Филарет всем доказал, что его профессия ничем не хуже, чем право или экономика, история или биология.

В группе он был единственным мужчиной среди 29-ти девушек. Знакомые дразнили его, что он настоящий *падишах* со своим гаремом. Это ему не мешало. Он отлично себя чувствовал среди девушек, но старался не попадать в их любовные сети, хотя некоторые симпатичные и элегантные сокурсницы нравились ему. Как только ему попадалась на глаза хорошая книга или в читальный зал приходили новые экземпляры российских журналов «Новый мир» или «Юность», он забывал о столовой и читал до закрытия зала. Он не строил великих планов на будущее. хотя на факультете преподаватели пытались понять, в каком направлении идёт студент. Преподаватель Дан Сымботяну предложил ему стать членом Клуба дружбы народов. Там встречались иностранные студенты, приехавшие в Кишинёв на учёбу из 40 стран мира, его сверстники из Африки, Азии, Латинской Америки и из социалистической Европы. На одном из заседаний Дан Сымботяну назначил его заместителем председателя клуба, а в другой раз объявил, что ректорат доволен успехами Филарета и что он в составе студенческого отряда поедет в Болгарию. Ему не верилось, что у него будет возможность поехать за реку Прут, потому что в те времена границы были за семью замками.

С радостью и с нетерпением он ожидал и представлял себе поездку. Делегация из 25 студентов с разных факультетов во главе с председателем Сымботяну пошли в Комитет государственной безопасности заполнять какие-то анкеты. Их тщательно проинструктировали как нужно себя вести за пределами страны. Чиновник в военной форме, с каменным лицом, строгим и бдительным взглядом следил за группой. В тот же день им вручили паспорта с визами, напомнили, что путь следует через Румынию, где могут произойти провокационные действия со стороны деструктивных,

прорумынских элементов. Им приказали быть бдительными, особенно во время проезда через Бухарест. Они выполнили все формальности с документами, им сообщили дату и время отправки из Кишинёва. Филарет был уверен, что увидит долины Родины, страну прадедов Румынию, где родились его родители. Он старался сохранять спокойствие, даже прочитал роман «*И дольше века длится день*» Чингиза Айтматова, осознавая, что в это время многие его коллеги страдают от антинародного синдрома. В его душе зажегся факел любопытства. Он чувствовал, что в его жизни произойдёт нечто важное, что до сих пор было всего лишь мечтой.

Он знал из рассказов старших о жизни до 1940 года, когда Молдова входила в состав Румынии. На лицах студентов группы тоже было любопытство, но никто не осмеливался говорить об этом вслух, зная, что везде есть тайные доносчики. Ещё до поступления в ВУЗ дядя Андрей проинформировал его, что нужно быть очень осторожным, когда речь заходит о Румынии. На всех факультетах были осведомители, которые докладывали органам, о чём беседуют студенты по румынскому вопросу. Дядя предупреждал, что эти информаторы связаны с КГБ, имеют привилегии, и им платят за прислужничество. Эти секретные агенты часто провоцировали беседы на темы, связанные с историей Бессарабии в 1812 или в 1940 годах, и с внешней политикой Румынии. Тот, кто смел открыто высказываться об этом, рисковал быть исключённым из университета, а КГБ возбуждал против него уголовное дело. Было принято, что молдавские студенты из Кишинёва презрительно относились ко всему, что являлось румынским, а само слово «румын» было запрещённым на территории между Прутом и Днестром. Для некоторых синдром предателя был в удовольствие, давал основание и повод сражаться с собственными народными ценностями. Некоторые были лишены патриотизма, а выступая с трибун, пропагандировали шовинистические идеи русских, поддерживая теорию о том, что Бессарабия — это российская территория с древних времён. Эта метаморфоза очень нервировала Филарета, и он приравнивал её к *сотрясению мозга* у молдаван. Тем не менее, он знал, что во время поездки необходимо быть крайне осторожным в словах и поступках.

Был солнечный день, когда отряд сел в поезд и начал петь студенческие песни, направляясь в Болгарию. В городе Унгены международный эшелон простоял несколько часов. Пограничники проверяли документы, спраши-

вали о цели поездки в Болгарию, заставили подписать декларацию, что они не везут с собой оружия или наркотиков, затем всем устроили личный обыск. Составу поменяли колёса, после чего поезд проехал через реку Прут. Румынские пограничники отнеслись к студентам дружелюбно и лояльно, их проверка оказалась формальной. Румыния была обворожительна, красивая природа, но и очевидная бедность, чем-то напоминавшая ему детство с телегами с запряжёнными волами и деревни без электричества.

В вагоне было весело, студенты играли на гитаре, веселье длилось всю ночь. К утру они прибыли на Северный вокзал в Бухаресте. Поезд простоял больше часа. В составе отряда были и русские, и болгары, и молдаване, но все поспешили на перрон вдохнуть воздух другой страны. Филарет с Анатолием Гафтоном, студентом исторического факультета, и с Полиной Исопеску с филологического факультета, решили пройтись и сфотографироваться в районе Северного вокзала. Город был чистым, ухоженным. Везде надписи и объявления на латинице. Мало того: все говорили по-румынски! В сквере неподалёку они подошли к молодым ребятам и попросили разрешения сфотографироваться вместе. Те с радостью согласились. Узнав, что ребята из Кишинёва, местная девушка-брюнетка, с любопытством спросила:

– Вы говорите на румынском? В Бессарабии же только русские.

– Мы говорим на молдавском, – ответил Анатолий Гафтон.

– Молдавский и румынский – это разные языки, – добавила Полина Исопеску.

– Как так? – недоумевала девушка. – Мы же понимаем друг друга без переводчика! Молдавский скорее диалект румынского языка, это точно!

Филарет подумал, что это может быть провокацией, не стал с ними спорить и сказал:

– У вас тут совсем жарко. Видимо, давно не было дождя.

– Да-да, невыносимая жара! – подтвердила брюнетка.

Филарет заметил, что его коллеги слегка сбиты с толку. Он, конечно же, хотел еще поговорить, но поезд уже свистел на перроне. Путь продолжался через Джурджиу, там они проедут по мосту через Дунай и въедут на территорию социалистической Болгарии и дальше – до города Пловдива. Поезд ехал по равнине, затем железная дорога вела через горную часть – солнечную и покрытую лесом. На станциях и на вокзалах жители привет-

ствовали московский состав и восторженно кричали «*Здравей, братушки*!» Филарет обвораживал всех своей игрой на гитаре. Один болгарин с юга Молдовы уже давно научил его песне на болгарском языке, но Филарет придерживал её под конец, на десерт, до прибытия в пункт назначения. Профессор философии, сопровождавший отряд, был беспокойной личностью и время от времени позволял себе пропускать по стаканчику и часто просил сыграть что-то про любовь.

В пункт назначения они приехали вечером. С вокзала хорошо была видна статуя солдата Алёши на холме. Веяло запахом цветов липы и роз. Их встретила местная делегация, играл оркестр. Из администрации города прислали слова приветствия от всех жителей города Пловдива (по старому *Филиппополь – в честь Филиппа Второго Македонского, завоевавшего его)*. В студенческом общежитии, кроме кишинёвских студентов, проживали подобные отряды из Москвы, Варшавы, Берлина, Братиславы, Праги и Будапешта. Не было лишь студентов из страны, которая тоже строила социализм – из Румынии…

Вместе с группами местных студентов их отправили работать на консервную фабрику, откуда продукция экспортировалась исключительно в Россию. Филарет с Анатолием Гафтоном были грузчиками и загружали конвейер мешками с луком, перцем, огурцами. Девушки раскладывали продукцию по коробкам. Целый день трудились на фабрике, а к вечеру возвращались в общежитие. Именно тогда начинались гулянки и веселье с песнями и танцами. Их отряд организовал презентацию для студентов из других стран. Вот тогда Филарет и спел песню на болгарском языке. Мелодичные слова песни проникали в души болгарских студенток из университета Пловдива:

Кой разплака доброто момиче?
Кой сърцето моминско разби?
Две сълзи, две сълзи колебливо се сляха
по моминското нежно лице.

Эта песня сделала его местной звездой. Филарет узнал, что песня звучит на старом болгарском языке, на котором говорили предки южных славян, и что она сохранилась лишь у колонистов на юге Буджака. Она была настоящим лингвистическим бриллиантом для болгарских филологов из Пловдива!

На следующий день девушки-болгарки окружили его как звезду, не давали ему прохода, просили снова и снова сыграть драматическую мелодию о матери и дочери. Два журналиста местного радио *Филиппополис* взяли у него интервью и записали песню в его исполнении – молдованина Филарета Инеряну! Для кишинёвской делегации было гордостью, что он отличился среди всех остальных, а он сам понял, что значит неожиданно свалившаяся на тебя слава. Все девушки, особенно болгарки, с необычными именами как Петя, Ваня, Дима, хотели завязать с ним отношения. Он узнал, что в болгарском языке есть общие с румынским языком слова «drum», что в переводе означает дорога, «căruță» – телега, «trandafir» – роза, и это означает, что мы все с Балкан и у нас общие завоеватели. Его удивляло, что болгары считали студентов из Кишинёва русскими, их это радовало, ведь Россия принесла огромный вклад в освобождение Болгарии от турков. Филарет выучил наизусть фразу Христо Ботева «Тоз, който падне в бой за свобода, той не умира…», чей портрет, как и портреты Василия Левского и Тодора Живкова, висел во многих публичных местах. В один из вечеров вместе с другими студентами он поднялся на вершину одного из холмов к памятнику «Алёша». Студенты говорили между собой по-русски. Как-то незаметно зашёл разговор о войне, и немецкие студенты напомнили русским:

– Ну, как мы вас разнесли в 1941?

– А вы про *Сталинград* ещё не забыли? – отбили удар «русские».

– Вот поэтому и делают русско-немецкие дни дружбы в Курске, Сталинграде, Москве, – вступил в полемику Анатолий Гафтон.

– Мы пришли в себя после войны, а вы в России ещё крепко спите вместе с медведями, – никак не мог успокоиться рыжий и конопатый немецкий студент, нагло угрожая: «Мы вам ещё покажем!»

– Русские не раз разрушали нашу Польшу! – вдруг выскочил видный варшавский парень. – В Хатынском лесу вы зверски расстреляли сотни наших офицеров! Вы же начали войну против нас в 1939 вместе с Гитлером!..

– Мы сильнее всех, и все должны к нам прислушаться, а то вас ждёт то же, что произошло в Чехословакии в 1968! – разорался русский студент в спортивном костюме.

– Если ещё кто-то посмеет пойти против России с мечом, тот от меча и погибнет! – Возмущение москвичей нарастало, тем более, что они уже опустошили несколько бутылок водки.

– Король Румынии Михай был награждён самим Сталином орденом «Победа»! – напомнил Анатолий Гафтон тем, кто спорил.

– Да здравствует дружба народов! – успокоила их Румяна-болгарка и стала торопить их на танцплощадку.

По вечерам стихийно возникали споры на политической основе, особенно о Второй мировой войне. Иногда дело доходило до прямых оскорблений и даже до драки. Филарет убедился, что дружба между европейскими странами, строящими социализм, не так уж и крепка, как рассказывали им в университете. Споры были острыми, у каждого было своё мнение. Филарет мог рассказать многое об истории отношений между Румынией и Россией, но осознавал, что ничего не может изменить и никогда не переубедит тех, кто твёрдо настаивает на своей правоте. Он приехал отдохнуть, развеяться и узнать прелести другой страны и её народа. Он обходил стороной круги спорщиков, но подружился и общался с болгарками. Кишинёвские коллеги завидовали этому. Он старался быть собой в этом прекрасном городе на равнине реки Марица.

Как-то вечером в городе прошёл ливень, и студенты прятались по своим комнатам. Он зашёл в зал со столами и стульями, и нашёл там веснушчатую, черноволосую девушку в белой блузка и тёмно-синих брюках. Глаза её сверкали. Оказалось, что девушка изучает русский язык в Пловдивском университете «Паисий Хелендарский» …

– Меня зовут *Дима*, – представилась она. В руках она держала том Эрнеста Хеменгуэя. – Он хорошо пишет. Люблю его короткие фразы и его описание состояния души человека…

Затем девушка продолжила: – Мне понравилось, как ты вчера исполнил болгарскую песню...

– Напеть тебе её?

– Если пожелаешь.

– К сожалению, у меня нет гитары.

– Минуточку.

Элегантным шагом девушка вышла и вскоре вернулась с гитарой, к которой была привязана красная ленточка.

– Закрой дверь и выключи свет, – сказал Филарет.

За большими окнами стучал дождь. Девушка села близко к нему.

– Сначала сыграй ты мне.

– Откуда ты знаешь, что я умею играть?

– Разве гитара не твоя?

– Моя. Мой кузен из *Пазаргика* научил меня играть, – призналась она детским, милым голосом. У неё был специфический акцент. Затем, после недолгой паузы, положила гитару на колени и стала потихоньку играть.

Жив йал някога султвнът на имя Юнино
Богат и жесток, владетел был той
И имал два хубави сина…
По малкиат то тях полюбил в полето
И тяхната обычи, посветла была
От всичики звезды на небето…

Дима перевела ему смысл песни. Это была печальная, любовная баллада, вызвавшая у него сладостную дрожь по всему телу. Стало тихо, слышан был лишь шум дождя за окном, и было уже поздно – за полночь. Все студенты легли спать, они не шумели больше. Филарет взял гитару у девушки, слегка дотронувшись до её колен. Она вздрогнула. Он заметил, насколько она миниатюрная, и отодвинулся, боясь её обидеть. Он чувствовал её дыхание, и даже её горячие щёки. Он сел поудобнее на стул, к ней поближе, и стал напевать тихо:

Я с тобою, всей душой…
Лунный свет неудержим,
Звёздной ночью мы с тобой,
В неизвестность убежим…

Слова этой песни были непонятны девушке, но мелодия и голос молодого человека завораживали, и она вдруг поняла, что здесь что-то происходит. Дима смотрела прямо ему в глаза своим ясным взглядом. Кто-то включил свет, и она необыкновенно нежно улыбнулась. В дверях стояла Румяна. Она днём заставляла девушек маршировать от общежития на работу и обратно, строила их как солдаток. Филарет и Дима сидели на стульях, слегка замешавшись, и тогда Румяна спросила:

– Дима Вылкова, ты почему не спишь?

– Мы изучаем новую песню для концерта, – сказал Филарет, спасая положение.

– Вот как, – ответила Румяна. – Главное не шумите, а утром встаньте вовремя и без опозданий. – Вожатая выключила свет и удалилась, закрыв за собой дверь.

– Ты поняла, что мы можем репетировать, и нам никто не помешает?

– Я до смерти испугалась, – призналась Дима.

Они сидели долго, пока дождь не стих. Девушка рассказала ему о своей семье: мать бухгалтер, отец – механик, живут в прекрасном селе под названием Дорково на берегу озера Батак. Она вспоминала детство, приключения, школу, университет. К своему удивлению, Филарет узнал, что Дима родилась с ним в один день, но на пару лет позже. Он тоже рассказал о своём родном посёлке, об армии. Их признания соединялись в одно целое с похожими пристрастиями, становясь ближе и понятнее. Они обнимались и целовались, и расстались лишь под утро, когда стало светать, а по коридорам сонно шли проснувшиеся студенты.

День прошёл в ожидании. Отряд Димы поехал на сбор урожая на полях под Пловдивом, Филарет же трудился на консервной фабрике. Встретились они уже вечером, после линейки – перед началом танцев.

Филарет ни на шаг не отходил от Димы, танцевал с ней весь вечер, думая про себя, что всё время в Пловдиве он не отпустит от себя ни на шаг эту хрупкую, изящную девушку. Ему будет хорошо с ней, и все его песни будут спеты только для неё. Они ушли с танцев и гуляли по улицам города, пока не дошли до центрального стадиона. С балканских небес на них смотрела ясная луна, сверкали звёзды. Они обнимались и были счастливы. До него Дима не знала мужчины, Филарет очаровал её своей простотой и естественностью. Долго смотрели на луну, на бесконечное звёздное небо, нежные поцелуи превращались в счастливые мгновенья, и этого счастья у них никому не отнять. Поздно ночью они вернулись в общежитие, их встретили овациями… Филарет спел для всех присутствующих и развеселил их припевом в ритме «Цак-цак-цак!», созывая петь вместе с ним.

Припев свой мельница стучит, цак-цак-цак,
Мельничиха огнём горит, цак-цак-цак...
Мельничиха что прядёт, цак-цак-цак,
Букет желаний напрядёт...

Песня стала шлягером, Филарет всегда пел на бис. Как и многие румыны, он знал слова песен лишь до половины, и чтобы выйти сухим из воды, добавлял к песне стихи, выученные в детстве:

Кудряшка-собачонка, цак-цак-цак,
Стащила, вот, цыплёнка, цак-цак-цак!
«Клянусь: неправда!» – говорит, цак-цак-цак,
А из пасти птенчик глядит! цак-цак-цак!

Вечером они опять встретились в зале. Дима принесла с собой гитару и сыграла несколько мелодий ансамбля «Сиртаки». Она знала наизусть греческие слова песен, что для Филарета было неожиданностью. Попросил её научить его греческим песням вдобавок к тем, что уже знал на других языках. В ту ночь они сочинили новую песню. Экспромтом Филарет написал текст, а Дима записала его на бумаге. Через несколько дней они удивили публику новой песней про трудовые отряды студентов с равнины Марицы:

Вечерите преживяне в Пловдив
С мирисыт на рози и на мак
Дадоха ни топлина ни обичь
Радост на мечтите и крыла…
Как великолепно е че има
Мигове счестливи в младоста
Искаме да вечно има дружба
Приятель да има по света…

Песня стала гимном молодости, энтузиазма, и оба автора получили грамоту от организаторов. Про Филарета пошли слухи, что он композитор, но это уже было слишком. Многие, как и они, по вечерам прогуливались парами после рабочего дня…

По воскресеньям они ездили в экскурсии по стране. Дима познакомила его со своей подругой Пламенкой Сираковой. Она была высокой и худощавой, с короткой стрижкой, изящной смуглой девушкой с чёрными глазами. Пламенка родилась в Монголии, где её родители в то время были на дипломатической работе. Пламенка была общительной особой и охотно рассказываала о замечательной азиатской стране, об её природе, вспоминала монгольских всадников, их народные праздники, вспоминала русскую школу, в которой учились дети дипломатов и иностранцев в Улан-Баторе из всех стран социалистического сообщества. Сейчас она жила одна в родитель-

ской квартире в Пловдиве, а родители работали в болгарском посольстве в Демократической Корее. Она пригласила подругу с другом к себе домой, и они прекрасно провели время. Квартира была большой, с широкими комнатами, на стенах висели фото с монгольскими пейзажами, играла «АББА», «Беккара», Демис Руссос. При свечах, в приятной обстановке они с удовольствием пили кофе и новый прохладительный напиток *schweppes*. Как и все болгарки, гостеприимная хозяюшка хотела потренироваться в общении на русском языке, и Филарет не упускал возможностей поправлять, когда считал нужным. На следующий вечер Пламенка пригласила Филарета в гости к её дяде, который работал на заводе по производству «Coca-Cola». Он удивился современной технологии, которой пользовалась американская компания, и лично убедился, что тот самый ужасный капитализм, о котором им рассказывали в университете, не так уж «пагубен и страшен», а вполне передовой и впечатляющий. В другой день его пригласили в гости в село Брестовица, недалеко от Пловдива. А пригласил его сварщик с консервной фабрики – Борис Делибашев. Он был усатым, но его лицо всегда светилось улыбкой. В селе его называли *чичо*. У Бориса было большое хозяйство с двухэтажным домом. Филарет познакомился с его женой и с двумя дочками-малолетками. Он хорошо провёл у них время. По-царски. В знак благодарности он сыграл Делибашевым песню о матери и дочери из *Буджакского* фольклора и любовную балладу на болгарском языке, которой научила его Дима. В последующие дни *Чичо*-Борис рассказывал Филарету, что его жена и дочки хвастались перед друзьями, что у них гостил русский, который замечательно играет на гитаре и поёт болгарские песни…

Когда Филарет гостил в Брестовице, Дима одиноко грустила в общежитии, затем прозрачно намекнула, что она по нему скучает и даже ревнует, и осмелилась спросить, нет ли у него кого-нибудь. Её беспокойство рассмешило его. Он её обнял, нежно поцеловал – встреча с ней была самым значимым из всего, что могло произойти за всё время его пребывании в Болгарии.

Филарет съездил и на курорт *Пампорово*. Он любовался красотой плантаций роз, горами и небом. В этой сказочной стране Дима повела его в лес на поляну и смущённо сказала, что готова быть полностью его. Филарет преодолел свои инстинкты, улыбнулся погладил голову и поцеловал оголённую грудь:

– Всем этим мы займёмся в ночь нашей свадьбы…

– Ты серьёзно? – прошептала она.

– Как вернусь в Кишинёв, сообщу об этом родителям.

– Было бы замечательно, – обрадовалась Дима, застёгивая блузку. – Может быть, и мне нужно предупредить своих…

Автобус ждал их внизу, и все думали, что теперь они уже неразлучны, и считали их женихом и невестой.

– Ну, и когда свадьба? – спросила кто-то из коллег.

– Я непременно вам об этом сообщу. – успокоил всех Филарет.

До отъезда осталось несколько дней. Руководство устроило им экскурсию в Софию – столицу страны, затем в Варну, на море. Филарет везде был с Димой, гулял с ней по паркам Софии и по улицам черноморского побережья Варны. Везде им встречались моряки и просто весёлые люди, приехавшие на отдых. Филарет порхал. Вместе с коллегами фотографировался в красивых и в исторических местах. Все строили планы на будущее. Филарет и Дима мечтали, что у них родятся двое детей – мальчик и девочка; они будут работать и построят себе дом на берегу Батака, приобретут автомобиль, на котором будут ездить в Македонию, на родину матери Димы. Два дня они отдыхали на морских «Золотых песках». Им было хорошо вместе, но чувствовали, что близится час расставания. Дима становилась все грустнее, задумчивее и никак не могла себе представить, что останется без Филарета. Она всё время держала его за руку и целовала даже при посторонних. Им было грустно, что их страны разделяет визовый барьер, ограничения свободного проезда за границу и отсутствие возможности находиться вместе. Дима чувствовала, что это последние мгновенья, проведённые с Филаретом.

В один из тёплых, августских дней студенческие отряды расстались на вокзале в Варне.

Поезд молдавских студентов направлялся в Москву с русскими студентами транзитом через Кишинёв. Все обменивались адресами и обнимались. Дима казалась ещё ниже ростом, обнимала его обеими руками и плакала. В репродукторах звучали прощальные песни. От жаркой дискуссии в пловдивском общежитии не осталось и следа. Почти все девушки нашли себе парней и проливали слёзы, обнимаясь с ними на прощание. Дима подарила ему диск с песнями Демиса Русоса и тетрадь, куда записала слова греческой

песни, на другой странице – пожелания и красивые слова о времени, проведённом вместе. И ещё пожелание никогда не забывать сказочную страну роз. В конце письма она нарисовала несколько цветов и корабль, что плывёт по морю навстречу солнцу. Так закончилась его история с Димой.

Из Варны поезд направился в Румынию. Недалеко от болгарского города Бальчик по направлению в Силистру в поезд сели двое пожилых пассажиров. Они были болгарами, но говорили на румынском. Студены из Кишинёва завели с ними беседу, радуясь, что слышат родную речь в чужой стране.

– Кадрилатер был румынским лишь до 1940, – вспомнил один из пожилых.

– Сейчас болгары запрещают нам иметь свои румынские школы, в церквях не делают богослужения на румынском, – сказал другой.

Филарет мыслями был далеко. Он думал о девушке, которая рассказала ему многое о Болгарии, о славе этой страны. Он мысленно представлял, как румыны из Бессарабии когда-то проходили по этим краям, сотрудничали с болгарами и думали, как одержать победу над турками в Плевне. Он представлял себе как революционеры Христо Ботев, А. Домбровский, Василь Левский своим энтузиазмом и жертвами освободили свою страну роз от рабства. Сюда из Бессарабии убегали евреи, страдавшие от режима Антонеску. Вспоминал, как Дима с особой гордостью рассказывала о своей свободной и независимой стране, которая вместе с Россией строит новое, коммунистическое общество. Присутствие двух пассажиров в вагоне заставило Филарета молчать и сожалеть, что он не может свободно говорить о своей любови к своей родине – Румынии.

Поезд Варна – Москва прибыл в Кишинёв вечером. Шёл дождь. Вечером он поехал в родное село.

Днём он работал в поле с родителями, а по вечерам встречался со своими сверстниками, которые тоже приехали на каникулы. У него не было никакого желания встречаться с Пэуницой, которая всё время постреливала глазками в его сторону.

– Ты так и не научился кричать как следует, – улыбнулась ему девушка в один из вечеров, когда все собрались у костра на холме *Липэгэу*.

Филарет думал о Диме и ощущал её присутствие. Он уже получил несколько писем от неё, она признавалась, что не мыслит жизни без него, он

ей снится, и она хочет быть с ним рядом… Мысли о ней были мучительными, но он взял себя в руки, решив, что осенью будет возможность вновь с ней увидеться.

Это ушедшее лето было прелюдией перед окончательным расставанием с юностью. До осени он проводил время со сверстниками. Они часто ходили на танцы в посёлок. Там в старом парке на террасе, обнесённой проволокой, со сцены выступал вокально-инструментальный ансамбль под руководством человека-оркестра – Наума Локша. Он пел на разных языках. Веселье продолжалось до полуночи, туда приходили молодые парни и девушки из соседних сёл. Филарет отличался от местных: носил брюки-клёш, нейлоновую рубаху, длинные волосы как молодёжь в столице, студент-отличник, что и сказать! Девушки приглашали его танцевать, особенно когда заводили «Пелиницу». Он познакомился с девушкой из посёлка, студенткой мединститута. Позже его подозвали к забору террасы несколько незнакомых молодых людей, и один из них спросил:

– Чего ты крутишься тут, как у себя дома, за нашими девочками ухлёстываешь!?

Ещё не поняв происходящего, он вдруг неожиданно получил удар в лицо, затем несколько других – в живот. Согнувшись от боли, он скрючился, и его ударили ещё несколько раз ногами. Он валялся на земле, пока кто-то из сельчан не нашёл его. Несколько здоровых парней нашли тех, что посмели избить их товарища, и быстро с ними расправились у забора. Жители Иняски слыли потомками гайдуков, и показали это, разогнав ту банду во все стороны. Филарет пришёл домой весь в синяках, но гордый, что односельчане за него постояли.

Сейчас пришёл возраст, когда Филарет искал ответы на вопросы. Конфликт на танцах заставил его задуматься: не все люди одинаково думают, часто по-разному действуют, и вообще – все люди разных характеров. Кто-то красив, кто-то не очень, у каждого разные способности, кто-то всегда выигрывает, а кто-то всегда проигрывает. Зависть, злость, ненависть всегда находятся непдалеко от добра, света и любви. Достаточно лишь одной искры между людьми – и всё может вспыхнуть огнём! Таково поведение людей на протяжении веков развития цивилизации. С горечью в сердце он понял, что все полученные до сих пор знания, ничего ему не дали: ни-

кому не причинив вреда, он был избит. Появился вопрос «Почему?» С того дня он перестал ходить на танцы.

Филарет закончил год на «отлично». Довольные родители купили ему в подарок транзистор VEF-Spidola, и у него появилась возможность слушать музыку и новости. Он ходил с транзисторм по селу, а вечером, вместе с товарищами, слушал шутки, рассказы и другие радиопередачи. Так проходили его летние каникулы. Через несколько дней уже надо будет возвращаться в столицу. С Чулукской равнины по вечерам до полуночи слышались лягушачьи песни. Вечерами после летнего дождя всё стихало, и стояла приятная прохлада. На окраине села на скамье у колодца или на стадионе собирались молодые люди. Девушка из мединститута тоже иногда приходила и гуляла с Филаретом по ночному стадиону. Красивая, черноволосая, высокая девушка призналась ему:

– Я хочу перед тобой извиниться.

– Но ты мне ничего не сделала.

– Тот, что тебя побил, мой бывший молодой человек. Он никак не может успокоиться, ревнует.

– Я тут при чём? Разбирайтесь сами.

– Не веди себя так… К тебе пришла девушка, чтобы всё объяснить. Меня зовут Фаина.

– Ты еврейка?

– Мой отец – Срул Бронштейн.

– Да? Заведующий мельницей?

– Ну, ты меня простил?

– Конечно!

– Знай, что всё это время я казнила себя за то, что тебя избили из-за меня. Я чувствовала себя виноватой.

– А твоему кавалеру, если вдруг попадётся мне на глаза, я ещё припомню все.

– Он уже не мой, – сказала девушка с недовольством.

Фаина его заинтриговала, и ему захотелось узнать о ней побольше. Она рассказала, что недавно закончила ветеринарный факультет в Чалябинске, но будет лечить кошечек и собак не в Молдове, не в Украине и не в России.

– Кстати, я помню тебя ещё со школы. – сказала ему Фаина. – Мы с

тобой учились в параллельных классах, я в русском училась. И мы оба посещали школьный хор. Ты красиво пел!

– Ты не против, если мы с тобой подружимся? – неожиданно спросил Филарет.

– С удовольствием, но моя семья через неделю уезжает в Израиль.

Филарет знал, что местные евреи стали уезжать за границу. Их лишали гражданства, и они никому не рассказывали о предстоящем отъезде.

– А ты почему решила именно мне об этом рассказать?

– Чтобы ты знал и рассказал своим друзьям, что в нашем лесу есть много анонимных могил. Я планировала этим заняться лично, но уезжаю…

– Какие могилы? – спросил Филарет.

– Во время войны евреев из Теленешт и из других сёл расстреляли фашисты, чтобы от них не осталось следа. В могилах лежат десятки, может, сотни евреев, и среди них мои дедушка с бабушкой, им не удалось эвакуироваться. И это не только моя просьба, ещё об этом просят Майся Коган, Суник Цехман. Твой дядя Андрей в курсе тех событий. Я очень надеюсь на тебя.

– Я постараюсь. Ты пиши мне из-за границы, я отвечу тебе.

В тот вечер Филарет прошелся по холму *Кептушоая* и посмотрел оттуда на родное село, на две церкви – новую и старую и на два кладбища рядом. Он наслаждался огромным небом над собой, покрытым тучами. Сквозь них пробивалась луна и звёзды. Чёрный, как смола, лес возле села *Кицка*, журчание родника от склона у села Вельница. Вот и ушло его детство, и никогда больше не вернётся.

4

Брата своей матери Филарет знал в детстве как «отца Анатолия», хотя его настоящее имя было Андрей. Он помнил, как ночью дядя пришёл к ним домой, расстроенный из-за того, что власти закрыли монастырь в Хырбовэц. На время он поселился в селе Будэй, у своей старшей сестры Привонии, затем переселился в старый заброшенный дом. Хозяева дома когда-то умерли от голода.

От матери Филарет знал, что его дед с бабушкой были зажиточными и верующими. Они учились грамоте *«во время первых русских» и* старались дать хорошее воспитание своим пятерым детям. Дядя Андрей был

их сыном после Ильи и Привонии, затем после матери и младшей дочери Зинки. Все дети в семье женились и вышли замуж, Андрей же продолжал жить вместе с родителями. Это было в начале XX века, он был ещё полон сил, и вместе с родителями ходил паломничать через реку Днестр и в селе Балта связался с верующими. Это было *иннокентистское* движение, которое проповедовало религиозное и национальное пробуждение. Движением руководил иеромонах Иннокентий, попавший в еретики. Он и его сподвижники продвигали идею третьего лица из Святой Троицы – Бог Святой Дух. Те, кто не был с ними согласны, обвинили его в шарлатанстве, говорили, что он мошенник в рясе, и использует православие для введения в заблуждение народ, деда и бабушку Филарета, за которыми шли верующие. И это было против ленинской науки! Одно время *иннокентистов* поддерживали крестьяне из Бессарабии, Подолии, Херсона, затем появились подобные группы и на территории Великой Румынии. После встреч с иеромонахом верующие смели высказываться, что не царь есть глава Церкви, а Христос. Свои идеи отец Иннокентий основывал на высказываниях Святого Апостола Павла, утверждал, что литургия должна проводиться на местном языке, то есть на языке молдаван. Ещё он доказывал в своих проповедях неспособность царской церкви управлять своим стадом. Движение укрепляло свои позиции в рядах бессарабцев за счёт того, что церковнослужители не знали местного языка, а иеромонах знал его и красиво проповедовал на нём. Один из главных тезисов его доктрины заключался в том, что Бог посылает профетов-пророков, подобных Святому Духу. Движение было основано ещё в III-ем веке ересиархом-основателем по имени Мани. Иеромонаха Иннокентия народ принял именно так.

Родители Андрея были уверенны, что наступит день – и они будут поняты, и на них посмотрят другими глазами, ибо они хранят и приумножают духовные богатства. К ним присоединились и отбросы общества, ошибочно толковавшие учение, и отец Иннокентий с этим боролся. В те трудные времена путь к Богу был под пристальным присмотром новой власти. *Постиннокентийцы и татунисты* – личности с психическими отклонениями – называли себя *иннокентистами*, в их фразах часто встречалось: «*Святой Дух Иннокентий, помилуй нас*!». Этот вопрос беспокоил даже Православную Румынскую Церковь, занимавшейся тогда внедрением на территории Бессарабии календаря нового обряда. В сво-

их проповедях отец Иннокентий критиковал несправедливость, будоражившую Русскую империю, говорил о народной мудрости и о волнующих крестьян проблемах. Из его уст население узнавало правду, бессарабцы его уважали за доходчивые объяснения. До того, как начался террор и советский режим денационализации, в Приднестровье в большинстве сел и посёлков жило, в основном, коренное население. Иеромонаха Иннокентия население любило и чтило, а когда он скоропостижно скончался, его мощи положили в гробницу подвала Балтской церкви. После распада коммунистического режима Православная церковь озадачилась канонизацией иеромонаха, а московский синод осознал, что в таком случае его мощи вытащат из подвала и выставят на всеобщее поклонение. Тогда начнётся паломничество и среди паломников, в обязательном порядке, будут *иннокентийцы* всех категорий (консерваторы – те, что поклоняются ему как святому мученику; сектанты, верившие, что он сам является Святым Духом; постэннокентийцы и татунисты – больные личности, которые своими скверными проступками осквернили правду про отца Иннокентия), и впоследствии появятся проблемы для всего православия.

Родители продали имущество и вместе с младшим сыном переехали в Балту, чтобы присоединиться к движению. Там им выделили землю. Они стали строить хозяйство по соседству с монастырём, но со смертью иеромонаха народ стал *распускаться*. Большевики оскверняли святые места, притесняли и изгоняли верующих. Иннокентийцы разошлись кто куда. Бессарабцы переходили Днестр в Великую Румынию. Воспользовавшись беспорядком и волокитой, родители успели перейти через Днестр, а вот Андрей, которому было 12 лет, вместе со своей тетушкой были пойманы. Тётя отсидела в тюрьме несколько лет. Вместе с другими женщинами ей удалось оттуда бежать в Бессарабию. Про существование Андрея – опасного элемента для русского общества, сына буржуазии, долгое время никто ничего не знал. Когда в России настали неспокойные времена, Андрея сослали в глубину Сибири к Байкалу. Там он трудился на лесохозяйственном комбинате вплоть до окончания гражданской войны, а потом с остатками чехословацкого армейского корпуса сел на корабль до Владивостока. Они прошли через множество приключений в Тихом и Индийском океанах, обогнули Африку, через Гибралтар приплыли к Европе, а затем добрались до дома.

К тому времени родители построили новый дом, правда, поскромнее прежнего. Младшие сёстры вышли замуж, и одна из них стала матерью Филарета. Дядя Андрей был человеком, время от времени впадавший в отчаяние и в подавленность, но постепенно приходил в себя. Позже он женился, и родители дали ему землю для постройки дома. Он обзавёлся хозяйством. Жена родила ему двоих детей, но в июне 1940 русские опять вошли на территорию Бессарабии, и его вместе с семьёй депортировали в Сибирь как опасный для общества, буржуазный элемент. На одном из сибирских вокзалов его отделили от жены и детей и отправили в неизвестном направлении. Семья потеряла его следы. Вместе с другими заключёнными он работал на угольной шахте где-то под Красноярском. Андрей находился находился в ГУЛАГе, а оставшиеся дома члены семьи должны были сдавать государству *поставку* (зерно и продукты), что привело к страшному голоду. Инспекторы ходили по дворам и отбирали у людей зерно, скот, птицу, фрукты, овощи, оставляя людям только их собственные души.

Новая власть аннулировала латинскую письменность и внедрила кириллицу. После оккупации 1940 года советской властью в Бессарабии, Буковине и Черновицкой области были арестованы и депортированы в Казахстан и Сибирь около 300.000 человек. С окончанием войны в период до 1948 года русские тираны депортировали ещё 250.000 душ. А в 1949 деспоты увезли в Сибирь ещё 12 000 семей. В народе возникло движение сопротивления. Протесты начались ещё осенью 1940 года. Ученики лицея «Василе Лупу» из Оргеева, активисты нелегальной антирусской организации молодёжи «Мажадахонда», Демократическая Аграрная партия во главе с О. Одобеску, «Стрельцы Штефана» из уезда Сороки, «Национальная Организация Бессарабии», «Последний гайдук», «Партия свободы», группа бессарабского крестьянина Филимона Богиу с женой Олимпиадой, крестьяне Онисифор Рошка, Николае Бучилэ, Ион Бурлаку, Тимофей Прошка и Тудор Кифа организовывали собрания по сёлам, где рассказывали об опасности русификации и коллективизации; боролись с большевистскими активистами всеми возможными средствами. Высшим наказанием у них было «спаивание» (утопление) комсомольцев в озёрах или в речках Рэут, Чулук или Кула. После засушливых лет зимой 1946 – 1947 годов начался голод. Чтобы выжить и спастись от голода, люди продавали всё, что имели, в отчаянии ели кошек и собак, опилки, жёлуди. Тысячи людей

скончались от голода. Монстры, стоявшие у власти, ещё много лет после случившегося держали всё в тайне, а те, кто вспоминал или писал об этом, могли попасть в тюрьму на долгие годы. Когда в марте 1953 года на своей даче под Москвой умер «отец всех народов», и его оплакивали, бессарабские крестьяне радовались:

– Сдох, собака!

Возвратившийся домой из Сибири дядя Андрей застал голод и нищету и вскоре уехал с другими односельчанами в Польшу, или как говорили в простонародье – в западную Украину работать по найму. От постоянного унижения властями он решил уйти в монастырь в Хырбовэц, где ему дали имя Анатолий. Он отрастил бороду и усы, волосы завязывал в хвост, смиренно читал Евангелие перед иконами, и его прекрасный, сильный голос прихожане слушали с удовольствием. Он выучил правила церковных обрядов и стал правой рукой старца, но время не приносило ему душевного спокойствия. Он прочитал много литературы, где высокоинтеллектуальные русские умы писали об отважности их людей во время польской, французской или немецкой войн, о разгроме вражеских полчищ татаро-монголов, затем Наполеона и Гитлера, но не упоминали о Бессарабском сопротивлении русской оккупации. Разницы в методах борьбы не было, но западный монстр безжалостно разрушал всё, что мешло режиму.

Осенью 1950 года дом, где подпольно проживала семья Богю, был окружён солдатами и офицерами репрессивных органов. Филимон и его сын Ион были убиты при оказании сопротивления. Жену Олимпиаду сильно ранили. Она была схвачена и осуждена за предательство родины. Часто монах говорил: «Вместе с Филимоном ушёл и последний настоящий гайдук». Неужели «до наших дней ни один не дожил?»

Однажды ночью к воротам монастыря подъехало несколько чёрных грузовиков с солдатами, а за ними несколько танкеток. Священников и монахов вместе со старцем собрали у главной церкви, грубо приказали сдать ключи и сесть в грузовики. Люди молились Господу, прося простить тех, кто не ведают, что творят. Население всей округи в ту ночь окружило грузовики и солдат. Население требовало оставить в покое святую обитель. Страсти накалялись с каждой минутой. Военные оказались в ловушке и приказали всем мужчинам, женщинам и детям с иконами и свечами в руках разойтись. Даже лес дрожал от криков палачей, но верующие стоя-

ли неподвижно. На заре подошло ещё одно подразделение для подкрепления и привезли дрессированных псов. Пузатый полковник при помощи переводчика зачитал с листа приказ о том, что упрямство прихожан не поможет – монастырь всё равно будет закрыт, а всех служителей отправят в другие церкви. Крестьяне ответили, что не сдвинутся с места, пока не отпустят священников и монахов и пока власти не освободят церковь..

Колонна солдат выстроилась на холме и выстрелила несколько раз в воздух. Испуганная толпа стала разбегаться. Несколько самых стойких пошли в сторону солдат, приблизились – и получили пули в лоб. Паника нарастала. Танкетки разрушили ворота, солдаты ворвались в монастырь и оккупировали его. Священников и монахов загрузили в грузовик и увезли в Кэприянский монастырь, где их убили и закопали в общей яме. Иконостас был разрублен на куски, священные книги сожжены во дворе монастыря. В селе начались массовые аресты. После допроса некоторых реабилитировали, но всех предупредили вести себя тихо и не сопротивляться решениям властей. Людям напомнили, что сам Ленин заявил, что религия – опиум для народа, это остатки прошлого, и от них надо избавляться!

После погрома в кельях две церкви использовали для открытия школы-интерната для недоразвитых детей. Часть оставшихся в живых священников и монахов отправили в Кэприянский монастырь, где находились представители Московской Патриархии. Через несколько недель большинство бывших служителей Хырбовэцского монастыря заставили вернуться в места проживания, где они жили до принятия монашества. Дядя Андрей был компетентен в работе церкви, и его оставили служить в Кэприянском монастыре до окончательного его закрытия. Он успел спрятать и спасти много церковных вещей, затем вернулся в Будэй, где жила сестра Привония, с полным мешком священных книг и несколькими иконами, одним серебряным крестом и с молчаливым согласием церкви совершать ряд церковных обрядов. Он мог святить дома по православному обряду, крестить, читать молитву у изголовья гроба усопшего, но тихо и скромным образом. Не позволялось провожать усопшего в последний путь всей свитой от дома до кладбища. Церковь в селе сестры была закрыта, и бывший монах получил имя отец Анатолий. К нему тайно приходили люди со всей округи, в их числе начальники, учителя, члены партии, чтобы он их обвенчал или же окрестил их детей. В доме сестры у него была

отдельная комната для молитв, но вскоре он собрал нужную сумму денег и приобрёл старый дом на площади посреди села.

Из-за отсутствия церкви к нему стали приходить люди с разными проблемами, просить благословения. Вскоре его дом превратился в святую обитель. Он был в хороших отношениях с директором школы, невысоким, лысым человеком, выглядевшим довольно хило и намного старше его жена Докики, преподававшей математику. Порою по праздникам они все вместе на подводе дяди уезжали на целый день в глубь леса на Ландышевую Поляну, чтобы почитать Евангелие у каких-то заброшенных могил. Свой путь они начинали на краю села, и длился он до берегов Днестра. Отец Анатолий ходил в места, где в прошлой войне русские и немцы расстреливали неповинных людей. Он надевал соответствующие одеяния, вешал на шею серебряный крест и читал молитвы из священных книг. Они огородили место убийств заборчиком из гибких ветвей, чтобы там не топтались кабаны или другие животные. Несмотря на предосторожности, их кто-то сдал, и дядю вызвали в райцентр. Высокопоставленное лицо из райкома партии предупредило его, что за ворошение прошлого его могут наказать. Вскоре директора школы уволили. Его вместе с женой перевели работать в Приднестровье. Докица осталась в памяти Филарета молодой и элегантной женщиной с ясным лицом и интеллигентной. Он много лет хранил желание вновь её увидеть.

Дядя остался в селе, и изредка он всё равно ездил на Поляну на своей повозке. Филарет запомнил его высоким мужчиной с добрейшим, смиренным взглядом, стоящим на пороге небольшого дома, к которому можно было пройти по мягкому ковру из живой травы. В детстве он часто его навещал и продолжал делать это и в подростковом возрасте. Повзрослев, стал ходить к нему реже, и даже подзабыл об его существовании, особенно во время службы в армии и на первом курсе университета. Вернувшись из Болгарии, Филарет навестил его и нашёл дядю больным и слабым. За ним присматривала женщина с села. Ему уже было за 90 лет. На его лице лежала глубокая печаль, и говорил он с трудом, голос будто покидал его. Взволнованно и со слезами на глазах он всё же сказал Филарету:

– Скоро я уйду в Царствие Небесное, племянник. Ты полюбил книги, и в них ты всегда найдёшь мудрость. Это и есть человеческое богатство. Мы прожили сложное время, но ты проживёшь времена получше. Ничего

не бойся в этом мире, только Господа Бога бойся. Ходи на Поляну, присматривай за могилами. Моя жизнь уже прошла. Сохрани книги из монастыря для своих детей. Прошу простить меня, племянник!

Через несколько дней его отвезли в республиканскую больницу на санитарной авиации, но спасти уже не смогли. Он оставил Филарету на память библию с пожелтевшими страницами и со следами воска. Она была напечатана кириллицей, и Филарет понял, какую жизнь прожил дядя Андрей. Каждый раз, приходя в сельскую церковь, где покоился дядя, ему казалось, что земля вокруг колыхает.

5

После болгарских каникул Филарета вызвали в специальный отдел факультета. В узком кабинете, под портретом Ленина на стене, его ждал низкорослый человек. На его груди висели медалии и ордена, видимо, был ветераном войны. Филарет впервые его видел, а тот хитро посмотрел на него и предложил сесть. Он стал листать документы:

– Значит, ты Филарет Инеряну?

– Так точно…

– Уважаемый студент! Перейдём на серьёзные для нас темы! Летом ты ездил в Болгарию. Тебе понравилось? Удалось влюбиться? Ладно. Теперь настало время всерьёз подумать о родине. Пришло время, уважаемый! Ты обязан внести свой вклад в укрепление безопасности страны! У нас везде есть враги, а ты башковитый парень! Ты выбрал факультет книги, правда? – ветеран довольно улыбался и продолжал листать папку с документами.

– Я не вижу никаких врагов вокруг, – в шутку сказал Филарет.

– Не строй из себя незнайку, парень! – после паузы человечек поменял тон на более строгий, нахмурил брови и сказал: – Когда нам понадобися, ты будешь нам докладывать обо всём, что творится на факультете. Если информация будет ценной, мы тебе заплатим. Заработаешь. Твоей стипендии тебе и так не хватает на жизнь.

– И что я должен делать? – попытался уточнить Филарет. Мужчина не ответил и протянул документы:

– Подпиши! И ты должен хранить государственную тайну. У тебя будет наша поддержка и расположение.

– С кем я буду сотрудничать? – хотел понять Филарет, когда человечек протянул ему ручку для подписи.

– Я Иван Пологов, полковник в резерве органов государственной безопасности! – представился он строгим голосом, слегка поднимая брови.

– Я хочу уточнить, – сказал Филарет. – Мне ясно, что я должен сотрудничать с органами госбезопасности, стучать на моих коллег, и за это… получу поощрения?

– Ну, почему стучать? Мы тебе проведём инструктаж, как правильно находить и передавать информацию нам. Ты будешь встречаться с нашими людьми там, где и когда будет нужно! – Вдруг Иван Пологов перешёл на более мягкий тон: – Не переживай. Давай, распишись, и удача будет на твоей стороне. Знай, что многие предлагают нам свои услуги, но мы выбираем лишь достойных.

– Я воздержусь, – сказал Филарет. – Мой дядя был монахом в Хырбовэцком монастыре, а отец воевал на румынском фронте…

– Да?! – Удивился резервист. – У нас нет такой информации. Мы разберёмся.

– Я порядочный, – продолжил Филарет, вуалируя свой отказ. – Цените меня за то, что я рассказал правду.

– Никаких проблем, с нами сотрудничают даже сыновья и дочери тех, кого депортировали, политзаключённых… – упорно пытался кэгэбист уговорить Филарета подписать.

– Я должен подумать, – вежливо сказал парень.

– Уважаемый студент, тебе предоставляется великая почесть. Не серди меня.

– Вы лучше следите за своим здоровьем!

– Ты подписываешь, или нет? – Поднял голос полковник, раскрыв маленькие глаза.

– Нет, – ответил Филарет.

– Понятно, – отступил резервист. – Жаль. Тебя деканат рекомендовал!

Он запер папку в сейфе, осмотрел студента с головы до ног и приказал:

– Уходи, а про наш разговор никому ни слова.

В коридоре Филарет встретил Анатолия Гафтона, который улыбаясь протянул ему руку:

– Мои поздравления, «уважаемый студент»! – сказал он, сымитировав полковника. – Ну, ты подписал?

– Тебе не с чем меня поздравлять, – ответил Филарет без лишних объяснений. Его слова напугали Анатолия, потерявшего дар речи от услышанного.

После разговора с полковником Филарет заметил, что его больше не приглашают на корпоративные вечера, на встречи с иностранными студентами. Но он старался не думать об этом и продолжал ходить на занятия и в читальный зал, принимал активное участие в семинарах. Как всегда, сдавал экзамены на отлично и серьёзно относился к учёбе, но со временем его стали проваливать на экзаменах. Как-то раз декан факультета – женщина, безупречно владевшая румынским языком, призналась ему:

– Что-то ты не то сделал. Вокруг тебя происходят странные вещи.

Филарет с любопытством посмотрел на неё:

– У меня есть шансы закончить учёбу, или же мне уйти в академический отпуск?

Женщина поразмыслила и сказала:

– Занимайся своими делами. Если кому-то понадобишься, тот тебя сам найдёт.

Некоторое время Филарет прибывал в унынии и ни с кем не общался. Успокаивали только письма от Димы, которая отправила ему ещё два тома Ивана Вазова, свитер и три музыкальные пластинки. Скоро он узнал из её писем, что в её жизни произошли некоторые изменения. Философия о вечности души, о жизни, которая меняется, и о прекрасном прошлом, никак не мешает движению вперёд. После несколько подобных письмах Дима сообщила, что у неё есть молодой человек, и что она скоро выйдет за него замуж. Филарет опечалился ещё больше. Естественно, он тактично ответил, даже поздравил Диму. Болгарочка ему больше не писала, оставив открытым вопрос о том, что не всё в жизни зависит от желания кого-то из них. Теперь он чувствовал себя свободным, больше не думал о результатах зимней сессии и стал проводить ещё больше времени в библиотеке. Он хранил тайну неудачи на экзаменах, о том, что остался без стипендии, чтобы уберечь родителей от лишних переживаний. Он решил устроиться ночным сторожем в детском саду недалеко от общежития. Ночевал он в детском саду, а по утрам открывал ворота, убирал территорию и включал

электричество в кухне до того, как приходили повара, которые поощряли его обедами. Он подумал, что «всё, что ни делается, всё к лучшему». Директрисе нравилось, что Филарет работает правильно и ответственно и в скором времени отвела ему обустроенную комнату со шкафом, письменным столом и диваном. Он брал с собой книги в детсад из библиотеки и готовился там к занятиям. Для сокурсников он стал загадкой, и никто не знал, куда он исчезает с наступлением ночи.

На новой работе он познакомился с молодыми воспитательницами, но особое внимание уделял врачу детского сада – Нонне Ботнарюк. Она была высокой и стройной, гладкие волосы открывали широкий лоб, грудь смотрелась небольшими холмиками, а в улыбке было загадочное спокойствие. Нонна носила серьги и вызывающе красила губы. Изящная фигура привлекала. Каждый день она приходила на работу в новом костюме или платье и при каждом удобном случае приглашала Филарета к себе в кабинет на чашечку кофе. Она была замужем, но свободное время не стеснялась проводить с ним, часто на виду у других женщин. За кофе она охотно делилась воспоминаниями о своих студенческих годах, о случившихся приключениях во время шести лет учёбы, затем рассказала историю любви с молодым человеком, болевшего лейкемией. Они познакомились во время её практики в Комратской больнице, где он лежал. Его состояние здоровья с каждым днём ухудшалось, и он чувствовал, что скоро покинет этот мир. Каждый раз, видя Нонну у своей койки, он рассказывал о его мечте детства: прокатиться верхом на лошадях по Буджакской степи вместе со своей возлюбленной. Она чувствовала, что влюбляется в него, хотя в это время за ней ухаживал лучший парень с курса, и они вместе проходили практику.

Парень из Комрата умер у неё на руках. Нонна вспоминала об этом и плакала. Позже она заявила Филарету, что только он способен понять её и поверить, что её настоящая любовь погасла, как звезда, в самом начале жизни. Она любила находиться в его компании, всегда напоминала ему, что у неё душа измучена жизнью и покинута вожделенной любовью. Филарет внимательно слушал молодую докторшу, пытался понять историю её жизни, но она была замужем, и он не мог ей в этом помочь. Как-то раз она пришла на работу очень элегантной и в хорошем настроении. В конце рабочего дня Нонна позвала его к себе и сообщила, что её муж уе-

хал в Англию на международный симпозиум хирургов. Она вытащила из сейфа хрустальную бутылку импортного алкоголя, блюдце с нарезанным лимоном, затем предложила выпить по пятьдесят грамм, потом ещё, и ещё. Она соблазняла его улыбкой и вызывающе садилась в кресло, высоко оголяя бёдра…

– В студенческие годы я не шла на отношения с мужчинами, – открылась она ему. – Я была святошей, меня так воспитали. Один однокурсник, он же староста группы, всё ходил за мной, добивался – и, в конце-концов, я сдалась. Теперь мы вместе, у меня всё есть, но…

Её взгляды и откровенность пленили Филарета и провоцировали безудержные желания. Она в полголоса рассказывала о своём муже – талантливом хирурге с высокооплачиваемой работой, но у них нет детей. Ездили на самые престижные курорты в стране, денег у них было достаточно. Она всё больше расслаблялась, улыбалась, и доставала из пакета то яблоко, то грушу, то апельсин и делилась ими с ним. Опустошив бутылку, они выпили по гранатовому соку. Нонна встала с кресла и преподнесла ему сюрприз. В шкафу лежал портативный магнитофон.

– Я давно его приобрела, но мы с мужем не пользуемся им. Я тебе его дарю. Думаю, он тебе пригодится.

– Это довольно дорогая вещь.

– Я от всего сердца, – настаивала Нонна. Заметив его радость, она объяснила, как им пользоваться, и добавила: – На этой бобине записана симфоническая музыка, а другая будет запасной…

– Серьёзная музыка, – сказал он дрожащим голосом.

– Как ни странно, мне нравится слушать музыку *Сергея Челибидаке*. Он несравненный симфонический дирижёр Антона Брукнера и импрессионистов Клода Дебюсси и Мауриса Равеля, – с радостью сказала она. – Он стал знаменитым благодаря своим разновидным темпам: чем богаче и сложнее музыкальный пассаж, тем медленнее становится темп его дирижёрской палочкки. Этот стиль передаёт особый эффекты в концертный зал. Сергей Челибидаке – автор одного Реквиема, четырёх симфоний и одного Концерта для пианино и оркестра. Этот великий дирижёр всю свою жизнь отказывался от записи на пластинке, но мы с мужем были с магнитофоном в концертном зале, когда путешествовали в Вене, и мы его записали. Я думаю, тебе понравится.

– А почему вы такая щедрая? – по-детски спросил он.

– Потому что у тебя добрая душа.

Филарет покраснел, обрадовался и признался:

– После занятий я спешу к вам прийти…

В следующие мгновенье женщина подошла к нему ближе к нему и поцеловала. Их окутало одно и то же чувство. Это было взаимно. Филарет вдруг услышал голос:

– Закрой дверь и погаси свет…

Нонна оказалась страстной женщиной и жаждала ласок. Их близость стала регулярной. Как только они оставались одни в медкабинете, дверь запиралась на ключ, и любовники бросались в объятия друг друга.

Безумие превратилось в привычку. Иногда вечером её муж, высокий, приятный, спокойный и терпеливый мужчина, ожидал её у ворот, чтобы забрать домой. Филарет смотрел ей вслед. Она не шла, а плыла навстречу мужу. Филарет видел счастье в её глазах, и ощущал это после каждой встречи. Она приобрела студенту французские духи, крем и всё необходимое для бритья, чёрную рубаху и даже пару джинсов, что было дефицитом среди молодёжи. Он чувствовал себя неловко, но она настаивала, объясняя, что желает, чтобы он шикарно выглядел. Когда муж работал в выходные дни, Нонна приглашала его в центр города в кафе с кабинами. Там они угощались салатом «Астория», пивом и орешками и беседовали на разные темы. Парень элегантно себя вёл, и она призналась, что заново переживает студенческие годы… Именно о таком ухаживании она всегда мечтала.

– Знаешь, я не считаю себя распущенной, ты мне даришь то, чего не хватает дома! Я разве виновата, что не могу любить своего мужа? Он мне всё прощает, лишь бы я была с ним, но только рядом с тобой я чувствую себя настоящей женщиной!

– Что ты сделаешь, если я женюсь? – спросил он на одной встреч.

– Никакой трагедии. У нас с тобой сейчас отношения, а когда устанем друг от друга, посмотрим, что будет дальше.

– Я тоже найду себе жену?

– Ты ужасно наивный! Ты темпераментный, и занимаешься любовью как бог! – ласково ответила она. – Женщины ценят такое сокровище, никуда его не отпускают и с такими им никогда ничего не болит.

– Любые отношения заканчиваются болезненно...

– Любовь нам послана Богом, он же её у нас и отнимает. Я пытаюсь тебя понять, мы идём разными путями. Но сейчас мы вместе.

Её откровения давали ему повод думать, что она его не любит, а просто удовлетворяет потребности. Он пытался отдалиться, задерживался после занятий, проводил время среди студенток, но Нонна со всем соглашалась и на каждом свидании отдавалась с прежней страстью и пылом. Через несколько месяцев он заметил кое-какие изменения в её теле – от него исходил аромат женщины. Филарет догадывался, что, возможно, Нонна беременна, но не спешил с выводами. Как-то вечером он завёл с ней откровенный разговор.

– Ты очень привлекательная женщина, но ты замужем.

– Я тебя не держу. Ты имеешь право создать семью.

– То есть, я свободен?

Нонна рассмеялась.

– Ты такой наивный и милый! Ты мне ничего не должен. – но неожиданно удивила его: – У меня будет от тебя ребёнок. Это самое ценное, что я могу иметь от мужчины. Я стану матерью!

– А что скажет твой муж? – встревожился Филарет.

– Он уже в курсе, – спокойно сказала она. – Он уверен в своём отцовстве.

– Как так? – удивился Филарет. – Он же врач, его не обманешь.

– Врачи тоже люди! Верят в чудеса! Ты не волнуйся. Я давно хотела ребёнка, и вот Бог послал мне его! Я тебе сообщила, чтобы ты был в курсе.

Нонна вела себя так, словно между ними ничего не произошло. Она говорила, что плод их любви — это её выбор, и у него в будущем не будет проблем.

Какое-то время Филарет обходил её стороной. Приходил в детский сад, когда все уже разошлись по домам. Она его не искала, но при встрече улыбалась ему как прежде, и он понял, что нет смысла держать на неё зла. Как-то раз он спросил:

– Что я должен сделать, чтобы ты себя чувствовала комфортно?

– Уважать меня, и всё.

– Я буду чувствовать свою вину.

– Успокойся, – сказала она, и на её красивом лице появились слёзы счастья. – Мой ребёнок – здесь, под моим сердцем. И он счастлив…

В последующие месяцы он любовался Нонной. Она гордо носила своего ребёнка. Её муж приезжал каждый вечер, заходил за ней в кабинет и вёл до припаркованного у ворот автомобиля.

Филарет проводил всё больше времени в компании симпатичных студенток, но ни одна из них его не привлекала. Помимо этого, они стали одна за другой выходить замуж. Всё больше колясок для младенцев появлялось в коридорах у дверей молодожёнов. Он продолжал свою учёбу, но мысли были о беременной женщине. Он выступил на одной республиканской конференции на тему миротворческой политики Советского Союза, и был удостоен премии. К нему подошёл сам Иван Пологов, поздравил, протянул ему руку и сообщил, что больше на него не злится. Он сдал экзамены и стал опять получать стипендию.

В последнюю осень в университете у него было свободное посещение, и он занимал своё время, как ему было удобно. Библиотеки опустели, до сессии было ещё далеко, а он находился в расслабленном состоянии. На работе в детском саду обстановка тоже была спокойной. Нонна ушла в декретный отпуск, и ему её не хватало. Одна из воспитательниц сообщила, что она уехала в деревню надышаться свежим воздухом перед родами. Почему-то у него было предчувствие, что многие в курсе их с Нонной тайны. Из-за предчувствия он стал неспокойным. В кабинете Нонны сидела другая женщина в белом халате. Ему казалось, что она вот-вот позовёт его в кабинет, заговорит и обнимет. «Господи, да что же это со мной творится? Совсем запутался. И как мне жить с мыслью, что где-то на этом свете растёт мой ребёнок?»

Филарет снова начал получать стипендию и решил оставить работу сторожа в детском саду. Он передал её сокурснику, мотивируя тем, что должен готовиться к государственным экзаменам. В общежитии редко бывало тихо и спокойно. По воскресеньям студенты возвращались из дому с едой и домашним вином. Они часто его приглашали поиграть на гитаре, и он ходил и, естественно, – расслаблялся. Скромные сельские девушки со временем становились смелее и даже кокетничали с молодыми людьми. Некоторые позволяли себе сигаретку-другую и пропускали по стакану вина. На той террасе, где днём сушилось бельё младенцев, вечерами устраивались танцы, а на аллее с огромными тополями прогуливались влюблённые пары.

Филарет всё больше страдал от одиночества. Никак не мог найти себе девушку по вкусу. Ему попадались какие-то неопрятные или толстухи, а интеллигентные и стройные исчезли, не оставив следов. Его раздражали женщины, которые просили сыграть романс, как будто это была его обязательная миссия развлекать публику. Ему нужна была настоящая любовь для себя. Студентки с престижных факультетов права, экономики, финансов, кибернетики сразу теряли к нему интерес, когда слышали, что он учится на факультете библиотековедения. Он не думал, что парни и девушки заводят отношения по профессии, которая в будущем даст им обеспеченную жизнь. А ещё он приметил, что девушки ищут тех, у кого обеспеченные родители. Трудно было ему поверить в это.

Как-то был он на свадьбе у сокурсницы с севера страны, которая вышла замуж за студента с юридического факультета. Гости сидели за богато накрытым столом и обсуждали неземную красоту невесты и маленький рост жениха, который был на две головы ниже невесты. Все тосты и пожелания, произнесённые гостями, были о профессии жениха. Невеста сияла от счастья. Родители им обещали автомобиль, ковры и квартиру. На той свадьбе Филарет заметил девушку по имени Андрея, студентку на последнем курсе факультета химии. Она была длинноногой, в ярко-красном костюме, с изящной причёской и неимоверно красивыми глазами, а в ушах висели золотые серьги. Они завели разговор и узнали, что их общежития находятся рядом. Через день после свадьбы они встретились на танцплощадке у тополей. Филарет выпил пару стаканов красного вина «Пуркарь» вместе с товарищами и стал посмелее. Он заметил девушку и сразу пригласил танцевать.

– Знаешь, у тебя взгляд Клеопатры – знаменитой египетской царицы! – признался он.

– А ты претендуешь на звание Антония? И я никак не могу быть Клеопатрой. Я тебя знаю с первого курса. Ты на гитаре отлично играешь!

– Если согласишься со мной дружить, я тебе буду петь серенады у окна.

– Кому ещё ты пел пасторальные баллады?

– А что если перейдём на «ты» …

– Слишком рано.

– Я-то думал, что самое время.

– У меня есть парень, – строго сказала девушка.

– А я свободен как птица в небе!

– Я не смогу тебе помочь.

– Пойдём на компромисс. – перешел он на дипломатический тон.

– И какой?

– Прогуляться вместе.

Андрея не отказалась.

– Ты всегда такой настойчивый?

– Только когда мне кто-то нравится.

– И как это понимать? Я нравлюсь тебе? – с любопытством спросила девушка.

– Я хочу узнать побольше о твоей королевской жизни и украдкой поцеловать. А почему ты пришла одна?

– Он сейчас в отъезде.

– Тогда у меня есть шанс? Твой возлюбленный далеко, а мы с тобой очень близко.

– У тебя нет шансов, – парировала девушка.

– Полный провал! – огорчённо сказал Филарет.

– Но есть выход, – предложила девушка. – Я могу тебя познакомить с моей сожительницей в общежитии. Она слышала, как ты играешь на гитаре.

– Хочешь стать свахой?

– Моя коллега очень скромна, ни с кем не встречается. Заходи завтра к нам с гитарой. Мы тебя чаем угостим, мёдом и бутербродами.

– Значит, я стал вашим трубадуром. А твоя коллега умеет целоваться?

– Боюсь, что она ещё не целована…

– Ох! Сколько работы мне предстоит, – в шутку сказал он.

– Завтра в семь увидимся.

– Я всё-таки ошибся, сказав, что ты похожа на Клеопатру.

– Да, ты ошибся. Завтра придёшь?

– Как же по-другому, я сгораю от нетерпения!

– Мы тебя ждём.

Назавтра под вечер Филарет одел спортивный костюм и кроссовки и пошёл смотреть на подружку Андреи. «Я надеюсь она не… слониха». Девушки ждали его в ухоженной комнате. За столом сидела веснушчатая девушка в атласовом халате в цветочек. Он не видел её раньше. Они переглянулись, и девушка, хлопая глазами, слегка покраснела.

– А ты не потрудился одеться понаряднее. – в шутку сказала Андрея.

– Мне пойти за фраком? Тогда я приду уже в следующий раз. – и в тот момент из-за стола вышла девушка и представилась:

– Новелла!

– Какое поэтическое имя! – удивился парень, и поцеловал ей руку.

Андрея, что-то пробормотав, вышла на кухню за чайником. Новелла скромно сидела перед ним, как провинившаяся девочка. Филарет неожиданно подумал: «Может, это то, что мне нужно?». Он старался оставаться спокойным: «не торопись». И неожиданно спросил:

– Ты хорошо училась в школе?

– Хорошо, – удивлённо ответила она.

– Только отличницы учатся на факультете химии! – начал умничать Филарет. – Я был хорошистом и учусь на факультете библиотековедения!

– Ну, это не так и важно. – сказала Новелла.

– Важно, – ответил Филарет.

– Почему?!

– Смотря насколько престижна будущая профессия!

– Я не согласна с тобой. – девушка улыбнулась и покраснела.

Они стояли друг перед другом, не зная, о чем беседовать, но появилась Андрея и позвала на чай.

– Давайте символически чокнемся бокалами! – сказал Филарет.

– С удовольствием, но почему ты не принёс с собой гитару?

– В следующий раз обязательно принесу. А сегодня будем рассказывать анекдоты.

– Ты останешься должником, – сказала Андрея, гостеприимно накрывшая стол.

Филарет рассказывал девушкам армейские истории, смешные тоже, а затем пошли анекдоты, и обстановка разрядилась. Новелла все время посматривала на него с украдкой, а когда взгляды пересекались, её веснушки скрывались под краснотой. Пришло время уходить, и Филарет вежливо поцеловал им обеим руки.

– Я должен вернуться в общежитие. Наш интендант делает перекличку по вечерам. Кого нет на месте, держись! Лично я имею право задержаться под предлогом, что меня проводит Новелла.

– Конечно, она тебя защитит от гнева интенданта, – сказала одобрительно Андрея.

Новелла вышла его проводить. При вечернем освещении бабочки на её халате как будто порхали на стройном теле. Они молча шагали, она шла немного сзади, стеснялась, но стала смелее, когда он взял её под руку.

– Когда я впервые вас увидела на скамейке перед общежитием, вы пели что-то на итальянском…

– Давай перейдём на «ты», – перебил её Филарет, чувствуя себя неловко от официального тона девушки. – Я хочу побольше о тебе узнать.

– Ладно, – согласилась она, и стала рассказывать о посёлке Секурены, где она выросла и провела детство. Её родители работали на железной дороге, у них были определённые льготы на поездки, и почти каждое лето они путешествовали по всему Союзу.

Они дошли до общежития где светил фонарь у входа. Под ветвистым орехом Филарет хотел её обнять и поцеловать, но Новелла вздрогнула, как зайчонок, и оттолкнула его.

– Ты маме всё расскажешь? – пошутил он.

– На сегодня достаточно, – она оглядела его с головы до ног, затем взглянула ему в глаза. – Я думаю, что ты добрый.

– Я не был никогда добрым, а очень добрым!

– Не может быть!

– Завтра сможем прогуляться?

– После занятий.

– Где встречаемся? ...

– Давай прямо у корпуса химии.

– Договорились. Во сколько?

– В 14.30.

Он дошёл до порога общежития, и девушки, сидевшие на улице, стали ему аплодировать:

– Ты хорошо смотришься рядом с девушкой в платьице с бабочками.

– Я её знаю. Она с факультета химии, отличница.

– А мне кажется, что у неё есть Костя, он с факультета биологии. – сказала одна из сидевших. – Он все ходит за ней по пятам.

На следующий день все говорили об их прогулке, а он ждал её в 14.30 у химического корпуса. Через несколько минут к нему подошла Андрея.

– Ты пунктуальный, браво.

– Что-то случилось? – Филарет напрягся, смотря на неё, затем на её

парня с овальным лицом и крупными губами, оба красивые и видные.

– Новелла сегодня дежурная, она убирает в общежитии. Она не придёт.

– Я могу к ней пойти?

– Нет, не можешь, уважаемый! Наша *комнатушка* должна блестеть!

Филарет ходил по улицам и думал, что Новелла не пришла по совсем другой причине. Перед глазами стоял образ Новеллы. «Боже, неужели она мне нравится?» Он начал вспоминать свои истории с девушками и понял, что Новелла другая, чем-то отличается. А если она и вправду любит того Костю, а к нему просто проявляет симпатию из-за того, что умеет играть на той проклятой гитаре?! Он пообещал придти на свидание, а она хотела показать, что тактична, воспитана, а на самом деле с помощью Андреи – пустила его по кругу, бросила. Вот они и придумали историю об уборке в комнате. «Нет, – решил он, – будь что будет, но меня так не бросают». Он купил букет гладиолусов, прошёл по скверу национального театрак к месту продажи картины, выбрал работу поинтереснее и с букетом и картиной в руках направился в общежитие.

– Была моя очередь убирать комнату, – с сожалением сказала Новелла. – Я попросила Андрею тебя предупредить…

– Тебе нравится картина? – Спросил Филарет. И принялся вешать картину на стену. – Автор картины Архип Куинджи, русский художник греческого происхождения, критики его считают необыкновенным! У маэстро было кредо: «Всё, чего я достигаю, должно быть достигнуто собственными силами и упорством»! Красиво, да?! Его другом был сам Дмитрий Менделеев. Они вместе изучали цвета, и Куинджи стал несравненным мастером изображения ясности от луны в темноте. Этот пейзаж он так и назвал: «Лунная ночь на Днепре».

– Благодарю тебя!

Картина меняла обстановку в комнате. Филарет не собирался уходить.

– Ты не занята? Может быть, ты ждёшь Костю?

– У меня для тебя есть угощенье, – сказала девушка, не обращая внимания на вопрос. Она поставила на стол пирог, испечённый по рецепту её бабушки.

Филарет отведал пирога и спросил:

– Может, сходим в кино?

– Завтра, с удовольствием. – и после паузы добавила: – Я скучала по тебе.

Филарет захотел подойти ближе к ней, но пришли Андрея со своим парнем.

– Ух ты, как пахнет выпечкой, и какая картина замечательная, а цветы! – удивилась Андрея, уткнула руки в бока и намекнула своему кавалеру: – Бери пример!

– Андиуца, потерпи!

– Так ты меня кормишь обещаниями с первого курса.

– Давайте, садитесь за стол, – позвала всех Новелла.

– Я Вадим, – представился парень. – Я кавалер Андреи.

– Предъяви ещё и удостоверение! – пошутила Андрея.

В это время в коридоре закричали. Кто-то забыл кастрюлю на горящей плите на на кухне, она подгорела и повсюду распространился противный горелый запах. Андрея разозлилась, схватила из шкафа сковороду и вышла разбираться. Послышались крики и быстрые шаги. Вадим вышел за ней, и через несколько минут они вернулись в комнату с разборки.

– Я им дала кастрюлей по голове! – зло сказала Андрея. Постепенно она успокоилась. Вадим прошептал:

– Андриуца!

– Я им покажу! Новелла идеально все вычистила, а кто-то издевается над этим! Кастрюля ждёт их!

Филарет понял, что Андрея была авторитетом в общежитии. Её боялись ещё издалека, шушукались за её спиной и обходили стороной. Видно, не впервые она их пугает сковородой.

– Андриуца, успокойся, прошу тебя! – уговаривал Вадим.

Они открыли окна нараспашку, чтобы выветрился запах гари, сидели в полутьме и разговаривали до полуночи. Новелла взяла у кого-то гитару, затем зажгла свечи из чёрного воска и попросила Филарета спеть романсы на стихи Василия Александри и Михая Еминеску.

– Уважаемый, тебе надо было в консерваторию! – сказала Андрея. – Твоё призвание — сцена.

– Мир книг интересней!

– Парень – что надо! – обратилась Андрея к Новелле. – Чистая магия! Вы хорошо смотритесь вместе!

– Вы будете нашими друзьями, – сказал Вадим, зевая от усталости, раскрыл свою раскладушку и сразу лёг.

Филарет вышел в коридор, за ним вышла Новелла.

– Хочешь, сходим завтра на балет?

– Да, хочу. – Её голос звучал мягко и сладко.

Они впервые поцеловались.

6

Филарет с Новеллой ходили в читальный зал университета, обедали в столовой, в свободное время навещали коллег, ходили в театр и в кино, где смотрели итальянские фильмы с Марчелло Мастроянни и Софи Лорен, французские с Луи де Фюнессом, Бурвилем, Жан-Поль Бельмондо и российские фильмы Эльдара Рязанова.

Как-то раз, после занятий, их догнала Андрея, сердитая, задумчивая и заметно бледная. Новелла не посмела расспрашивать. Знала, что та может вспылить и сказать, что она лезет не в свое дело. Они дошли к Мемориалу, и тогда услышали её поникший голос:

– Не все люди одинаковы. – После паузы продолжила: – Я выхожу замуж и знаю, что это неправильно. Он залез в мою жизнь, я ему позволила слишком многое. Четыре года терплю его! Я выхожу за него, сама не зная зачем. Другого я бы полюбила, но у меня никого нет на виду. Боже, почему я такая дура!

– Вадим тебя любит, терпит твои выходки, делает всё для тебя, – попыталась успокоить её Новелла. Обратилась к Филарету: – Она шутит или говорит серьёзно, что хочет выйти замуж?!

– Ты химик, тебе известно какие реакции происходят, когда вещества не подходят друг-другу, – сказала Андрея.

– Тогда зачем ты так поступаешь? – спросил Филарет.

– Я не сумела это предвидеть, – сказала Андрея после паузы, подёргивая плечами. – Я сошла с верного пути…

– Я не знаю, что тебе ответить, – сказала Новелла, увидев слёзы на щеках подруги.

– Может, тебе нужна помощь? – поинтересовался Филарет.

– Мне нужно лишь спокойствие! Я отказалась убить ребёнка, – продолжала она. – Врачи сказали. что у меня будет ребёнок, – улыбаясь сказала Андрея. – Я буду невестой с животом!

Филарет зашёл в книжный магазин и купил книгу. Затем пригласил девушек в кафе. Они выпили по кружке пива. Затем ещё по одной и расслабились. Настал момент прочитать им стихи.

– Анатол Чокану – это особый поэт! – объяснил он.

– Я люблю его стихи! – сказала Новелла. – Я его видела в школе, когда он приходил на встречу с учениками.

– Ты его знаешь?! Ну, за это стоит выпить! – предложила Андрея, залпом допила кружку пива и закусила бутербродом, угрожая пальцем: – Знай, милая, что его стихи не надо читать по пьяни, хоть и написаны они в нетрезвом состоянии! О, какой мужчина этот Анатол Чокану!

У входа в общежитии их поджидал Вадим с тортом и с цветами. Только сейчас Филарет заметил, что у него на обеих руках повреждены несколько пальцев…

– Дорогой мой! – обняла его Андрея.

– Мы немного выпили, – добавила Новелла.

– Да, я вижу. – подтвердил Вадим.

– Боже, как у меня болит голова, – стала жаловаться Андрея, затем строго сказала: – А вы, пожалуй, идите, давайте! Пройдитесь на свежем воздухе. Мы с моим принцем должны побыть наедине…

К вечеру разразилась буря, шёл холодный дождь. С деревьев ветер срывал листья, они валялись на мокрых тротуарах. Новелла боялась сильного ветра и прижалась к Филарету. Холод проникал под одежду к телу, и они быстро побежали в общежитие библиотековедения, где стоял телевизор.

– Андрея права…Как можно выходить замуж без любви?!

– Что ты чувствуешь ко мне? – спросил Филарет.

– А ты как думаешь?

– Думаю, я тебе не так безразличен, – ответил он. – Давай прощаться.

– Жаль, что наша дорогая подруга со своим Вадимом заняли комнату…

В комнате те двое спали в обнимку в одной кровати. Новелла не смогла заснуть всю ночь, думала о Филарете. Она тщательно анализировала каждый жест, каждое слово. Ей хотелось верить, что она действительно счастлива, хотелось его видеть, смотреть ему в глаза. Ей слышались слова любви, предназначенные лишь ей. Они звучали как песня. Так искренне она ещё не любила, верила, что в её жизни происходит нечто чудесное. Сквозь свист ветра ей казалось, что она слышит его зов. Ей хотелось вскочить с постели и побежать в его объятия. На соседнем диване спали Андрея и Вадим, слегка прихрапывая. Новелла стала вспоминать своих ухажёров, что были у неё до Филарета, и которым она отказала. Хорошо, что так случилось! Её сердце требовало Филарета! Она всю ночь крутилась, не могла уснуть в ожидании дня, чтобы скорее увидеть его.

К утру буря стихла. Андрея сообщила подружке, что не пойдёт на занятия.

Новелла вышла из общежития и увидела у входа Филарета, поджидавшего её.

– Ты мне всю ночь снилась, – сказал он.

– И ты мне, – честно призналась она.

– Вчера вечером, когда мы сидели у телевизора, меня посетила одна мысль.

– Что перед тобой стоит наивная девчонка, – улыбнулась Новелла, крепко держа его под руку по дороге в университет.

– Нет, другое. Давай поженимся, что скажешь?

Девушка потеряла дар речи. Совсем не знала, что ему ответить, и когда им нужно было разойтись по своим факультетам, она спросила:

– Вечером увидимся?

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой, – серьёзно сказал он.

– Прямо здесь, на улице я должна согласиться?!

– Да, сейчас!

– Я подумаю… а сейчас я опаздываю. – Девушка побежала на занятия.

«Какой же я дурак, – думал Филарет. – Я хотел казаться оригинальным». Затем поспешил на занятия. Сидел, как на иголках, вконец растерянный, и не знал, какие слова подобрать, чтобы она не приняла его слова за шутку. Он поступил по-детски. После занятий он пошёл к корпусу химиков, но Новеллы не было. Андреи со своим женихом тоже не было. Но они должны быть в общежитии.

Он решил пройтись, встретился с товарищами, и они вместе решили выпить по кружке пива, добавили по сто грамм водки. Он напился и поехал в общежитие на такси. Опираясь за поручень, он поднимался по ступенькам и всем улыбался. Ему хотелось осыпать всех комплиментами, но язык не слушался. Он зашёл в свою комнату, упал на кровать и сразу уснул. Посреди ночи он проснулся, голова шла кругом. Выпив воды из-под крана, он опять плюхнулся на кровать. И почему он себе позволил столько выпить?! Почему? Мысли перемешались в голове, всё тело болело, перед глазами всё кружилось. Коллеги по комнате мирно спали утренним сном, а он им завидовал: какие правильные и дисциплинированные! По радио на стене стали играть утренний гимн. Он

послушал новости Москвы, затем кишинёвские, потом была утренняя зарядка и народные мелодии. В 7.00, после утренних процедур, коллеги выпили чай и поспешили на занятия. За опоздания или пропуски студентов могли лишить стипендии. Они рассказали ему, что две девушки искали его вчера вечером, и они передали, чтобы он немедленно пошел в общежитие *химиков*. Немного придя в себя, он решил пойти на встречу с Новеллой. Всё повторял: *Будь проклята эта пьянка!* В полдень привёл себя в порядок, умылся холодной водой, оделся и вышел в город. Моросил дождь. Капли брызгали его прямо в лицо.

Новелла встретила его с улыбкой и подарила новенькую гитару.

– Ты был занят прошлым вечером? Я тебя искала.

– Это наш тебе подарок, уважаемый! – сказала Андрея, сидя за столом с открытыми учебниками.

– Я вас сейчас тортом угощу. – сказала Новелла. – Мне его мать испекла и прислала.

– Эту гитару я заказал в Германии для одного офицера, что служит в Дрездене, -объяснил Вадим. – Ты обязан нам сыграть!

– А есть повод? – спросил Филарет.

– Сегодня день рождения твоей любимой.

– Кто-то должен добавить шарм сегодняшнему вечеру.

Новелла посмотрела на него и покраснела, словно в чём-то провинилась.

– А почему я сегодня об этом узнаю?

– Я хотела тебе сообщить, но тебя было не найти вчера.

Он согласился сесть за стол, а вот выпить хоть немного шампанского не соглашался, несмотря на просьбы. Новелла одела бордовый костюм, он акцентировал внмание на её грациозной фигуре. Красиво причесалась и сделала макияж. Глаза стали более выразительными и счастливо улыбалась. Филарет глядел на неё как околдованный, хотел извиниться перед ней тысячу раз.

– Сыграй нам! – попросила Новелла, подносягитару. – В честь моего дня рождения…

Филарет спел всё, что они хотели, затем друзья открыли уже третью бутылку шампанского. Наконец, он встал и взял за руку Новеллу.

– Пройдёмся?

– Мы вам разрешаем, голубки! – одобрила Андрея. – Ты согрел наши души песнями!

Погода улучшилась. Рыжее пальто Новеллы с натуральным лисьим мехом прекрасно подходило к коричневатой куртке Филарета. На его плече висела гитара. Тучи разошлись, сквозь их осколки просвечивались звёздочки. Некоторое время они шли молча, затем Филарет прошёлся пальцами по струнам и спросил:

– Как так вышло, что не я тебе, а ты мне преподнесла подарок сегодня?

– Я знала, что у тебя нет своей гитары. Она тебе нравится? – не дождавшись ответа, она прислонила голову к его груди: – Чтобы ты не ходил одалживать у других…

– Сегодня день твоего ангела! ...

– Я замечательно чувствую себя рядом с тобой, – сказала девушка, глядя ему в глаза.

– Я не помню, говорил ли я вчера, но я хочу, чтобы ты была моей девочкой.

– Я мамина и папина, – ответила девушка шуткой.

– Тысячу извинений, я желаю, чтобы ты стала моей женой.

Она ответила:

– Будет лучше если ты попросишь моей руки у родителей. Завтра они приезжают ко мне, – добавила она: – Мой день рождения не сегодня, а завтра. Это Андрея всегда забегает вперёд. Я рассказала родителям про тебя, им не терпится с тобой познакомиться.

– И что ты им про меня рассказала?

– Что ты служил в армии, отцу это очень понравилось… Приходи завтра с гитарой.

Назавтра Филарет пришёл как на экзамен, но с гитарой. Он был взволнован. В комнате накрыли богатый стол. Он принёс магнитофон и большой букет белых роз. Мать Новеллы была в бальном платье и в блестящих украшениях. Отец выглядел внушительно, слегка лысый, с сединой в висках, доброжелательный. Он осмотрел его с головы до ног, затем одобрительно пожал руку. Они сели за стол, подняли тост за здоровье именинницы. Андрея с Вадимом смотрелись торжественно в красивых костюмах, а в качестве подарка они преподнесли статуэтку с электрической лампой, переливавшейся разными цветами. После первого бокала гости повесе-

лели. Отец Новеллы периодически выходил покурить на балкон. Позже Андрея с Вадимом ушли по делам. Филарет на прощание сыграл им на гитаре прекрасный романс:

Сотни лет прожил бы я,
То за деньги никогда
Жён не брал бы; по душе, мне
Женщины – что бедные.
Живи я как камень горный,
Характер у меня особый…
Не стал бы я любить, ведь краше
Щёчки алые – и слаще.
Живи я как лист дубовый,
Избегал бы брак липовый;
На бедной лучше мне жениться –
Взгляд её и ночью снится.

Родители Новеллы ему аплодировали.

– Слова романса мне знакомы, я слышала их от моей бабушки, – вспомнила мать девушки.

Филарет решился вступить в бой.

– Я хочу вас попросить дать своё согласие… Прошу руки вашей дочери. Она мне дорога.

Последовала пауза. Его слова были понятны. Новелла сидела возле родителей, слегка в замешательстве. Не знала, что делать и говорить.

– А ты, дорогая, что скажешь? – спросила её мать после паузы.

– Ты его любишь? – спросил отец.

– Если бы он мне не нравился, я бы вас сюда всех не позвала. – решительно заявила девушка.

– Ты не был женат, дети есть? – начался допрос матери.

– Нет, я не был женат, и детей у меня нет. – взволнованно сказал Филарет.

– Он волнуется, – заметил отец, затем обратился к своей жене: – Оставь его, он серьёзный парень. С такими шутки не шутят.

– Раз она тебе нравится, и ты её любишь, и она тебя любит, мы не смеем препятствовать, – заявила мать Новеллы. – Тебе есть что добавить, Ион? – спросила женщина мужа.

– Конечно, Зина. Новелла уже взрослая! Желаю вам счастья, – и мужчина обнял Филарета.

– Я вас поздравляю с таким важным шагом! – одобрила будущая тёща сквозь слёзы.

Вернувшись, Андрея с Вадимом, застали молодую пару, светящуюся счастьем.

– Опять я опоздала! – сказала Андрея. – Новелла меня опередила! Она впереди меня, как всегда!

7

Свадьбу сыграли в доме культуры в селе жениха в конце февраля. Стоял сильный мороз, и совсем не было снега. В Иняске было весело в тот день, на столе стояло домашнее вино, еда, приготовленная в печи, приехали музыканты из села Чулуканы. Молодые получили много подарков, поздравительных телеграммы от дальних родственников и друзей. Дарили деньги. На свадьбе были школьные друзья Филарета. Была и Таня, одноклассница, в которую он был влюблён в школьные годы, и на переменах не спускал с неё свой влюблённый взгляд. Она была с мужем и с маленькой дочкой, которая непрерывно танцевала и прочитала тонким голосочком наизусть стихотворение:

Лист зелёный – лаванда,
Все чествуют жениха;
Лист зелёный – ежевика
И невеста миловидна!

В тот вечер много хороших слов было сказано в их адрес, но стихотворение, прочитанное маленьким ангелочком, особо понравилось всем.

Позже пришло время снимания фаты невесты, и девочка опять читала стихам:

Трижды окружаем стол
И зло выгоняем вон;
Оставляем лишь добро –
Так у нас заведено,
Чтобы пара молодая
Век жила, невзгод не зная.

Молодожёны танцевали до упаду и убедились, что свадьба не только веселье, но и огромные усилия.

– Ты веришь в судьбу или в удачу? – задала ему вопрос Новелла

– Разве они не ходят по жизни рука-об-руку?

– Не думаю. Удача это одно, а судьба это другое…

Филарет так и не понял, что именно хотела знать Новелла. В тот вечер гости танцевали и веселились без перерыва. Музыканты играли молдавские хоры где нужно было танцевать до упаду. Невесту приглашали на танец знакомые из её села, а жених сидел на своём месте за столом. Вдруг неожиданно его позвала двоюродная сестра Галина и передала телеграмму. Он думал, что это поздравление, но там было следующее: «Ты стал отцом, поздравляю! Нонна». Весь остаток вечера Филарет не мог придти в себя, Новелла же веселилась по полной, светилась от счастья и гордилась, что вышла замуж за любимого человека. После того, как гости разошлись, и они оказались в постели рядом,, Новелла опять задала свой вопрос:

– И всё-таки, что важнее: судьба или удача?

– Удача…

– Ты неважно себя чувствуешь?

– Я ужасно устал, – солгал он, зная, что человек принадлежит больше судьбе, чем удаче.

– Я тебя очень сильно люблю! Я всегда буду понимать тебя, поддерживать в любых обстоятельствах, – прошептала нежно Новелла.

Её тело таяло в его сильных объятиях, нежная кожа скользила под широкой ладонью. Филарет изо всех сил старался не показывать знаков беспокойства. Он лежал с закрытыми глазами, а в голове творился хаос. Он с нетерпением ждал, чтобы Новелла заснула. С момента получения телеграммы он задавался вопросом, сможет ли прожить жизнь с женой во лжи. Он мысленно повторял содержание телеграммы и представлял себе младенца. «Такова моя судьба. Почему Нонна сообщила о рождении ребёнка в день моей свадьбы? Я думал она тактичная женщина. Какими же коварными могут быть женщины! Спасибо двоюродной сестре, что отдала мне лично телеграмму».

Нувелла уснула на груди мужа. Свадьба закончилась, и она была счастлива, что начинается медовый месяц. Муж уснул тоже, окончательно решив, что его судьба – быть рядом с любимой женой.

Через неделю они вернулись в город. Филарет договорился с интендантом, и молодая семья получила отдельную комнату. Их навещали коллеги, родственники, друзья. Тёща с тестем подарили мебель, телевизор, холодильник, молдавский ковёр в народном стиле и много вещей для дома. Их семейное гнёздышко обрело уют. Новелла любила готовить по маминым рецептам и часто удивляла мужа новыми блюдами. К государственным экзаменам они готовились большей частью дома, а не в библиотеке как это было раньше. Андрея с Вадимом стали друзьями их молодой семьи. Вечерами девушки готовили мамалыгу с овечьей брынзой, жареную рыбу с муждеем, а на десерт разную выпечку. За бутылкой вина часами беседовали, строили планы на будущее.

Преподаватели воспринимали студентов последнего курса уже как готовых специалистов высокого уровня, которые вот-вот выйдут в самостоятельную жизнь, и позволяли студентам расписывать себе дни по собственному усмотрению. Как-то вечером к ним заглянул Анатолий Гафтон. Он принёс в подарок статуэтку и вазу с цветами.

– Я хотел бы взять у тебя несколько бесплатных уроков, – заявил гость, после того, как они выпили по стакану вина и вышли на балкон побеседовать. – Хочу научиться играть на гитаре, но у меня хроническая *афония – отсутствие голоса*!

– Тебе нужно будет сильно постараться, гитара не жалеет.

– По-дружески я хочу тебе посоветовать подумать о завтрашнем дне, – неожиданно заявил Анатолий и продолжил: – Ты отказался от нашего предложения и не проанализировал серьёзно, знай, что я могу за тебя замолвить словечко.

На следующий день полковник Иван Пологов позвал Филарета на разговор «по душам». Чиновник был в новом пиджаке, на котором висело множество медалей. Жестом он пригласил гостя сесть в кресло и распорядился принести кофе.

– Где ты хотел бы работать после окончания университета? – спросил он Филарета.

– Я уже стал семьянином.

– Я понимаю, понимаю! Товарищ Анатолий Гафтон слегка обиделся, что ты не пригласил его на свадьбу.

– Я пригласил лишь своих однокурсников.

– Да, мы в курсе, мой уважаемый студент, – а затем спросил: – А что ты скажешь, если мы тебя устроим на работу в администрацию Министерства культуры в качестве инспектора по библиотекам Молдовы? Будешь составлять акты, отчёты…

– Я бы хотел сперва поработать в качестве библиотекаря…

– Такой мужчина, и хочет работать библиотекарем? Такую работу выполняли всегда женщины! Ты заслуживаешь более ответственной должности с хорошей зарплатой.

– Я посоветуюсь с женой, – улыбнулся Филарет. Иван Пологов нахмурился.

– Тебе решать, но если ты подпишешь сейчас, считай, что ты распределён.

– Я вам отвечу в последующие дни.

– У нас нет времени! – строгие глаза полковника засверкали сквозь линзы очков. – Ты не должен нам ставить никаких условий. – Чиновник взял таблетку из кармана пиджака и положил под язык. – Уходи!

В коридоре его ждал Анатолий Гафто. Он гордо произнёс:

– Это я настоял, чтобы старик опять вызвал тебя к себе.

– До завтра мир не рухнет, – ответил ему Филарет, направляясь к дому.

– Твой отказ разозлит их, – сказала ему Новелла, узнав о беседе Филарета с чиновником госбезопасности. – Всё в их руках.

– На моём месте ты бы согласилась? – спросил он жену.

– Если бы у меня были такие способности, как у тебя, и строго в интересах семьи, согласилась бы. Те, что с ними сотрудничают, получают квартиры и их продвигают! У простого библиотекаря нет выбора!

– Другие предложения есть?

– Давай сходим на балет. Я взяла два билета.

Вечером они сидели на балконе Оперного театра, играли её любимый спектакль «Лебединое озеро» Петра Чайковского. Во время антракта они отведали апельсинового коктейля.

– Какая же ты нежная и красивая! – сказал Филарет с любовью.

– У меня есть новость, – ответила она.

– Хорошая?

– У нас будет ребёнок.

Последовала пауза, Филарету в это мгновенье захотелось летать.

– Я не думаю, что этим можно шутить.

– А я не шучу. У меня под сердцем живет человечек…

Филарет взял её на руки и покрутил несколько раз, при всех. Они ушли с последней части спектакля. Ходили по улицам, лишь они в вдвоём! И ещё кто-то... По людной улице Филарет носил её на руках. Новелла нисколько не смущалась взглядов прохожих. Она была счастлива.

Они зашли в сувенирный магазин купить подарок Андрее и Вадиму, затем пошли к ним в гости отметить событие.

– Вы все успеваете, счастливчики, – сказала Андрея.

– Что такое? – Новелла обняла подругу, а у той на глазах слёзы.

– Скоро мы расстанемся, – грустно ответила Андрея.

– Мы будем вместе духовно! – сказал Филарет.

– Так точно! – согласился Вадим.

Они веселились допоздна.

Первые месяцы беременности Новелла перенесла с трудном. Её тошнило, кружилась голова, лицо было бледным.

– Не переживай, – успокаивал её муж. – Говорят, что от такого родится мальчик.

– Может быть, родится принцесса?

– Главное, чтобы ребёнок был здоров… – согласился он.

При Университете комиссия государственного планирования, в состав которой входил и Иван Пологов, распределила молодых специалистов по местам работы.

К всеобщему удивлению. Филарета распределили на север республики в библиотеку одного из агропромышленных комплексов по выращиванию… свиней.

– Работники в свободное время посещают библиотеки, – объяснил Иван Пологов. – Ты из сельской местности, хорошо знаешь менталитет свиноводов!

– Я уже женат, – попытался отказаться Филарет. – Жена заканчивает факультет химии, должна работать в школе…

– Мы это предвидели! Ваша жена будет работать в лаборатории агропромышленного комплекса, там выращивают более 30 000 голов скота на мясо!

– Вас обеспечат жильём, – сказала член комиссии.

– В вашем холодильнике всегда найдётся кусок свежего мяса! – сказал один лысый, крепкий мужчина. – Будете его покупать по заниженной цене, как и все работники комплекса.

– Протокол уже подписан, и не подлежит изменению! – заявил глава комиссии, декан факультета.

Филарет сильно огорчился. Он отлично учился, и всегда мечтал работать в городской библиотеке, а теперь придётся работать на свиноферме! Он пошёл к факультету химии, где проходила такая же процедура. Новелла его встретила совершенно спокойно.

– Меня распределили в лабораторию. Члены комиссии пообещали, что у нас будет жильё сразу по прибытию…

Филарет молчал весь день, и позволил себе выпить в одном кафе пиво с водкой. Они почти не разговаривали, Новелла была в отчаянии, но всячески пыталась поддержать мужа. У неё не получалась. Вечером зашли к друзьям. Андрея похвасталась, что её распределили преподавателем в Медицинское училище в Кишинёве, а Вадима – инструктором в поливалентную школу. И, конечно, были сильно удивлены, что Филарета отправили к чёрту на кулички!

– Как вы поедете с ребёнком на свиноферму? – возмущались родители Новеллы.

– Вы тоже жили во времена вашей молодости на железнодорожных дальних станциях, – высказала Новелла.

– Тогда были другие времена! – возразила тёща.

Филарет вернулся от родителей Новеллы в город в хорошем настроении:

– Я подумал, что вся наша жизнь впереди, мы не пропадём, – успокаивал он жену. – Ведь человек сам творец своего счастья.

– И я о том же, дорогой.

Государственные экзамены они сдали успешно.

Выпускной вечер отметили в холле театра оперы и балета. Новелла заставила мужа одеть чёрный костюм, белую рубашку, бордовый галстук-бабочку, а она одела белое платье в голубой цветочек. У них на душе было легко, перед ними открывался новый путь. Домой они вернулись пешком. На улицах было полно выпускников, они шумели, шли толпами, пели, танцевали.

К утру успокоились, и на следующий день выпускники толпились на вокзалах, разъезжаясь по местам назначения. Подошли и Андрея с Вадимом со своими вещами:

– Мы переезжаем на съёмную квартиру недалеко от аэропорта, – сообщила Андрея, одетая в летнее чёрное платье. – Приглашаем в гости.

– Попрощаемся со студенческой жизнью, – сказал Вадим.

В дверях появился интендант:

– Вы должны освободить комнату, она уже распределена другим. Мастера скоро придут для ремонтных работ.

После обеда они вернул ключи от комнаты, и поехали в родное село Новеллы на севере республики. С этого момента им стало ясно, что студенческие годы завершились.

8

Они уехали в отпуск, он длился больше недели. Вместе с родителями, друзьями семьи и школьными учителями пошли в лес на шашлыки, недалеко от вокзала железнодорожной станции родителей. Они выпили хорошего самогона. Филарет слушал байки товарищей тестя. Он узнал, что они все охотники-любители, и в сезон у них начинается самая интересная пора сельской жизни.

– Мы охотились на кабанов, барсуков, на зайцев, а больше всего мне понравилось охотиться на лису. Из неё я сделал воротник Новелле, – признался тесть.

– Из всех нас он самый меткий! – сказал один из друзей. – Заедешь в гости зимой – возьмём на охоту.

– Я никогда не охотился.

– Научим…

Новелла была примерной молодой женой. О новой работе не говорила ни слова. Филарет не мог скрыть своего недовольства назначением, но он хотел, набраться сил для предстоящего. Ему было жаль жену… Он не хотел, чтобы она когда-то узнала об его истории с Нонной, хотел стать жене опорой во всём.

Через несколько дней почтальон принёс телеграмму от Вадима, и они узнали, что Андрея родила, и их с Новеллой позвали кумовьями.

– Теперь мы окончательно породнимся с Андреей, – радовалась Новелла.

– Это хорошая новость, – сказал муж. – Посмотрим, какие сюрпризы преподнесёт нам завтрашний день. – Затем с любовью посмотрел на неё и спросил: – А ты выдержишь дорогу до нашей новой работы?

– Я умница, и наш малыш меня слушается.

Они ехали на автобусе несколько часов, пока не доехали до безлюдного перекрёстка. Вокруг лишь равнины да холмы. Водитель помог им с багажом и объяснил, как дойти до пункта назначения по сельской дороге. Они пошли по дороге через холмы. Извилистая дорога вела к двум небольшим озёрам с камышам у берегов, потом к лесопосадке, – и вдруг они почувствовали резкий запах. Вскоре они дошли до административных зданий, жилых многоэтажек, детского сада и магазина. На противоположных берегах озёр были симметрично расположены длинные постройки с маленькими окнами. Оттуда доносилось хрюканье свиней. Там и располагался крупнейший свинокомплекс в республике. Места были живописны, горизонты голубые; вдалеке виднелись пшеничные поля и дороги, вдоль которых стояли белые столбы электропередач.

– Я обожаю пейзажи, – сказал Филарет, раскрыв объятия полям. – Это настоящая сельская жизнь. Я мечтал сюда вернуться…

– Мы привыкнем, – ободрила его жена. – Вижу, здесь всё на уровне!

– А вот церкви нет, – с иронией ответил муж. Затем добавил: – Мой ребёнок родится в селе, где ещё сохранились обряды и традиции…

– Ты романтик, рождённый в год козы, дорогой мой!

– Я живу, как мне нравится, – не уступал Филарет.

Генеральный директор предприятия встретил их в большом кабинете, на стенах висели портреты вождей. Он полистал их документы, затем нажал на кнопку. В кабинет зашли пожилой мужчина в синем пиджаке и женщина в чёрном костюме.

– Нам прислали молодых специалистов, – сказал начальник. – Но… должность библиотекаря занята, лаборантов у нас предостаточно, – сказал он, вроде бы, тихо, но в то же время так, чтобы Филарет и Новелла услышали: – Что вы предложите молодым специалистам? Они, кстати, муж и жена, и мы обязаны обеспечить их жилплощадью.

– А что мы можем им предложить? – ответили женщина с медалями на груди и мужчина, оба ветераны войны.

– Нам нужны работники, – пробормотал мужчина, гладя на них. – Операторы по уходу за свиньями. Это пока не освободятся места лаборанта и библиотекаря…

– Хорошая идея! – одобрил начальник. – У нас найдётся свободное жильё?

– Не совсем, – ответила женщина, – но можно предложить комнату,

где работники сушат бельё. – Нужен лишь небольшой ремонт, и я думаю, что у молодых есть своя мебель.

Фларет с Новеллой взялись за руки, чтобы сохранить спокойствие. Новелла решила уточнить:

– То есть, наше распределение к вам это фикция? Вы не нуждаетесь ни в лаборанте, ни в библиотекаре?

– Верно, – ответил начальник.

– У нас высшее образование, мы учились в Государственном университете! – добавил Филарет.

– И что? Молодые специалисты сперва учатся тому, как выращивается скот, а затем работают по специальности!

– Все любят мясо, но мало тех, кто хочет его растить, – философски ответила женщина в чёрном костюме.

– Позже вы обретёте комфортную жизнь, – заключил начальник. – Идите в отдел кадров, пишите заявления, что хотите работать операторами, решите вопрос с жильём, и с завтрашнего дня – на работу!

– Мы будем работать лишь по профессии, – ответил Филарет.

– У вас нет выбора, – спокойно сказал начальник.

– Мы настаиваем работать соответственно распределению.

У начальника кончилось терпение:

– Мой долг отправлять в центр больше мяса! Меня не интересуют библиотекари и лаборанты! Всё, освободите кабинет!

– Мы не согласны, – спокойно ответил Филарет.

– Тогда я вам подписываю акт, что вы мне не нужны, и уходите отсюда.

– Согласны, – сказала Новелла. – Мы сами разберёмся.

– Три месяца тому назад, когда мне позвонили из университета, – успокоился начальник, – подписывая акт, – я ясно выразился, что мне не нужны молодые специалисты. Интересы администрации университета не соответствуют нашим.

Молодые забрали документы, стали квалифицированными безработными, а к вечеру вернулись к родителям Новеллы. Те с пониманием отнеслись к случившемуся.

– Я уеду в Кишинёв и найду там работу, – заявил Филарет.

– А как же я? – удивилась Новелла.

– Сперва я устроюсь, а затем ты приедешь.

На следующий день Филарет направился в столицу в поисках работы. Он прошёл по библиотекам города, по предприятиям, при которых были библиотеки, но везде перед ним закрывались двери. Начальники библиотек в большинстве были приезжими из России и Украины, многие из них не знали языка местных, так что крестьянским детям рабочие места здесь не светили. Выпускники ВУЗов были, в основном, отправлены в провинцию. Филарет договорился с интендантом бывшего общежития переночевать там, а на следующий день опять отправился на поиски работы.

В одном учреждении за дверью он увидел начальника. Тот сидел в кресле, ноги на столе, вентилятор охлаждал его, а по радио играла эстрадная музыка. На груди висело несколько медалей ветерана войны. Начальник взглянул на него и пригласил войти в кабинет.

– Ты кого-то ищешь, молодой человек?

– Я хочу устроиться библиотекарем.

– А деньги у тебя есть? – неожиданно спросил начальник.

– Утром были…

– Я тебя беру на наше предприятие в качестве библиотекаря как будто по чей-то рекомендации. – Затем, сняв очки, спросил: – Документы у тебя в порядке?

Просматривая документы, мужчина посмотрел на него весёлым взглядом. Филарету показалось, что начальник ведёт себя с ним несерьёзно, и что это всё лишь шутка.

– Ты выпускник? Хочешь у нас работать?

– Так точно.

– В нашей библиотеке много работы. Нам нужен компетентный специалист.

– Я готов приступить хоть сейчас, – сказал Филарет!

– Деньги есть при себе? – снова спросил начальник, икая.

– Если я устроен на работу…

– В магазине на углу продаётся вино «Извораш» в бутылках. Когда вернёшься затаренным …

Филарет замешкался, но решил рискнуть. Вернувшись из магазина с бутылками, он увидел начальника в компании секретарши в короткой юбчонке. Лицо у него было красным, он широко улыбался, затем вручил ему приказ о приёме на работу и представился:

– Авенир Николаевич Чижов! Директор треста по коммунальным услугам по всей республике! – Его голос был добрым и искренним. – В вашу честь я открываю первую бутылку.

– А есть возможность выделить мне жильё? – спросил Филарет, не веря, что проблема разрешена.

– У нас возможно всё! – сказал директор, наливая себе в бокал. – Иди вместе с секретаршей в наше общежитие и возьми ключи от комнаты…

Он выпил с начальником по бокалу, затем ещё. До вечера на руках у него были ключи. В тот момент он понял, что в жизни встречается и его величие случай! Вечером он позвонил Новелле:

– Ангелочек мой, раскрой свои крылышки и прилетай в столицу! Я всё уладил, и у меня есть жильё и работа.

– Да? Ну, тогда жди, я лечу к тебе!

Через день Филарета представили новому коллективу, состоявшему из работников среднего возраста во главе с Авениром Николаевичем. Сотрудники его приняли доброжелательно, каждый поочерёдно поздоровался.

В библиотеке царил хаос, обстановка больше походила на заброшенный гараж. На столах для читателей были разбросаны столовые приборы с остатками еды. Филарет начал наводить порядок. Он выбросил весь мусор, книги расставил по полкам в алфавитном порядке и вымыл полы. К концу рабочего дня сотрудники заходили и любовались библиотекой.

– Тебя все хвалят, – сказала милая секретарша.

– Спасибо. Тебя как зовут?

– Кристалина.

– А я Филарет Инеряну, – представился он.

– Я знаю. Я вчера готовила документы для приказа.

– А чем занимается ваш трест?

– Наши специалисты! – поправила его Кристалина, подняв вверх палец. – У них миссия по наблюдению за всеми публичными туалетами в республике: на автостанциях, вокзалах, в парках… Министр нашей отрасли, ветеран войны, устроил на работу в трест своих друзей и близких…

– А кто-то пользуется услугами библиотеки?

– Больше всего используется помещение для празднования дней рождения, – уточнила Кристалина, улыбаясь. – Мы с тобой самые молодые сотрудники здесь!

– Как это?

– Нам ещё нет тридцати. Сотрудники очень доброжелательны. Они заслуживают, чтобы ты исполнял все их пожелания. Ты скоро всё поймёшь.

– Хорошо, что хоть на родном языке будем общаться.

– Я лишь наполовину ваша, – улыбнулась девушка.

– Каково это быть моей на половину?

– Я родилась в Калараше. Мой отец был евреем, мать – молдаванкой… К сожалению, они погибли в автокатастрофе, – с грустью рассказывала девушка. – Своё детство я провела у бабушки в селе Питушка. Я училась в педагогическом, – Кристалина заразительно улыбнулась. – Вообще-то, коллектив похож на дом престарелых, зато меня все уважают. У меня есть двое дядей, они работают в правительстве и всё уговаривают пойти в школу преподавать географию, но я не хочу. Другие мои родственники живут за границей, зовут меня к себе, но я также не хочу. Я люблю свою бабушку, и не хочу её оставлять одну.

– У тебя есть дети? – спросил Филарет.

– Я должна быть замужем, чтобы иметь детей, – улыбнулась девушка.

В последующие дни все его мысли были о жене и о других проблемах, которые решались постепенно. Скоро приехала Новелла. Она привезла с собой раскладывающийся диван, два кресла, стол, ковёр и столовые приборы. Жильё ей понравилось:

– Надо будет и тебе подыскать работу.

– Не волнуйся. Хорошо, что есть жильё. У меня ещё будет время поискать…

– Завтра навестим Андрею с Вадимом. Они не в курсе наших приключений.

– Они будут за нас рады…

– Я хочу увидеть их малыша… Мой меня очень веселит, всё пинает меня своими ножками.

– Резвый малыш, – сказал Филарет, гладя её по животу.

9

После наведения уюта и обустройства жилья они решили сходить в гости к Андрее с Вадимом. Новелла одела широкое платье, чтобы скрыть беременность. На её лице появились коричневатые пятна, они её смущали, и она наносила на них пудру и помаду. Был солнечный день, по

улице гуляли молодые пары. В центральном парке фонтаны воды сверкали всеми цветами радуги, играл оркестр, пожилые горожане танцевали. Они купили букет цветов, подарок для малыша, торт и бутылку шампанского.

Андрея с Вадимом жили на окраине города, куда надо было ехать двумя видами общественного транспорта.

Встреча была приятной со многими новостями. Накрыли богатый стол.

– Когда вы съехали из общежития, гитара осталась у нас, – сказал Вадим, указывая взглядом, на глянцевый инструмент с красной лентой на стене. – Ты нам сыграешь. Наша малышка ещё не слышала звука струн.

– И что за тайна стоит за именем вашего ребёнка? – спросила любопытная Новелла.

Андрея, с гордостью кормившая ребёнка, сказала:

– Наши родители коммунисты, у них важные должности, но мы настояли на том, чтобы её крестили, а назвали мы её Корнелия-Аделина. Ночью поехали на машине в какое-то село в лесу к священнику домой, взяли двух пар кумовьёв с нами.

– Будет кумэтрия? – спросил Филарет.

– Всё соответственно традициям, – ответила Андрея.

– Весной, – уточнил Вадим. – Вас мы позовём кумовьями.

– Может, вы у нас будете кумовьями? – вдруг спросила Новелла. – Вы дольше времени живёте вместе.

– Нет, так не пойдёт! – возразил Вадим. – Мы уже решили, что вы у нас будете, так как вы друзья нашей семьи.

– Вы должны нас слушаться, – обратилась Андрея к Филарету.

– Не забывай, уважаемый, что я тебя сватала и преподнесла тебе на блюдечке настоящее счастье.

– Я полностью согласен, – ответил Филарет, обнимая жену.

– Тогда выпьем, ку-мо-вья!

Филарет играл на гитаре, сидя рядом с Андреей, державшей на руках малышку. Когда та уснула, сразу отнесла её на кухню. Они вспоминали приятные моменты студенчества, затем узнали, что Вадим влился в педагогический коллектив училища. Андрея успела поработать лишь неделю до декретного отпуска. Она была довольна, с зарплатой мужа и с пособием на ребёнка они проживут. Искренне радовались, что к ним зашли друзья, они поддерживали Новеллу, рассказывали, что роды — это не опасно.

– Ты родишь мальчика, – сказала Андрея.

– Будь кто будет. Главное, чтобы были здоровы малыш и мать! – сказал Филарет.

– Обычно рождается мальчик, когда у матери появляются коричневатые пятна на лице. – авторитетно заявил Вадим.

– Сколько в вас компетентности, господа! – подшутила над ним жена.

– Это мне известно. – поддержал их Филарет.

В тот вечер они добродушно попрощались. Было ещё много поводов для встреч, но долгом Филарета было обеспечить спокойствие жены. Он настаивал, чтобы она подождала и не устраивалась пока на работу. Но у Новеллы было другое мнение:

– Я должна устроиться, дорогой! Так мы получим пособие на ребёнка.

Филарет старался изо всех сил, обзванивал разные предприятия и, в конце концов, устроил её в Институт химии Академии Наук к профессору Исааку Берсукеру. Еврей-профессор принял её в своей лаборатории, где было спокойно и ухожено. Новелла была польщена его дружелюбием.

– Теперь я полностью спокоен. Тебе нравится работа, – поддержал её Филарет. – Вот мы и горожане, у которых есть рабочие места! Видишь, как меняется жизнь, когда живёшь в мире и согласии?!

– Когда я впервые тебя увидела в тот вечер у общежития, над моей головой будто взошла звезда исполнения желаний, – призналась Новелла, и крепко обняла его. – И тогда у меня появилась мысль: «Он станет моим мужем»! Я тогда призналась Андрее… Представляла себе, что это чудо. И вот теперь, я с тобой! Знаешь, о чём я думаю? Я выйду в декретный отпуск, и поеду к маме рожать. У неё есть приятельница акушерка в больнице в Окнице…

– А меня кому ты оставляешь?

– Я буду рядом душою, дорогой!

– Я бы хотел, чтобы ты рожа ла в Кишинёве. Но в первые месяцы тебе нужна будет помощь, и ты поедешь с малышом к своим родителям.

– Ты прав, – согласилась жена.

Новелла была самой молодой сотрудницей среди учёных, и все относились к ней с пониманием. Беременность проходила легко. Она была всегда в настроении, даже в последнюю неделю перед родами. По указанию врачей она сидела дома, встречала и провожала Филарета на работу. Она

увлеклась вышиванием и повесила на стену вышивку с тремя красными сердцами: два больших по сторонам и одно поменьше в середине.

Роды начались в полночь. На улице шёл дождь, крупные холодные капли прыгавали с листьев через окно в комнату. Приехала «Скорая», и Филарет поехал с ней в роддом. У неё были сильные схватки, стонала от боли, а по лицу текли слёзы. Филарета не пустили с ней. Женщина врач обратилась к нему:

– Молодой человек, идите домой, приходите завтра утром. Думаю, до тех пор она родит…

Филарет направился пешком к дому. Дождь закончился, на столбах горели фонари. Он шёл по мокрым улицам, и мысли его крутились вокруг Нонны, которая также прошла через это. Но только он ничего об этом не знал. Он сожалел, что прошёл уже год, а он даже не интересовался и не искал её. Не знал, как ему быть, если надо будет объяснять жене. Неужели придётся хранить эту тайну на протяжении всей жизни? По дороге к дому, он думал: «Существует ли хоть один мужчина, который нашёл бы ответ на такой вопрос?» Его пугала и другая мысль: если вдруг Новелла узнает? Она его бросит, подаст на развод. Она ведь была девушкой, и о нём думает, что он без греха! После раздумий, он вернулся к прежней обстановке. «Будь что будет, – подумал он. – Новелла самая лучшая жена на свете! Малыш, которого она рожает, это результат нашей взаимной любви, одобренной церковью. То, что случилось до брака, печальная история, и жена тут ни при чём. Она не должна страдать».

Он зашел в комнату, где ощущалось присутствие Новеллы. Его никак не покидала непонятная печаль и угрызения совести. Он не мог звонить в роддом, в общежитии не было такой возможности. Полежал немного на кровати, затем выпил кофе и пошёл на работу. С работы он мог звонить.

В библиотеке был полный беспорядок. Вчера сотрудники устроили там гулянку по поводу дня рождения. На книжных полках стояли тарелки с остатками еды и повсюду были разбросаны пустые бутылки, в помещении было накурено. Перед тем, как убрать, он зашел в приёмную, чтобы позвонить в роддом. Узнал, что Новелла родила мальчика! От счастья он был готов всех обнять. Он всё же привёл в порядок столы, приготовил выпивку и бутерброды, и когда пришли на работу сотрудники, собрал их, чтобы поделиться радостью! Отсутствовали лишь начальник и Кристали-

на. Он пошёл за ними. Дверь кабинета не была заперта, он туда ворвался, но был сильно смущён увиденным. Начальник со спущенными штанами упирался задом об стол, а Кристалина стояла на коленях перед ним и усердно его ласкала. Филарет растерялся, что-то пробормотал и быстро вернулся в библиотеку. Сотрудники пили стакан за стаканом, поздравляя Филарета. Появились Кристалина с начальником, розовые и довольные, праздник продолжался, но потом у Филарета закончились финансы. По традиции, все присутствующие быстро скинулись и прикупили достаточное количество вина, чтобы на всех хватило, да так, что все опьянели. Через некоторое время всё здание гудело от песен и веселья.

Расцветали яблони и груши…

Выходила на берег Катюша!..

Затем:

Ой, мороз, мороз!..

Филарет совсем не помнил, как дошёл до дома и как уснул в одежде до самого утра. Проснувшись, почувствовал, что его голова ходит кругом, но нужно было идти на работу. Там он нашёл лишь Кристалину в приёмной, красиво одетую, а её глаза никак не выдавали вчерашней пьянки. Филарет вспомнил вчерашний инцидент и ощутил к ней отвращение. Он позвонил в роддом, ему сказали, что жена и малыш чувствуют себя нормально, и что через день он может их навестить.

– Ты такой счастливый, – поздравила Кристалина.

– Вчера мы перебрали с выпивкой, и я остался без гроша.

– Здесь у нас при любом поводе отмечаются праздники. Нашим старикам всегда охота выпить. Ты бы совершил ошибку, если бы не накрыл стол по поводу рождения ребёнка. Не расстраивайся. Начальник уже подписал приказ о выплате материальной помощи. Пожалуйста!

Хоть он и испытывал к Кристалине лёгкое отвращение, как к распутнице, все же открыл конверт.

– Я не отстала от начальника, пока он не подписал приказ.

– Я тебе признателен. Как раз я оказался без гроша за душой.

Подходило время обеда, а в кабинетах не было никого, только они с Кристалиной.

– Все разъехались по командировкам? – удивился Филарет, когда девушка появилась в кабинете.

– Вроде того, – улыбнулась она. – После вчерашней пьянки многие уйдут на больничный. Главное, чтобы я находилась на работе и отвечала на телефонные звонки из Министерства. Распоряжайся своим временем по желанию, – посоветовала ему девушка. – Читатели тебя редко будут посещать, их не интересуют книги. Русские предпочитают алкоголь.

– Чем же мне здесь заниматься? – безнадёжно спросил Филарет.

– Трест обеспечивает круглосуточную работу всех туалетов в республике, – напомнила ему Кристалина, сделав серьёзную физиономию. – У нас работают около 30 прогульщиков, которые являются также читателями твоей библиотеки!

Эта новость заставила его задуматься о том, как именно он объяснит бывшим однокурсникам, где он работает. До обеда он проверил фонд книг и убедился, что есть книги, но никто их не читает. Он подумал, что скоро расставит по отдельности книги по философии, энциклопедии, а в свободное время станет читать то, что в студенческие годы не успел. Он выбрал книги, чтению которых посвятит эту зиму. Он убедился, что к нему заходит лишь Кристалина, всегда готовая поболтать, впрочем, как и в последующие дни, недели и месяцы, которые протекали однообразно. Здесь он забудется и уйдёт с головой в мир книг…

Кристалина, элегантно одетая, стояла рядом с ним и наблюдала, как он расставляет книги на полках. Её присутствие его не смущало. Вспоминая ту самую сцену между ней и начальником, он вдруг подумал, что она имеет право на личную жизнь.

К обеду секретарь принесла из приёмной электрический чайник, сахарницу и лимон.

– Выпьем по чашечке чаю, – она уже наливала в чашки.

– Мне нравится, как ты одеваешься, – оценил Филарет.

– Родственники отца присылают мне вещи из Америки.

– Сегодня тихо в коридорах, как никогда, – сказал Филарет с целью перейти на другую тему.

– Такое часто бывает, – улыбнулась Кристалина. – После пьянки начальник может не являться на работу целую неделю. Два года тому назад, у него умерла жена. Он одинок и беспомощен.

– И ты за ним присматриваешь.

Она сделала вид, что не понимает:

– Ты обаятельный, знай, что ты покорил начальника с первой минуты! Он лично мне сказал. Ты не похож на других родом из села. Я за тебя постояла, и очень рада, что мне есть с кем общаться на родном языке. Как назовёшь сына?

– Даниел..

– А жена согласна?

– Мы уже это обсуждали.

Кристалина стояла перед ним в чёрной, коротенькой юбке. Она села на стул, запрокинув ногу на ногу. У Филарета слегка закружилась голова от увиденного голого женского бедра. Девушка оказалась у него за спиной и принялась массировать ему плечи.

– Я сдаюсь, – прошептал он.

– Закрой дверь на ключ, – предложила девушка.

Они впали в транс. Со стола упала литература о последнем съезде партии в Москве. Кристалина оказалась настоящей искусницей и повела его в мир порно и эйфории, время от времени шепча ему ласковые слова и просила удерживать мужскую стойкость: «Не торопись...» Вокруг него кружились полки, вазоны с цветами, лучи солнца, проникали в помещение.

Всё закончилось, и он без сил сидел на полу. Кристалина приводила в порядок одежду, причёску, затем попросила отпереть дверь. Она отнесла чашки и чайник на подносе в кухонный уголок и ушла по пустому коридору в приёмную, где громко звонили телефоны.

Оставшись наедине с самим собой, Филарет почувствовал одновременно и пустоту, и удовольствие. Он вспомнил о Новелле, о ребёнке, которого ещё не видел, затем посмотрел на конверт и почувствовал себя предателем: пустился в грех запретного плода! Он нервно провёл пальцами по чёрным волосам, подумал пойти в приёмную к девушке и заявить ей, что не хочет повторения в библиотеке. Душа жаждала мести, но появилась Кристалина, улыбаясь, в компании какого-то товарища с коричневым портфелем.

– Филарет Инеряну? – поинтересовался он, осматривая его с головы до ног.

– Вас какая книга интересует? – спросил Филарет в полной растерянности.

-Меня интересует всё, – ответил тип. – Я Фёдор Дарадайко, секретарь партийной организации при министерстве.

– Идеологический фронт, – согласно кивнул Филарет.

– Всё-таки тебе удалось устроиться в городе. Молодец!

– Вы желаете чего-то конкретного?

Фёдор Дарадайко говорил на чистом русском языке, затем перешёл на идеально румынский:

– Иван Пологов недоволен тем, что ты устроился на работу. Но я его успокоил и убедил, что здесь ты не будешь продвигаться в карьере. Я постараюсь, чтобы тебя перевели в более престижную библиотеку…

– Иван Пологов в курсе, что я устроился на работу в Кишинёве?!

– Мой дорогой! При желании, мы можем узнать всё, что угодно про любого человека. – Тип открыл портфель, вытащил журнал и уточнил биографию Филарета. -Ты старайся работать так, как умеешь, даже здесь, в этой библиотеке, которую давно нужно ликвидировать. У тебя есть читатели?

– Все сотрудники треста!

– Знаю, я в курсе. Самым активным читателем является Кристалина. Она всегда на месте.

– Верно.

Собираясь уходить, Фёдор Дарадайко заявил:

– Ты работай. У тебя есть жена и ребёнок.

Оставшись один, Филарет накрыл ладонями лицо и сказал: «И здесь меня нашли». Анализируя происшедшее за весь день, вспомнил про жену. Завтра утром он приведёт её дамой.

Закрыв на ключ библиотеку, он зашёл в приёмную.

– Я завтра задержусь. Мне нужно привести дамой *жену*…

– Ты всегда на меня можешь рассчитывать, – сказала Кристалина.

10

Филарет спешил домой после работы, чтобы помочь жене. Убаюкивал ребёнка, купал его. Он знал, что Даниель его не понимает, но всё равно с ним разговаривал, пришептывал ему что-то, напевал песенки и усмехался, когда этот маленький комочек, от которого сладко пахло маминым молоком, в чистых подгузниках смотрел ему в глаза и улыбался.

Новелла ими любовалась, поддерживала чистоту в доме, возилась на кухне и часто удивляла мужа новыми рецептами блюд. В шкафу висели чистые рубахи, идеально выглаженные штаны. Филарет прекрасно себя чувствовал в качестве семьянина и строил планы на будущее, ему нравилось всё, что делала жена. Он скучал по ней дома, в библиотеке, за покупками в магазине. Всегда было чувство радости друг от друга! Новелла была низкого роста, он же высоким и сильным, унаследовавшим силу предков. Они словно дополняли друг друга…

С некоторых пор ему казалось, что знакомые смотрят на него с иронией из-за того, что он работал библиотекарем. Он работал спокойно в тресте, получая зарплату, которая покрывала только часть семейных расходов, и мечтал о персональной богатой библиотеке. Он много думал о сыне, который рос и с каждым днём становился интереснее, уже стоял на ножках и капризничал. Вечерами он выходил с ним гулять в алее рядом с общежитием, а Новелла оставалась дома немного придти в себя. Иногда Филарет не спал по ночам из-за ребёнка, и утром шёл на работу, как на отдых. Они часто встречались с коллегами из университета, то у них, то у друзей, тем самым, Новелла спасалась от ежедневной рутины.

Большую поддержку они получали от родителей Новеллы, которые регулярно посылали продукты и деньги. Ему не было по душе их недовольство по поводу его профессии, но он их уважал и терпел иронию тёщи, которая не стеснялась прямо высказываться:

– Работу библиотекаря может исполнять даже пенсионер. Когда меня спрашивают, кем работает мой зять, я сразу замолкаю.

– Раз я вас позорю вас этим, больше не беспокойте меня из-за этого,– осмелился возразить ей Филарет.

Некоторое время тёща больше его не подкалывала и не проявляла интереса говорить с ним вообще. Тесть же был более понимающим, дарил ему новые книги, подбадривал:

– Живи как знаешь, интересами своей семьи, не слушай никого. Если тебе нравится твоя работа, с радостью приходишь домой к семье, значит всё в порядке.

– Я люблю книги. Моё место в библиотеке, и ничего не могу с этим поделать!

Здание треста находилось возле Чеканского леса на холме. Из окон была видна большая часть современного микрорайона. Он навёл порядок в библиотеке, даже на полках с пропагандистской коммунистической литературой. Так как посетителей не было, он всё время читал. Он поддерживал дружеские отношения с директором и с остальными сотрудниками, которые были ему симпатичны и приличными людьми. Тёща привезла Филарету с севера республики галлон самогона, который он спрятал среди книжных полок, и иногда выпивал по пятьдесят грамм, а если начальнику хотелось, обязательно наливвал и ему стопку-вторую. Авенир Николаевич нашёл в нём друга, и на каждом собрании приводил его в пример, назначал премии как активному работнику. Но чаще всего начальника не было на работе, как и большинства сотрудников, которые, якобы, день и ночь ездили по республике с целью проверок публичных туалетов. Филарет старался тратить время с пользой для себя, много читал, в обеденный перерыв ходил в лесок вместе с Кристалиной. Они спускались по тропинке к роднику, чтобы набрать воды для чая. Девушка всегда одевала новые вещи, была элегантной, собирала цветочки и рассказывала ему обо всём на свете. Возвращаясь с прогулки, она врывалась в библиотеку, закрывала дверь на ключ и заявляла без какого-либо стеснения:

– Ты мой мужчина. Я хочу тебя! Я чувствую тебя всем своим телом…

По утрам, приходя на работу, он клялся себе, что оттолкнёт её, но в обед становился немощным перед грехом. В шкафу в последнем ряду у книжных полок он хранил матрас, две простыни, предназначенные для соблазна, который был у них схож с позами из Камасутры…

– У меня есть жена, – пытался он иногда сопротивляться. – Я боюсь, что жена узнает про мою измену, – говорил он Кристалине. – Найди себе хорошего парня и выйди за него. Ты симпатичная!

– Я не стремлюсь разрушить твою семью, – успокаивала она его. – Разве ты не чувствуешь, как наши тела тянутся друг к другу в полной гармонии? Я тебя хочу всё больше с каждым днём, для здоровья.

– Сколько будет длиться это безумие?

– Это происходит само собой, и это останется между нами! Фёдор Дарадайко из госбезопасности неровно ко мне дышит. Ему 50 лет, и я всегда могу выйти за него замуж. Он меня хочет.

– Мы должны это прекратить.

– Это произойдёт, когда я захочу, – заявила Кристалина. – После того, как выйду замуж, перестану тебя беспокоить.

– Наши отношения обречены.

– Но я ни с кем из мужчин не чувствую такого сексуального блаженства, как с тобой, – почти плакала она. И тяжело вздыхала.

– Даже с Авениром Николаевичем? – напомнил он ей.

– Секретарши всего мира делают приятное своим начальникам. Это механическая эротика, и к нам она не относится. Я тебе всегда буду признательна. Буду помогать всегда.

– И с каких это намерений?

– Я так хочу.

Девушка была искренней и доброжелательной. Утром встречала его улыбкой, а днём они часто бывали близки. Она интересовалась, не нуждается ли он в чём-либо. Их отношения были похожи на дружеские. Филарет подарил ей плюшевую подушечку с надписью на английском «For You», затем маленькую репродукцию Сальвадора Дали. Сотрудники не подозревали, что между Филаретом и Кристалиной сложились и другие отношения, кроме дружеских. Девушка даже оказалась экспертом в делах конспираций. Она докладывала начальнику всё новости, а в подходящий момент напоминала как бы между прочим, что библиотекарь находится в трудном финансовом положении и что было бы неплохо выделить ему денежную премию. Когда Филарету выдавали премию, Кристалина радовалась вместе с ним, и просила отнести деньги домой, отдать жене.

Новелла пришла в себя после родов, коричневатые пятна исчезли, она была счастлива и похожа на Мадонну, когда кормила Даниеля, а тот уже учился ходить. По вечерам она рассказывала в подробностях, как растёт ребёнок. В комнате царила чистота, Филарет заботился, чтобы всегда были свежие цветы в вазе. На стене висели несколько иконок, полки с книгами, на другой стене висел молдавский ковёр в народном стиле. У них был телевизор, большое радио с проигрывателем, магнитофон, коляска, холодильник.

Даниелю исполнилось десять месяцев, и Новелла заявила, что дома ей скучно, она хочет выйти на работу.

– Моя мама сможет мне помочь и понянчить внука у себя в селе.

Филарет посмотрел на неё удивлённо.

– Ты хочешь оставить ребёнка без материнского присмотра?

– У моей дочери есть специальность. Пришло время работать, – пыталась тёща его убедить. – Она должна защитить диссертацию. Сам профессор Берсукер будет ей куратором! Карьеру нельзя игнорировать. Моя дочь способная, и у неё есть перспективы.

Филарет. конечно же, понимал намёки тёщи.

Новелла всё чаще об этом говорила, а в начале весны она настояла на своём:

– Я всё успею, – настойчиво говорила она. – Ты же хочешь жену-учёного? Я буду заниматься лабораторными опытами у профессора Исаака Берсукера.

В конце-концов, Филарет уступил:

– Посиди летом с Даниелем, чтобы он ещё подрос, а осенью вернёшься в Академию.

В конце мая жена уехала в село. По субботам Филарет приезжал повидаться с семьёй, а в воскресенье вечером возвращался поездом в столицу. Тёща иногда его наставляла:

– Сделай усилие и устрой свой будущее. Ты способный, можешь стать директором Республиканской библиотеки.

– До того, как стать начальниками, люди начинают с низшей ступени профессии, – защищала его Новелла.

Летом в городе стояла жара. Большинство сотрудников разъехались на море или в горы. Кристалина также уехала на Чёрное море. В библиотеке целыми днями никого не было. Всё чаще он задавал себе вопрос: зачем нужны его услуги, если никто ими не пользуется? Тёща все-таки права. У него есть энергия, интеллект, но сидит и тратит здесь своё время. Нормальные люди развиваются и вне рабочего времени. Это чувство преследовало его до тех пор, пока не приехала секретарша из отпуска. Вся загоревшая, весёлая, и такая же страстная. Он решил поделиться с ней своими мыслями:

– Ты не могла бы мне помочь?

– Попытаюсь, – ответила она. – Мы больше не будем терять с тобой время… Осенью я выхожу замуж.

– И кто счастливчик?

– Один тюфяк. Осёл! Но он меня любит. Он хорошо стоит материально, и я буду дурой, если упущу эту возможность, – сказала девушка, и за-

тем заявила: – До свадьбы я с ним спать не буду. Мы уже договорились об этом, и он согласился. Я хочу только тебя.

– И ты хочешь сказать, что будешь паинькой?

– Нет, сперва я хочу от тебя забеременеть. Хочу красивого ребёнка!

– А я хочу перевестись на другую работу, – заявил Филарет, оставив сказанное Кристалиной без ответа.

– Я попытаюсь тебе помочь. Я же обещала.

Через несколько дней в библиотеке появился Фёдор Дарадайко, который говорил с ним лишь на русском, и официальным тоном:

– Ты кажешься скромным парнем, но у тебя серьёзные связи! Министерство переводит тебя в административный аппарат в качестве заместителя начальника республиканской библиотеки. У нас есть письмо-рекомендация. Сам министр уверял меня, что ты заслуживаешь эту должность. Ты будешь заниматься пополнением фонда новыми изданиями. Комнату в общежитии тебе оставляем.

– Я надеюсь. – ответил Филарет и слегка растерялся.

– С понедельника приступаешь к новой работе.

Филарету не терпелось позвонить жене и тёще, чтобы сообщить новость. Скоро и Кристалина появилась, чтобы разделить с ним радость.

– Я тебе сказала, что помогу! Мой дядя всех поднял, даже госбезопасность! Так мне захотелось! Чтобы ты не забывал меня. Я люблю лишь тебя, и нашего ребёнка также буду любить. Выключи свет и закрой дверь на ключ!

В тот вечер они разошлись по домам в полночь. Филарет чувствовал, будто разгружал вагоны. В душе у него было пусто. В его сознании стоял облик жены, он думал о Нонне, а рядом крутились странные намерения Кристалины. «А что если её намерения исполнятся? – Задавал он себе вопрос. – Это значит, что сексуальные похождения принесут мне двух незаконнорождённых детей! Какой я дурак! И если Новелла узнает, что я буду делать?!»

Филарет приступил к новой работе в качестве заместителя начальника республиканской библиотеки. Он управлял большим складом, куда поступали новые книги. Примерно двадцать молодых девушек вели учёт получения, хранения и рассылки книг в местные отделения. Через один кабинет располагалась приёмная начальницы библиотеки, солидной

дамы, совсем не говорившей на румынском. Когда он с ней поздоровался, она протянула ему руку. Её звали Ванда Михайловна, на пиджаке у ней висело несколько медалей, и она была ветераном войны. Она чётко дала ему понять, что он должен будет выполнять всё, что ему прикажут, в интересах коммунистической политики партии, идеала, которому служат все библиотеки в республике.

Его удивило, что на новой работе у него была служебная машина, на которой он разъезжал по командировкам. Большинство поступлений было на русском языке. В села и посёлки республики книги на родном языке почти не доходили. Он много ездил: сегодня в Бричанах, завтра в Кагуле, Вулканештах, Унгенах или в Рыбнице… Он участвовал в собраниях, конференциях, на различных выставках, изучал предложения сотрудников, и как следствие этих командировок, иногда несколько дней подряд не выходил из склада, распределяя книги. Свободного времени не оставалось, он всегда был занят решением появляющихся проблем. Филарет вскоре обзавёлся знакомыми по всей республике. Большинство библиотекарей были молодые женщины, и они относились к нему с симпатией. В его сфере деятельности обстановка улучшилась. Иногда среди библиотекарей возникали конфликтные ситуации, и тогда Ванда Михайловна отправляла его разрешать их. Чаще всего конфликтовали женщины из секретных отделов, где хранились экземпляры запретной литературы. Чтобы выдать их читателям, нужно было согласовать вопрос с госбезопасностью. Женщины получали большие зарплаты, но интриги всё равно возникали. Он всегда мечтал иметь доступ к запрещённым книгам, и всячески старался войти в доверие к библиотекаршам. Он дарил им гвоздики, пил с ними чай и кофе. Библиотекарши жаловались на Ванду Михайловну, из-за которой невозможно было что-то там поделить. Филарет нашёл общий язык с Раисой Ивановной, русской с Алтая, которая гордилась, что является землячкой писателя Василия Шукшина. Ей нравились *крепкие спиртные напитки*, и тогда Филарет угостил её *самогоном* тёщи. Она сразу подобрела и стала часто звать его в свой кабинет, зная, что он носит в пиджаке бутылочку, а женщина никогда не отказывалась выпить пару рюмок.

– У тебя есть моя поддержка, – заявила Раиса Ивановна в один прекрасный день после двух рюмок в обед, а ещё она прошептала ему: – В суб-

боту у нас санитарный день, и на месте буду только я. Ты можешь придти и читать секретную литературу. Я румынского языка не знаю!

Филарет пытался понять, не является ли это ловушкой, но женщина добавила:

– Здесь есть секреты на уровне атомной бомбы! Я хочу, чтобы ты знал больше, чем другие.

Он ждал этого с нетерпением, но не спешил идти.

На зимние праздники Министерство культуры удостоило его дипломом и денежной премией. Про его успехи писали даже в прессе, на радио просили у него интервью. Теща стала гордиться своим зятем, который стремительно прогрессировал, и даже числился в ряду известных личностей республики Молдова! Он задумал написать несколько статей для специализированных изданий в области библиографических исследований. У него, как оказалось, находилось свободное время для бесед за чашечкой чая, а дверь его кабинета была открыта для тех, кто хотел с ним побеседовать. Но предложение Раисы Ивановны не выходило у него из головы. Такая литература вызывала у него интерес, и он знал, что там можно найти книги, журналы и документы об оккупации, о репрессиях, о голоде и депортациях. Он был в напряжении, и боялся ловушки.

Каждый раз Раиса Ивановна, выпивая самогон, настаивала:

– В субботу можешь зайти, – говорила она шёпотом, указывая на стопку книг и рукописей. – Я выбрала их для тебя.

– Я подумаю, – рискнул ответить Филарет. – Хоть и не сильно хочется.

В один день к нему зашли Андрея, Вадим и Новелла. Им было любопытно увидеть его вместительный кабинет с креслами, кофейным столиком, двумя телефонными аппаратами, один из которых был для связи с сотрудниками, а другой – с библиотеками всей республики. Он угостил гостей кофе, они побеседовали на разные темы, а на прощание жена заявила, что очень удивлена множеством молодых девушек, которые шуршат юбками в коридорах библиотеки. Все как одна, хорошенькие и милые.

– Ты живёшь в мире молодости и любви! – сказала Новелла. – Инерян, смотри не потеряйся в океане юбок!

– Ладно тебе ревновать. На работе не место для романтических отношений, – заверил он её. – Ты моя единственная любовь!

– Смотри, аккуратно! Если я что-то заподозрю, вместе нам не быть, встречаемся в суде и разводимся, – в шутку сказала Новелла и поцеловала мужа в щёку.

– Зайди как-нибудь неожиданно, и устрой ему сцену ревности по-итальянски, – предложила Андрея.

– Ну, если будет повод, может, и такое случится, – пошутила жена.

Правду говоря, молодые девушки, бывшие в его подчинении, сами к нему приставали. Заходили по рабочим вопросам, но не упускали повода пожаловаться на личную жизнь. Некоторые провоцировали его на беседы о любви. Он противостоял соблазнам из всех сил. Ему казалось, что Новелла видит и слышит всё, когда какая-то соблазнительница задерживалась больше необходимого в кабинете. Были и такие, что не смущались садиться в кресло перед ним, демонстрируя свои обнажённые ноги и поигрывая красивыми волосами, не забывая повторять, что не следует думать лишь о работе. Он их слушал, забавлялся, но оставался при мнении, что было достаточно гуляний, и что пора думать о семье.

Он работал с утра до вечера, старался всё успеть, но особенно быстро выполнял указания Ванды Михайловны, которая за ним наблюдала, делала замечания молодым девушкам, чтобы работали и не засиживались у него в кабинете. У Ванды Михайловны была чёрная папка с разными инструкциями и правилами. Она читала их ему, надевая очки, которые спускала со лба, а когда надо было смотреть вдаль, надевала другие, которые висели на шее на серебряной цепочке. Она не спускала с него глаз в течение дня, не позволяла обращаться к нему более мягким тоном, и, если вдруг он пропускал какую-то оплошность, направляла на него свой странный, глубокий взгляд.

– Неточность меня всегда раздражала! – говорила она строго. – Не расслабляйся, держись достойно. Ты солдат идеологического фронта!

Филарет быстро освоил всё тонкости своих обязанностей, и Ванда Михайловна имела всё меньше претензий к нему. Его раздражали лишь её частые визиты в его кабинет, но чувствовал облегчение, когда начальница уезжала в командировку. Коллектив также был в настроении и расслаблялся, отмечая чей-то день рождения. В таких случаях он держался в стороне.

Он с нетерпением ожидал выходных. Тогда он с Новеллой садились в переполненный поезд Кишинёв-Окница к тёще с тестем. В пункте прибытия их встречал тесть на синем «Москвиче», и они ехали по холмам и

по Кимаковскому лесу до Клокушны, где их ждала тёща с Даниелем на руках. Филарет вдоволь наедался разными вкусностями, которые она готовила. Он обожал её консервированные грибы, затем выпивал с тестем по три рюмки самогона по русскому обычаю – «Бог любит троицу!» Любил гостить в их доме, иногда полным гостей. Засиживались до полуночи. Тёща не скрывала радости и хвалила зятя, наконец. нашедшего себе место с большими перспективами. Она не только вкусно готовила, но и умело шила себе наряды по выкройкам из иностранных журналов на своей импортной швейной машинке. Жёны начальников из соседних сёл приходили к ней заказывать наряды. Используя связи, доставала дефицитные качественные ткани, и каждый раз, когда Новелла приезжала домой, дарила ей новое платье или костюм. Филарету тоже шила пиджаки, брюки. Тесть разбирался в ремонте телевизоров, моторов, автомобилей, иногда рисовал маслом на холсте. В *каса-маре* висела картина с изображением охоты на косулю, на другой стене – портрет тёщи в молодости. К ним постоянно приезжали клиенты из Гвэздэуц, Клокушны или Секурен, чтобы починить автомобили, и от их владельцев Филарет слышал различные рассказы об охоте на зайцев или кабанов. В центре внимания был Даниель со своими проказами, он уже начал говорить какие-то словечки и просился на руки то к одному, то к другому. Но больше всего ему нравилось, когда отец сажал его себе на плечи и носил по дому, по двору, возле леса. Новелла мерила новое платье у зеркала и ждала комплементов. В доме родителей они чувствовали себя спокойно. Иногда они с Филаретом уходили в лес, от всех подальше, и любили друг друга.

– У меня много планов. Меня ждёт диссертация.

– У нас есть опора. Мы справимся.

– Ты защити меня от нежелательной беременности, – волновалась жена.

– Это невозможно. Ты такая страстная на природе!

– Мы с Даниелем не справляемся, ты ещё одного хочешь?!

– Когда у нас будет своя квартира, хорошие условия, тогда и будет ещё один ребёнок.

– Дай Бог нам здоровья, – сказала Новелла, направляя на него свой влюблённый взгляд.

Мгновенья пролетали как лепестки цветов, опавшие с ветвей. Они ночевали в *каса-маре* на широкой кровати с мягкими подушками и одеялами,

сделанными тёщей. Укладывали сына между собой, он спал с оттопыренными ручками, в комнате горела толстая свеча, и при её свете они наблюдали за его мирным сном. За окнами всю ночь слышались идущие поезда, ритм их стучащих колёс и свист, но их сон был сладким и спокойным.

На заре их разбудил будильник. Синий «Москвич» ждал у порога. Тёща забивала багажник продуктами, а тесть наполнял бутылку самогоном.

На прощание тёща провожала их всегда одинаковыми советами:

– Будьте всегда смышлёными, вы хорошие у меня!

– У нас нет другого выбора, – в один голос повторяли они.

Лето пролетело как в сказке.

Новелла трудилась над диссертацией под руководством профессора Исаака Берсукера и проводила много времени в лаборатории Академии.

11

Накануне нового санитарного дня Раиса Ивановна в приподнятом настроении зашла к Филарету в кабинет.

– Ванда всё ходит за мной и даёт новые задания! Она заставляет меня охранять книги Солженицына, Пастернака, Шаламова, Константина Стере, чтобы, не дай Бог, кто-то их не увидел, а уж тем более, не прочитал! Господи, столько секретов в нашей жизни! Тогда зачем они находятся в библиотеке, если никто не имеет к ним доступа?!

Она угощала его блинами с повидлом, а он уточнял:

– Желаете пятьдесят грамм?

– Молодой человек, ты меня вылечишь по-настоящему, – ответила она, меняясь в лице. – Я только хочу успокоиться.

Раиса Ивановна попробовала самогон тестя и напомнила, что ждёт его у себя в отделе.

– Я не хочу неприятностей, когда речь идёт о секретах и запретах, – осторожно сказал Филарет.

– Ладно тебе, – жестом остановила она его, и попросила ещё рюмку. Выпила залпом, слегка поморщилась и стала откровенничать: – Пусть я воевала, но всё равно недовольна советской властью! Я родилась в селе в Рязанской губернии. Родители привили мне традиции, веру в Бога! Коммунисты же всё разрушили своей идиотской идеологией. Сколько народу

погибло от голода, в репрессиях, отлучённых от дома... В нашем селе остались лишь пустые дома и окна, забитые досками! Я даже не знаю, где меня похоронят, когда наступит конец.

– Вам ещё жить и жить, Раиса Ивановна.

– Хорош фантазировать, – протянула она опять рюмку. Выпила, закусила солёным огурцом и сурово напомнила: – В субботу я тебя жду. Ванда – волчица. Она ни разу не появляется в санитарные дни. Стала бабушкой, нянчится с внучкой. – И заново пригрозила: – Только попробуй не придти!

В ту субботу Филарет пришёл на работу. С опаской подошёл к железной двери. Раиса Ивановна встретила его радостно. Закрыла за ним на ключ железную дверь и провела к деревянному столу, вокруг которого стояли стенды с пожелтевшими документами и книги, с подшитыми и подклеенными обложками.

– Я вас понял, буду читать и держать рот на замке.

– Не делай заметок нигде, – предупредила она и попросила сто грамм.

Филарет окунулся в чтение и с первых же страниц открыл неведомый мир рассказов некоего Мафтея Хангану, писавшего остро и жестоко: *«Русских нужно жарить живьём! Вооружённые отряды в форме приходили по ночам за поставкой, это слово не было понятным для народа»*. Затем прочитал выписку из официального документа того времени: *«Первые попытки разработки концепта «молдавского языка» как отдельного языка от румынского, происходили в 20-х годах XX века, и является выразительной реакцией русских на воссоединение Бессарабии с Румынией. Целью этнокультурного проекта была потребность доказать легитимность формирования Молдавской ССР, а также претензии русских по поводу оккупации Бессарабии 28 июня 1940 в результате советского–немецкого пакта о ненападении и дополнительного секретного Протокола, который разделил Европу на сферы влияния. Русские с помощью танков ввели в Бессарабии новый режим – тоталитарно-коммунистический, и новый язык с кириллицей – новым алфавитом для населения. Специфика национальной политики России на этой территории состояла в категоричном отвержении современной румынской идентичности, а также современного регионального молдованизма – одного из составляющих румынской идентичности – и навязывания какого-то нового вида «красного молдованизма». Речь идёт о творении идентичности, которая играет роль мистификации исторического «буржуазного» прошло-*

го, отталкивает и искажает литературное классическое наследие, втягивание в свою структуру понятий исторических и этнокультурных мифов Российской Империи, относящиеся к румынам и к Румынии, к мессианской роли этой империи (ставшей позднее большевистской), в «спасении» балканских и европейских народов от османской «оккупации», от фашистской, в современной эпохе. С помощью навязанного красного молдованизма произошло перенаправление политической битвы между молдаванами и властями-оккупантами в этнический конфликт «молдаван» и «румын». По мнению российских властей, воссоединение Бессарабии с Государством Румыния в 1918 году воспринималось как «румынская оккупация», а русская оккупация – «освобождением». В Москве велись беседы «насчёт перехода молдавской письменности от латинской графики на кириллицу», и решилось следующее: «1. Решение Регионального Молдавского Комитета СР (б) Украины от 13 августа 1940 «По поводу сохранения латинской графики при издании учебников и других материалов на молдавском языке для Бессарабских школ в учебном 1940-1941 году» – аннулируется. 2. Перевести молдавскую письменность на русский алфавит…»

Любопытство Филарета нарастало. Он узнал, как погибли от голода 350.000 человек. Из рассказов одного высокопоставленного лица он узнал о случаях каннибализма в Молдове. Это происходило после входа советских войск. Совет Народных Комиссаров и Центральный комитет партии коммунистов (большевиков) Молдовы приняли решение об обязательной сдаче населением государству зерновых культур, подсолнуха, картофеля, сои, мяса, яиц, молока, брынзы, овечьей шерсти и прочих продуктов. Несмотря на то, что в 1946-1947 годы в Бессарабии была ужасная засуха, население принуждали «*выполнять план обязательных заготовок зерновых культур для регионов Тамбова, Курска, Воронежа и Орла, где не было урожая*». Поставка должна быть непременно выполнена, в случае неисполнения в указанные сроки назначался штраф, эквивалентный рыночной цене количества продуктов. Если же крестьянин противился, его привлекали к уголовной ответственности. Такая политика породила голод и каннибализм.

Далее Филарет прочитал следующее: «*Специальные отряды активистов из коммунистов и комсомольцев усердно вытряхивали всё зерно у крестьян, особенно то, что было отложено для посева… В некоторых сёлах умирали ежемесячно по 120-180 человек… Умерших никто не счи-*

тал и нигде не записывали… 23 декабря Евдокия Стичь и Вера Попова из села Милештий-Мичь, обе больные дистрофией, зарезали дочь Евдокии, Марию, и съели. Они планировали зарезать и съесть дочь Веры и вторую дочь Евдокии, но последняя убежала из дому… 4 человека из Чимишлии (муж с женой и отец с матерью) зарезали своего ребёнка, сына (внука) Николая, мясо сварили и съели в тот же день. Через 4 дня они зарезали мать (жену, тёщу) и съели её все вместе. Через 7 дней муж с женой зарезали отца (тестя). Часть мяса съели, а вторую часть спрятали в снегу… Подобное преступление совершили и какие-то люди из села Александровка, возле Чимишлии. Ночью они раскапывали свежие могилы, уносили домой трупы и съедали их, предварительно обжаривая мясо на огне. До 18 февраля 1947 съели 10 трупов (4 взрослых и 6 детей) …29 января 1947 в селе Дезгинждя в один день умерла целая семья: мать и трое детей. Одна соседка нашла их трупы и съела часть одного…»

В свидетельских показаниях человека из уезда Кагул говорится следующее: «*…в январе 1947 были дома я, жена, отец и мать. Отец стал высказывать своё недовольство по поводу председателя сельского совета, он стал просить у меня продукты, хлеб… Когда моя жена вышла на улицу, отец стал меня уговаривать чтобы мы зарезали сына Николая, а мясо – съесть; в начале я не соглашался; жена вернулась в дом, и я ей всё рассказал при матери, и они согласились. Тогда отец схватил нож, я достал кастрюлю и подвёл к горлу ребёнка, чтобы кровь не забрызгала кровать; отец проткнул горло ребёнку, затем разделили тело на несколько кусков, сварили и съели все вместе. Прошло четыре дня, мамы рядом не было, и мы с женой договорились зарезать мать, вернувшись в комнату, она села на кровать, тогда жена схватила её за руки и опрокинула на пол, а я разрезал матери горл. Перед смертью мать просила меня не резать её и немного закричала. Мы её тоже съели… Отец не участвовал в убийстве матери, но он находился в комнате и всё видел. Со дня смерти матери прошло семь дней. Мы с женой задумали убить и отца. Мы вышли на улицу, чтобы обсудить. Мы зашли в дом и быстро его схватили, опрокинули на кровать, жена залезла ему на ноги; он стал кричать и умолять не убивать его. Я был глухим к его просьбам и перерезал ему горло; часть мяса использовали, а другую часть спрятали в снегу, где его и нашли…»*

Среди множества изученных страниц Филарет нашёл признание некоего чиновника В. А. Шнырова, который приезжал из Конгаза на встречу с избирателями зимой 1947: «*По пути из Чадыр-Лунги до Конгаза валялись давно неубранные тела. Я остановился в селе Баурчь, большое село, в котором стояла тишина как на кладбище, на улицах и во дворах стояли сугробы. Лишь в центре села на чердаке и в помещениях сельского совета стояло множество распухших стариков и детей. Некоторые из них были в полуобморочном состоянии. Рядом – пункт выдачи продуктов, и там была невероятная давка и ужасные стоны людей. Другие пункты были закрыты. В сельском совете мне доложили обстановку. В ту ночь произошло 4 зверских убийства. Каннибализм носил массовый характер. Кража трупов; их увозили с кладбища и прятали. Сельский совет больше не в состоянии вести учёт населения. Мне сказали, что умерло 20 человек, я приказал предоставить мне возможность проверить это. И лишь до обеда насчитали 73 трупа. Большинство из них были спрятаны по чердакам, погребам, в сугробах. Из многих уже были вырезаны мягкие части тела, ноги. Проверка обнаружила более 100 сирот, оставшихся в холодных домах, без присмотра, в полуобморочном состоянии…*»

Некоторые документы, относящиеся к Бессарабским сёлам как Милештий-Мичь, Каракуй, Минджир, София, Казаклия, Баймаклия, Томай, Колибашь, Бебей, Мындрешть, Высока, Клокушна, Глинжень, Фурчень и. др., указывали на суровую реальность «светлого» времени, что принесли «освободители»: «*Сложно представить, что в Молдове были запечатаны дома и вывешены таблицы «Все умерли». По улицам за детьми охотились, притаскивали в дома, убивали и съедали*».

Филарет не мог оторваться от этих документов, сшитых в книгу и любезно предоставленных ему Раисой Ивановной. У него была возможность узнать о жестокости советской оккупации из секретного документа 009-243 от 13 февраля 1947, который содержал отчёт заместителя прокурора ССМР по специальным делам Другобицкого, посланный в Москву Генеральному прокурору СССР К. Горшенину: «*Настоящим считаю своим долгом вас проинформировать, что из-за засухи в Бессарабии создались невероятно трудные условия по снабжению продуктами питания, что привело к трудностям для сельского населения, в первую очередь. Как следствие, имеются случаи массовых заболеваний дистрофией,*

рост смертностей и случаи каннибализма. По неполной информации, до 5 февраля 1947 в Республике зарегистрированы 213.000 больных дистрофией, среди которых детей до 4 лет – 39.000, с 4 до 14 лет – 33.000. Были устроены 14.000 коек во временных бараках. Число больных и умерших растёт с каждым днём. С 1 февраля до 5 февраля число больных дистрофией выросло на 24.000 человек, за эти пять дней умерло 2.000 человек. Обнаружены 34 случая каннибализма (справки с детальным описанием прилагаются). Из-за сложной обстановки растёт криминал, бандитизм, грабежи, убийства и др. Всё прокуроры получили распоряжения для интенсивной борьбы с преступлениями. Как следствие принятых мер, тюрьмы и камеры предварительного заключения переполнены в населённых пунктах Белая Церковь, Хотин, Измаил, Черновцы, Арцыз, Рени, и др.…»

Во время чтения у Филарета появились ощущения сухости во рту. Раиса Ивановна подошла к нему:

– Никому ни слово, – предупредила она.

– Боже упаси!

– В другой раз прочитаешь и другие документы, – сказала ему женщина.

Возвращаясь домой, он шёл по улице, стараясь сохранять спокойствие. В ювелирном он приобрёл Новелле серьги, тёще – *махровый* халат, тестю взял галстук, а сыну купил плюшевого медвежонка. Недалеко от кафе «Пегас» он встретил Нонну. Уже три года, как он не видел её, но она было также красива. Она держала за ручку девочку в тулупе. Встреча его взбудоражила. Он пристально смотрел на девочку, заметив поразительное сходство с сыном Даниелем.

– Прими наши поздравления, – сказала Нонна. – Ты согласна, Викторица…

Филарет захотел взять на руки девочку, но та его оттолкивала ручками и хлопая ресничками.

– У Викторицы есть братик.

– Я в курсе, – сказала Нонна. – За наших детей!

Женщина намекнула, что торопится. Филарет растерянно прошептал ей вслед «*спасибо*», догнал и попросил:

– Зайди как-нибудь ко мне на работу, я хочу сделать подарок Викторице.

– В следующем году, – услышал он спокойный ответ гордой женщины, и она исчезла в толпе. Филарет долго стоял неподвижно, как вкопанный, всё произошло как во сне.

На зимние праздники он уехал в село с семьёй. Старался не показывать свою задумчивость и озабоченность. Новелла вместе с тёщей, как всегда, накрыли богатый стол. Филарет выпил больше обычного, и в глазах у него появился нежный образ Викторицы, которая удивительно была на него похожа! Заметив настроение мужа, Новелла старалась угадать его состояние:

– Никак не пойму, что с тобой происходит.

– В последние месяцы я много работал, и выгорел, – оправдывался он.

– Подумаем лучше о будущем. Я постараюсь закончить диссертацию, ты станешь на ноги, и не сегодня-завтра – начальником республиканской библиотеки. Уже не будешь больше под каблуком той змеи.

– Мы с ней уже в хороших отношениях, она не любит тех, кто ленив!

Однажды вечером Филарет рассказал жене о секретных документах, но попросил никому ничего не рассказывать.

– Ужасно! Будь осторожен! Ты под присмотром КГБ.

– У меня есть и хорошая новость для нас обоих, – заявил Филарет. – Из министерства мне обещали трёхкомнатную квартиру. Для нас с детьми.

– Но у нас есть лишь Даниель, – напомнила ему жена.

– Может быть, решимся ещё на одного, – напряжённо заявил Филарет, боясь не сболтнуть лишнего.

– Пока что нам одного хватает, – усмехнулась Новелла. Она посадила Даниеля себе на руки. – Лучше давай подумаем, как нам отдохнуть этим летом на море. Мне надо будет защитить диссертацию.

– Вот получим квартиру, и заберём Даниеля в Кишинёв, устроим в садик и будем все вместе, – продолжил он.

– Так будь настойчивей, – сказала жена. – Открывай чаще двери чиновников, и твоя мечта сбудется.

Филарет пошёл в министерство с просьбой решить проблему с жильём, не подозревая, что это может кому-то не понравиться. Но в один прекрасный день Ванда Михайловна ему объяснила:

– Только недавно пришёл сюда, и уже хочешь всё наготове! Ещё не было таких случаев, чтобы молодой специалист получил квартиру.

В середине января к Филарету пожаловала Кристалина. Уже несколько месяцев он не видел её. Она была в хорошем настроении, пришла с подарками: принесла ему настенные часы, электрическую бритву, белую рубаху и серый галстук.

– Куда столько подарков! С какой стати?!

– Просто так, – сказала она.

– Ты, как всегда, непредсказуема, – и он попытался просить её о помощи: – из министерства мне пообещали квартиру, но моя начальница не допускает даже мысли об этом, как такое возможно, чтобы я с коротким рабочем стажем добился жилья.

– Будет сделано! – уверенно сказала Кристалина и перевела разговор в другое русло: – Я беременна. Муж думает, что ребёнок его, а я радуюсь, что он наш с тобой.

– Ты ведь замужем!

– Да.

– Тогда рожай от своего мужа.

– Уже поздно, – довольно сказала она, расстёгивая пальто, чтобы показать свой округлившийся живот.

– Мне ничего не нужно!

– Не вредничай! У меня будет ребёнок по любви, – сказала она на прощание.

После этой встречи Филарет долго не мог прийти в себя: «Бедная Новелла, если бы она только знала…» У него появилось желание всё-таки признаться в своих грехах жене. Весь вечер он был подавлен, а перед сном прочитал ей несколько страниц из книги: «Мы рождаемся через боль на крошечной планете. Гонимся за пустотой миллионы лет напролёт. Мы растём, боремся, заболеваем, страдаем, другим причиняем страдания, кричим, умираем затем приходят другие люди, и всё происходит заново, так и продолжается эта бессмысленная комедия…»

– Что на тебя нашло? – прервала его удивлённая жена, – брось ты свой пессимизм. Жизнь прекрасна, нам ещё жить и жить.

– Да, жизнь — это чудо, – согласился он, перевернувшись на другой бок, пытаясь уснуть.

Через несколько дней его пригласили в министерство за документами на выдачу современной квартиры в центре города.

12

Молодая семья переехала в трёхкомнатную квартиру со всеми удобствами. Даниеля отдали в детский сад неподалёку от дома.

– Я и не подозревала, что ты на такое способен, – похвалила его тёща.

– И я не подозревал, – согласился Филарет.

– Может быть, напишешь диссертацию тоже, – предложила Новелла. – У тебя есть доступ к необходимым книгам.

– Нам будет сложно. Кто-то же должен содержать семью, – отбился Филарет.

– Я вам буду помогать, – предложила свекровь. – Я скоро выхожу на пенсию и заберу внука к себе в село.

– Думаю, будет лучше, если мы самостоятельно воспитаем нашего ребёнка.

Но уже через несколько месяцев они убедились, как сложно растить капризного ребёнка. Даниель иногда болел, и Новелла оставалась с ним дома, постепенно становясь нервной и скандальной.

– Я задыхаюсь!

– Я постараюсь найти решение, – поддерживал её муж.

В конце-концов, они опять отвезли Даниеля к бабушке.

Филарет пошёл к профессору Сильвестру Максимилиану – доктору философских наук, члену Академии Наук, который предложил ему заняться философскими проблемами *гетов и даков*.

А на следующий день к нему в кабинет пожаловал сам Фёдор Дарадайко.

– У тебя есть связи и в правительстве, – сказал он нервно. – Получил квартиру, работу и служебный автомобиль, но, вижу, спокойно не живётся. Научные исследования ему подавай!

– Это вы о чём? – удивился Филарет.

– Кем тебе приходится Василе Кушкэ из Дома правительства?

– Я его не знаю.

– Ах, ты его не знаешь! Он тебя пробил на должность, которую ты занимаешь.

– Кто это Василе Кушкэ? Понятия не имею, – искренне удивился Филарет.

– Он националист и бабник, – продолжал Дарадайко с окаменевшим выражением лица, с угрозой предупреждая: – Ты хочешь изучить гетов и даков, но знай, что наше происхождение славянское!

Слова Дарадайко звучали чётко и ясно.

– Я впервые слышу, что мы происходим от славян!– с иронией ответил Филарет.

– Ты напишешь мне объяснительную, каким образом ты познакомился с Василием Кушкэ и с Сильвестром Максимилианом, – приказал Фёдор Дарадайко. – Ты ещё пожалеешь об этом.

– Про Максимилиана я ничего не знаю, а Василия Кушкэ я ни разу не видел. Вас беспокоит, что я получил квартиру? Сотни человек получают квартиры вне очереди, а я, как молодой специалист…

– Ты играешь с огнём, парень! – занервничал Дарадайко и быстро стал собирать в портфель свои бумаги.

Придя домой, Филарет спросил жену:

– Кто такой Василе Кушкэ? Ты слышала о нём?

– Это высокопоставленное лицо, – ответила она. – Рассказывают, он единственный, кто во время заседаний говорит на родном языке!

Во всей этой истории было много неясностей. Он никогда не слышал публичные выступления Кушкэ, и стал гадать, кто и по чьей просьбе ему помог? Но тут на ум ему пришла мысль, что это может быть ловушка.

При встрече с Сильвестром Максимилианом Филарет рассказал о беседе с Дарадайко.

– Вчера этот тип навестил и меня, – признался профессор. – Он меня предупредил, чтобы я воздержался и не поддерживал твои научные намерения. Я ему ответил, чтобы он занимался государственной безопасностью, а ты – работой! Твою тему не будем официально объявлять на Совете, а то меня задавят эти дряхлые партийные типы, их большинство. Ты собирай данные, координируй, а в подходящий момент поедешь в Москву. Русские там более демократичны, чем в провинции.

Филарет согласился, собрал нужные материалы об истории предков, а дома по вечерам целиком уходил в чтение. Он понял, что угрозы Дарадайко не предоставляют опасности. Но Новелла всё же переживала:

– Что они от тебя хотят?

– Они хотят, чтобы я жил без способности думать. Ванда Михайловна при любом удобном случае позволяет себе колкости в мой адрес, когда видит, что я читаю классиков румынской литературы.

– Им точно нечем заняться. Ладно, успокойся!

Филарету хотелось чаще быть рядом с женой, но работа отнимала почти всё время. Постоянно поступали книги о съездах партии, и требовалось распределять их по библиотекам республики. Как-то раз, по возвращению из командировки из Тигины (Бендер), в его кабинете появилась Кристалина. Как всегда, она сияла, и от нее пахло дорогими духами. Приехала на личном автомобиле и припарковалась прямо у входа в здание, на что все библиотекари обратили внимание. На руках она держала девочку.

– Я назвала девочку Нелли, и мы решили тебя навестить.

– Прекрасный ребёнок!

Кристалина смотрела не него с восхищением.

– Он зачат по любви.

– Кто такой Василе Кушкэ?

– Это мой дядя! – удивила его Кристалина. – И я рада, что получилось тебе помочь.

– А ты познакомь меня с твоим добрым дядей…

– Цель моего визита совсем другая, – сказала Кристалина перед своим уходом. – Я рада, что тебе понравилась наша дочь.

Женщины из его прошлого сваливались ему на голову именно в периоды, когда он лучше всего ладил с женой. Он смотрел в окно, как Кристалина легко шагает с ребёнком на руках к автомобилю, садится и уезжает. Когда автомобиль исчез, он понял, что остался наедине с реальностью и подумал, что люди делятся на тех, кто живёт правильно, и на тех, которые поддаются соблазну. «И кто я теперь? – спросил он себя. – Так, один из тех, кто живёт неправильно. Я похож на пилота, который летит ночью над городом, чтобы бомбить врага, а на самом деле истребил женщин, детей и стариков. Это и есть моя реальность? Я отец незаконнорождённых детей, которые никогда не будут рядом со мной!».

Филарет чувствовал себя человеком, который не может сосредоточиться на главных делах, обеспечивающих достойную жизнь, и ещё он понял, что преподносит себя гуманистом, а на самом деле он совершенно бессовестный человек! Может быть, ему пора пойти работать на какую-то фабрику или завод или обрабатывать землю как крестьяне. Он ощущал на себе чужие, пронзительные взгляды, словно рентген: у него вне семьи есть двое детей от двух женщин. Ощущал себя виновным за то, что посмел украсть чужие судьбы, что запятнал их биографию.

Признавал свою слабость к женщинам, но пытался избегать их. Жену свою он любил, и незачем вызвать у неё ревность. Конечно же, он жалел о своих поступках, но это уже случилось, и как забыть такой позор? И как в свои 29 лет доказывать жене, что он изменится, станет верным супругом? К другим женщинам у него лишь физическое влечение! Новелла остаётся самой дорогой женщиной на свете! Такие слова он скажет и Даниелю, когда тот вырастёт. Для него существует лишь Новелла, она его счастье, и так будет всегда. Дети от Нонны и Кристалины не навредят его семье.

В течение дня он боролся со своими размышлениями, когда неожиданно к нему в кабинет зашла Раиса Ивановна.

– Уважаемый, зайди ко мне, дам почитать кое-что интересное.

На столике, подготовленном специально для Филарета, лежал документ с грифом «*Совершенно секретно*». Он стал читать: «*Уездный партийный комитет из Кагула владеет информацией о каннибализме и употреблении в качестве продуктов питания человеческих трупов в селе Баурчь, Конгазского района. В сентябре 1947 было зарегистрировано четыре убийства с целью употребления трупов убитых в пищу… Каннибализм обрёл массовый характер… Были зарегистрированы кражи многочисленных трупов из свежих могил. С трупов были срезаны мышцы и отрублены конечности для употребления в пищу. Одна изголодавшаяся крестьянка из села Бешалма с целью употребления в пищу зарезала двух своих детей из четырёх: девочку шести лет и мальчика пяти лет. Один крестьянин из Глинжен позвал к себе домой соседку, которую задушил и затем съел. В селе Гажба, Глодены, один тип убил своего 12-летнего племянника, который зашел к нему в гости, и съел его…*».

Филарет недавно читал подобную информацию, но его любопытство нарастало. Неожиданно кто-то постучал в дверь. Он выскочил из-за стола и увидел в дверях застывшую Ванду Михайловну в угрожающей позе:

– Раиса Ивановна! Кто позволил входить сюда посторонним?

– Филарет наш, Ванда Михайловна. Я его позвала, попросила принести мне нитки для зашивания дел…

– Замолчи сейчас же! – заорала начальница, затем обратилась к Филарету: – Выйди немедленно!

В библиотеке разразился скандал. На следующий день с утра пришёл

Фёдор Дарадайко и с ним ещё двое мужчин. Они тщательно опечатали отдел, как будто внутри лежала ядерная бомба. Раису Ивановну стали допрашивать. Она держалась как могла, заявляла, что Инеряну зашёл, чтобы принести ей нитки…

Фёдор Дарадайко спросил его:

– Ты увидел книги с грифом «Совершенно секретно»? Ванда Михайловна именно там тебя нашла.

– Я как раз собирался уходить, когда она зашла.

Дарадайко заставил Филарета написать объяснительную, сказав:

– Ты опасный элемент, парень! Я-то думал, что ты образумился.

Раису Ивановну уволили. В свой последний рабочий день она зашла к Филарету. Улыбалась, бодро себя держала и попросила Филарета налить ей последние сто грамм. Он отдал ей всю бутылку с самогоном.

– Мне жаль, что вас больше здесь не будет.

– Они хотели меня отправить в сумасшедший дом. Сказали, что я психически нездорова, потому что позволила людям узнать правду, но им это не удалось. Ничего! – Сказала женщина, спрятав бутылку в сумку. – Как бы они ни старались, эти черти, рано или поздно, люди всё равно узнают всю правду!

Как только она ушла, к нему в кабинет зашла Ванда Михайловна. Поправив очки, положила перед ним какой-то приказ:

– Ты переводишься в муниципальную библиотеку.

– Кто приказал?

– У тебя был разговор с Дарадайко, – напомнила она ему. – Сложившееся положение требует жертв! Госбезопасность не прощает. Ты сам себя угробил! Знай, нужно быть осторожней! Отдел по борьбе с национализмом приказал назначить тебя простым сотрудником. И в Академии тебе дороги больше нет.

Сопротивляться не было смысла. Он рассказал о происшедшем жене, и та вспылила:

– Вечно ты куда-то залезешь! И теперь что? Тебе даже научной деятельностью запретили заниматься. Ты так и останешься простым библиотекарем всю свою жизнь!

– Тебе не нравится моя профессия?! – агрессивно спросил Филарет. – Тогда зачем ты вышла за меня замуж?

– Нет, мне она не нравится! – закричала она так, что Филарет застыл. Он и не думал, что его жена может настолько разозлиться.

– И что теперь?

– Не знаю, – неуверенно ответила жена.

Они провели ночь в разных комнатах. Филарет своей вины не чувствовал и не собирался оправдываться. Жаль только, что он увидел в своей жене столько агрессии! Но он понимал, что любая его ошибка дорого ему обойдётся.

13

В муниципальной библиотеке Филарет попал в мир, полный романтики. Обстановка была рабочей, и он всегда был окружён десятками женщин и девушек. Новелла зашла к нему, затем сказала с горечью:

– Видимо, ты специально выбрал профессию библиотекаря, чтобы всю жизнь находиться среди юбок.

– Я тебе помогу выбрать подходящие книги для диссертации, – напомнил ей муж, – чтобы ты поскорее с ней справилась.

– Я сама справлюсь, – задумчиво ответила Новелла.

Филарет любил свою профессию. В читальных залах среди полок с книгами царило творчество. Сначало смущало, что он должен стоять у стойки и отпускать книги читателям. Но скоро он к этому привык. В свободные минуты уходил в отдел зарубежной литературы и читал романы писателей Ливиу Ребряну и Захария Станку, напечатанных на латинице. Через месяц он основал клуб молодых писателей, организовывал встречи с читателями и тематические круглые столы. Администрация библиотеки дала на это согласие. Он вывешивал объявления на видных местах в городе о «круглых столах», куда приглашал и специалистов, и учёных, которые поднимали вопросы о переменах в обществе. Часто зал был переполнен, особенно студентами и учениками старшеклассниками. В качестве администратора он начинал каждую встречу игрой на гитаре, исполняя песни собственного сочинения, затем рассказывал о последних издательских новинках. Догадываясь, что за ним следят, он старался приглашать на встречи представителей культуры национальных меньшинств. Во время одной из встреч, сидя за столом с Ихилом Шрайбаном, он напомнил, что в лесах Молдовы есть множество неизвестных мест, где были убиты и за-

копаны евреи в прошедшей войне, и что он верит, что придёт время, когда общество вспомнит об этой трагедии. Филарет рассказал о вкладе евреев в культуру, науку, искусство, литературу, экономику всей истории Бессарабии. Исполнил даже песню на идиш, затем развеселил публику парой традиционных еврейских анекдотов. Позже он дал слово пожилому писателю, который прочитал несколько миниатюр, и один рассказ про своё родное село – Вадул Рашков. Писатель вспоминал свою молодость и годы, когда был суфлёром в театре в Бухаресте. Он говорил на идеальном румынском, и использовал в своей речи традиционные словосочетания из Мунтении, что между Дунаем и Карпатами.

С того вечера одна из его коллег то ли в шутку, то ли всерьёз, шутила:

– Видно, в тебе есть еврейская кровь!

– Да, моя прабабушка по матери еврейка, её звали Етлия Беккер, – признался он.

Филарет был убеждён, что вся его деятельность не противоречит закону. Со временем он устроил несколько подобных собраний с писателями, произведения которых неофициально считались диссидентскими. Он пригласил народный коллектив из Конгаза, и публика была в восторге от гагаузских и болгарских песен. Полный энтузиазма, Филарет готовился устроить встречу с представителями цыган, но в библиотеке было назначено срочное собрание коллектива для обсуждения идеологического положения на сегодняшний день. К его удивлению, прибыли представители из министерства, а руководил собранием никто другой как Фёдор Дарадайко. С нахмуренным лицом он сидел в президиуме. Открыв заседание, он на русском языке, естественно, важным голосом акцентировал внимание присутствующих на следующем:

– Возмутительно, как дело дошло до такого беспорядка! В то время, как наше государство борется с агрессивной политикой Израиля в отношении палестинского народа, в Кишинёве какой-то Инеряну организовывает встречи с представителями евреев! Этот библиотекарь посмел пригласить на круглый стол лишь евреев, говорящих на молдавском языке с румынским акцентом!

Слово дали толстухе в очках из министерства. Она не представилась и стала по-русски возмущаться:

– В престижной библиотеке центра столицы националисты свили на-

стоящее гнездо! Завтра-послезавтра кто-то из них станет лидером тайной организации и будет бороться за власть в нашем государстве!

– Если бы вы только видели, как он готовится к этим круглым столам! – вскочила Сабина Помырлэ, молодая библиотекарша из отдела зарубежной литературы, приехавшая недавно из посёлка с семьёй. Она указала головой в сторону Филарета: – Он читает литературу только на румынском языке! Я заметила это, случайно изучив его формуляр.

Его удивили слова женщины в цветастом платье, которую он до сих пор считал скромной и красивой. Сабина Помырлэ говорила с акцентом и на диалекте своего села, допускала много ошибок в своей речи на русском языке, и вела к тому, чтобы на него свалили как можно больше обвинений! С трибуны выступили ещё две девушки. Они просили наложить запрет на круглые столы. Филарет сидел рядом с коллегами и как-будто видел их впервые в жизни.

– Таким, как Филарет Инеряну, не место в нашем коллективе! – высказалась Дорина Бологан, брюнетка, которая никогда ни с кем не говорила по-русски и с которой он был в хороших отношениях. Следующие ораторы обрисовали его врагом народа. Выступающие обвиняли Филарета, и на их лицах было выражение победы.

Теперь он понял, что за каждым его шагом следили. Взглядом искал в толпе хоть кого-то, кто бы его поддержал. Он сидел и слегка усмехался. На трибуну вышла Марта Кэрэбуш, стройная высокая девушка из Приднестровья, в коллективе её называли «русачкой». Она взглянула на зал, дождалась тишины, подняла руку и стала свободно и спокойно говорить на румынском языке:

– Не драматизируйте, пожалуйста, уважаемые коллеги! Ничего не произошло! Возможно, у нас все мужчины лентяи и сволочи, но Филарет оказался отличным организатором! Он достоин похвалы, а не обвинений! – И обратилась к президиуму: – Сам Ленин говорил, что мы должны укреплять дружбу народов, поддерживать культуру любой нации! Деятельность нашего коллеги полностью соответствует коммунистической идеологии, без отклонений! Почему допускается несправедливое обвинение!? А не вы ли, Сабина Бологан, участвовали в организации этих вечеров!?

– Прочь с трибуны! – крикнул кто-то из зала.

– Прочь национализму в нашем коллективе! – подхватил кто-то другой.

Марта Кэрэбуш пыталась возразить, но её голос заглушили неодобрительные протестующие возгласы, а Фёдор Дарадайко вынудил её уйти с трибуны. Она бросила в сторону президиума ироничный взгляд и села на своё место. К трибуне подбежала директриса библиотеки Надежда Бугай и почти криком начала своё выступление:

– Необходимо устранить идеологические ошибки в нашем коллективе! Мы не позволим национализму проникнуть сюда! Национализмом заразились Василе Кушкэ, представитель правительства, и он будет осуждён Высшим судом в Москве. За такое положено капитальное наказание! Василе Кушкэ, – продолжала она, – написал манифест «*Молдаванам и молдаванкам!*», в котором заявил, что в Кишинёве, Бельцах, Тигине действуют малое число национальных школ, ключевые должности не занимают молдаване! Это нелепо, люди добрые!

– И что, разве он не прав?! – спросила Марта Кэрэбуш.

Обстановка накалялась. Начальницу библиотеки никогда не видели такой злой, с таким каменным лицом.

– Из-за идеологической неустойчивости, – продолжала возмущаться Надежда Бугай, – Филарет Инеряну и Марта Кэрэбуш переводятся в другие библиотеки.

Резолюция собрания была поставлена на голосование, и она прошла единогласно.

Вечерело. Филарет шёл по улице с приднестровской революционершей. Его не покидало ощущение, что Фёдор Дарадайко, начальница библиотеки и его коллеги не спускают с него глаз, не покидают его. «Начальница вышла с готовым текстом резолюции, это значит, что вердикт априори был известен, – подумал он, – и если это так, почему до этого она поддержала мою идею этих круглых столов? Может, это была провокация? Неужели мои коллеги настолько лицемерны, что способны обвинить меня, чтобы спасти свои шкуры?». Он был ужасно зол на себя, и на то, что опять оказался безработным. Душа разрывалась от возмущения и от предстоящего разговора с женой. Но его удивила русачка, которая никогда ранее не вызвала у него интереса, и даже не старалась быть заметной. Она была единственной, кто его поддержала, и теперь она шагает рядом с ним.

– Зайдём в книжный магазин? – предложила Марта, взяв его под ручку. – Мне как раз по пути.

В магазине девушка приобрела два атласа карты мира, подарила ему один экземпляр и направились к троллейбусной остановке, где они и расстались.

– Мне жаль, что ты пострадала из-за меня, – сказал он.

– Я читаю газеты, слушаю *Свободную Европу*, *Голос Америки* и не забывай, что в Москве люди постепенно становятся демократичнее, – успокаивала она его.

– Думаешь, что-то может радикально измениться?

– Я в этом уверена! – похлопала его Марта по-дружески по плечу. – Скоро у нас будет возможность путешествовать по миру, и в Румынию тоже. Атлас тебе пригодится.

Он удивлённо смотрел ей вслед, а в мыслях зародилась идея, что девушка с ним солидарна лишь потому, что она… работает на госбезопасность.

– Спасибо за подарок!

– Ты всегда можешь на меня положиться, – уверила его девушка. – Успокойся! Нас не расстреляют, как это делали русские в 1940! Всё в прошлом. Ты можешь мне позвонить в любое время дня и ночи.

– Неужели? Спросил он, – записывая её номер телефона на бумажке.

– Я не шучу.

Дома уже с порога он понял, что жена в курсе случившегося.

– И как нам быть дальше?

– Мне нужно прийти в себя.

– Мне это надоело! – закричала Новелла. – Из-за твоих глупых амбиций рушится наша семья! – Она стала перечислять и сгибать пальцы: – Тебе в университете ещё предложили стать перспективным, чтобы не быть крысой среди книг, ты отказался! Сейчас чёрт тебя попутал взяться за политику – и вот, что с тобой стало!

Её слова беспощадно лились. Он молча наблюдал, как напряжено лицо жены, а по щекам текут слёзы. Нежный образ и голосочек, которые он знал, куда-то исчезли.

– Я попытаюсь тебе всё объяснить, но теперь мне надо придти в себя.

– Ну, уж нет! Сколько мы ещё будем терпеть такую жизнь из-за твоих идиотских амбиций?!

Филарет ощутил, что может взорваться в каждую секунду, одел куртку и вышел из дому, захлопнув дверь. Он проходил мимо скамейки где сидели и беседовали две пожилые женщины, когда его догнали слова Новеллы с балкона:

– Чтобы в дом вернулась только твоя тень!

– Боже мой, как можно! – крикнула ей одна из старушек. – Разве можно так невежливо разговаривать?

Как никогда Филарет почувствовал себя одиноким и брошенным. Он все проанализировал и убедился, что его вины здесь нет. Собрание было спланировано заранее. Время шло, мгновенья текли сквозь листья деревьев. Жена его не искала. Домой возвращаться не хотелось. Было желание исчезнуть и не возвращаться ночь или две, чтобы и она, как он, мучилась. Постепенно начал гаснуть свет в окнах. В кармане он нашёл номер Марты и стал искать телефонный автомат. Его разрывала необходимость с кем-то поговорить. В другом конце парка он нашёл кавтомат и решил позвонить сперва Новелле, но она сразу бросила трубку, услышав его голос на другом конце провода.

Через несколько мгновений он услышал нежный голос Марты, и та ему сообщила, что живёт неподалёку..

– Не хотела бы прогуляться со мной? – спросил он, будучи уверенным, что русачка ему откажет.

– Ладно, я согласна. – Услышал он ответ.

Через несколько минут она подошла – в спортивном костюме, в белых кроссовках и в куртке с капюшоном. С ней была собачка, *коккер-спаниэль*, у которого, уши были обвалены в земле.

– Его кличка *Жека*, – представила Марта своего питомца.

Сначала они шли молча, никто не осмеливался начать беседу. Дойдя до церкви, Марта успокоила собачку, остановилась, сделала поклон и перекрестилась. Небо покрывалось тучами всё больше. Возле озера было тихо. В стороне стояли лодки-катамараны, дальше игральные детские аппараты, а по центру – чёртово колесо.

– Тебе удалось узнать что-то новое после собрания?

– От кого что узнаешь? – Удивлённо улыбнулась девушка.

– Не держишь связи ни с кем из приятельниц?

– Они все как марионетки, покорные овечки.

– Ты всегда такая смелая?

– Меня раздражает человеческая глупость!

– И я такой же, но у меня есть семья. Жена меня во всём обвиняет, мы сильно с ней поругались, – признался Филарет и грустно продолжил: – Она меня не понимает. Моя профессия её не устраивает.

– А ты пробовал отвлечься?

– Как?

– К примеру, пойти на курсы вождения.

– Я не увлекаюсь автомобилями. Я бы предпочёл курсы повара.

– Ты меня смешишь.

– Я с детства люблю возиться на кухне.

Девушка шла с ним рядом, держа под руку. Легкий ветер раздувал ей волосы. От неё веяло свежим ароматом, теплом и молодостью. В полутемноте обрисовывался её нежный силуэт. Они сели на скамейку.

– Осторожно! Вдруг твоя жена нас здесь застанет? – Направила она на него свой взгляд.

– А ты? Твои родители не будут волноваться, что в это позднее время тебя нет дома?

– Мои предки живут в Григориополе, – сказала девушка. – Они помогли мне приобрести квартиру и эту собачку у одной еврейской семьи. Они иммигрировали в Голландию. Я живу одна.

– Тебе не скучно?

– Всё просто, я не впускаю скуку в свой дом. Я вышиваю, слушаю музыку! Умею фотографировать.

– А для любви у тебя времени хватает?

– Ну и тактика! Что на тебя нашло, так меня расспрашивать? – И заметила его растерянность: – Был тут у меня один, но он оказался негодяем. Иммигрировал в Монреаль. Сейчас стало модно уезжать из страны!

– Такая девушка, как ты, не должна быть одна.

Настала пауза, и оба наслаждались ночной тишиной.

– Возвращайся дамой, к жене и ребёнку, – уговаривала его Марта.

– Жена меня не ждёт, – тихо сказал Филарет.

– Ты проведёшь ночь здесь?

– Проведу здесь! – упрямо сказал мужчина.

– Может быть, пойдём ко мне, а завтра утром…

– А это возможно?

– Не думай, что я враг твоему здоровью, – сказала девушка, взглянув ему в глаза и взяв собаку на руки.

В её квартире Филарет почувствовал себя уютно. На стенах у окон, висели её работы. На столе стояла лампа и лежали стопки книг. Два кресла стояли друг напротив друга, посредине стоял столик, на котором был кувшин с лимонадом и несколько стаканов. Собака легла у их ног, положив мордочку на лапки.

– У тебя красивая квартира, – оценил Филарет.

На белых обоях играли огоньки в ритм музыке. Марта включила диск Фаусто Папетти. Филарет пригласил её на танец, от напряжения не осталось и следа. Девушка будто звала его и хотела, и он хотел её. Сейчас он совсем не думал о жене, о том, что она злится на него, что он стал безработным и что обвинён в национализме. Обстановка вызывала в нём ощущения удовольствия.

Всю ночь они любили друг друга. Утром, в первых лучах солнца, Филарет понял, что его отношения с женой станут еще более натянутыми. Марта проснулась в хорошем настроении, обнимала его и просила остаться.

– Меня совсем из дому выгонят, – сказал Филарет, и стал одеваться.

– Ты можешь заходить ко мне, когда пожелаешь, – улыбнулась девушка, продолжая валяться в постели.

– Я учту, – сказал он перед выходом.

Дома никого не было. В квартире царил порядок. Его охватили угрызения совести. Он пошёл на работу к жене, застал её в белом халате за работой, выглядела она плохо после бессонной ночи. Они вышли поговорить в коридор. Новелла разрыдалась.

– Прости меня, если можешь, – нежно сказал он.

– Почему ты так себя ведёшь? Мне больно.

Филарет подумал, что она всё знает: где он спал, с кем.

– Я тоже не понимаю, что со мной творится.

– Ты заставляешь меня страдать, – продолжала Новелла, вытирая слёзы: – Я не хочу верить, что наша совместная жизнь заканчивается. Осенью я защищаю кандидатскую, затем я намерена родить, несмотря на твоё мнение.

– Это правда? – пробормотал Филарет.

– Вечером обсудим остальное. Завтра приезжают родители и привозят Даниеля на несколько дней, – уходя, сообщила жена

Вечером он старался её задобрить.

– Это был просто кризис, в любой семье бывает.

– Нет, это намного серьёзней, – ответила Новелла. – Ты неизлечим, ты чересчур амбициозен, семья у тебя на втором плане. Ты по собственной глупости стал безработным. Ты забыл, что у нас есть ребёнок, а скоро родится и второй.

Новелла ушла спать в другую комнату, оставив его в замешательстве. Филарет казнил себя за приключения прошлой ночи. Утром он услышал, что жена возится на кухне, подошёл к ней и хотел обнять, но она его оттолкнула.

– Прости меня, пожалуйста.

– Иди в магазин за покупками. Нужно накрыть стол к приходу гостей.

– У меня нет денег, – признался он. – Не получил ещё зарплату.

– Ищи! Ты пока ещё глава семьи.

Филарет вышел на улицу. Он был в замешательстве, но всё-таки решился позвонить Марте и встретиться с ней возле магазина. Девушка дала ему денег и сообщила:

– Один мой знакомый сказал, что в Министерстве лесного хозяйства нужны сотрудники. Они тебя возьмут.

Он зашёл в квартиру с покупками, жена встретила его враждебно.

После обеда приехали тесть с тёщей. Даниель сразу подбежал к отцу и залез ему на руки.

– Что ты будешь дальше делать, дорогой? – спросила тёща. – Опять ты остался без работы.

– Моей вины в этом нет. Это ошибка! Те, которые меня хвалили, на собрании объявили меня националистом! Врагом народа! Разве так можно? Разве кто-то может запретить кому-то быть патриотом?

– Успокойся, – бросил тесть. – Мы хотим тебе помочь, поддержать.

– Сейчас мне это необходимо!

– Мы хотим, чтобы ты вышел из этой путаницы, – заговорила тёща по-философски.

– Я попытаюсь всё это распутать.

– Вот как... – сказала Новелла. – Он будет выпутываться, а потом опять залезет куда-нибудь!

Тесть разлил алкоголь по стаканам.

– Выкрутитесь! Мы не хотим остаться виноватыми.

– Вы спросите его, что он собирается дальше делать! – не отступала Новелла.

– Оставь его! – приказал тесть, предлагая Филарету выпить водку. – Даниелю вы нужны оба.

– Твой отец такой же, как и Филарет, – обратилась тёща к Новелле.

– Я завтра выхожу на работу, – объявил Филарет. – Буду снабжать книгами Министерство лесного хозяйства!

– Вот ещё! – возмутилась жена. – И это то, чем должен заниматься серьёзный мужчина?

– Из лесов республики каждый вечер он будет приносить жене цветы, грибы!

– Ерунда всё это! – продолжала возмущаться Новелла.

– Прейдёт время, и зять найдёт работу посерьёзнее, более оплачиваемую, – перебил их тесть.

– Я тоже ей так говорю, – продолжил Филарет.

– Я вам всем объявляю, – недовольно ответила Новелла, словно останавливая время, – я подала заявление на развод!

После этого сообщения Даниель стал аплодировать, качаясь на качельке в дверном проёме.

– Я люблю маму и папу, сильно-сильно…

– Дорогая, ты осознаёшь, что ты говоришь? – насторожилась тёща.

– Совершенно! Я категорично решила! – заупрямилась хозяйка дома.

– Успокойся,– настоял отец. – Филарет всё уладит. Это не в твоих интересах, и не в интересах семьи.

– Я хочу вырастить ещё одного ребёнка, хочу нормальную семью, а не развод, – сказал Филарет.

– Ну что за напасть! – жалостно сказала тёща.

– Ладно, успокоились все! – приказал тесть.

Даниель начал плакать. Чтобы разрядить обстановку, Филарет выпил ещё, взял на плечи сына и вышел с ним в парк прогуляться. На аллее было много молодых родителей с колясками и малыми детьми. Сын уже связывал слова, у него прорезались несколько зубов. Стал рассказывать отцу про деревья и про то, как поют птички, про цветы, что цветут в огороде у бабушки…

– Ты хочешь жить в Кишинёве?

– С мамулей и папулей, – радостно ответил Даниель.

Когда они вернувшись с прогулки, гости уже собирались уходить. Новелла успокоилась.

– Всё уляжется, – сказала тёща. – Вы помиритесь. Новелла заберёт своё заявление, правда, доченька?

Новелла одобрительно кивнула головой. Тесть по-мужски пожал руку, и они мирно расстались. Каждая встреча, а ещё больше расставание с этими людьми в душе Филарета оставляли чувство смирения. Вступая в эту семью, он чувствовал, что его жизнь меняется к лучшему. Тёща была строгой, но доброжелательной и желала, чтобы он добивался успехов во блага семьи. Тесть желал того же. Они были теми, кого сам Бог привел на его жизненный путь, заменяя ему родителей. Он хотел уберечь их, от их с женой столкновений, особенно когда Новелла становилась капризной и в последнее время даже упрямой. Он вовсе не понимал, почему некоторые друзья семьи на них жаловались.

После ухода гостей Филарет понял, что жена нуждается в покое. Он предложил ей сходить в гости к друзьям. Они давно не виделись с Вадимом и Андреей. Она не ответила на предложение, он же напомнил ей следующее:

– Они нас звали много раз.

– Ладно, зайдём к ним в гости. – согласилась Новелла. – Посмотришь, как живут другие.

Их друзья получили квартиру в доме возле леса на Чеканах, Вадим работал в Комитете информации и безопасности республики. Приобрёл автомобиль. Они показали своё жильё, обставленное мебелью югославского производства, выпили кофе с ромом, посмотрели слайды с киргизскими пейзажами, возле озера Иссык-Куль, где Вадим с Андреей провели отпуск. Они включили магнитофон с экзотическими памирскими мелодиями. По мнению Филарета, друзья не были такими, как прежде. У него сложилось впечатление, что он находится в красивом, зелёном саду, не приносящем плоды.. Он попытался завязать беседу о происходящем между Москвой и с Балтийскими странами. По поводу националистов из Вильнюса хозяева высказались своеобразно:

– Они заполнят тюрьмы, бездельники! Балтийцам следует петь в хоре на стадионах, как они делали это прежде!

– Они хотят быть независимыми, – попытался Филарет держать их сторону. -После оккупации в 1939 они оставили надпись на памятнике солдата-освободителя в центре Риги:

Русский солдат, русский солдат,

Тебе даёт приказ комбат:

Народы-братья освобождать!..

…Вонючие ноги тебе бы убрать!

– Ты будь осторожен с вражескими радиоточками, – пристально посмотрела на него Андрея. – Конечно же, если не хочешь неприятностей.

– Секретные службы знают в лицо всех националистов из Риги, Таллина, Вильнюса, тех, кому платит Америка для того, чтобы свергнуть советское общество. Но у них ничего не получиться!

По дороге дамой Филарет думал о том, как сильно изменились друзья.

– Они серьёзные люди, – ответила ему Новелла. – Они строят благополучие своей семьи!

– Возможно. Но какой ценой?

Он хотел ещё поговорить, но жена отвечала ему холодно. Дома она уложила Даниеля, затем пошла спать в другую комнату. Оставшись наедине с собой, Филарет подумал, как сильно изменилась Новелла. Возможно, она влюбилась в кого-то в Академии. Анализируя происходящее, он оставался при мнении, что жена изменилась из-за своего характера, из-за того, как друзья развиваются, а её муж непрерывно сталкивается с неприятностями.

Вскоре он начал новую работу. С помощью русачки Марты стал библиотекарем в республиканском коллекторе книг. На новом посту его обязанностью было снабжать специальной литературой заповедники и лесные хозяйства республики. Коллектор был расположен в крытом амбаре, где хранились книги с лесной тематикой, книги по охране флоры и фауны.

С самых первых дней он полностью погрузился в работу, старался быть дома вовремя, помогал беременной жене, которая готовилась к защите диссертации. Он избегал конфликтов, приносил иногда новые книги по приготовлению блюд из грибов, супов и котлет из мяса кабана. К зарплате прибавлял ещё и командировочные, денег им хватало от зарплаты до зарплаты. Вроде как всё стало на свои места.

– Я хочу присутствовать на защите диссертации, затем на родах, – сказал Филарет, чтобы поддержать жену.

– С удовольствием, – удивила она мужа смехом.

– Я действительно этого желаю.

– Я пригласила Андрею с Вадимом, они отказались. Но присутствовать на родах не следует.

– Ладно, как пожелаешь!

В актовом зале Академии собралось много народу. С трибуны выступала Новелла. Она компетентно отвечала на вопросы президиума и членов научного совета. Филарет тихо сидел в стороне и наблюдал, как нужно заслуживать уважение окружающих. Когда были исчерпаны все вопросы, академик Исаак Берсукер вышел на сцену и торжественно прочитал резолюцию, объявив, что Новелла Инеряну заработала титул *доктора химических наук*, а в соседнем зале накрыли стол *a la fourchette*. Присутствующие профессора предвещали Новелле светлое будущее и пожелали удачи.

Они вернулись домой, переполненные эмоциями. Новелла несла букет роз, затем заявила:

– То, что я сегодня достигла, это успех нашей семьи! Дорогой, сделай ты тоже что-то стоящее.

– Ты забрала заявление? – стал расспрашивать Филарет.

– Я приостановила процедуру на полгода. Будешь вести себя хорошо, тогда я заберу заявление.

– То есть, я на непрерывном экзамене?

– А почему нет? – усмехнулась жена.

Филарет тоже усмехнулся от того, что стал заложником сложившейся ситуации, но понимал серьёзность ситуации, и он должен слушаться. Марта его приглашала несколько раз к себе на чай, но он отказывался. Он был равнодушным даже к девушкам, с которыми работал в коллекторе. Он усердно работал, и лучше всех он сработался с Вирджинией Мандыш. Она была замужем за высоким и здоровым пожарником. Женщина хорошо работала, целыми днями не произносила ни слова. Носила слегка старомодную одежду, словно из бабушкина сундука. Волосы заплетала в косу или же собирала в пучок, завязанный чёрной сеточкой. Филарет привык к ней, иногда даже не замечал её, но в одно утро она пришла на работу с синяком под глазом. Пожаловалась, что муж обвиняет её в бесплодии, не в состоянии родить ребёнка. Вчера вечером, будучи в нетрезвом состоянии, он её ударил.

– Он меня всё отправляет к врачу лечиться, а сам не идёт проверяться.

Филарет убедился лишний раз, что идеальных семей не бывает. У него были свои проблемы, которые были превыше всего. Новелла ожидала рождения малыша. У неё была научная степень, им подключили дома телефон, и она теперь часто болтала с Филаретом, говорила с родителями, с Даниелем.

– Я буду послушным всегда. Я понял, что на первом месте семья, – думал он про себя.

Он вёл себя примерно лишь до осени.

Как-то рано утром, когда солнце уже вставало над городом и всё вокруг покрылось золотыми лучами, Новелла стала рожать. До самого вечера Филарет дежурил под окнами роддома. Одна из медсестёр сообщила ему:

– У вас родился мальчик! Через три дня будут выписаны домой.

По дороге дамой он встретил Марту Кэрэбуш. Она гуляла в парке со своей собакой.

– Без шампанского не пройдёшь дальше! – выдвинула она условие.

Она пригласила его к себе, он пытался отказаться, но, под конец, не смог сопротивляться настойчивости *русачки*. Она похвасталась, что работает фотографом в одной редакции и стала рассказывать про события в Москве.

– Национальное движение в Балтийских странах настаивает, чтобы языки их народов были объявлены государственными! Улавливаешь? *Балтийцы* напечатали тайные дополнительные протоколы пакта Риббентропаа-Молотова, это жутко интересно!

– Ты видела те секретные документы?

– Представь себе, я их читала! – ликовала она, словно победила циклопа.

– Госбезопасность спит…

– Начальника зажали, будь спокоен! Они его предупредили: если он опубликует протокол, то не видать ему свободы!

– У него дрожат колени?

– Улыбается.

– Ты чем занимаешься в редакции?

– Я занимаюсь проблемами экологии: леса, вода, мусора. Я нашла настоящий Чернобыль в Кодрах Оргеева. Там я познакомилась с лесником Аполлинаром Грицко. Он очень интересный мужчина.

– Ты познакомишь меня с ним?

– Конечно… А пока я поздравляю тебя с рождением ребёнка! Как его назовёте?

– Виорел!

– Даниель и Виорел! Красиво звучит.

Хоть его мысли были о жене, о младенце, Филарет провёл вечер допоздна у Марты, казня себя, что не мог сдержать инстинкты. Придя домой в полночь, он дал себе слово, что больше не позволит себе внебрачных отношений. Он пересмотрел фотоальбомы со студенческих лет, со свадьбы. Затем взял гитару и стал напевать:

Всего лишь ночь дни разделяет,
Куранты полночь объявляют
Ты снишься мне!..

До самого утра ему снились зелёные равнины и цветочные луга, которые любил с детства.

14

Уже год прошёл, как родился второй ребёнок. Виорел был больше с мамой. В восемь месяцев его отлучили от груди, и его стали водить в ясли. Филарет ездил в командировки и зарабатывал деньги, а по выходным они навещали Даниеля, у которого уже настала пора ходить в школу. Молодая семья воссоединилась, шла в ногу со временем, а общество стало менять ритм жизни. На территории советской империи начиналась перестройка: от Балтийского побережья до Чёрного моря, от Прута до Камчатки люди жаждали перемен. Запрещённые к обсуждению до недавнего времени темы, из-за которых прежде могли арестовать, становились всё популярнее, о них писали в газетах и передавали по телевизору. В столице интеллектуалы вспомнили, что румынский – их родной язык, и присоединились к колоннам демонстрантов, требуя поменять Основные законы государства. Филарет ощущал приближение свободы и независимости, и пытался убедить Новеллу, что принципы, которым он следовал в прошлом, на данный момент могут его возвысить. В выходные они вместе участвовали в митингах демократов в парке *Валя Морилор*. Там на трибунах, в президиуме заседали усатые и бородатые мужики. По призыву этих ***barbudos,*** которые поднимали два растопыренных пальца над головой, люди кричали и требовали

принятия молдавского языка государственным и перехода на латиницу. Новелла принимала участие в мероприятиях, связанных с национальным возрождением. Наряду с мужем позволяла себе общаться с людьми, которые жаждали перемен. Советского КГБ больше никто не боялся. Филарет часто беседовал с Мартой Кэрэбуш, она была за воссоединение с Румынией и убеждена, что будущее Молдовы может быть светлым лишь в составе Великой Румынии, в границах до русской оккупации 1940 года.

Времени для дискуссий и споров у Филарета было всё меньше. Два-три раза в неделю он уезжал вместе с Вирджинией Мандыш развозить книги по библиотекам. Она продолжала быть замкнутой, а в свободные минуты напевала грустные мелодии. Она одевала одни и те-же платья, цветастый платок, завязывала пышные волосы синей ленточкой. Иногда она пристально смотрела на Филарета, будто просила помощи, особенно тогда, когда муж приезжал забирать её с работы на машине. Как-то раз во время обеда, она призналась ему о происходящем с ней сейчас ужасе. Филарет её выслушал и позволил себе пошутить:

– Муж думает, что ты бесплодна?! А ты петуха поменяй, и увидишь!

– Поменять петуха? Откуда же мне его взять?

– Меня возьми! – Сказал он с интересом.

С того момента Вирджиния поменялась. Стала более весёлой, кокетливой, лучше одевалась. Часто рассказывала про своё детство, проведённое в селе возле города Унгены. Их было 11 детей в семье. Родители следовали обычаям: петух на пороге покричал, и пришёл к ней жених, и её выдали замуж за парня, что приехал в их село протягивать электролинии. А после свадьбы её привели в город, где она никак не может адаптироваться. Училась она заочно и привыкла к работе с книгами, хотя ей хотелось бы выращивать цветы. Она была на два года младше Филарета, смуглой как цыганочка, с чёрными глазами, хрупкой, очень старательной и всегда готовой сделать работу и за Филарета, если понадобится. Они старались держаться подальше друг от друга, но с каждым днём становились всё ближе. Она могла одеть длинное платье и туфли на плоской подошве, а он всё равно угадывал её мягкие движения. С тех пор, как город перестал быть спокойным из-за митингов, муж за ней больше не заезжал. Демонстранты напали на Дом правительства и чуть было его не подожгли. Тогда её муж работал на восстановлении электропроводок. Он её больше не

проверял, и Вирджиния чувствовала себя свободней. Напевала мелодии повеселее. Филарет многое узнавал про обстановку в городе от неё и от Марты Кэрэбуш, которая иногда ему названивала.

– Чуть ли не каждый день нас навещает Фёдор Дарадайко, – удивила его Марта. – Он даже приносит материалы из строго секретной папки и настаивает на их публикации.! Про депортацию, про голод с 1946-1947. Представляешь! Он вдруг стал великим патриотом!

Филарет рассмеялся:

– Сволочь! Тот, который нанёс мне столько вреда за всё время!

– Дарадайко оправдывается тем, что таковы были времена! – Теперь он борется за национальное возрождение!

Он рассказал жене эту новость, и та совсем не удивилась.

– Я вижу, ты совсем отстаёшь от событий. В прессе появляются статьи, подписанные Тудором Дарадайку, он удивляет читателей множеством документов из архива, куда имеет свободный доступ. Он молодец! Настоящий демократ!

– Что на тебя нашло, дорогая?! С каких это пор те, что боролись против всего святого, сейчас вдруг становится демократами? Да ещё и имя своё меняют?!

– Ты совсем сбит с пути, – возразила жена.

Он посчитал бесполезным что-то возразить Новелле, которую охватили всякие теории. Но достаточно видеть, как она ухаживает за детьми, и сразу проходила всякая злость. Он продолжал работать, планировал отдых с семьёй на море где-то на неделю. У него не было времени беседовать с людьми, они стали беспокойными, всегда говорили лишь о политике, о сенсациях, что появлялись одна за другой. Кишинёвские издания возобновили публикацию статей о положении в Балтийских странах. Везде были призывы к правительству республики о принятии декрета о государственном языке, о латинском алфавите, об открытии доступа к архивам, чтобы раскрыть правду об антинациональной политике в Бессарабии, которую вели русские, как травились земли между Прутом и Днестром. Общество требовало осудить русскоговорящих в Молдове, которые наводили страх на простых граждан ещё с 1812 года.

Во всей этой суете Филарет не успевал внедриться в национальное движение по освобождению нации. У него вызывали отвращение его то-

варищи, которые служили прежнему режиму, а теперь толпятся на официальных трибунах, кричат, что именно они борятся за национальное возрождение, удивительно быстро меняя кресла на ключевых должностях в правительстве.

Новелла всегда была против участия мужа в политике, но теперь она не упускала ни одну новость, и сама рассказывала ему все, как на исповеди. Она наняла няню для младшего сына, а Даниеля решила оставить в селе до осени. В то время как Филарет был на работе, она посещала митинги на центральной площади. С ней что-то происходило, она похолодела к нему и хвалила настоящих мужчин, жертвующих собой во имя родины.

Вирджиния его успокаивала, она рассказывала, что её муж совсем свихнулся и всегда находится на площади на митингах. Эти события отвлекли его от семьи, он перестал ревновать, приносит дамой кучу газет, всегда смотрит телевизор и слушает радио. Иногда даже кушать не просит.

– Ты любишь плацинды? – спросила она Филарета.

– С тыквой и творогом, – довольно ответил он.

– Одна моя тётя пригласила меня к себе отведать плацинды. Она живёт недалеко, не хочешь сопроводить меня?

– А если твой муж узнает, как я выкручусь?

– Он на собраниях, и он не знает, где живёт моя тётя. Значит, так: я выхожу, а через несколько минут и ты за мной. Придёшь по этому адресу. – Она протянула ему клочок бумаги с адресом.

– Ну, раз так, то я не откажусь от угощения.

Тётя Вирджинии была женщиной в возрасте. Из-за линз на очках она выглядела смешно, когда осматривалась вокруг. На столе стояли плацинды и кувшин с вином. В комнате в одном из углов висели иконы, лампадка, стебельки базилика и одна пожелтевшая фотография с двумя молодожёнами.

– Филарет мой коллега с работы, крёстная Иляна, – представила его Вирджиния.– Он очень любит плацинды.

– Вот, угощайтесь, за упокой души Михая, моего усопшего мужа, да успокоит Господь его душу! ...

Они выпили по стаканчику. Крёстная Иляна рассказала о своем муже, который много лет лежал больным и умер у неё на руках. Она утерла слёзы и сообщила, что ей нужно сейчас в церковь на вечернюю службу, и что они могут остаться и подождать её, она вернётся через час-два.

– Мой муж сейчас стоит на площади с плакатами и выгоняет домой русских… мне некуда спешить, – сказала Вирджиния.

– Моя жена тоже на площади, борется за независимость, – сказал Филарет и заулыбался.

После ухода тёти они продолжили трапезу. Выпили ещё вина, и Филарет вдруг подумал, «опять меня тянет согрешить», посматривая на бёдра женщины, которая сидела перед ним положив ногу на ногу. Она замужем, и у неё ревнивый муж… Филарет снял пиджак и положил его на стул и лёг на диван.

– Я хочу тебе что-то сказать., – сказала Вирджиния сладким голосом.

– Если бы твой муж знал, с кем ты сейчас, пришёл бы сюда с охотничьим ружьём, – пошутил Филарет.

– Будь спокойным. У тебя были романы на стороне?

– Иди ко мне поближе.

Она неуверенно подошла к дивану.

– Возьми меня! – шёпотом сказала она, не сопротивляясь его сильным рукам.

Вернувшись из церкви, крёстная Иляна дала им с собой, за душу усопшего, несколько плацинд и по церковной свече. Они уехали на троллейбусе по домам. На прощание Филарет сказал ей:

– Такого не должно было случиться между коллегами.

– Это я так хотела, – призналась Вирджиния, – только я.

Крёстная Вирджинии пекла вкусные плацинды ещё несколько раз. Пока муж Вирджинии и Новелла митинговали, Филарет с Вирджинией увлекались традиционной кухней.

Молодость бывает глупой! Филарет жалел, что завёл отношения с женщиной, к которой не чувствовал абсолютно ничего. Он говорил себе, что должен избавиться от этой привычки как можно скорее. Муж Вирджинии опять стал за ней приезжать. Она приходила на работу причёсанной, хорошо одевалась, носила разные костюмы. Приносила с собой домашнюю еду, немного вина и хотела, чтобы он всегда был рядом с ней. Она рассказывала ему всё, вплоть до того, что даже семейные секреты могла раскрыть…

– Знаешь, я иногда такая бесстыдница, – признавалась она. – Я стою перед зеркалом совсем голая и спрашиваю себя, нравлюсь ли тебе.

– Перестань.

– Я знаю, что нам не быть вместе, но я хочу прожить эти мгновенья!

– Тогда живи!

Филарет твёрдо решил закончить все приключения с Вирджинией и отказался ходить к её крёстной. Он обрадовался, когда узнал, что по желанию мужа, она уволилась и устроилась секретарём в администрацию Народного фронта Молдовы.

Мероприятия в центре столицы нарастали. Еврейское население стало эмигрировать. Ежедневно с площади возле Академии Наук отправлялись автобусы с людьми, которые уезжали в Европу. Евреи освобождали квартиры, продавали всё ценное, чтобы прокормиться первое время за границей. Многие осуждали их, но процесс оказался необратимым. Газеты, журналы, радио и телевидение постоянно говорили о политических событиях. Новелла была холодна к мужу, как никогда. Она не стирала его вещи, не готовила еду, не спала с ним в одной постели, а ложилась возле младшего сына Виорела в соседней комнате.

– Хорошо бы тебе пойти на работу, – сказал он ей как-то вечером, когда жена вернулась с митинга.

– Я подумаю, – холодно ответила она. Затем продолжила: – Мужчина должен быть опорой семьи, а не женщина.

– Я знаю, что ты любишь науку!

– Я люблю настоящих мужчин! Ты никогда не был патриотом, а лишь амбициозным упрямцем! По твоей глупости наша семья пострадала. Ты – дыра от бублика! Библиотекарь, развозчик макулатуры по лесам. Настоящие патриоты сейчас на площади Национального собрания!

– Что опять на тебя нашло? – старался Филарет сохранить спокойствие.

– Иди к чёрту! – сказала она.

Ребёнок стал хныкать, и Филарет ушёл в соседнюю комнату, в надежде, что жена успокоится, но она зашла за ним и дала ему пощёчину. Он вдруг подумал, что жена сошла с ума. Она была в ярости, говорила грубые слова, которые он никогда не слышал от неё.

– Успокойся, – просил он и в следующую секунду снова получил оплеуху.

Он встал с кресла и ответил ей тем же. Новелла сняла обувь и кинула ему прямо в голову. Виорел закричал. Филарет взял на руки ребёнка, что-

бы успокоить, а жена стала вытаскивать из шифоньера его вещи и бросила их у порога:

– Уходи, я не хочу тебя больше видеть! Я тебя на дух не переношу!

По щекам текли чёрные слёзы от макияжа.

– У нас дети, одумайся! – пытался всё уладить Филарет. – Куда мне идти посреди ночи?!

– Иди к своим шлюхам! У тебя их предостаточно!

«Она совсем сошла с ума! – подумал он, видя, что Новелла не отступает. – Я должен уйти, но … куда мне идти в это время?»

После раздумий он собрал с вещи в чемодан. Жена держала на руках Виорела. Перед выходом он помахал рукой ребёнку:

– До свидания, мой сладкий…

– Чтобы я больше тебя не видела! – хлопнула она за ним дверью.

Филарет посидел некоторое время на скамейке перед домом. Он был в замешательстве. «Даниель с Виорелом останутся без отца. Всё кончено».

Вдруг он увидел неподалёку телефонную будку. Позвонил Марте, и вскоре уже был в квартире, где на столе стояла лампа и играли мелодии Фаусто Папетти.

– Я могу пожить у тебя некоторое время?

– Можешь и постоянно, – сказала Марта.

– Ты не думай, что…

– Я ничего не думаю. Все мужики *сволочи*!

– Меня жена выгнала меня из дому, – попытался он ей объяснить ситуацию.

– Не переживай. Найдёшь решение проблемы.

– Спасибо тебе за поддержку.

В последующие дни он пытался поговорить с женой, но та сказала её больше не беспокоить и бросала трубку. Марта избегала разговоров о его семье, просила перед сном вместе гулять по аллее у озера. Он был пассивным, убеждён, что бракоразводного процесса не избежать и что уход из семьи — это война в душе человека.

Положение длилось до лета. С тестем и с тёщей он не виделся. Жалел, что не сможет свозить семью на море. Он получил повестку в суд. Несмотря на его протесты, суд расторгнул брак. Новелла сильно на этом настаивала. Дети остались с матерью, а его принудили платить алименты. Насчёт

квартиры у него не было претензий. Деньги для отдыха на море он отдал Новелле. Квартирант Марты остался без денег.

Работы на складе коллектора становилось всё меньше из-за отсутствия работы. Москва больше не выделяла денег на распространение литературы, а в министерстве заявили, что предприятие ликвидируют, а всех сотрудников уволят. Филарет опять стал безработным, как и многие другие простые люди. Он всё больше ощущал неуверенность в завтрашнем дне. Везде ходили спекулянты с полными сумками вещей, горожане продавали на тротуарах всякую всячину, чтобы на что-то прожить. Везде ощущалась свобода, но и недостаток средств к существованию. Из сквера перед Академией наук отправлялись автобусы, увозящие евреев. В Россию уезжали и сотни русских.

В коллекторе не было книг, не было командировок. Не было зарплаты. После работы у него не было другого занятия, как ходить на центральную площадь и слушать дискуссии насчёт русских оккупантов. Ораторы рассказывали об архивных документах, из-за которых до недавнего времени могли и судить. Некоторые писатели ежедневно появлялись на синих экранах, выступали на радио, давали интервью в газеты. Филарету казалось, что лишь небольшая кучка людей монополизировала идею патриотизма. Были такие, что говорили пылко, но ничего ценного собой не представляли, вроде Тудора Дарадайку.

– Достаточно, сколько мы терпели русскую оккупацию! Мы добьёмся признания молдавского языка государственным и добьёмся латинского алфавита!

– Воссоединяйтесь, молдаване! – кричали все.

Несколько раз Филарет пытался поймать взглядом Тудора Дарадайку. У него был деловой вид, он бросал толпе патриотические слоганы. Толпа разбилась на два лагеря: патриоты и русскоговорящие. «Как же быстро некоторые могу поменяться, как хамелеоны», – спрашивал себя Филарет, наблюдая как рядом с Дарадайку из лагеря патриотов шли некоторые личности, ранее сотрудничавшие с Москвой. Эти личности заявляли, что они были притеснены и теперь готовы освободить мир от красной чумы и помочь нам воссоединиться с Румынией! Толпа была в экстазе и кричала изо всех сил:

– Воссоединимся, молдаване! Мы у себя дома!

15

В последнее время у Филарета появился живот, а на висках первая седина. Жизнь его протекала монотонно, гитара покрылась слоем пыли. Постепенно город становился для него чужим. Его товарищи по студенческим годам обзавелись семьями, наживали имущество, зачастую у них не было времени даже поговорить с ним по телефону. Он часто проходил под окнами бывшей квартиры, где жили дорогие ему люди. Он даже посмел несколько раз подняться на свой этаж и постучать, но Новелла ему не открыла, лишь крикнула через дверь, как какому-то алкоголику, чтоб он шёл куда подальше. Она упрямилась и напомнила ему, что ей нужны деньги.

К Марте его не очень-то тянуло в последнее время, особенно после того, как он застал её с каким-то усатым типом, директором фольклорного театра, который пропагандировал румынские песни и танцы на центральной площади города. Он застал их в полуобнажённом состоянии, волосы режиссёра были растрёпанными.

– Это господин Костаке, – представила его Марта открытым жестом. – Он выпускник театральной Московской школы. – И добавивла, приглаживая волосы: – Он маэстро первобытных песен и плясок!

Мужчина остался ночевать. Он спокойно наливал себе шампанское. и присутствие Филарета его нисколько не смущало, а тот стоял в прихожей и ждал, пока режиссёр не уйдёт к своей жене и детям.

– Почему ты так себя ведёшь? Мы же с тобой вместе сейчас, – напомнил Филарет Марте.

– Я не обязана перед тобой отчитываться! Ну, и какие у тебя ко мне претензии?

Марта была права. Филарет чувствовал себя морально униженным. Будто его взяли в заложники террористы. Он не мог предвидеть будущее. На работе не давали зарплату. Начались августские дожди, и Филарет, после работы проводил время в кафе «Фригушор». Там собирались простые люди из сёл, пили чай с хлебом. Он жил в иллюзии, что именно там встретит простую сельскую девушку, уедет с ней в село, заведёт хозяйство и станет семьянином, как многие его коллеги-однокурсники, освоится в сельской местности, соберёт библиотеку вместо той, что оставил у Новеллы. Купит телевизор и подпишется на все газеты; будет обрабатывать землю, как и его предки. Он

внимательно анализировал лица в кафе, но всё было привычным и банальным: кого хочу – не знаю к нему дороги, а кого знаю – не хочу его.

Он бродил по людным улицам города, встречал много знакомых из университета, с бывших мест работ, но долгих бесед с ними не вёл. В новом правительстве Республики Молдовы шли прения о румынском языке и о латинице. В толпе на площади он встретил Вирджинию Мандыш. Она была в тёмно-синем платье, белом платке и по-дружески ему улыбнулась. Была заметна её беременность.

– Ты вроде говорила, что муж не способен тебя осчастливить! – усмехнулся Филарет.

– Крёстная Иляна и плацинды сделали своё дело, – ликовала от счастья Вирджиния. – Мой муж – тряпка! Вместо того, чтобы радоваться, он посылает меня на аборт!

– Он что, ненормальный? – удивлённо спросил Филарет.

– Мне не до него, – продолжала Вирджиния, – если бы он был умнее, не усложнял бы дело. Он угрожает мне разводом! Тиран! Врачи говорят, что у меня будут близнецы, две девочки.

Она говорила мягким голосом, с удовольствием рассказывала подробности, а он спешил – хотел как можно скорее покинуть столпотворение. Люди фанатично ждали решения, о котором должны были объявить с минуты на минуту. А Филарету необходимо было придти в себя после ещё одной сногшибательной новости! Этого ему ещё не хватало!

Гуляя по скверу Академии Наук, он зашёл в телефонную будку и позвонил Новелле. Та ответила ему холодно, как обычно. Марты не было дома, но он знал, что она на площади среди демонстрантов. На глаза наворачивались слёзы. На улице его чуть не сбила машина на высокой скорости. Он позвонил Кристалине, с которой давно не виделся. Они встретились в пустом кафе. Женщина похорошела, волосы были красиво уложены, на ней был безупречный жёлто-глянцевый костюм. Она рассказала ему, что живёт в достатке и что скоро уезжает в Новую Зеландию! Жить они будут в Веллингтоне. На встречу она пришла с дочкой Нелли. У девочки были чёрные, как ночь, глаза, в тёмных волосах висел красный бантик. Девочка деликатно ела с тарелки при помощи ножа и вилки. Кристалина уловила его озабоченность и спросила:

– Ты почему такой грустный?

Филарет не мог оторвать свой взгляд от девочки.

– Какая она красотка!

– Похожа на отца! – ответила Кристалина и снова спросила: – у тебя какие-то проблемы?

– Я пропадаю, не знаю, что мне делать, – сказал растерянно Филарет.

– Мой дорогой! До моего отъезда, я помогу тебе. Есть один способ!

– Чем я заслужил такое понимание с твоей стороны?!

– Заслужил! – Кристалина сделала серьёзный вид .– Моё отношение к тебе всегда будет отменным!

– Спасибо тебе, – прошептал он.

– Так не пойдёт! Держи себя в руках! Ты должен жениться на моей подружке еврейке, – удивила она его. У Филарета учащённо забилось сердце, но Кристалина продолжала: – Это будет фиктивный брак, и он тебя спасёт.

Девочка довольно смотрела на них двоих.

– Жениться?! – повторил возмущённо Филарет. – Ерунда какая-то!

– Её зовут Фаина. Ей надо продать квартиру. Тебе нужно с ней встретиться на Аллее классиков после митинга.

– Мне жаль, что ты уезжаешь, теряю тебя надолго.

– Я не хочу уезжать из Молдовы, – призналась Кристалина, – но муж настаивает.

– Вы будете меня вспоминать? – спросил Филарет, поглаживая волосы девочки.

– После брака с Фаиной, у тебя будет крыша над головой.

В тот же вечер они пошли к Фаине, которая жила возле магазина «Бусуйок» на Ботанике. Он увидел девушку с тёмно-чёрными волосами. Кристалина пообещала Фаине сумму денег. Они пошли в загс и зарегистрировали брак. Филарет зашёл в отдел по вопросам недвижимости и сделал в паспорте штамп о прописке. До вечера в однокомнатной квартире он организовал вечеринку с шампанским и тостами. Фаина со своим настоящим женихом собирались уехать в скором будущем за границу. Филарету вручили ключи от квартиры. Хоть там и нужен был ремонт, он был доволен. До утра он сидел в парке на лавочке, затем пошёл к Марте и застал её с другим артистом из драматического театра. Его это ничуть не тронуло. Без разговоров и всяких объяснений он забрал свои вещи и ушёл.

С помощью знакомых он привёл в порядок жильё. Поменял обои, покрасил окна и двери, побелил потолок. Постелил новый ковёр на полу, на стену повесил картину Дали. Ему нравилось ощущение личной свободы в своём гнёздышке, там был телефон, телевизор, мебель и полки, с остатками библиотеки «жены» Фаины. Теперь никто не сможет посягать на его независимость. Он должен был найти работу, чтобы помогать сыновьям Даниелю и Виорелу. Новелла, узнав, каким образом ему досталась квартира, с иронией высказалась. что Филарет на другие поступки не способен.

Он мог видеться со своими сыновьями, когда пожелает. Не мог им помочь материально, потому что администрация коллектора выдала работникам набор книг вместо зарплаты. Филарет был в поисках работы. Говорил по телефону с Мартой и делился всем с ней. От неё узнавал новости.

– Я тебя познакомлю с одним моим бывшим любовников! Он лесничий, патриот! Настоящий мужик, колерованный! Он часто приезжает в столицу. Мы можем к тебе заехать, покажешь нам твой очаг?

– Да, без проблем, – пригласил их Филарет.

Через несколько дней к нему зашли гости. Они привезли с собой несколько запечённых кур и канистру с янтарным вином.

– Апполинар Грицко, – представился мужчина. – С кишинёвской Жанной Д'Арк, – указывая на Марту, – мы знакомы целую вечность, она пылкая. Всегда готова!

– Вы мужчины – все сволочи, – заявила Марта.

Лесничий из оргеевских Кодр был круглолицым, с горящими, хитрыми глазами. Он больше слушал, чем говорил, но после паузы начинал хвастаться, что у него множество знакомых, через которых можно решить все проблемы.

– Мы всегда должны быть в движении, чтобы обеспечить себе комфортную жизнь.

Они выпили вина, поели, побеседовали, затем Марта предложила:

– Неплохо бы съездить в лес к нашему лесничему! Там завораживающий пейзаж, косули, поляна, панорамный вид на Днестр со склона, где стоит старая церковная башня!

– Те места, где мы любили друг друга в молодости, – продолжал Апполинар, – обязательно туда пойдём. Лес вечен! Я там провел детство, теперь

охраняю деревья! У нас нет рабочей силы! А вы, городские лодыри, вам лишь по митингам ходить.

Филарет узнал, что Апполинар закончил курсы лесничества в Каменке, что он женат, и что его жена преподаёт в школе, и у них трое детей.

Филарет был моложе Аполинара. Он признался ему, что хочет поработать и в другой сфере, кроме библиотеке, и заработать денег, чтобы помочь детям. К его удивлению, лесник взял свою записную книжку, подошёл к телефону и позвонил в несколько мест с вопросом о помощи Филарету. У него ничего не вышло, и они с Мартой ушли, а в полдень вернулись и принесли ему мясо косули.

– Мы с тобой как будто знаем друг друга целую вечность, – сказал лесник: – Хорошо, что у тебя есть квартира, остальное решим как-нибудь! Теперь пойдём со мной в Финансово-банковский колледж на Рышкановке.

Директором там был седовласый мужчина спортивного телосложения, они выпили по чашечке кофе, затем директор обратился к Филарету:

– Я могу тебе предложить преподавать эстетику четырём группам девушек.

– Я никогда этого не делал, – признался Филарет.

– Ты справишься. Только предупреждаю, здесь учатся в основном девушки! Они попытаются тебя соблазнить за оценки. Держи их на расстоянии!

Шутка директора его рассмешила, но он решился и согласился стать педагогом. Он приходил на занятия в чистых ботинках, чисто выбритым и хорошо пахнущим. У него была неплохая зарплата, и он мог даже помогать своим детям и Новелле. С первых дней будущие бухгалтерши намекали, что им больше по душе приключения, чем учёба. До него эстетику скучно преподавал пенсионер, и лишь сейчас девушкам стало понятно, что греческая и римская культуры, эпоха возрождения, искусство хороших манер могут быть интересными. Им надоела математика, физика, химия и другие точные науки. Вдруг, благодаря Филарету, они попали в мир эстетики и красоты. Филарет увлечённо рассказывал об искусстве, о выражении любви в картинах, в музыке и фольклоре. На других занятиях посещаемость оставляла желать лучшего, на его же занятиях присутствовали все студентки, слушая его с пристальным вниманием. Он себе нравился в этой роли, чувствовал свою значимость. Филарет начинал занятия с переклички, его привлекали прекрасные молодые лица, но он старался быть строгим, напоминая, что зимой надо будет сдавать экзамены. Он

держал девушек на расстоянии, но ему пришлось ослабить вожжи, когда многие из них стали записываться на дополнительные занятия. Они были очень активны и нападали на него с вопросами.

В его доме постепенно появились новые книги, он купил холодильник и стиральную машину. Выходные дни он проводил с сыновьями. Даниель уже ходил в школу, а Виорел всегда хотел быть вместе с отцом. В один вечер он попытался убедить Новеллу позволить ему остаться на ночь, но бывшая жена отказала:

– Не настаивай. Моё сердце тебе уже не принадлежит. Тебе понятно?

– Какой я недогадливый, – в шутку ответил он, чувствуя, как сердце сжимается от боли.

Он ревновал и хотел её, но она взглядом давала понять, что при малейшем неправильном движении кинется на него как пантера.

Филарет старательно привыкал к новой жизни, старался забыть старое и принять всё, как есть. В этом ему помогало времяпровождение с сыновьями и новая работа.

Прошло три месяца. В канун рождества он раздал студенткам экзаменационные вопросы. Иногда приезжали инспектора из министерства, демократичные люди, которые поддерживали его преподавание на государственном языке. Экзамены приближались, и студентки суетились и просили у него дополнительных занятий. Он соглашался, но давал их после занятий. Задерживался в колледже допоздна, затем шёл к остановке мимо общежития, где громко играла музыка, девушки веселились, а с балконов ему вслед кричали: «Господин профессор, мы вас любим!»

Филарету нужно было быть одному, поразмыслить и уладить своё настоящее и будущее.

Лишь Марта ему иногда названивала.

– Я слежу за своим здоровьем! Я хочу любви.

– А то тебе не с кем, – отвечал он с сарказмом.

– Есть, – признавалась она, – но с тобой я чувствую себя лучше! Когда у тебя никого не будет, приземляйся ко мне, расслабимся по полной.

– Что за глупость!

– А вот и нет, – возразила ему Марта. – До недавнего времени для таких дел у меня был один еврей, но он эмигрировал. Давай будем реалистами, дорогой мой!

– Ладно, ты меня уговорила, – с показным недовольством ответил Филарет.

Зимние праздники были в разгаре. Над городом стелился первый снег, когда в колледже начались экзамены. Большинство студенток хорошо подготовились и сдали тесты. Некоторые прятали шпаргалки в носках, за пазухой, в трусиках. Он их находил. Филарет слушал ответы, задавал вопросы. Он был с ними снисходителен, никого не завалил, считая, что будущих бухгалтерш нужно поощрять хотя бы за посещаемость его занятий. Они все сдали экзамен, расслабились, и стали его расспрашивать:

– А почему вы в разводе?

– А сколько у вас детей?

– А мы сможем с вами консультироваться, пусть даже вы нам не будете преподавать? Оставьте нам номер телефона.

Наивный Филарет написал на доске свой номер телефона и позволил им звонить по поводу возникших вопросов. С того дня каждый вечер ему названивали нежные голосочки. Студентки нуждались в консультациях, и не только. В один вечер одна смугляночка-студентка, хрупкая и длинноногая, смущаясь, постучала в дверь. У неё в руках была тетрадь. Ей нужны были разъяснения, и он её пригласил зайти. Девушка сняла пальто, любопытно прищуривалась. Филарет проанализировал четверостишье Омара Хайяма, затем угостил её чаем. На прощание, она его спросила:

– У вас не будет стаканчика вина?

– Ты несовершеннолетняя.

– Вы так наивны! – ответила девушка. – Мне исполнилось 19 лет! Вот, пожалуйста, мой паспорт.

Убедившись, что перед ним совершеннолетняя девушка, он вытащил из холодильника бутылку вина *Каберне*, полученную от лесника. Девушка выпила вина, закусила бутербродом. Филарет держал дистанцию, но чётко ощущал, что барьер исчезает, тает, тем более, что девушка попросила ещё стаканчик. Ради приличия он попросил её вернуться в общежитие, было уже поздно.

– Вы меня выгоняете? – спросила она, прищуриваясь. – Я хочу вам сказать кое-что важное…

– Насколько важное?

Девушка взяла его за руку как ребёнка и повела в спальню.

– Знаете, что творят мои коллеги, когда вас вспоминают?

– Было бы интересно узнать.

– Танцуют стриптиз. Вот так. – И девушка начала имитировать танец живота, расстёгивая поочерёдно пуговицы.

Филарет набросился на неё как дикий зверь.

– Я не женат, и у меня есть право заниматься любовью, – сказал Филарет, как будто оправдываясь за содеянное.

– Завтра вечером я могу к вам зайти с подружкой, – опять удивила его девушка, лёжа у него на руках. – Но нужно будет найти ещё одного мужика для неё!

– Забудь, что произошло сегодня вечером.

– Не могу. Вы умный и красивый!

Через пару дней Филарет и Апполинар ожидали девятнадцатилетнюю девушку с подругой.

16

Он обрёл желанную свободу. В последние несколько лет Филарет часто смотрел другими глазами на свои пятьдесят с лишним лет. Он не мог не думать о своих детях, зная, что они есть частичка его самого. У него были угрызения совести от отсутствия предпринимательских способностей и от невозможности покрыть расходы женщин, которые от него родили детей. Ни одну из них он не мог представить себе рядом с собой, казнил себя, что не может остановиться и завести семью. Все были чужими его сердцу.

Как-то вечером ему позвонила Вирджиния Мандыш. Она говорила громко, и он явственно видел её маленький рот с нижней полной губой и с верхней – тонкой. Она нечасто улыбалась после того, как родила и растила двух детей. Тревожным голосом она сообщила, что её муж–тиран выгнал её из дома, и теперь она живёт без поддержки в съёмной квартире, и что она в отчаянии.

– Чем я могу тебе помочь? – спросил Филарет

– Помоги мне. Давай встретимся завтра в городе, увидишь своих дочерей!

– Ладно.

Они встретились через день в центре города в кафе «Золотая хризантема». Девочкам-близнецам Вирджинии, с белыми бантами и цветастыми

платьями было уже по два годика, они пристально смотрели на него своими чёрными глаёнками.

– Муж выгнал нас из дому, и мы теперь живём в квартире, которую мне нашли и помогли туда вселиться мои братья и сёстры. Они сломали двери. Это хорошая квартира, в ней жили евреи, но представители мэрии каждый день приходят. Хотят меня выселить оттуда. Я не хотела тебя беспокоить, но мне некуда идти с детьми.

– Ты где-то работаешь? На что ты живёшь?

– Если моя сестра согласится сидеть с девочками, я выйду на рынок торговать носками, трусами, моющими средствами.

Филарет вывернул карманы и отдал ей всё их содержимое.

– Я ещё тебе дам…

– Я не столько в деньгах нуждаюсь, как в том, чтобы бюрократы оставили меня в покое. Пойди поговори с ними, прошу тебя! Зима уже близко. и мне некуда идти. Ради Ленуцы и Николеты!

– Красивые имена у твоих девочек.

– У наших, – настояла Вирджиния. – Обе они поют красиво, как и ты.

На следующий день после занятий в колледже Филарет пошёл в мэрию. Уполномоченным по проблеме был Василе Кушкэ, тот, который семь лет назад был приговорён к 14 годам тюрьмы за национализм. Кушкэ, исторический человек, слушал его целый час, не прерывая. С помощью подчинённых он проверил документы на квартиру. К удивлению Филарета, чиновник выдал справку на распределение, что позволяла Вирджинии законно поселиться в той квартире.

– Наконец-то, я чувствую настоящую демократию в стране, – поблагодарил Филарет.

– Привычки людей остались те же, – ответил Василе Кушкэ. – Ко мне каждый день приходят граждане и предлагают взятку за помощь в той или иной проблеме. Я же делаю лишь оперативный анализ обстановк. Так я убедил остальных пойти навстречу госпоже Мандыш.

– Её двое детей – это мои дети, – с радостью сказал Филарет.

– Что с тобой? Ты каждый год творишь подобные дела!

– Вы сделали доброе дело, – поблагодарил его Филарет. – Дай вам Бог здоровья.

– Да уж, в здоровье я нуждаюсь, как никогда прежде. После семи лет

тюрьмы меня оперировали. Врачи поменяли мне клапаны в сердце. Мои дни сочтены. Как Бог решит, так и будет!

– Я наслышан о вас от Кристалины,– признался Филарет.

– Я приглашаю тебя на чашечку чая, и мы продолжим беседу.

– С удовольствием. Я зайду за вами в конце рабочего дня.

После работы они решили пройтись по мосту, соединяющему район Ботаники с Монастырём Чуфля. Василе Кушкэ был откровенен, много рассказывал из своей биографии. Тяжелее всего ему было вспоминать годы заключения, когда его осудили за политические взгляды при Советской власти. Он был единственным чиновником в правительстве, который продвигал внедрение языка коренного населения в общественно-политическую жизнь, и открыто боролся с тем, что ключевые должности в республике занимали русскоговорящие и другие меньшинства. Ему не раз намекали так называемые друзья, чтобы он был осторожнее в высказываниях, ибо начальство недовольно его выступлениями. Он не желал повиноваться. В канун своего ареста, игнорируя бдительность КГБистов, он распространил по всему городу листовки *Манифеста* со следующим призывом: «*Мы, коренные молдаване, обязаны требовать свои права на государственный язык и продвигать наши кадры. Примером для нас должны быть Балтийские страны, Грузия и Армения, которые узаконили просредством конституции родной язык как государственный.*

Мы сотни лет живём на молдавской земле, унаследованной от наших предков, но чужаки нас унижают и управляют нами по сегодняшний день. В большинстве это русские, украинцы, болгары, гагаузы, С каждым днём они становятся всё агрессивнее, перекрывая нам путь к национальной свободе. В составе высокопоставленных лиц, в городских и районных организациях более 70% являются не-молдаванами, в министерствах и государственных комитетах около 80-90%. Сколько ещё нам терпеть этот позор? Обстоятельства усложняются, наши дети плохо осваивают родной язык, ибо вынуждены учиться в школах и в высших учебных заведениях на русском языке. На сегодняшний день в Кишинёве официально действуют лишь 8 молдавских школ, остальные 80 являются русскими или русско-молдавскими, а директора и педагоги, как правило, русскоговорящие. В Бендерах и в Тирасполе действуют лишь одна молдавская школа, а в Рыбнице – ни одной. Такое нельзя дальше терпеть.

В 1940 наши молдавские территории на севере и юге страны были отторгнуты от исторических границ Бессарабии и произвольно переданы Сталином и Молотовым в состав Украины. Это бывшие уезды Хотин, Белая Церковь, Измаил и Северная часть Буковины. Эту несправедливость нужно исправить.

Пришло время нам, молдаванам, объединить наши силы и открыто заявить о праве использовать родной язык в государственных и партийных органах, помогать возрождению молдавских школ и требовать возврата территорий. Ради национального достоинства, мы обязаны отстаивать свои исторические права.

Каждый, кто прочтёт этот манифест, обязан переписать его в десяти экземплярах и распространить среди друзей и патриотов нации. Мы рассчитываем на активное участие учеников и студентов, всей молодёжи. Перешлите этот послание учителям и профессорам в школах, техникумах, высших учебных заведениях врачам, писателям, работникам партии и комсомола!

Наш лозунг прост: «Воссоединимся, молдаване! Правда на нашей стороне!»

Манифест был подписан «***Патриотический Фронт Молдовы»***. Василе Кушкэ, рассказывая содержание манифеста, написанного им, во время прогулки поведал о том, как его предали те, которых он считал надёжными людьми.

«КГБ стал за мной следить уже на следующий день. Я находился на заседании Правительства. В полдень я сдал отчёт об экономическом состоянии страны, и вдруг неожиданно объявили перерыв. Секретарь позвала меня в кабинет, в приёмной меня ожидали три незнакомца. Один из них схватил меня и шёпотом сказал на ухо «Молчать, гражданин!» и втолкнул меня в кабинет. Мне одели наручники, вывели из здания и посадили в фургон».

С глаз Кушкэ текли слёзы, а обида сильно сдавливала горло, но он продолжал:

«Меня увезли и закрыли в тюрьму для уголовников. В камере было темно, стояла невыносимая вонь. Через много лет я узнал, что Манифест попал на стол Генерального прокурора в тот же день, когда я его написал. Один из чиновников, с которым я был знаком по работе, консультировался с Кремлём, что со мной делать. Чтобы меня не считали врагом народа, прокурор написал другие обвинения, и я стал обычным бандитом. В день

моего ареста ко мне домой пожаловали оперативники и незаконно переселили мою жену и детей в квартиру на окраине города. Нашлись такие, которые утверждали, что я брал у них взятки, что я по блату устраивал их на работу и всякую другую ложь. Я старался держать себя в руках, хотел объяснить, что здесь ошибка, но уже позже узнал, что мне подсыпали наркотики в еду, чтобы я сломался. В нестабильном психологическом состоянии, без адвоката, следователи добились от меня признания на 70 листов! Режим достиг своей цели, а через средства массовой информации объявили меня продажным обманщиком, что я накопил богатства, что моя жена принимает ванные из молока! В той ужасной тюрьме меня кусали клопы, с меня смеялись, говорили, что так и нужно обращаться с политзаключённым, который написал Манифест. Ко мне направили адвоката из КГБ, он настаивал, чтобы я признался в коррупции, и что чистосердечное признание спасёт меня от смертной казни. Меня осудили не за национальную идею. Режим не хотел, чтобы это фигурировало в обвинениях, и мне дали 14 лет заключения, обвинив в присвоении денежных средств, вымогательстве, злоупотреблении властью. Я отбывал наказание 7 лет в одной из тюрем в горах Урала. Но как только приняли Декларацию о Независимости Республики, меня помиловали. О чём я жалею сейчас? О том, что надо мной издевались свои, и вот у меня теперь большие проблемы с сердцем. К сожалению, на сегодняшний день в прессе продолжают появляться статьи, подписаные псевдопатриотами, которые иронизируют, что у меня есть должность в мэрии, что я беру взятки, и никто даже не вспоминает, что я боролся за свободу нации.

– Вам бы книгу написать, – высказался Филарет.

– Я уже пишу еёпод названием «Битва за национальное достоинство».

– Мне будет интересно прочитать её.

– Ты почему не женишься, вместе будете растить девочек? – внезапно спросил Василе Кушкэ.

– Я как развёлся, дал себе слово никогда больше не жениться, – признался Филарет.

– Если бы ты её любил, ты бы женился. – сказал Кушкэ на прощание.

Вирджиния вскоре получила ордер на квартиру. Иногда Филарет приходил к ней в гости, играл с девочками. Удивлялся, как быстро проходит время. Никак не прощал себя, что не может заставить себя жениться на их

матери. Но он не представлял себя в кругу семьи, как это было с Новеллой, хоть ему было уже немало лет, а матери его детей округлились и стали зрелыми женщинами. И лишь работа в колледже удерживала его в молодой среде, создавая иллюзию, что старость его не настигнет никогда. Часто он общался с Мартой.

– Эх ты, непутёвый, забыл меня. – повторяла она в трубку.

– Думаю, ты времени зря не теряешь. У тебя много режиссёров и артистов в своём кругу общения.

– Что ты знаешь… да ничего.

Они систематически общались, особенно в зимние, холодные вечера. Иногда ему звонила Новелла, требовала, чтобы он стал спекулянтом. Напоминала ему, что многие бывшие учителя, врачи, инженеры не стесняются заниматься таким делом. Они торгуют. чтобы прокормиться. Она советовала ему поехать в Турцию, в Польшу, в Румынию за жвачками, кофе, чаем... И тем самым заработать денег.

Закрывались фабрики и заводы, в сёлах рушились сельские хозяйства, и толпа безработных шла в коммерсанты. Иногда к нему приходили знакомые с просьбой побыть в его квартире с женщинами. Он снова убедился, что жизнь берёт своё, мужчины и женщины ходят по волнам неверности друг другу, а встретить верного мужчину или женщину – это на самом деле редкость. Он думал найти женщину с реальными возможностями уехать в США или Канаду, в Австралию. Реальность вокруг него легко могла привести в объятья алкоголя, табака или наркотиков, но это всё его никогда не притягивало. Его единственной слабостью и радостью продолжали быть женщины. Как только Филарет встречал понравившуюся ему женщину, он приглашал её к себе, красиво ухаживал, читал стихи и играл на гитаре. Постоянной женщины не было, и обязанным он чувствовал себя лишь перед теми женщинами, что растили его детей. Он задавался вопросом, почему ни одна из проходящих через его постель женщин не покорила его сердце, не спасла от одиночества.

К нему часто приходил Апполинар Грицко, а однажды в декабрьский вечер приятель зашёл к нему с какой-то девушкой. Филарету пришлось оставить их одних и выйти на прогулку по аллее парка Роз. Мелко мело снегом, озеро покрылось тонкой коркой, на которую пыталась сесть стая ворон. Вокруг – никого, но вдруг на скамейке он заметил девушку в корич-

невом пальто, в чёрной шапочке, обутой в летние туфли. Он осторожно подошёл к ней, стараясь не испугать, и увидел, что она тихо плачет. Он обратился к ней:

– Я могу тебе чем-то помочь?

Девушка отчаянно посмотрела на него и ответила:

– Не розумів…

Филарет узнал украинский язык с акцентом, как у *Оксанки Гилецкой*. Заметил, что у девушки отсутствуют несколько зубов.

– Как тебя зовут?

– *Ханка Лисник*, – ответила она на русском, дрожа от холода. – Отец умер, а мачеха выгнала меня из дому. Мне некуда идти, я в Кишинёве никого не знаю. А денег у меня нету, чтобы поехать в Бельцы к подружке…

Ему казалось, что перед ним сидит *Козетта* из романа Виктора Гюго «Отверженные». Филарет снял пальто, одел ей на плечи и предложил пойти с ним. Девушка смиренно пошла.

– Куда ты меня ведёшь?

– Ко мне домой. Согреешься, выпьешь горячего чаю.

– Но не смей прикасаться ко мне, – заявила девушка. Она была хрупкой, лицо овальное, волосы рыжеватые, неухоженные.

– Я только хочу тебе помочь, – рассмеялся Филарет и погладил по плечам. А для уверенности добавил: – Я преподаватель в Финансовом Колледже.

Дома никого не было. Апполинар Грицко ушёл, а на кухне на столе оставалась еда. Ханка посмотрела на него, продолжая дрожать от холода и страха, что вошла с чужим в дом. Он помог ей снять пальто, пытаясь угадать, сколько ей лет, и не малолетняя ли она или бомжиха. Он налил ей стакан вина, который девушка выпила залпом, затем стала глотать всё, что стояло на столе. Филарет налил ещё, но она отказалась и продолжила есть.

Они зашли в комнату, сели в кресла друг перед другом. Девушка угадала его мысли и стала говорить откровенно.

– Я похожа на бездомную. Мне 20 лет, – сказала она заплетающимся языком.

– Завтра проснёшься, пойдёшь к своей мачехе и помиришься с ней.

– Она меня не примет обратно. Я из *Станислава*, с Украины. Там жила

мать, которая развелась с отцом. Я попала в Молдову, потому что училась в швейной школе в городе Бельцы и часто приезжала в Кишинёв к отцу. Но он умер от инфаркта полгода тому назад. Его бывшая жена запрещает мне претендовать на наследство.

– Могу дать тебе денег, чтобы ты уехала к себе в Станислав завтра на поезде.

– Не могу туда поехать, мать сидит в тюрьме за кражу, а бабушка продала дом. Я благодарна вам за понимание, – она скомкала деньги в руке. – Я не пропаду! Я устроюсь на работу и верну вам всё.

– Давай-ка иди искупайся, – посоветовал ей Филарет. Она зевала, и глаза у неё закрывались. – Оденешь халат и ляжешь здесь, рядом со мной, другой кровати у меня нету.

Девушка безропотно согласилась помыться, словно жертва, попавшая в капкан.

– Я понимаю, но позвольте мне спать в кресле.

Филарет улыбнулся. Он уложил её в кровать, укрыл одеялом, а сам раскинул кресло и лёг спать.

– Спи, – сказал он и подумал: «Вот, пожалуйста, ещё одна свалилась мне как снег на голову».

Утром, оставив её спящей, он поспешил в колледж, сердясь на себя, что все несчастные попадаются ему. Вернувшись дамой в обеденное время, он нашёл девушку бодрой, в халатике, умиротворённой. Дом был убран, стол в чистоте, посуда чистая и расставленная по местам. Она нажарила ему сковороду картошки.

– Я неловко себя чувствую, – скромно сказала она. – Я никогда не употребляла алкоголь, и меня ужасно болит голова. Я должна поехать в Бельцы, к подружке.

– Когда будешь в Кишинёве, позвони мне.

– Мне не к кому сюда приезжать. Я вам напишу, – ответила она. – Мачеха не отдаёт мне мою часть дома, оставшегося от отца, но я не буду с ней судиться.

Уходя, напомнила ему, что при первой же возможности вернёт деньги, не в её манере быть кому-то должной.

– Спасибо, что ты прибралась в моём доме. Давно моя квартира не видала женских рук, – сказал Филарет.

Ханка улыбнулась беззубой улыбкой и ушла. А в сердце Филарета осталось легкое чувство благотворительности.

17

Судьба девушки Ханки дала понять Филарету, что жизнь человека зависит от судьбы и везения и задавался вопросом: как он оказался именно в том месте, чтобы встретить девушку. Удивлялся почему, после расставания, мысли были о ней одной. И тут его неожиданно пригласили на беседу с директором колледжа.

– Ты работаешь здесь уже пятый год, но не растёшь. Не пришло ли время получать научную степень?

– Большинство преподавателей колледжа не имеют степени.

– У тебя не их специальность. Министерство требует от нас брать на работу докторов наук. Мы не сможем с тобой работать, пока ты не предъявишь лицензию на научную степень.

Эта новость застала Филарета врасплох. Он ведь справлялся со своими обязанностями, и ученики его любили. Но причина могла быть другая. В последнее время до него дошли слухи, что некоторые преподаватели берут взятки у учеников. Рассказывали, что ученики, якобы, собирают деньги и через старосту группы передают их экзаменаторам, а те, в свою очередь, делятся с руководством. Он не хотел верить, что такое возможно, и был убеждён, что информация является ложной. Пока же директор сообщил ему, что со следующего семестра эстетику будет преподавать другой преподаватель.

– Опять я безработный!

– Ну, это не совсем так, – сказал директор. – У нас есть место по вашей специальности в библиотеке.

Филарет подумал посоветоваться с Апполинаром Грицко, но тот уже знал, был в курсе.

– Министерство обновляет состав педагогов подготовленными кадрами, объяснил тот. – В республике есть много безработных докторов наук. А с другой стороны, колледж перешёл на самофинансирование. Деньги решают всё! То, что я могу для тебя сделать, это попросить директора оставить тебя в библиотеке.

Студенки устроили протест у кабинета директора, узнав об увольнении Филарета. Тот оскорбился, решив, что это подстроено самим Филаретом. Его тотчас же позвали в кабинет директора:

– Мне не нужны бунтовщики! Я уже подписал приказ об увольнении.

– Я вам признателен за годы работы, – успокоил его Филарет, верный своей манере благодарить тех, кто ему в своё время помогал.

Перед праздниками, после проведения экзаменов, ему выдали зарплату, и он опять почувствовал себя одиноким, не знал, чем будет заниматься в следующем году и как будет помогать детям. Пребывая в таком состоянии, он получил письмо. Подчерк был аккуратным, каллиграфичным, и оно было от *Козетты*:

«Мой уважаемый спаситель!

Я смею вам писать на белом листе свои мысли, которые рвутся к вашему сердцу. Часы отсчитывают мгновенья, а начало зимы взбудоражило мою душу, куда проникли самые нежные чувства. Я вас узнала случайно, в ту снежную ночь в парке, будучи в отчаянии…

Настал конец декабря, ночи становятся всё свирепее. Идёт снег, ветер дует в окна, а я надеюсь на встреч с вамиу. Я помню ваше лицо, ваш дом, где вы по-родительски приняли меня, помню ваше неожиданное гостеприимство. Я не забуду ваш взгляд, подбадривающую меня улыбку, из-за которой я посмела поднять свой взгляд. Рядом со мной стоял мужчина, и я ждала, что он набросится на меня, как на лёгкую добычу, но вы этого не сделали, и со мной такое произошло впервые! Тем самым вы возвысились в моих глазах… Признаюсь, свой жизненный путь я прохожу словно снежинка в лютой зиме. Мне неведома родительская ласка, мне не знаком мир, и я не знаю, каков он: добр ли он, или же полон зла. Я плыла в нереальном мире, мечтала о счастье, но чувство любви я распознала лишь сейчас. Мне хотелось бы остаться в вашей памяти хорошей, покорной девочкой, какой вы меня узнали в сложный момент моей жизни, когда мачеха изгнала меня из дома. Не встретив вас тогда, кто знает, что со мной бы приключилось… Искренне жду встречи с вами».

Письмо девушки было для Филарета громом среди ясного неба. В нём проснулось желание её увидеть. Его глаза пробежали ещё раз по красивому подчерку, по искренним, ясным фразам, заинтриговавшим его. Он попытался вспомнить, как сам когда-то писал письма в надежде, что получательница поймёт его и позовёт к себе. С утра он решил навестить бывших коллег и знакомых, в надежде, что кто-то из них пробился в администрации предприятий, которые до недавнего времени были в руках коммунистов. Сперва он пошёл на площадь Великого Собрания, где часто

по делам собирались его знакомые, чтобы обсудить последние новости о конфликте в Приднестровье, где русская армия поддерживала сепаратистов в Тирасполе. Под предлогом защиты интересов русскоязычного населения Россия спровоцировала конфликт в Приднестровье, привезла из всей своей империи криминальные отбросы во главе с казаками. Конфликт длился уже несколько месяцев, не решался, и теперь добровольцы встревали в беседы по этому поводу на радио и по телевидению России, непрестанно вопя на весь мир, что молдаване являются агрессорами молодого сепаратистского государства. Он даже думал записаться в отряды бойцов за территориальную целостность, но пока он раздумывал, война уже подошла к концу. Добровольцы вернулись с поля боя. Некоторые из них целыми днями продолжали спорить, а в это время бывшие чиновники на деньги партии коммунистов строили бизнес. На площади он встретил людей, которые хвастались, как они добыли кредиты в обанкротившихся банках без каких-либо обязательств. В толпе было много знакомых лиц, а также писатели, разъезжавшие на роскошных автомобилях. Казалось, они приехали на площадь демонстрировать свои успехи, и Филарет решился попросить у них помощи .

– А что ты можешь делать?! – спросили его.

– Я специалист по библиотековедению, – ответил он.

– Книги дешевеют, и всё меньше людей их читают, – получил он ответ.

– У тебя нет никаких связей в Правительстве? В банках, в министерствах? – поинтересовался другой.

Узнав, что никто не хочет ему помочь, он прекратил унижаться. Филарет удивился другой встрече, лоб в лоб, с Тудором Дарадайку. Он вдруг почувствовал, что реальность волочит его с одной стороны на другую, хоть у власти новые люди с патриотическими и демократическими намерениями. Он понял, что времена работы в коллекторе изменили общество. Большинство его знакомых открыли свои фирмы, обзавелись деньгами, домами. А он? Подумал зайти к Марте – хотелось с ней побеседовать, может, она подаст ему идею, хоть и не всегда была серьёзной и ставила акценты на гиперсексуальность с артистами, поэтами и министрами.

Он провел ночь у неё. На следующий день она посоветовала ему пойти к чиновнику в министерство культуры – он был общим знакомым её и Апполинара Грицко. Тот предложил ему должность заместителя

директора в муниципальной библиотеке, и Филарет вернулся на свою прежнюю работу. Там было всё, как раньше: те же помещения, тот же коллектив, но уже без русскоговорящих коллег, которые поуезжали в свою страну. Среди работников были ещё те, кто голосовал против него, когда его уволили. Но долго ему не пришлось быть «счастливым». Через несколько месяцев он понял, что всё тут умирает. Государство больше не перечисляет деньги на пополнение фонда литературы. Отделы секретной литературы были закрыты, а Филарет даже заработал себе новых врагов, когда, будучи начальником, был вынужден уволить библиотекарей со стажем. Он попытался реанимировать литературное объединение и тематические круглые столы, приглашал писателей, но того энтузиазма уже не было, а зал оставался полупустым. Стали появляться компьютеры, мобильные телефоны, и надобностьь библиотек пошла на спад. В читальных залах, которые когда-то были полны посетителями, сейчас царила пустота.

В один из таких дней, когда он пытался бороться с проблемами, к нему на работу зашла Марта. Она была в сафьяновом, синем платье, с распущенными волосами и хорошим макияжем, словом, нарядилась как на праздник.

– Да у тебя тут полно девочек, – улыбнулась она, провожая взглядом каждую библиотекаршу, проходившую мимо. Затем потребовала объяснений: – Почему ты больше ко мне не приходишь? Знаешь, случилось кое-что интересное после нашей последней нашей встречи, и я пришла тебе об этом сообщить: сволочь ты моя, у меня будет от тебя ребёнок!

– Веди себя прилично, – попросил Филарет её взглядом, чтобы та перестала так шутить.

– Врачи сказали, что я на третьем месяце. Как раз с тех пор, как ты больше не был у меня. Я беременна, и ты обязан на мне жениться!

– У нас не было подобного уговора.

– Тебе до шуток, я вижу? – Марта прищурила глаза. – Ладно, продолжим беседу сегодня в 18.15 у Триумфальной Арки. Не будем скандалить в библиотеке.

Оставшись наедине, Филарет почувствовал, как у него земля уходит из-под ног. Он думал, что сходит с ума. Все знакомые ему мужчины состояли в небрачных отношениях, но ни у кого из них не было столько

бастардов, как у него. Обвиняющий взгляд Марты преследовал его весь день, а вечером он всё-таки пошёл в центр города, злой как собака, готовый разорвать её на куски. Но Марта встретила его радостной и весёлой, как на помолвке. С собой у неё был фотоаппарат, и она фотографировала пейзажи кругом. «И мне на ней жениться? – спросил он себя. – Да, она мила, молода! Тем более, ведёт себя спокойно».

– Тебе подошла бы профессия репортёра, – отвлёк он её комплиментом.

– Я нравлюсь всем мужчинам, – продолжала она фотографировать. – Я зашла к своим знакомым в Доме прессы, и все заявили, что хотят меня! А я их послала ко всем все чертям»!

– Ты зачем меня позвала?

– Напомнить тебе ещё раз, что ты должен на мне жениться, *сволочь*!

– И почему же?

– Я же не буду растить ребёнка одна. Давай, решайся, у меня мало времени. Мне ещё нужно встретиться с состоятельным мужчиной, собаку ему продать, мне не хватает денег содержать её. Нашей семье деньги понадобятся.

– Прерви беременность, – попытался убедить её Филарет. – Я не готов и не желаю жениться.

– Я так и знала, что ты мне пикнешь что-то такое, *негодяй* ты такой, – иронично улыбнулась Марта. – Раз не по душе тебе женитьба, пойдем к моим родителям и подтвердим, что именно ты отец ребёнка, и у меня к тебе больше не будет претензий на будущее. Ну, договорились?

– Я подумаю.

– У тебя нет выбора. Уже поздно.

Филарет чувствовал, что ему придется принять участие в этой истории. И уже в следующую субботу они поехали с Мартой к её родителям на другой берег Днестра. По дороге в Дубоссары, в Кошнице, они столкнулись с бородатыми физиономиями солдат в российских военных формах, вооружённых до зубов. Здесь они установили границу, называли себя пограничниками и контролировали положение. На контрольном пункте у них тщательно проверили документы, затем пропустили дальше. В то пасмурное, предпасхальное утро Филарета удивили дома, разрушенные прошлым летом русскими казаками, которые приняли

участие в агрессивном конфликте. Вокруг были картины, которые он видел в кинематографических хрониках советской пропаганды о немецких преступлениях в 1941.

Родители Марты были учителями в школе села Кочиерь, и любезно их приняли. После обеда Филарет счёл необходимым сообщить о цели визита:

– Марта скоро родит ребёнка!

– Желаю вам здоровья! – заявила довольная мать Марты.

– Может, хоть сейчас успокоишься, – довольно пробормотал отец.

– Я давно уже успокоилась, – ответила резко Марта, не отрывая взгляд от Филарета. – Но вот только эта… *сволочь*, после того, как подарил мне своё семя, не желает на мне жениться.

– Берегите ребёнка, – добавила мать Марты, желая уладить конфликт.

– Я на него в суд подам, и он заплатит мне алименты как миленький! – грубо добавила Марта: – Я не буду заставлять на мне жениться этого монстра, который обзавёлся уже шестью детьми от разных баб.

– Вы взрослые люди, вот и разберётесь, – хотел закончить беседу отец.

Марта продолжала рассказывать о нём всё, что знала, но родители не очень обращали на это внимание. Филарет выпил много вина, напился и свалился на кровать. Утром не чувствовал головы. Марта ждала его к столу с горячим кофе.

– Наша дочь всегда готова к ссоре, – сказала мать. – Начала в садике, затем с учителями в школе, в университете, всегда искала повод для ссор. Ты старше её, попытайся на неё повлиять.

– Поживём – увидим, – пробормотал Филарет.

– У тебя нет выбора, – довольно сказала Марта. – У меня будет ребёночек! А ты иди своей дорогой…

Вернувшись в столицу, он пытался проанализировать поездку в Дубоссары. Он вроде и согласился бы на женитьбу, но был в замешательстве, когда нашёл в своём почтовом ящике письмо от Ханки. Он чувствовал, что именно она, издалека, проникает в его неспокойную и нерешительную по поводу Марты душу. От перечитал, пахнущуее духами письмо, и в его душе зародилась надежда на завтрашний день.

18

Из Министерства культуры Филарету вручили приказ о капитальной очистке фонда муниципальной библиотеки, что означало устранить литературу с политическим и коммунистическим содержанием, которая составляла больше половины фонда. Несколько дней подряд грузовики возили макулатуру на картонную фабрику. Освобождённые стеллажи наполнились гуманитарной помощью – книгами из библиотек Румынии. Позже к нему зашли два бородатых представителя Народного фронта и приказали уничтожить книги Максима Горького, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Михаила Шолохова, Юрия Проскурина…

– Муниципальная библиотека не может существовать без великой русской литературы! – возмутился Филарет. – Пока я отвечаю за библиотечный фонд, этого не случится!

– Это литература оккупантов! – заявил один из бородатых. – Ты должен соблюдать решение Высшего Совета фронта, иначе останешься на улице.

– Пусть придёт сюда хоть Папа Римский, но я не уничтожу эту литературу! – упрямо возразил Филарет, и те двое ушли недовольные.

Вскоре на первой странице одной из газет Фронта появилась статья «Диктатор из Муниципальной библиотеки». В ней Филарета выставили в чёрно-серых тонах и утверждали, что он не соблюдает закон. Статья не прошла незаметно – на следующий день его вызвал в Министерство культуры сам министр.

– Ваше неповиновение не имеет оправдания, – сказал ему чиновник.

– Если вы считаете, что всю русскую литературу нужно уничтожить, сделайте это руками кого-то другого.

– Такой человек, как вы, не может руководить библиотекой, – заявил возмущённый министр, вручив ему приказ об увольнении, составленый заранее.

Филарет опять стал безработным.

Некоторое время ему не верилось, что пришлось спорить с представителем демократии, который не так давно стоял во главе национального возрождения. «Ну, Филарет, что теперь? – спрашивал он себя. – В твои 40 лет ты ещё не реализовался, а Новелла всё-таки была права, когда сказала, что ты глупый неудачник». И права ведь, не умеет он договариваться с теми, кто у власти.

Отключив телефон, Филарет несколько дней не выходил из дома. Он не желал никого видеть и слышать. Демократия, о которой кричали патриоты и ультра-патриоты, превратилась только в слова. Население разделилось на богатых и бедных, как было в древнем Риме между патрициями и плебеями. На краю этой пропасти оказался Филарет. Он не мог найти своё место в этом мире, всегда суетился, в то время, когда его дети нуждались в средствах на содержание. Его беспокоили и угрозы Марты, которая всё время названивала и читала ему нотации.

С помощью знакомых и друзей ему всё-таки удалось устроиться на работу в фирму «Agricultural Company», которая закупала у населения табак. Директором фирмы был сын полковника госбезопасности, закончившего Театральный институт, и из артиста стал бизнесменом. За смешные деньги компания приватизировала целый парк грузовиков, которые перевозили табак на переработку в Румынию, Украину и Германию. Вместе с другими людьми с высшим образованием, среди которых были инженеры, педагоги, врачи, Филарет разъезжал по сёлам и закупал тюки табака у тех, кто имел большие плантации. Крестьяне были вынуждены продавать свою продукцию почти задаром, а позже фирма и вовсе перестала платить. Директор заключал контракты с каждым земледельцем в отдельности, обещая оплату после продажи сырья сигаретным фабрикам Украины. Как грузчику, ему приходилось загружать огромные тюки в грузовики. Работа была тяжёлой, но за неё платили хорошие деньги. Было чем делиться с Новеллой и с Мартой, у которой с каждым днём живот становился всё больше. В выходные дни он позволял себе отдохнуть или проводить время с Даниелем и Виорелом в каком-то кафе. Мальчики росли и рассказывали ему о своих друзьях, имевших компьютеры. Филарет пока не был знаком с этими новшествами, пришедшими в Молдову из США и Европы. Он видел мобильные телефоны лишь у их директора, но точно знал, что они дорого стоят, и всячески убеждал своих отпрысков, что в своё время и у них будет то, что, сейчас имеют их друзья.

Филарета сейчас больше интересовало состояние Марты. Врачи выявили у неё угрозу выкидыша и положили в больницу. Марта стойко соблюдала рекомендации врачей. Взяв с собой в больницу спицы и нитки, она спокойно вязала свитера и носки. Филарету она подарила белый свитер.

– Носи на здоровье, сволочь, – равнодушно сказала она ему.

Он вернулся домой, где его никто не ждал, и сел читать полученное письмо от Ханки. Её письма обычно заканчивались надеждами найти работу в Кишинёве. Она обращалась к Филарету по-румынски – «дорогой», и тот решил пригласить её в гости на выходные. Он не видел её с того зимнего вечера, когда она чуть не замёрзла. При встрече ему показалось, что она переборщила с макияжем, а лицо выглядело исхудавшим. Её грустные глаза глядели на него как на спасителя. Они пошли в магазин, и он купил ей пару туфель, затем повёл к знакомому стоматологу, и тот вставил ей несколько отсутствующих зубов. Он потратил на неё приличную сумму денег. Стоматолога нужно было посещать примерно две недели, и Ханка согласилась пожить у Филарета. продолжала удивлять: идеально убирала квартиру пока он был на работе и напрочь отказалась пить алкоголь.

Целую неделю он держал себя в напряжении, затем она вернулась в Бельцы.

Филарет остался один, продолжая работать грузчиком. Вечером, после тяжёлой работы, он мечтал поскорее лечь отдохнуть. В его паспорте были записаны уже трое детей, но он решил признать и близнецов Вирджинии, и через неделю в его паспорте значились уже пятеро детей.

Всю весну он работал, и даже половину лета, затем нступил перерыв до нового урожая. Филарет решил поехать к своим родителям в родное село. Всегда любил его, с тех пор как уехал в город. Многие односельчане не узнавали его или вовсе не были с ними знакомы, часть умерла, часть – уехала за границу, и в селе, в основном, остались лишь старики. Его школьные друзья постарели тоже. Односельчанка Мария Кодряну, продавец в магазине, с которой он в школе сидел за одной партой, звала к себе в гости. Она было низкого роста, очень хозяйственная, у неё было двое сыновей и дочь. Её муж был полицейским, но вышел на пенсию, целыми дням ничего не делал, и ей приходилось нести бремя работы по хозяйству. С Марией он всегда находил общий язык, вспоминали детство и школьные годы. Иногда устраивали вечеринки вместе с другими бывшими коллегами, и они развлекались до позднего вечера. Дочь Марии, Чиприяна, милая девочка, всегда притаскивала старую гитару отца и просила его сыграть для неё мелодию:

Все дочери и сыновья
Уехали, прощались…
Под моим окном, грустя,
Давно цветы завяли.

Филарет чувствовал себя прекрасно в гостях у бывшей коллеги с друзьями детства. За столом он предавался воспоминаниям. Внимательнее всех слушала его Чиприяна, которая одевала белое платье и закрепляла диадему в волосах. Ей очень хотелось станцевать при всех, особенно при Филарете. Вернувшись в город, Филарет почувствовал, что у него ещё не иссякло желание жить красиво.

Хана продолжала его удивлять: стала учить румынский язык. Хохлушка всерьёз взялась за учёбу, и также серьёзно заявила, что любит его и хочет быть с ним всегда. Филарет ответил, что он старше на 18 лет, и что в его паспорте уже записаны пятеро детей, и шестой на подходе! Хана не видела ничего неприемлемого в такой биографии. Однажды утром он пришёл на работу, но офис компании оказался закрытм, а все кабинеты опечатанными. Сотрудники полиции делали обыск, секретарь молчала у входа, а остальные сотрудники стояли в ожидании зарплаты.

– Они пришли арестовать его, – шепнула ему секретарь. – Наш начальник вчера утром сбежал в Венесуэлу…

Он узнал, что их директор скупил большую партию табака, продал её, деньги перевёл на счета за границу, и не заплатил крестьянам ни копейки. Полицейские заявили всем пришедшим работникам, что фирма прекратила существование.

– Мы все сопьёмся, – горько объявил один из работников.

Филарет вернулся домой и лёг на кровать, лежал неподвижно как труп, не отрывая от потолка невидящего взгляда. Вдруг вспомнилась Кристалина, и он сразу подумал… Если бы она была в городе, обязательно помогла бы. Зазвенел телефон, в трубке был голос Марты:

– Я скоро рожу, – напомнила она. – Мне нужны деньги.

Филарет рассказал о том, что случилось у них в фирме.

– Ты представляешь, в каком положении я оказался вместе с другими сотрудниками?

– Меня это совсем не волнует! Заниматься сексом тебе ума хватило?! Вот будь добр, заплати!

Филарет взял в долг сумму денег у одной коллеги из университета, затем ещё у одного знакомого и принёс их Марте, которая даже не сочла нужным пригласить его в дом, а лишь вышла на порог, пересчитала купюры и вошла обратно, не поблагодарив его. Потом пришло время одал-

живать деньги для Новеллы, для Вирждинии, и вот он погряз в долгах по уши. Шёл по улице, и ему казалось, что и деревья тоже просят у него денег. Он избегал встреч с теми, кому был должен. А если он выйдет на рынок и станет торговать всякими безделушками, как поступали многие его знакомые? Никак не мог решиться на такое. Его посещали даже мысли о суициде, но удалось их отогнать – смерть все равно ничего не решила бы. У него много детей и много обязанностей, и с этим нужно смириться.

Только Хана не теряла надежды. Филарет съездил в Бельцы, нашёл её в общежитии, окружённой учебниками. Внезапный визит Филарета её приятно удивил. Девушки из её комнаты думали, что он её дядя, но она представила его как любимого мужчину!.. Вечером вдвоём вышли в город погулять. Ему всегда нравился это город, улицы и дома, где жили евреи, в парках было полно клумб с цветами, было много церквей в центре, там был кинотеатр, центральный рынок и танк на постаменте в память о том, что нас когда-то «освободили» от румынской оккупации!

Прошлись по парку, где стояли переполненные мусорные контейнеры. Филарет сказал ей, что он безработный, а девушка рассказала, что на фабрике ей вручили дипломы и премии.

– У меня никогда не было столько денег как сейчас, – похвасталась она.– Недавно ты мне помог, теперь я готова тебе помочь. Мои деньги помогут тебе вернуть часть долгов.

Филарет, посмотрел на полный пакет с купюрами, который протянула ему девушка, слегка замешкался, но согласился:

– Я не ожидал, что именно ты мне поможешь, – сказал он. – Я всё верну.

– Друг познаётся в беде, – напомнила девушка ему пословицу, – но сказала её на румынском языке.

Он заметил в её глазах искренность. Обнял её и спросил немного иронично:

– И ты сможешь сожительствовать с таким монстром как я?

– Если ты меня позовёшь к себе, то да,– ответила девушка.

– Пусть даже у меня есть куча детей?

– Всё зависит от тебя, – ответила Хана своим приятном акцентом.

– Прямо сейчас сможешь поехать со мной в Кишинёв?

– Сперва я должна кое-что уладить. Ведь я работаю…

– Приезжай в следующем месяце, – прошептал ей Филарет и поце-

ловал. Ему хотелось кричать, чтобы все кругом услышали, что он теперь станет порядочным и будет держать свою женщину рядом с собой любой ценой, будет страстно её любить и никто не сможет лишить его этого. Он терпеливо ждал решения девушки, которая смотрела на него своими большими, искренними и влюблёнными глазами.

– В следующем месяце, ладно? – сказала она на румынском. Затем улыбнулась, и снова удивила его: – В следующем месяце, твой день рождения!

– Но откуда ты знаешь…

– Мне кажется, что я всё о тебе знаю.

В ту ночь Филарет вернулся в Кишинёв поездом. В нём зародилась новая надежда любви к девушке, которая, на удивление, помогла ему вернуть часть долгов и дала возможность направить своё внимание на поиски новой работы. Он зашёл домой с мыслью о девушке, и через несколько минут позвонила Марта и сообщила, что родила мальчика.

19

Филарет поднялся на второй этаж и сел на диванчик возле палаты, где лежала Марта. Женщина исхудала, была бледной, глаза углубились в орбиты, давали знать о её беспокойстве за дальнее в неопределённой жизни.

– Что с тобой? – Взволнованно спросил Филарет.

– Только сейчас я всё поняла. Мы тебе нужны лишь для статистики, сволочь!

– Знай, я счастлив, что у меня есть сын.

– Я сама его поставлю на ноги и воспитаю, – печально сказала Марта. На шее у неё пульсировала вена, губы надулись, и она продолжила: – Что за жизнь ты себе устроил!?

– Всё будет хорошо, – искренне попытался он её успокоить. Вытащил из кармана пачку купюр и положил ей в карман халата.

– Тогда почему ты не хочешь на мне жениться, создать нормальную семью?

– Ты лучше смотри за своим здоровьем, врачи говорят, что этот период самый сложный в жизни молодых матерей.

– Я решила назвать нашего сына Раду! – сообщила она, когда он собрался уходить. – Как в той песне. – И она запела, сквозь слёзы:

В сосновом лесу

Прошла мать Раду…

Филарет ушёл. Он решил выпить, не столько ради традиции, сколько для успокоения шквала самых разных мыслей в голове, множества безответных вопросов и бурной сомнительности. Всё это охватило его сознание и смутило. Он пригласил к себе Апполинара Грицко, который вечером заявился с вином и запечённым мясом кабана. Они хорошо посидели, Филарет играл на гитаре, а Апполинар – орал песни.

– А что если ты займёшься лесом? – предложил ему лесник. – Там у нас стоит новый дом, он пустует. Будешь ухаживать за косулями, поможешь мне с посадочным материалом для озеленения столицы.

– Хочу ещё побыть наедине с собой.

– Одиночество – это единственное чувство, за которое не отчитываешься перед врачами, – философствовал Апполинар. – А лес как раз в этом тебе поможет.

– Возможно, я женюсь, – сказал Филарет, вспоминая бельцкую девушку.

– Бог тебе в помощь. – Апполинар измерил глазами комнату исказал: – Тогда тебе нужно больше пространства.

– Да, я думал что-то менять.

– Сейчас многие пользуются тем, что евреи уезжают и как-то обзаводятся их квартирами. У меня есть некоторые знакомые, и я смогу тебе помочь.

Вскоре после разговора, под вечер, Апполинар зашёл к нему с какой-то женщиной.

– Госпожа Етла, – представил он женщину. – Она уезжает в Израиль и оставляет просторную квартиру. Тебе здорово повезло, мой милый друг! – Сказал Апполинар.

– Мы уезжаем, и можем переписать квартиру на вас.

– Мы не располагаем суммой денег, – пожал плечами Филарет.

– Не будет дорого, – успокаивала его госпожа Етла со специфической еврейской мягкостью.

– Ну, дерзай. Я могу тебе в этом помочь, – вмешался Апполинар.

Бросив остальные заботы, Филарет принялся за оформление трёхкомнатной квартиры на себя. Новое приобретение радовало, в первую очередь, Даниеля и Виорела, которые заявили, что теперь они иногда будут оставаться у него ночевать. Марта же ему пригрозила:

– Сволочь! Эта квартира не для твоих утех, а наследство для нашего сына!

– Я не собираюсь умирать, – заявил Филарет, – напротив, собираюсь жениться.

– Не вздумай, негодяй!

И на этот раз ему помог Апполинар Грицко. Филарет, вместе с Василем Цапок – выпускником Университета имени М. В. Ломоносова в Москве, который занимал пост директора Государственного комитета по радио и телевещанию, готовили программу об изящных искусствах. Василий Цапок напомнил ему, что они знакомы с тех пор, когда Филарет был заместителем директора Национальной Библиотеки.

В декабре Филарет уже появлялся на экранах в прямом эфире.

– Передача «История изящных искусств» расскажет вам о самых известных произведениях, – начал Филарет. – Сегодня я расскажу о картине Леонардо да Винчи «Джоконда» или «Мона Лиза», как иногда её называют. На картине изображена женщина с задумчивым лицом и слегка заметной улыбкой. Мона – это сокращенное имя от Мадонна. Она считается самой известной картиной в истории искусства. На сегодняшний день эта картина, написанная маслом на тополе, выставлена в Музее Лувра в Париже. Живость и двусмысленность выражении лица Джоконды исходит от пользования техникой «сфумато». Благодаря этому картина приобретает загадочный смысл. Главной привлекательностью портрета уже сотни лет является загадочная улыбка Моны Лизы. Психоаналитик Зигмунд Фрейд толковал эту улыбку как символ эротического влечения Леонардо к своей матери. Личность истинного персонажа так и не ясна, хотя некоторые исследователи считают, что это Мона Лиза Герардини из Тосканской знати, другие же считают, что она олицетворяет флорентийскую состоятельную особу Мадонну Лизу де Джокондо, имя которой разъясняет и второе имя картины. Полотно представляет собой один из первых портретов на фоне воображаемого неравномерного пейзажа. Левая сторона на один уровень ниже, чем правая, видимо, её добавили позже, в процессе исполнения композиции. Помимо этого, картина была несколько раз реставрирована. Рентгеновское исследование показало ещё три слоя красок под верхним слоем.

Уважаемые телезрители, история этой картины полна курьёзов. Её создатель был к ней сильно привязан и всегда возил с собой в своих путешествиях, и даже когда король Франциск пригласил его в 1516 году переселиться во Францию в замок Амбуаз. Король приобрёл у него картину и выставил в дворце Фонтебло, а позже в Версале. После французской революции полотно было выставлено в Лувре, откуда Наполеон Бонапарт забрал её в собственную спальню, но позже картина вернулась в Лувр. Во время франзусско-прусской войны 1870-1871 годов её прятали в неизвестном месте. 22 августа 1911 г. власти объявили об исчезновении картины из музея, а Гийома Аполлинера и Пабло Пикассо обвинили в её краже. Они были арестованы, но их освободили за отсутствием улик. Через некоторое время выяснилось, что какой-то работник из Лувра, итальянец Винченцо Перуджия, будучи убеждён в том, что картина принадлежит Италии, украл её, но его разоблачили, когда он пытался её продать. Картину вернули в Лувр в 1913, а в 1956, её нижняя часть пострадала от покушения на неё кислотой, а через несколько месяцев другой посетитель бросил в неё камень. По этим причинам, картину накрыли непробиваемым стеклом. А мы надеемся, что у нас будет возможность когда-то увидеть оригинальную картину в нашем городе.

Уважаемые телезрители, – продолжил Филарет, – если у вас есть какие-то пожелания, наша редакция будет рада о них узнать. Благодарим вас и ждём ваших писем».

Получасовая передача, на фоне которой была изображена картина, вызвала интерес телезрителей. В редакцию поступило множество телефонных звонков и писем в поддержку программы. Филарет предугадывал желания телезрителей и старался рассказать историю самых известных шедевров из мира искусства. Он говорил свободно, легко, не запинался, употреблял в разговоре понятные выражения и высказывания древней и современной философии, и привёл передачу к вершине рейтинга. Директор предложил озвучить передачу для радио, и теперь Филарет был занят с утра и до поздней ночи. Его жизнь виделась ему теперь совсем по-другому, и он думал, что нашёл своё место в жизни.

По вечерам дома он читал письма в редакцию, но самыми желанными оставались письма девушки из Бельц на румынском языке. Особенно его заинтересовали два стихотворения, сочинённые ею:

Я – виолончель
Без Маэстро, который исчез;
Я – нежная газель,
Что друга лишилась – рок увёз.
Из чаши, яда полной,
Я – капля сладкая,
Я – стебель заслащённый
Полынью горькою.
Я лист, скитающийся
Меж ветром и дождём;
Я птица раненная
Охотничьим ружьём.
Как вечная любовь я,
Что вся в больших страданьях,
Пусть, терпеливо, держит
К бессмертию бытия.

*

Вот зима уж на исходе
И деревья голые
Оставляют тени на небе,
Через мороз пришедшие.
В сверкающей зимней пустоте
Весь образ твой покроется снегом
Воспоминания мои застынут
И, шагая, в забытье,
На белом снеге напишу
Грустный эпилог моей любви.

Он прочёл их на одном дыхании, и в нём проснулось желание привезти в свой дом хозяйку, чтобы по утрам его провожали на работу, а по вечерам – встречали, чтобы всегда была выглажена одежда, которую он наденет перед выходом в эфир, чтобы ему готовили еду, а в доме всегда царили уют, чистота и порядок. Маленькая украинка была желаема в его доме, хотя физической близости не было между ними.

Вечер удался, было много еды и выпивки, шампанское текло рекой. Вечер был в разгаре, когда в квартиру зашли с цветами и подарками Вирджиния, Новелла, Марта с Раду на руках. Вокруг него собрались братья и сёстры: Виктория, Даниель, Виорел, Иленуца и Николетта. Все были в настроении, особенно женщины, после того как выпили немало шампанского. Марта впервые познакомилась с остальными женщинами Филарета и торжественно заявила:

– Подружки! Наш Филарет настоящий герой, и ему исполняется 40 лет. Сегодня мы позволим ему радоваться жизни, а завтра, мы его кастрируем!

– Что за варварство! – усмехнулась Вирджиния. – Филарет хороший, он отец моих детей. Я этого не допущу.

– Он ответит за свои грехи перед Всевышним, – сказала Новелла.

Филарет улыбнулся и присоединился к беседе.

– Вы мои святые женщины! Вы родили мне здоровых, красивых наследников. Я ценю ваш вклад в демографию нации!

– Кастрация отменяется, – заявила Марта, – при одном условии: ты перестанешь размножаться! Нам бы с этими справиться…

Все, как один, приняли её условия.

– Чего же мне ещё нужно, чтобы быть счастливым? – спросил Филарет.

– Твоему дому нужна хозяйка, – посмела заявить Вирджиния.

– Согласны, – ответила Марта за всех.

Скоро все разошлись, и Филарет остался с Апполинаром, предупреждив о приезде Ханы:

– Сейчас ко мне едет одна девушка, она уже близко, и я хочу, чтобы ты задержался.

– Никаких проблем, дорогой друг!

Хана опоздала из-за проблем с транспортом. Зашла в квартиру, щёки румяные от мороза. Апполинар увидел её и слегка скривил физиономию. Замешкался, затем сказал, что ему нужно идти. Филарет шепнул ему:

– Она мне нравится.

– Это твои проблемы, друг.

Они остались одни. Ханка подарила ему розу и прочитала своё новое стихотворение. Отведала угощение, но от шампанского отказалось.

– А я-то думал, что у тебя пристрастие к алкоголю, – пошутил Филарет.

– Что ты скажешь, как мой румынский? – спросила она. – А, дорогой?

Она назвала его «мой дорогой», смотрела на него ангельским взглядом, искала у него защиты. Филарету хотелось зверем наброситься на неё, но что-то заставило его сдержаться. У них впереди была целая ночь. Он узнает тайну новой женщины, и огни свечей в канделябре загорелись новым пламенем. Хана убрала стол, вымыла посуду и красиво её расставила, затем вошла в ванную комнату. Вышла из ванной в халатике, через него просвечивалась девичья грудь и нежное тело.

– Завтра у меня выходной, – сказала она, наливая шампанское в два бокала и чокаясь с Филаретом.

– Ты будешь счастлива, – прошептал Филарет.

– Сделай меня счастливой прямо сейчас…

Миниатюрное, хрупкое девичье тело скользнуло в постель. Её маленькие руки обняли его большое тело, целуя, желая его. Они слились в одно целое.. Утром он увидел на постели пятна крови.

– Это твой первый раз? Я тебе сделал больно? – спросил Филарет с нежностью.

– Это приятная боль, – сказала девушка. – Это мой подарок в твой день рождения.

– Я тебя больше никуда не отпущу. Но я не уверен, сможешь ли ты выдержать совместную жизнь со мной, – и Филарет стал перечислять по пальцам: – У меня много женщин, много детей, и я страдаю от слабости к женщинам. Ты сможешь стерпеть такое? А ещё я намного старше тебя! Ты подумай. У тебя есть время найти себе более подходящего мужчину, свободного.

– Главное, чтобы ты не изменял мне душой! – ответила Хана. – Разницу в возрасте я не ощущаю.

Девушка крепко и сладко уснула. Лёжа рядом с нежнейшим созданием на земле, Филарет был уверен, что не потеряет её никогда.

20

Всякого рода высказывания и крылатые фразы о дружбе Филарету казались банальными. Встретив Апполинара Грицко, он поверил, что приобрёл настоящего, искреннего друга. Лесник часто звонил ему и всегда был готов прийти на помощь. Он рассказал о своём детстве, о том, что у него есть два внебрачных брата, а он третий. Мать была женщиной трудолюбивой, работала с утра до ночи в сельской усадьбе неподалёку, и часто оставляла детей одних в доме на краю села. Своего отца он не знал и часто спрашивал о нём, хотел с ним познакомиться. Кто-то говорил, что он живёт в селе, другие утверждали, что он важный человек в городе и не желает признавать сына. Мать была тихой, скрытной, не желала вспоминать прошлое, следила за детьми и всегда заботилась о них. Повзрослев, два старших брата уехали на заработки в Россию, и там и обосновались. Апполинар закончил начальную школу, и в том же году мать умерла. Его отправили в лесное училище. После его окончания Апполинар больше не вернулся в родное село, а устроился на работу в лесную часть недалеко от Днестра. Женился в Холерканах на высокой и стройной женщине, и у них родилось трое детей. Он

обустроил свой дом в селе, где жил. Лесное хозяйство под его руководством поставляло посадочный материал для озеленения Кишинёва. С некоторых пор на его участке появились бухгалтерия и загон для лошадей, которые нуждались в постоянном присмотре. В связи с этим у Апполинара зародилась мысль насчёт Филарета, и он поджидал подходящего момента, чтобы привезти его сюда и показать парники и теплицы, где трудились крестьяне из села. На зиму срочно нужен был работник: присматривать за косулями и за другими животными, внесенными в Красную Книгу, а в тёплое время года собирать семена, лекарственные травы, заниматься уборкой территории, вести учёт лесных деревьев и следить за нелегальными лесорубами. Работа в лесной части была ответственной, и в министерстве решили нанять ещё одного сотрудника. Приходили несколько молодых специалистов, но через короткое время они увольнялись. Апполинар собрал все необходимые материалы и построил новый дом на окраине леса: колодец у ворот, широкий двор, где росла мягкая трава, поставил вокруг высокий забор из прутьев и беседку прямо у порога. Недалеко от ворот был навес, где хранился корм и находился загон для двух лошадей: один гнедой, другой вороной. Ещё на территории был домик где сидела бухгалтер, а немного дальше на открытом месте стояла пасека с ульями синего цвета. С холма был прекрасный панорамный вид, как-будто предназначенный для романтичной души поэта. С холма, как на ладони, был виден левый берег Днестра, и там стояли наготове войска после 1992 года, когда Россия развязала конфликт и заняла Приднестровье и Тигину. Там появилась деревушка, жители которой называли солдат свиньями, потому что те поставили в их огороды несколько танков с направленными дулами в сторону правого берега.

– Россия протянула здесь свои границы, – напомнил ему лесник во время совместного обхода территории.

Они прошлись по округе, проинспектировали всё. Спустились вниз к селу, где стояла церковь, дом лесника и много заброшенных домов. Местные жители уехали на сезонные заработки. Апполинар настаивал, чтобы товарищ решился переехать в лес жить, и всегда ему об этом напоминал. Филарет осмелился спросить:

– А не задумал ли ты подать в отставку?

– Да, есть у меня такая мысль, – ответил лесник. – Супруга меня всё время пилит, что не нужно засиживаться на одном месте, мы ещё молоды.

В конце-концов, Филарет понял, к чему клонит лесник, и что он на него надеется.

Неспособность политиков руководить страной дала свои плоды, и это привело к массовому исходу бессарабцев. На обеих берегах Днестра, легально или нелегально, уезжали на заработки по одному члену семьи, а потом подтягивались к ним и остальные. За границей бывшие профессора, инженеры, врачи, агрономы не могли работать по специальностям, им приходилось ухаживать за пожилыми и больными людьми. Бессарабцы уезжали на постоянное место жительства в США и Канаду, особенно в провинцию Квебек. На американский континент можно было попасть лишь после тщательного отбора, а преимущество имели молодые семьи, образованные, с детьми – готовый генетический продукт национального фонда. Американцы и канадцы принимали мигрантов как манну небесную, а молдавские власти довольствовались тем, что эмигранты присылали в страну деньги, пополняя бюджет страны валютой. Запад приманивал тех, кто не видел перспектив в Молдове, не верил, что в стране что-то может измениться что-то к лучшему.

Жена лесника закончила Университет, преподавала биологию в сельской школе, но на неё повлияли некоторые друзья-советчики, убедившие её эмигрировать всей семьёй в Канаду. Адвокаты рассказали, что в Канаде цивилизованная жизнь, и люди хорошо живут. Лесник с женой потратили большую сумму денег на документы, прошли собеседования на французском языке в посольстве Канады в Бухаресте. Когда их проинформировали, что паспорта готовы, министр пригласил их на беседу:

– Мой сын с семьёй живёт в Монреале, – сообщил чиновник, но он жалуется, что там совсем не то, чего он ожидал. Я предлагаю тебе следующее: твоё место мы пока оставим свободным. Если ты решишь остаться там, сообщи, и мы возьмём на работу другого сотрудника…

Это условие подстегнуло решение лесника. подвигло его ещё скорее собирать чемоданы. Канада – вторая страна в мире по площади после России с населением в 30 миллионов. Он представлял себе, как счастливо они будут там жить! Ему хотелось уехать с приличной суммой денег, и тогда он выставил на продажу свой дом. Филарет был против его отъезда из страны:

– Ты погоди немного, не спеши сжигать все мосты! Продать ты всегда успеешь. – Затем продолжил, вспомнив Кристалину: – Ты поддался чув-

ствам, это неразумно. Когда-то и мне предлагали уехать из страны, но я не согласился.

– Там наше спасение, – уверенно ответил Апполинар.

– Прости мою искренность, но в Канаде или в другом месте ты будешь лишь физиологическим материалом! Ты, твоя жена, дети отрываетесь от родного языка, от традиций, вы едете в незнакомую среду, где вам будет суждено быть второсортным, и никто вас там не ждёт.

– Тебе не понять законов цивилизованного мира, – ответил недовольно Апполинар.

Семью лесника провожали всем селом. Он оставил свой зелёный лес с ароматом лесных цветов и свежей травы. Дальше всё шло своим чередом.

В аэропорту Монреаля их самолёт приземлился после двенадцатичасового перелёта без пересадки. Они попали в настоящую суровую зиму: шёл снег, везде были сугробы. Они получили багаж, затем стали в огромную очередь для эмигрантов. В ней стояли арабы, чернокожие, китайцы и другие экзотические лица, которые проходили контроль. Полиция проверяла все чемоданы с помощью дрессированных собак на наличие наркотиков и оружия. По громкоговорителю женский голос приносил извинения за тщательную проверку, объясняя, что часто на границе сталкиваются с перевозкой наркотиков и других запрещённых предметов. К удивлению, семью Грицко пропустили без проверки. У одного из окошек их встретила приятная женщина, одетая в синий костюм и в белой пилотке. Она проверила их документы, поставила печать. Затем спросила их на идеальном румынском:

– Вас кто-то ждёт в Монреале?

– Нет, у нас никого нет, – ответил Аполинар.

– Выйдите на перрон, – сказала женщина. – Садитесь в автобус и направляйтесь в Отдел мигрантов.

Слово мигрант ка-то странно прозвучало для них. Им хотелось отдохнуть после долгого путешествия. Комфортабельный автобус привёз их до общежития, в котором стояла старая мебель, плафоны были побитыми, двери без замка, комнаты – маленькие. Ответственные по заселению сообщили им, что они могут обратиться в агентство по недвижимости, чтобы снять в аренду приличную квартиру. Через день они обратились в такое агентство, и там их приняли очень вежливо. Им дали каталог квартир с повышенной ценой.

– Не беспокойтесь, – успокоил их кто-то. – Вы будете работать…

Они временно поселились в трехкомнатной квартире, но после заселения появилось множество вопросов. Детей нужно было записать в школы, и администрация дала указания зачислить их в гимназию для эмигрантов с уклоном изучения французского языка. Их трое сыновей попали в классы с детьми разных национальностей: африканцами, арабами, корейцами, латиноамериканцами, многие из которых которых страдали пристрастием к алкоголю, курению и наркотикам. Апполинар поинтересовался, можно ли перевести детей в другие школы, и им ответили, что для этого нужно заключить дорогостоящие контракты. Пока что это было невозможно, не хватало на это денег. Через некоторое время Апполинар пошёл на биржу труда, представил документы как специалист в сфере лесоводства, но у него не было канадской лицензии, чтобы работать лесником. Ему предложили работу грузчика в порту. Жена должна была пройти интенсивные курсы, чтобы обладать правом преподавать географию в школе. Служащие из Департамента миграции направили их в коммерческий частный банк для получения кредита на приобретение двухэтажного дома с мебелью, автомобиля и оплаты контрактов в хорошие школы для детей. Эти деньги обеспечили им достойную жизнь, но сотрудники банка потребовали, чтобы Апполинар с женой устроились на любую работу для оплаты процентов. Апполинар устроился в порту грузчиком, а жена – на уборку жилья богачей, без выходных. После месяца такой работы зарплаты позволили им оплатить процент в банке, налоги, а также забить холодильник продуктами. Дети учились в нормальных школах, но их жизнь стала напряжённой. Они должны были работать постоянно на кредит и не были уверены, что когда-то рассчитаются с затратами на дом и автомобиль, хотя вероятны другие варианты. Места работы их не устраивали, это было не то, чего они хотели, и их жизнь их превратилась в пожизненный долг. Правительство Канады заботилось о том, чтобы мигранты как можно скорее избавились от иллюзий и от своих денежных запасов, чтобы они круглосуточно работали, пополняя бюджет страны, до самой пенсии. Социалистические теории в Университете насчёт эксплуатации человека человеком в буржуазном обществе оказались совсем не демагогией, а реальностью. Аполинар стал задумчивым, молчаливым, думал, как найти выход. Его стала мучать тоска по дому – он как сквозь сон вспоминал своё

село, лес, ему слышались родные голоса и песни. Рядом с ним не было друзей и родни. Здесь люди не общались как на родине, хоть и здоровались, широко улыбаясь друг-другу. По выходным сидели дома, как в тюрьме. Не было праздников и дней рождении, не было привычного ему общения. В душе поселилась пустота, будто душа покинула тело. Те же чувства переживала и жена.

– Мы оставили в Молдове наше хозяйство, вино в погребе, брынзу в бочонках, мешки с мукой, много кукурузы, птицу, скот, всех наших родственников, кумовьёв и приехали в это край пустоты душевной, – возмущённо заявила жена.

– Здесь мы сможем дать нашим детям будущее.

– Мы сумасшедшие, не надо было нам приезжать сюда!

– Как нам теперь быть?

– Мы вернёмся в Молдову, – ответила жена, не раздумывая.

– Мы уже потратили кучу денег, – напомнил ей муж. – Дети учатся в школе, тут французский, английский.

– Мне всё равно, сколько мы потратили, – ответила жена вся в слезах. – Мы вернёмся и заработаем другие деньги…

– Ладно! Так, наверное, будет лучше, – согласился муж.

Они пересчитали деньги, отложенные на чёрный день, приобрели билеты на самолёт, бросили всё и вернулись в Молдову, где жизнь казалась раем.

В Кишинёвском аэропорту Апполинар не смог сдержать слёз. Он стал на колени и поцеловал родную землю, которую оставил по собственной глупости. Хозяйство и лес были целыми и невредимыми, жена устроилась в школу преподавать, он, как и прежде занимался лесной частью, и всё, что с ними приключилось в последнее время, казалось страшным сном.

– Я всем своим знакомым посоветую никогда не бросать свою родину, – заявил Апполинар.

– И почему наш народ так рвётся эмигрировать? – Никак не мог понять Филарет.

– Потому что их водят за нос! Наши молдаване всегда стремятся жить лучше. Они уезжают и готовы даже ухаживать за пожилыми ради денег! Вместо того, чтобы поставить на ноги эту страну, уезжают все подряд. Мне жаль, что я поддался таким же иллюзиям. Тыкнул пальцем в небо.

Филарет увидел в его глазах чувство самобичевания, слегка ему сопереживал и перестал говорить на эту тему.

Он продолжал работать на радио и телевидении, но заявок от публики становилось всё меньше. Появлялось всё больше частных компаний, люди обзаводились компьютерами и телефонами. Времена быстро менялись, появлялись другие ценности. А вот его душа не менялась, он продолжал верить, что человек никогда не остаётся один.

– Со дня возвращения я словно помолодел! – Признался Апполинар в очередном своём визите в Кишинёв, и посоветовал Филарету следующее: – Когда тебе надоест радио и телевидение, переселяйся в лес. Он тебя обворожит и в корне изменит твоё представление о жизни. Я тебя вижу здесь в будущем.

Филарет слушал, затем всегда медитировал после его ухода. Некоторые его сверстники без всяких заслуг получали высокие должности, на юбилеях их осыпали подарками и букетами, медалями и премиями. Вместе с возрастом он чувствовал, как ему постепенно открывается дверь к выходу. Неужели ему придётся оставить город и перебраться жить в лес!? У него была Хана, 7 детей, как ему уезжать? Реальность призывала его уйти от самого себя, начать всё сначала, стереть всё прошлое и начать с чистого листа. Кому нужны его интеллект, его пылящиеся на полках книги? Детям, которые вспоминают о нём только тогда, когда кончаются деньги?

Душевный зов всё-таки заставилего ответить на предложение лесника.

21

Ханка переехала жить в Кишинёв и привезла с собой своё единственное имущество – швейную машинку Singer. Вскоре она сшила ему модные брюки и рубаху. А пока Филрет был на работе, читала. Хотела устроиться на работу, но некоторые соседки заказали у неё модную одежду по моделям из журнала Burda, на которую она оформила подписку. Возвращаясь с работы, Филарет каждый вечер находил в квартире женщин, пришедших заказывать или мерять новые платья. Заработанные шитьём деньги позволяли жить более свободно, а свобода утоляла потребность в женской ласке. Марта оказалась на втором плане.

– Сволочь, не забывай о своём сыне Раду, – предупредила она его, узнав, что в его доме появилась женщина.

Она ничуть не постеснялась позвонить Хане и рассказать об его женщинах поимённо, родивших от него детей. Она посоветовала Ханке вернуться в свою молодую среду, потому что в дом, куда она пришла, её не ждёт ничего хорошего. Украинка чётко и спокойно дала ей понять, что разберётся во всём сама, и это спокойствие взбесило Марту ещё больше:

– Ты такая же сволочь, как и он! Спи спокойно в постели с отцом моего сына! – И тут Марта пригрозила ей: – У тебя ещё будут со мной проблемы!

Как-то к вечеру Марта громко постучалось в дверь. Стала кричать и требовать, чтобы ей открыли. Хана слегка испугалась, но не открыла. Марта её проклинала, приказывала уехать обратно в Бельцы, говорила, что не имеет права жить в квартире, которая принадлежит ей и её сыну Раду!

– Ты никуда не уезжаешь, – сказал Филарет решительно, когда вернулся домой и обо всём узнал. – Я её успокою.

Не вышло. В ответ на его предупреждения Марта разошлась. Она пошла к нему на работу и стала обвинять его во всех смертных грехах. Пошла и в Министерство культуры, в редакции нескольких газет, рассказывала об его сексуальный распущенности, что он маньяк, и что по всему городу у него крутятся внебрачные дети.

– Он везде сеет свой мусор! – говорила Марта. – Он задумал зачать ещё детей, а такие дуры, как я, растят их потом. Он не знает, как успокоить ребёнка, как пеленать, попу ему вытереть, вылечить… Он даёт лишь деньги и всё! Привел в дом свеженький огурчик себе, сволочь!

Филарета вызвали на аудиенцию в Министерство культуры и спросили:

– Кем является для тебя Марта Кэрэбуш, которая на днях здесь устроила настоящий скандал? – спросила министр.

– Да так, одна женщина.

– Ты, видимо, хорошенько запутался, дорогой, – сказала министр спокойно. – Это хорошо, что ты улучшаешь демографию страны, но сделай так, чтобы твои женщины не выносили это в общество.

Марта бросила работу в газете. Она предпочитала находиться в богемном мире, в мире артистов, участвовала в творческих вечерах, на репетициях театральных спектаклей. Она часто брала ключ от квартиры с собой, а Филарету звонили соседи и сообщали, что в квартире слышен плач ребёнка.

Филарет приходил к испуганному ребёнку и беседовал с ним через балкон и передавал пакеты с продуктами. Происшествие повторилось несколько раз. Филарет поговорил с Ханой и предложил забрать Раду к ним. В один вечер он решился поговорить с Мартой на эту тему, но застал её в алкогольном опьянении. Она только вернулась дамой, в доме царил беспорядок, ребёнок плакал, держась ручкой за платье матери. Марта разозлилась на такую инициативу, затем пригрозила, что брызнет на них кислотой.

Марта подала заявление в суд для получения алиментов на содержание ребёнка. Филарета обязали платить ей месячную сумму денег через бухгалтерию. Тогда он узнал, что Марта стоит на учёте у психиатра, и что она инвалид второй группы. Ещё в студенческие годы с ней произошёл нервный срыв. Врачи объяснили, что у таких, как она, болезнь обычно даёт о себе знать весной и осенью. Иногда, во время обострения, она заявлялась в бухгалтерию и проверяла правильность вычета алиментов из его зарплаты, всячески унижая и оскорбляя его перед коллегами. Администрация компании стала относиться к нему с подозрением и, казалось, теряет к нему доверие. Он себя не считал старым, всего лишь 45, и у него сохранился прежний интерес к работе. Он дорожил Ханой, и хотел её держать подальше от всех бед. У него же проблем прибавлялось: дети росли, и им нужна была поддержка.

Филарета часто посещала мысль о том, что останься он в родном селе, сейчас жизнь его была бы намного проще: своё хозяйство, в окружении друзей, может быть, и не гулял бы столько. В селе всегда можно было пройтись по холмам, успокоиться, но его там уже никто не ждал, кроме чудесной природы. Он ходил иногда в гости к своей однокласснице Марии Кодряну, что было его прибежищем от проблем. Она работала продавцом в единственном магазине в центре села, дом у неё стоял на высоком месте у всех на виду. Её муж уехал на заработки в Россию, а она осталась в селе с дочерью. Его приход всегда вызывал интерес у её 14-летней дочери, которая комментировала каждую его передачу и задавала кучу вопросов. У неё была привычка прищуривать глаза, пристально на него смотреть и расспрашивать:

– А правда, что Мкеланджело в своей скульптуре «Пиета» имел в виду свою мать?

– Верно, Чиприяна.

– Леонардо да Винчи был женат на Моне Лизе?

– Нет.

– Значит, Джоконда была его любимой женщиной.

– Так точно, – согласился он.

– Эпоха Возрождения не состоялась бы, не люби Данте свою Беатрис.

– Ты права, малышка!

– Ладно тебе, оставь человека в покое, – сделала ей мать замечание. – Ты угнетаешь его своими вопросами.

– Этот дядя очень красивый мужчина! – бесстыдно заявила Чиприяна. – Он похож на Давида, скульптура Микеланджело.

– Я сейчас тебе задам, – пригрозила Мария и обратилась к Филарету. – Не знаю, что с ней делать. Она читает романы и всем рассказывает про… любовь!

– У неё же переходный возраст, желание все знать в этот период – естественно.

– Мала она ещё для любви, как ты и подметил!

– После окончания сельской школы я помогу ей поступить, куда она пожелает.

– Конечно, я с тобой посоветуюсь.

Из села он возвращался готовым ко всему, даже к моральной боли тоже. Хана его не сопровождала в таких поездках, предпочитая оставаться дома и заниматься пошивом одежды на заказ, читала книги. Их сожительство длилось уже два года, и он понял, что она слегка замкнутая личность, избегает шумных компаний и всяких дискуссий. Он часто наблюдал, как она возится на кухне, тихо напевая народные украинские песни из Покутии в верховьях Прута и Днестра на границе Румынии и Польши. С некоторых пор его удивляли споры об их материальном положении: у них мало денег, и они не могут себе позволить поездку на отдых. Хана стала ревнивой, и при каждой его беседе с женщиной бросала в его адрес колкие словечки. Она часто болтала по телефону со своими подругами из Бельц и стала дружить с некоторыми клиентками, которые в его отсутствие заходили к ней в гости. В первый год их сожительства она шила ему модные брюки, посвящала стихи, ждала по вечерам с ужином на столе, а сейчас совсем забыла о своих хозяйских обязанностях. Он попытался устроить её на работу, но она отказалась, заявив, что швеёй в домашних условиях ей больше нравится. А ещё она попросила вернуть ей давний долг, мо-

тивируя тем, что она молода и нуждается в модных нарядах. Романтическая личность ушла в прошлое, а он стал отцом восьмого ребёнка. Из всех его женщин только Кристалина ему помогла в жизни. Теперь он должен был рассчитывать только на себя. Он устал, и решил от неё избавиться – устроит на работу и переселит в рабочее общежитие.

Его намерения радикально изменились в декабре, когда в Молдове шёл снег и настали холода. Филарету позвонили из родного села и сообщили о смерти матери, и они вместе с Ханкой поехали на похороны. Тогда ему в голову пришла мысль, как коротка жизнь человека, и как она может прерваться в любой момент. Ханка его поддерживала и сочувствовала, когда он стоял у гроба, окружённого подсвечниками с горящими свечами. Она много помогала на похоронах, накрыла поминальный стол. Через несколько дней Филарет опомнился и увидел, что в доме остались они с Ханкой и больной отец, который с трудом передвигается с помощью костылей. Филарет никак не мог оставить его одного посредине зимы, а отец категорически отказывался поехать с ними в город, говорил, что сам как-то справится, но в конце-концов, согласился и поехал в столицу до весны.

В этой ситуации Ханка была ему опорой. Он был на работе, а уход за стариком лежал на ней. Она стала другой: готовила, стирала, читала старику о генерале Антонеску, о Николае Чаушеску, Иосифе Сталине и утренние газеты. Отец плохо видел, и она, с ним под руку прогуливалась по двору, даже меняла ему бельё. Старик был доволен, догадывался о намерениях Филарета избавиться от Ханки и просил его:

– Береги эту девочку до конца своих дней. Уж очень она трудолюбива! Бедняжка, мучается со мной. Во всем мне помогает, кормит меня…

Та зима оказалась суровой и лютой. Отец говорил, что в квартире чувствует себя как в тюрьме. Вокруг нет людей его возраста, и не с кем поговорить.

Пришла весна, но было ещё довольно холодно, шли дожди, и всё же отец не захотел оставаться в городе. Филарет отвёз его в село.

– Не обижай девчонку, – повторял отец.

Вернувшись домой, Филарет решился поговорить с Ханой.

– Ты мне очень помогла в трудные моменты, как никто другой. Мне бы хотелось, чтобы ты всегда была такой и не притворялась, что ты другая. Я человек с богатой и напутанной биографией: много женщин, много детей, денег не хватает, и ты должна меня принять таким, какой я есть.

– Ты также обо мне не забывай, – направила она на него свой беспокойный взгляд.

– Я тебя уважаю, всегда буду помогать тебе, как смогу, но ты никогда не будешь у меня на первом месте. Там место моих детей. Если ты с этим не согласна, можешь уйти. Ты встретишь молодого человека своего возраста, родишь ему детей, будешь у него единственной и неповторимой!

– Ты за меня не решай, я в состоянии понять, кто я такая и на что я способна, -возразила ему девушка. – Я хорошо понимаю, кто ты такой.

– Если у нас с тобой родится ребёнок, знай, что я его буду любить, как и всех остальных.

– Я сама решу о своём пути в дальнейшем, – настояла Ханка. – Единственное, чего я хочу, чтобы ты больше не расхаживал по чужим постелям! Мне бы хотелось получить статус жены.

– Ты не боишься Марты? Она убьёт тебя, когда узнает!

– Рядом с тобой я никого не боюсь.

– Ладно, – нежно ответил он.

Несколько месяцев Филарет обдумывал и взвешивал свое будущее, был занят работой и заботой об отце. Каждые выходные он ездил в село, а по возвращению Хана была с ним нежной и заботливой. Чувствовал её поддержку, что она излечивает его раны. Убедился, что он на верном пути рядом с молодой и верной женщиной. Она давала ему понять, что принимает его таким, какой он есть, но не бывает людей без недостатков. Она ценила его открытость, признание ошибок, и этим он возвышался в своих глазах. Вечерами, до того, как уснуть, они строили планы на будущее. Его история становилась всё более запутанной.

22

По окончанию лицея его сын Даниель поступил в Бухарестский университет, а Виорел, благодаря Новелле, которая вышла замуж за состоятельного мужчину, поступил в престижный колледж в Канаде. Девочки-близняшки Вирджинии поступили в лицей в городе Яссы. Насчёт Нэлли ему ничего не было известно, кроме того, что она живёт в Новой Зеландии. Сын Раду ходил в детский сад, и Марта продолжала ему названивать насчёт денег.

Филарет гордился своими отпрысками, и был уверен, что завтрашний день проведёт в спокойствии. Он был ещё полон сил, думал даже жениться на Хане, и ему давно пора бы это сделать, но воздержался, потому что отец ушёл в мир иной. Смерть отца сбила его с пути и на время он забыл о женитьбе. Летом они поехали отдыхать вместе в Совату в Румынии, а затем в Галицию – на родину Ханны. Украинцы в тех краях говорили мелодично. В селе было две церкви: одна православная, а другая – католическая, было и кладбище украинских патриотов, которые воевали против советской оккупации после Второй мировой войны. В Ассоциации патриотов Украины в Доме культуры, Филарет хотел поговорить о территориях Северной Буковины и Юга Бессарабии, которые были отданы Украине Россией, но оппоненты встретили его агрессивно. Один из интеллектуалов иронично ответил ему:

– Что с вас взять, вы же не были в состоянии защитить свои территории. Мы поблагодарили москалей, и теперь вот, эти земли наши!

В своих передачах по телевидению он рассказал о своём путешествии, но со временем зрители потеряли интерес к историческим событиям. Появилось много компаний, ретранслировавших каналы с передачами об искусстве и культуре, науке и географии из Москвы, Бухареста, США, Восточной Европы. Всё чаще начальник напоминал, что их передачу могут закрыть, потому что эфиру нужна реклама! Из-за этого ему сократили зарплату, и с каждым днём он чувствовал себя лишним на телевидении. Часто приходили мысли о том, что он опять останется без работы. Он решил всё рассказать Хане, и та решительно предложила:

– Нужно эмигрировать в Канаду.

– Я никуда отсюда не уеду! – сопротивился идее Филарет.

– Заграница тебя спасёт! Я не желаю тебе зла. Ты же как-то мне говорил, что желаешь всё начать с начала?

– И что я буду там делать?

– Я буду швеёй, а ты учись на… массажиста! В Монреале это ценится, клиенты платят 50 долларов за сеанс! Откроишь свой кабинет…

– И это всё?

– Вовсе нет. Обязательное условие – выучить французский язык…

Филарет решил последовать советам Ханны и стал после работы посещать курсы массажистов, где преподавала женщина с факультета

физкультуры из института. Филарет узнал многое о человеческом теле и коже. Его сильные руки и длинные пальцы выдавали врождённого массажиста. Преподавательница сначала демонстрировала упражнения на манекенах, затем разделила студентов на группы по двое, заставляя делать массаж друг другу. В группе в основном были студентки из Медицинского университета. Филарету выпало сотрудничать с Аурикой Томнатик. Она училась на последнем курсе. Аурика делала ему массаж, затем – он ей. Она была удивлена, что «звезда» телевидения искусно применяет теорию на практике. Как-то раз, после занятий, они сели в один автобус. Аурика была вместе с подругой Лилианой Ченушэ, которая ходила вместе с ними на курсы. Они вышли на остановке, Филарет пригласил их на кружку пива, и те согласились. Посидели, пообщались на медицинскую тему, к которой Филарет проявил особый интерес. Они выпили по пиву, затем ещё и ещё, потом стали рассказывать анекдоты. Лилиана Ченушэ призналась, что работает в неправительственной ассоциации «Спасение Африки» и живёт с Джонатаном, цветным парнем из Кении. Ещё она рассказала, что записалась на курсы массажа, чтобы отбелить Джонатана в домашних условиях. Аурика была стройной и бледноватой на лицо, что подчёркивало её холодную, торжественную, загадочную красоту. Когда Филарет заикнулся о том, чтобы сейчас попробовать на ней массаж, получил холодный отказ.

– Нет у тебя шансов…

– У неё был один неотёсанный, она дала ему от ворот поворот, – добавила Лилиана.

– Я тебя умоляю, прекрати, – ответила ей Аурика.

Филарет понял, что имеет дело с подбитым кораблём, и решил продолжить нападение:

– Тогда оставь мне свой номер телефона, и давай останемся друзьями.

Девушка категорически отказалась продолжать беседу и поспешила домой.

Лилиана осталась с Филаретом и написала номер телефона подруги на салфетке, положив её аккуратно в карман пиджака.

– Почему твоя подружка такая строгая?

– Она хорошая девушка, но вот только её бросил любимый человек. Она не желает больше никаких отношений.

Филарет стал более внимательным к Аурике. Он вёл себя как преуспевающий ученик, практиковал на ней сухой массаж на коже…

Ханка занималась документами, учила французский, серьёзно готовилась к предстоящему собеседованию в посольстве. Филарет мысленно был уже в заснеженных лесах Канады. Они слушали, проверяли друг друга.

– Я не хочу настаивать, но мы не можем эмигрировать вместе в Канаду как семья, мы же не женаты?

Ему не по душе был штамп в паспорте, но он согласился. В загсе, без всяких церемоний, им вручили свидетельство о браке. Каждый остался при своей фамилии.

Следующей целью жены было достижение диплома высшего образования по специальности инженер-технолог.

– Зачем тебе высшее образование? – спросил удивлённо Филарет. – В Монреале я буду массажистом, а ты швеёй.

– Купить диплом не составит никакого труда. – настояла Ханна. – Так я смогу вступить в Гильдию канадских инженеров! Всё в интересах семьи…

– В интересах семьи! – с иронией повторил Филарет. – Зачем так рисковать? У нас могут быть серьёзные проблемы.

– Ты думаешь лишь о себе! – ответила жена.

За большую сумму денег Филарет приобрёл корочки диплома, вписал её имя и специальность технолога текстильных изделий…

– Теперь ты довольна? – вручил он ей документ. – Если тебя разоблачат, что ты им ответишь?

– Они не проверяют. Все так поступают, – успокоила его Хана.

Приготовления к эмиграции в страну клёна были в самом разгаре. Заплатили всё, что требовалось, предоставили документы в консульство. Инспектор приёма, симпатичная пожилая женщина, беседовала с ними долго по-французски, объявила им, что собеседование прошло успешно. Мадам зарегистрировала их документы, поставила печать и объявила, что их пригласят для получения визы. Филарет гордился, что его жена такая предприимчивая, способная и освоила за короткий срок два языка – румынский и французский! Он уже представлял себе, как в белом халате в массажном кабинете принимает состоятельных пациентов. Там он всегда будет занят, потому что придётся копить деньги и присылать детям в Мол-

дову. На развлечения времени совсем не останется. В последние недели после занятий на курсах массажистов он позволял себе проводить время с Аурикой Томнатик.

– Лилиана мне сказала, что ты отлично играешь на гитаре, – сказала она ему в один вечер в кафе.

– Я лишь любитель.

– Я бы хотела услышать на своём дне рождении, на что ты способен.

– Из дому я не могу выйти с инструментом. Жена!..

– А ты обязан ей отчитываться каждый вечер?

– Конечно, я уже не молод.

– Господи, что за глупость! – рассмеялась она. – Вы посмотрите, он старости боится.

– Я приду, если найдёшь мне гитару и если никому обо мне не расскажешь, – пошутил Филарет.

– Я тебя не сдам. Мой день рождения совпадает с окончанием наших курсов. Так вот тебе и алиби перед женой.

Был майский вечер. Филарет с Лилианой и Аурикой, с дипломами массажистов, пришли в двухкомнатную квартиру, где их ждал накрытый стол с едой и выпивкой. Для такого случая нашлась и гитара. Были лишь они втроём. За окном шёл мелкий, тёплый дождик. Деревья зеленели и расцветали. На столе горели три белых свечи. Они выпили шампанского, затем вина, и Филарет начал петь романсы и песни повеселее.

– Впервые чувствую себя свободной с тех пор, как рассталась со своим любимым, – призналась Аурика. – Твоя гитара меня спасла от волнений!

– Да будет так, – поднял он бокал.

Они почти всё выпили, и неожиданно Лилиана заявила:

– Мне пора уходить. Меня любимый ждёт у подъезда, в машине! Вы не против?

– И что мне одному делать с Аурикой, здесь столько еды, столько выпивки…

– Включи своё воображение, голубь ты наш сизокрылый! – ответила Лилиана и ушла.

Оставшись вдвоём, Аурика рассказала историю своих отношений с человеком, которому посвятила пять лет жизни Он был её первой любовью, у них было много совместных приятных моментов. Он по-

просил её руки, и они уже готовились к свадьбе. Но в один прекрасный день он её бросил без всяких объяснений и ушёл к другой женщине, состоятельной. С тех пор Аурика стала раздражительной, часто ссорилась с матерью.

– Под одной крышей сложно ужиться двум женщинам, – сказала она. – Моя мать тоже разведена. Я хочу, чтобы моя жизнь изменилась. Завидую тебе, что уезжаешь из этой страны, полной шизофреников. Ты будешь нормальным человеком, а я себя чувствую забытой и брошенной.

Филарет её обнял и поцеловал в щёку, по которой бежала слеза. Её чёрные, роскошные волосы лежали на плечах, а большие глаза смотрели ласково и выдавали её доброжелательность к нему. Она ответила ему нежными объятьями, и он её поцеловал.

– Я схожу с ума! – прошептал он, и девушка прижалась сильнее.

– Я думала, что страсти мои атрофировались, – шутливо призналась она.

Пламя страсти горело, пылало и согревало.

Филарет вернулся дамой поздно. Гордо показал жене корочки диплома и рассказал, что отметили событие в кафе вместе с коллегами.

– Мы получили приглашение, – сообщила жена, и счастливо преподнесла ему конверт с печатью. – Нам нужно поехать в Бухарест в посольство с паспортами для получения визы.

– На следующей неделе я увольняюсь с телевидения и начнём собирать чемоданы.

– Марта звонила, просила денег на ребёнка.

– Я дам ей. Из Канады вышлю больше. Когда уже она успокоится?

– У меня ещё одна новость, мой уважаемый массажист! – улыбнулась Ханна, смотря ему прямо в глаза.

– Это что-то особенное?

– Случилось то, что сегодня врач сообщил о моей беременности.

– Мои поздравления!

– Ты рад?

– Если бы не перспектива поездки в Канаду, мог бы и взволноваться.

– Мне страшно! – призналась Хана. – Смогу ли я это выдержать?

– Мои женщины рожали и с достоинством прошли через муки!

– Понимаю, им было нелегко, – сказала Хана, засыпая.

В одной из своих передач Филарет объявил в эфире, что уходит из

передачи в связи с увольнением. Некоторые ему звонили и высказывали сожаление, что больше не увидят его на экране, но отношение людей для него больше ничего не значило. Он был свободным, впереди его ждало счастливое будущее. Он прогуливался один по городу, иногда заходил к Вирджинии, к Марте, к Новелле, беседовал с ними насчёт детей, обещал, что в Монреале у него будет зарплата получше. Думал съездить к Аполинару в лес, но решил навестить его после поездки в посольство, чтобы похвастаться визой. Тогда и сообщит ему, что они не уезжают вдвоём, а втроём… У него будет 8-ой ребёнок! Но вдруг его осенило: «А что если у меня будут 10 детей?! Ведь это не преступление, а прекрасная идея! Ведь Библия такое не запрещает!»

Предвкушая приближение праздника, в свободное время продолжал прогулки по городу, ожидая случайных встреч с коллегами, друзьями чтобы поговорить. А когда ему ещё их встретить? Он здоровался с прохожими, знавшими его с экранов телевизора. Он позвал на свидание Аурику в центральный парк. Они стояли у бюста Дмитрия Кантемира.

– Если ты не против, можем пойти ко мне, – предложила девушка.

– Ты не расскажешь маме обо мне?

– Она в село уехала.

– Кто знает, как там, за границей, будет со свободным временем и отдыхом, – сказал Филарет.

Мать Аурики задержалась в селе на целую неделю.

В один из понедельников Филарет с Ханной поехали в посольство Канады в Бухаресте. Их пригласили в красивый двор на Университетской площади. Желающих уехать было много. Людей вызывали по составленными списками, они выходили счастливыми и полными надежд с визами в паспортах. Он был весёлым, обнимал Хану и говорил о планах на будущее в Монреале. Затем прозвенел колокольчик, и по громкоговорителю их позвали на приём к послу пройти формальность. Посол их принял доброжелательно, пригласил сесть в кресла, затем открыл синюю папку и, к их удивлению, вытащил оттуда диплом о высшем образовании Ханны.

– Что это? – спросил дипломат. Он с жалостью посмотрел на покрасневшую как рак Хану, затем спокойно продолжил: – Я попросил помощника проверить ваш диплом и нам подтвердили, что вы не учились в Университете. Вы попытались ввести нас в заблуждение.

За свои 48 лет Филарету приходилось проходить через разные конфузные ситуации, но в этот момент ему нечего было ответить, а лишь задал вопрос:

– Остальные документы в порядке?

– Да, в порядке, – одобрил посол. – Но в соответствии с нашими закономи мы вынуждены вам отказать в выдаче визы и наложить запрет на её получение на следующие пять лет. У вас не будет права подавать заявку на эмиграцию в Канаду.

Из всех приглашённых они были единственными, кто вернулся домой ни с чем. Филарет был подавлен, убедился ещё раз, что ему суждено остаться навсегда на своей родной земле.

23

Его сверстники справляли свадьбы своим детям, нянчили внуков, ездили за границу, а его женщины продолжали рожать ему отпрысков. В кругу его знакомых некоторые восхищались им, некоторые осуждали. Марта продолжала обвинять его, что по его милости оказалась в нищете. По телефону устраивала скандалы, иногда приходила к нему в офис и поднимала шум.

Ханка округлялась с каждым днём. Филарет пытался забыть о постыдной неудаче с эмиграцией в Канаду, и о том, что было потрачено много взятых в долг денег.

– У нас будет мальчик, врачи сказали мне об этом, – сообщила Хана.

– Вот ещё один член семьи на подходе, – подметил Филарет. – Мне срочно нужно устроиться на высокооплачиваемую работу. Может, мне поехать на заработки в Италию, Израиль или Грецию?

– Тебе лучше поехать в лес к Апполинару.

– После того, как родишь, я и тебя туда заберу. Там есть лошади, я научу тебя ездить верхом, выращивать цветы. Ребёнок будет приучен к сельской жизни! А пока я обязан быть здесь с тобой в этом душном городе.

Через несколько недель поисков и унижений Филарет устроился на работу в компанию по распределению книг по торговым точкам. У него была неплохая зарплата. и ему попадались дефицитные книги. Его никак не разочаровало отношение людей к книгам из-за появления интернета и информационного шума. Люди приносили книги Льва Толстого, Чехова,

Данте, Боккаччо, Марина Преда и равнодушно отдавали их ему. У него была возможность приобрести эти книги за бесценок, и в его квартире появились такие экземпляры, о которых он и не мечтал.

В середине ноября Ханка родила мальчика. Увидев малыша в роддоме, он почувствовал такое счастье, как будто у него родился первый ребёнок. Ханка была ещё счастливее, призналась, что очень рада продолжению своего рода, который потерялся ещё в детстве. Теперь она хотела отдать ребёнку всю свою родительскую любовь, которой сама была лишена. Дома она удивила мужа:

– Я назову его Сорин. От слова «солнце»!

У Филарета появилась возможность лично растить сына. Он его купал, убаюкивал, угадывал лепет. По ночам они вместе за ним ухаживали.

Марта нигде не работала, но продолжала доставать его телефонными звонками и требованиями денег. Он не поддавался провокациям и истерикам и больше тревожился из-за долгов, что висели на нём из-за неудачной попытки уехать в Канаду. Надежды об эмиграции и о том, что легко сможет вернуть долги, давно уже рассеялись. Хана его морально поддерживала и советовала пойти в министерство и попросить подходящую для него работу. Филарет смиренно переступил порог министерства. К его великому удивлению ему предложили пост директора Национальной Библиотеки. Там директором был пьяница и творился большой беспорядок. Он согласился сразу. Коллектив был полон молодыми женщинами, и они приняли его с теплотой. За короткий срок всё было поставлено на места. В свои 49 лет он понял, что с этого места он уйдёт только на заслуженный отдых. Зарплата позволяла покрыть долговые ямы. Он настроился на строгие отношения со своими подчинёнными и полностью посвятил себя должности. Часть долгов он покрыл и отдал Марте сумму денег. Хана занималась ребёнком. В начале лета один знакомый пригласил его в кафе на обед, недалеко от магазина Детский мир. К ним присоединился мужчина спортивного телосложения, он был в серых очках и представился как сотрудник посольства Российской Федерации. Элегантная девушка– блондинка угощала их коньяком и разными блюдами.

– Ваше отношение к русским книгам уважительно, – высказался мужчина из посольства.

– Великую русскую культуру нельзя не ценить, – ответил Филарет.

– Руководство посольства передаёт вам свою благодарность за это.

– Им бы следовало подумать лучше, когда они принимают какие-либо решения, – продолжил уверенно Филарет.

– Мы на вас рассчитываем, – серьёзно продолжал мужчина. – Мы желаем с вами сотрудничать в дальнейшим в рамках культурных русско-молдавских встреч…

– Что я должен буду делать? – спросил Филарет.

– Мы тебе поможем… – вскользь ответил дипломат.

– Как именно?

– Всеми возможными путями, – улыбнулся ему мужчина, поправляя свои сероватые очки. – Ты будешь учавствовать во встречах, собраниях, в кругах известных личностях, будешь вести секретные переговоры. В интересах культуры наше посольство должно быть осведомлено насчёт происходящего. В будущем мы будем систематически встречаться именно здесь, в этом кафе. Ваш труд, естественно, будет оплачен.

– Я ведь всего лишь библиотекарь! И какие такие важные вещи могу я узнать?

– В будущем мы поможем тебе стать депутатом, министром, главное, чтобы ты согласился стать одним из наших. Ты умён, и было бы неплохо прямо сейчас тебе подписать кое-какие бумаги.

«Они требуют от меня каких-то подписей, – подумал Филарет. – Опять взялись за своё, предлагают служить им. Никак не оставят меня в покое. Пологов, Дарадайко… Ещё этих мне не хватало! Опять делается всё для того, чтобы удержать Молдову в сфере влияния России. Для этого они внедряют своих шпионов. Пользуются моей бедностью. чтобы отнять мою свободу и мои принципы».

– Мне всё понятно. Я подумаю, – ответил Филарет.

– Всегда можешь со мной связаться, – ответил тип, протягивая свою визитную карточку, и на прощание добавил: – Следующие наши встречи произойдут именно здесь. Это кафе арендует посольство Российской Федерации!

Филарет понял, что одна его подпись может поставить конец его нищете. У него будет служебная машина у подъезда, он будет участвовать в политических дебатах в телевизионных передачах, возможно, возглавлять политическую партию. Но для этого он должен напрямую сотрудничать

с посольством Российской Федерации. Он вспомнил, что ранее встречал этого мужчину в сероватых очках на террасе бара Союза Писателей, в Союзе Художников, на разных премьерах, выставках, на переговорах с разными личностями, которые позже получили премии, титулы и дипломы. Вот поэтому писатели, артисты и художники, которые стояли во главе национального пробуждения, обладают роскошными домами, некоторые из них стали депутатами парламента, ездят за границу в составах делегаций, а их отпрыски учатся и получают стипендии в иностранных престижных заведениях. Предложение, конечно, манило. «Я должен внедриться в ряды спекулянтов, чтобы приобрести настоящую свободу. Человек становится свободным при материальных благах. А кто узнает об этом в случае моего согласия? Россия никогда меня не выдаст… Мои сверстники давно уже пристроились и живут обеспеченной жизнью, а я?! Ну, Филарет, дерзай! Ты не пожалеешь!»

Он ощутил себя уязвимым, чувствовал, что попадает в капкан. В последний момент, на пути к решающей встрече в том кафе, он подумал, что неплохо было бы встретиться с Василе Кушкэ.

– Твоя душа не предрасположена к такому. Ты не в состоянии предавать, даже в подобной перспективе. Русские могут тебе помочь, но только через свою сеть агентов и только руками наших соотечественников. Ты начнёшь это замечать, тебе на душе станет противно. Не подавайся на провокации. Живи как жил.

– Сколько ещё Россия будет вести себя подобным образом? – спрашивал себя Филарет.

– Матушка давно приобрела всемирную силу, – ответил Василе Кушкэ как ученик.

«Народы Русской империи: татары, башкиры, калмыки, якуты, карельцы, чеченцы, ханты-мансийцы – не желают пока независимости, а мы станем для Кремля колонией. Они дискредитируют нас перед Европой, чтобы посеять между нами раздор и продолжат держать нас в сфере влияния всеми возможными средствами, в том числе, с помощью наших собратьев, служащих их интересам… Меня удивляет, что мы ещё сохранили честь и достоинство, несмотря на многие их победы».

В тот же день Филарет позвонил человеку из посольства, отказываясь от сотрудничества.

– Мы уважаем твоё решение, – ответил тот.

Через неделю умер Василе Кушкэ от сердечной болезни, всеми забытый. Многие его коллеги даже не участвовали в похоронной церемонии.

В следующую осень брутальные и циничные коммунисты вошли в Парламент с большинством голосов, и ранее достигнутые национальные достижения начали таять, как айсберг, плывущий к экватору. Москва маневрировала не только местными, но и людьми из королевства. В Кишинёв из Бухареста приезжали своего рода махинаторы и с помощью прессы, радио и телевидения дискредитировали тех, кто ещё был способен проявить национальное достоинство. Как-то раз Филарет нашёл на своём рабочем столе экземпляр самой влиятельной газеты в Молдове, и на первой странице прочёл статью с подробностями из личной жизни начальника Национальной библиотеки. Была и его фотография, над головой висел нимб, а вокруг него – его восемь детей, с уточнением, что они незаконнорождённые и что их родили шесть разных женщин! В последующие дни он получил немало анонимных звонков, в которых слышал проклятия и злобу того же типа, как в статье. Сотрудницы шушукались по углам, будто их начальник был самым настоящим монстром! Позвонила и Марта, и, конечно же, отругала.

Хана его успокаивала, ласково гладила по щеке:

– Не обращай внимания. Всё уляжется, вот увидишь…

Совет жены был своевременным. В обществе и так было не совсем спокойно и полно скандалов, так что скоро все всё забыли. Самым большим чудом для него был Сорин, который рос упитанным, здоровым, весёлым и счастливым.

– Какая радость! – восторгалась Хана. – Как мне нравится наш Соринел!

Филарет установил в квартире качели и катал в них Сорина, играл с ним в ладушки, а тот показывал свои несколько зубчиков.

– Когда он вырастёт, – мечтал Филарет, – он обязательно станет министром или президентом Молдовы! Он ещё внесёт свой вклад в воссоединение страны!

– Румыния наша страна и нашего сына тоже!..

– Как же сильно я вас люблю! – сказал Филарет.

– Люби нас и только нас, – предупредила его Хана.

– А ты в этом сомневаешься?

– В последнее время ты получаешь много анонимных звонков, меня это беспокоит. Мне говорят, что ты интересуешься какой-то Аурикой, врачом из клиники.

– Это всего лишь слухи, – ответил он.

– Ты с ней часто видишься.

– Откуда тебе известно?

– Анонимные звонки… Знай, я переживу все твои капризы, а вот предательство – никогда.

– Так я хожу к врачу, как и все, – стал объясняться Филарет. – В моём возрасте люди болеют, иногда даже умирают.

– Ладно.

С Аурикой Филарет встречался в её квартире, когда её мать была в отъезде. Девушка работала семейным врачом в частной клинике, часто звонила и приглашала на свидания. Она в нём находила то, чего не находила в мужчинах своего возраста. Но слухи об их отношениях дошли до ушей Ханы.

– Кому ещё известно про наши отношения, кроме госпожи Ченушы?

– Она не сплетница, – ответила Аурика.

– Может быть, твой телефон прослушивается?! – высказал свою версию Апполинар Грицко, когда Филарет ему пожаловался. – Госбезопасности известно о твоей морали. Об этом ты не подумал?

– Мне в это не верится.

– Госбезопасность — это филиал российского ФСБ. Они прибегают к подлостям, чтобы скомпрометировать тебя. Ты же болтаешь с Аурикой по телефону?

– Конечно.

– Тогда берегись! Твоим спасением может быть только жизнь в лесу, в одиночестве!

Число читателей в библиотеке резко сократилось, и это повлекло за собой увольнения персонала. Залы пустовали. С помощью спонсеров правительство закупило для библиотеки компьютеры, а с экрана путь был доступен к любой литературе без оформления заказа. Большинство студентов, у которых были компьютеры с подключением к интернету, не пользовались услугами библиотеки. Библиотеку, руководимую Филаретом, нужно было революционировать. Огромное здание стало ненужным, а затраты на коммунальные услуги вели к большим затратам. С каждым

днём было всё сложнее держать всё под контролем, особенно хранить партии поступающей литературы. Издавались много новых книг. Появлялись книги авторов, ранее запрещённых. Библиотека не была в состоянии их приобрести, разве что через спонсеров. Сотрудникам урезали зарплаты. Не было прежнего энтузиазма, когда люди спешили в читальные залы. Иногда его обвиняли в том, что он не ищет выхода из положения, и что на его место должен прийти кто-то со связями в министерстве, в парламенте.

Филарет всё больше ощущал, что его дни сочтены на этой должности. Много прожитых лет было за спиной. В висках появились серебристые волоски. В один прекрасный день Аурика ему заявила:

– Считаю, что пришел день, когда мы должны расстаться…

– Ты нашла себе суженного, – заулыбался Филарет.

– Присматривай за своей семьёй. У тебя молодая жена, ребёнок. Пора…

– Ты решаешь вместо меня?..

– Я всерьёз задумалась о своём будущем, – продолжала Аурика. – Я беременна и скоро рожу ребёнка. Хочу, как можно скорее изменить свой однообразный образ жизни. Пойми меня правильно.

– Как врач, ты конечно же знала, как предохраняться. Ты просто меня ставишь в положение…

– Мне от тебя ничего не нужно, – сказала строго она. – Это не твой ребёнок, а мой… И на этом всё!

Эта новость сбила его с толку. Вернувшись домой, он смирился с тем, что именно такова его судьба. Ему дано свыше, чтобы женщины нарожали ему десятерых детей! Пока у него только восемь. Аурика родит девятого! И кто же родит ему десятого?!

Чтобы развеяться, Филарет решил уйти в отпуск. Думал уехать на море вместе с Ханой и Сорином. В Затоке в Одесской области отдыхали вместе с приезжими из Новой Сулицы. Дни были солнечными, много еды, недалеко от лимана. Буковинцы играли вместе с ним на гитаре у костра, ходили группой на дискотеку. Сорина он носил на плечах. «Что есть человеческое счастье? – спрашивал себя Флорин, гуляя с сыном по пляжу, держа его за ручку. – Как хорошо, что рядом с тобой наследники, которые продолжат твою жизнь. Тот, у кого нет наследников, умирает». На берегу спокойного моря он с Ханой под лунным светом предавался воспоминаниям о жизни из прошлого. Хана слушала его рассказы ночами напролёт.

Отдых пролетел как летний сон. Жарким июльским днём они сели на автобус и поехали в Кишинев. После таможни в местности Тудора они доехали до сада, где купили два пакета персиков. По дороге, чтобы сбить усталость, Филарет стал учить Сорина строчкам стихотворения:

Дед с виноградника идёт,

И черешню он несёт…

Хана вздремнула, но её сон прервал телефонный звонок. Через секунду на ней лица не стало, и Филарет заволновался.

– Прекрасная новость! – сказала Хана и презрительно посмотрела на Филарета: – Я тебя поздравляю! Негодяем был, негодяем и остался!

– Что это с тобой?!

– Твоя Аурика ощенилась! – грубо ответила она, вырвав Сорина из его рук.

До дома ребёнок хныкал, чувствуя волнение в душе своей мамочки. Филарет был в тупике.

24

С тех пор, как Хана узнала об измене мужа, она объявила ему, что не переносит его, но не разводится, потому что у неё нет своего жилья.

Филарет, конечно, и сам был в шоке, но не мог быть равнодушным к своему девятому ребёнку. Он принял участие в его крестинах, затем сходил в загс признать своё отцовство. Дал имя девочке, назвал её Констанца. Аурика была спокойна и счастлива, что стала матерью, и очень его удивила следующим:

– Ты присматривай за остальными своими детьми. Я тебя не подталкиваю на расходы, я хотела этого ребёнка, и больше мне ничего не надо. Захочешь нам помочь, хорошо, а не захочешь – ну и ладно!

Марта узнала, что у него родился ещё один ребёнок. Сказать, что она была недовольна – ничего не сказать.

– Сволочь! Чтобы доля моего ребёнка не была урезана ни на одну монету!

Рождение нового ребёнка вызвало большой переполох. А Филарету не оставалось ничего другого как усмехаться: «Теперь у меня их девять, и никто не сможет остановить меня округлить число!»

Жизнь продолжалась. Часть детей уже стали совершеннолетними, закончили школы и были в поисках места под солнцем. Филарет поста-

вил себе цель воспитать их в дружбе и согласии, объяснить им, что они братья и сёстры. Среди знакомых многие его осуждали, но были и такие, что поддерживали. Матерей своих детей он уважал, и даже Марту, которая позволяла себе обвинять его в недостатке денег, навещал и помогал, чем мог. Дети его тоже навещали, любили, никто из них плохого слова ему не говорил. Иногда некоторые из них упрекали его насчёт их не совсем ясного рождения: может, они не его дети, а их матери его обманывают. Он анализировал, проверял и считал – и убеждался, что все они ему дороги, они частички его души, а в их характерах прорисовывалось кое-какие черты его родителей и его самого.

А вот Хана была иного мнения.

– Это отвратительно иметь детей как следствие сексуальных утех и открыто об этом говорить! Лучше скрывать свою бесстыдную гордость. Мне тяжело с тобой жить.

– Ты знала, что у меня дети от разных женщин. Почему ты согласилась родить?!

– Я была дурой!

– То есть, наш Сорин рождён по глупости?

– Нет! – возмутилась она, прижимая ребёнка к груди. – Он самый сладкий в мире!

– Тогда к чему все эти упрёки? Все матери моих детей счастливы!

– Тогда и ты не жалуйся больше, что тебе трудно нас содержать. Знай, я стану хуже Марты. Не буду работать. Ребёнку постоянно нужны средства на жизнь, а ты им не занимаешься.

– Я это учту. Я бы с радостью весь день провёл с ним, если бы не нужда в деньгах.

Работа отнимала у Филарета всё его время. В библиотеке реформировали читальные залы, устанавливали компьютеры. По приказу министерства помещения, где раньше стояли стеллажи с книгами, сдавали в аренду разным частным фирмам. На заработанные с аренды деньги приобретали новую аппаратуру, книги из-за границы. Для некоторых политиков помещения библиотеки стали источником дохода. К нему приходили люди от партий: коммунисты, затем либералы, демократы – и все пытались перетянуть его в свою сферу влияния, а он старался сохранить нейтральную позицию. Огромное здание в центре города было для них

манной небесной. Но Филарет хотел быть свободным. После победы коммунистов на выборах министр предложил ему уступить должность другим. Он противился, считая, что справляется, и вот настал день, когда ему принесли приказ об увольнении с поста директора. Он побеседовал с юристами, прочитал действующие законы, думая, что имеет дело с несправедливостью, но юстиция полностью зависила от политиков. В итоге, он снова стал безработным. В срочном порядке Филарет согласился на предложение товарища стать начальником склада в магазине строительных материалов. Должность требовала 12-часовой работы и совмещения с должностью бухгалтера, в которой он не разбирался. Через два месяца он был вынужден уйти. Филарет искал работу, а пока попросил Хану найти подработку, но та категорически отказалась, и лишь изредко шила одежду на заказ для какой-либо госпожи. Начались конфликты из-за нехватки денег, и Филарет был вынужден по ночам разгружать вагоны с углём. Он приносил домой кое-какие деньги, но Хана упрекала его, что он ходит по шлюхам, а не на разгрузку вагонов. И ещё она решила отдать Сорина в элитную школу, но это требовало больших денег.

– У меня ещё и другие дети есть, им тоже нужны деньги, – попытался он оправдаться.

– Они меня мало волнуют! Сорину нечего кушать, не во что одеть его.

– Тогда скажи, как мне зарабатывать больше?

– Продай трёхкомнатную квартиру, мы будем жить в более скромных условиях.

Квартира была его единственным богатством, но жена настаивала на своём… Как-то один односельчанин предложил ему поработать гробовщиком на центральном кладбище.

– Странно звучит, конечно, – сказал ему товарищ, – но работы там хватает!

Он начал зарабатывать деньги, а также дани за души усопших. Привыкал к атмосфере погребальных процессий, к плачу родни. Гробовщики перед выходом на объект выпивали по рюмке. Во главе бригады стоял опытный работник по погребениям. Филарет заметил, что начальник посылает людей собирать цветы и венки со свежих могил и отдавать их на повторную продажу у входа на кладбище. Во время процессии родственники усопшего давали ещё денег, которыми бригадир делился с другим

начальником. Один из работников как-то перебрал водки и рассказал, что, мол, в их бригаде есть рабочий, который по ночам выкапывает понравившуюся ему умершую девушку и удовлетворяет свои потребности! Ещё он узнал, что под прикрытием их начальника и полицейского участка, группа воров занимается эксгумацией трупов и снятием с них дорогих костюмов, которые продают в магазины. В одном из магазинов он узнал одежду одного усопшего, которому он копал яму. Без лишних раздумий он уволился, забрал деньги и оставил вместо себя одного из многих, которые желали здесь работать.

– Не смог потерпеть, – упрекала его жена. – Ты капризен, эгоистичен и думаешь только о себе!

– Не торопи меня. Я не знаю, чем тебе угодить, – сказал он.

Филарет чувствовал себя всё более одиноким. Его коллеги прошлых времён рассеялись по своим местам и делам. Никакой опоры у него не было. Несколько лет назад он подумал, что Хана — это его убежище, но он нарушил принцип верности и теперь, из-за безденежья, стал похожим на бездомного.

Конфликты нарастали.

25

Филарет целыми днями сидел дома, выходил лишь с Сорином на прогулки. Вопреки всему, в их доме появился компьютер, в личной библиотеке появлялись новые книги. Он научился работать за компьютером, освоил мобильный телефон. В интернете находил интересные информации, ему открылся новый, разносторонний мир. Бедность крепко его удерживала, но душа обогащалась, и это чувствовал лишь он сам. Он становился свободнее, независимее. Во время прогулки по городу вместе с сыном рассказывал ему свои мысли в сказочной манере. Соринел слушал его, комментируя всё, что он говорит. На стене в комнате он повесил политическую карту мира, и мальчик знал наизусть почти все страны мира и их столицы. Он брал его с собой, когда навещал других своих детей, и виделся со своими братьями и сёстрами, которые ждали и любили его. Лишь Хана была недовольна, когда к ним в гости заходили близняшки Вирджинии, затем Виорел, Даниель, Раду, Викторица… Но в один прекрасный день она заявила:

– Встречайся со своей армией бастардов в городе! Мой дом не вокзал.

Её злость приумножилась, когда Филарет сфотографировался со всеми своими детьми. Увидев фотографию, где Сорин стоял рядом с ребёнком Аурики, устроила скандал. Несколько месяцев он работал грузчиком на мебельной фабрике, собирая деньги на отдых в санатории Эфорие Суд в Румынии. Отдохнули они хорошо, но вот Хана опять была недовольна. Постоянно напоминала ему, что осенью сын пойдёт в школу. Хана перестала быть другом и женой. По приезду с моря он решил с ней объясниться.

– Раз ты забыла, я тебе припомню. Всех своих детей я одинаково люблю. Ты же ставишь мне условия, чтобы они ко мне не приходили. Я люблю Сорина, но также люблю и всех остальных. Пойми меня, ты же для меня самый близкий друг. Жена!

– Какая же я тебе жена после того, как ты мне изменил? Настоящий гарем, с кучей детей! Ты как знаешь, а мы с Сорином должны жить достойно.

– Я не могу содержать лишь вас.

– Тогда мы разводимся. Я не могу с тобой дальше жить.

– Мне кажется, я чувствую то же самое. Мне 50 лет. В старости я не желаю быть рядом с тобой.

– Хочу, чтобы ты мне дал жильё и считай, что половина вопроса решена.

– И вторая половина?

– Алименты для ребёнка. Это всё и тебе во благо. Тебе ведь нужна свобода, чтобы шляться!

– Куда же исчезла та нежная девочка, что читала мне стихи? – спросил Филарет. – Как быстро люди меняются!

– Ты во всём виноват. Реши проблему с жильём, и ты свободен!

– Как?

– Разменяй квартиру, и нам с сыном дай однокомнатную.

– Мне нравится идея.

Желающие нашлись, и уже через неделю после приезда с моря Сорин с Ханой переехали в квартиру со всеми удобствами в центре города, а он довольствовался малосемейкой в индустриальной зоне на Чеканах.

Развод изменил жизнь Филарета. Хоть и скучал по сыну, отсутствие Ханы его не беспокоило. Прошло уже пять лет с того дня, когда они хо-

тели переехать в Канаду, и Ханна напомнила ему, что хочет возобновить попытку эмиграции…

Филарет решил ей помочь. Лишь таким образом он избавится от капризов этой украинки. Хана стала опять усердно учить французский, историю Канады, и после пяти лет запрета представила документы в посольство Канады. В посольстве выслушали её, проверили документы, затем дали разрешение на переселение в Монреаль, округ Квебек…

Всё происходящее казалось чудесным сном. Филарет расставался с Сорином и чувствовал себя одновременно и счастливым, и несчастным. Он молчал, боялся, что после разлуки с сыном умрёт в совершенном одиночестве. Лишь теперь, анализируя свои приключения с женщинами, он признал свою жестокость, но уже не мог ничего изменить. Он очутился в ловушке судьбы, откуда нельзя было вернуться с чистой совестью. Он и так потерпел большие потери. Приближался день отъезда, и Хана ему звонила и требовала большую сумму денег, которую должны были иметь при себе мигранты по прибытию в Канаду. Он снова погряз в долгах, пройдя по всем родственникам и друзьям, собирая нужную сумму. Они расстались в Кишинёвском аэропорту в сентябрьское утро. Филарет давно не плакал, может быть, с детства, но в тот момент он думал, что расстаётся с Сорином навсегда. Чувствовал пустоту и грусть. Сорин был третьим ребёнком, который будет жить вдали от него. «Какая же у меня поганая судьба, – подумал он со слезами на глазах. – Расти детей и отдавай их чужакам!»

Они расстались как во сне. Сорин с Ханой прошли контроль, помахали ему на прощанье и исчезли. Он ощущал, что в его жизни нет никакого порядка и жил дальше по накатанной дорожке. После разлуки несколько недель он не мог найти себе места, думал, что сойдёт с ума от мысли, что они расстались навсегда. Его ничего не интересовало, он отключил телефон, не готовил еду. Его жизнь потеряла смысл. Отвлекался только перестановкой книг в своей библиотеке. В зале стоял компьютер с подключением к интернету, два кресла и цифровой телевизор. Он накупил картошки, фасоли имуки, и его посетила мысль, что он живёт по-стариковски. Его не смущало, что с ним общается всё меньше знакомых и друзей. Но долго прожить в спокойствии не удалось. К нему зашла Марта и в своей манере удивлённо заявила:

– Сволочь! Думала, что ты умер, а ты жив и здоров! Мне нужны деньги…

Филарет устроился сторожем в транспортную компанию. Ночь на работе и две дома. Зарплата позволяла немного денег давать детям. Отсутствие общения поначалу смущало, но затем он привык к тому, что стал частью контингента публичного транспорта: пенсионеры и представители дома престарелых.

Как-то раз к нему зашёл лесник, он приезжал по делам в министерство.

– Ну, брат, всему приходит конец, – сказал он. – Меня женщины уже не интересуют. Я их люблю лишь глазами. Хуже будет, когда наступит настоящая старость с болезнями и физическими страданиями. А пока, я вижу, ты в добром здравии. Ты должен держаться! Когда решишься приехать жить в лесу?

– Ты думаешь я ещё кому-то нужен?

– В министерстве мне разрешили взять сотрудника в своё подчинение.

– А что я могу делать? – задумался Филарет. – Неполноценный библиотекарь! Сельская жизнь для меня уже стала как любовь к девушке, которая превратилась в старуху. Как мне её омолодить…

– Да брось ты, философ! – прервал его товарищ. – Так ты желаешь переехать?

– Мне нужно кое-что уладить, душа моя ещё не успокоилась…

– Ну, так разберись с ней, – ответил лесник, шутя. – Я буду ждать, дай мне знать!

Работа сторожем Филарета вполне устраивала. Она не была трудной, общался с разными людьми. Это его дисциплинировало и вынуждало каждое утро бриться. По утрам водители встречали ухоженного мужчину. Многие с ним беседовали, узнав, что он был важным человеком в советское время, и даже отказался от должности министра. Директором транспортной компании была женщина средних лет, самоуверенная снобистка. Она каждый день меняла наряды, ездила на ретро автомобиле, выглядела строго и наводила страх на водителей. Если кто-то смел ей перечить, она его сразу увольняла. Текучесть была высокой. Ещё ходили слухи, что мадам приглашает к себе дамой студентов, которым платит за сексуальные утехи. Странно, но с некоторых пор Филарету показалось, что она положила и на него глаз. Директор пригласила его к себе в кабинет и стала жаловаться, что овдовела несколько лет на-

зад. Толстая, с широким лицом и строгим взглядом – Филарет не чувствовал к ней абсолютно никакого влечения, даже взамен прибавки к зарплате.

– Хочешь поехать со мной в Египет? – вдруг предложила она.

– Мне никуда не хочется ехать, – ответил Филарет в манерах капризной девчонки.

– Ты не пожалеешь? – она посмотрела на него как на пойманную в ловушку крысу. – Мне никто не смеет отказывать.

– Полагаю, что так.

– Я могу обеспечить тебе хорошую работу, автомобиль, деньги, возможности… Ты ведь способный человек. Как ты планируешь встретить свою старость, которая уже стучится тебе в дверь?

– Пока не знаю. Буду ходить в церковь, зажигать свечи.

– Может быть, мы станем парой, как и многие другие люди в нашем возрасте.

– Ну, чтобы стать парой, нужны хоть какие-то чувства.

– Дурак ты! Я думала ты умнее!

Привыкший к унижениям, ставших его уделом в последние годы, Филарет посчитал бесполезным отвечать директорше, но на улице задался вопросом: «А что будет завтра? Лишь одному Богу известно!.. Стоит ли рассчитывать на другое рабочее место?»

Он ещё поработал некоторое время сторожем. Начальница его не замечала, лишь иногда, проходя мимо, бросала на него строгий взгляд.

Филарет стал жить как автомат в фильмах Чарли Чаплина. Перестал посещать концерты, спектакли, довольствовался лишь чтением книг по вечерам. Молодое поколение, как и его детей, не интересовало чтение. Он не мог ни одного из них заставить читать книги и был вынужден смириться с новыми течениями жизни молодёжи. Но в отличие от Апполинара Грицко он ещё не потерял интерес к прекрасному полу. Он хотел бы дожить до момента, когда сможет пройти мимо юбки, не думая о том, что кроется под нею. Интерес к женщинам не исчезал, наоборот: в душе поселилась слабость к молодым женщинам. «Это аморально. Я постарел, у меня появился живот, но я ещё хочу женщину, – думал он и стыдился своих мыслей перед дочерьми, которые выросли и уже стали уже красавицами.. Что они обо мне подумают?!» И всё же улица и потоки молодых, красивых женщин в коротких юбках каждый раз представляли собой новое испытание. Его

попытки завязать отношения проваливались. Ему чётко давали понять, что его молодость ушла, и теперь он должен заводить отношения с людьми своего возраста. Но душа не успокаивалась, подталкивала на грех, и он думал, что неизлечимо болен. Ему хотелось завести отношения с девушкой как описывалось в романах, но не получалось. Неужели придётся расставаться с молодостью и смириться со старостью?

Филарет обрадовался, когда к нему приехала бывшая одноклассница и односельчанка Мария Кодряну с дочерью Чиприяной.

– Моя дочь меня с ног грызёт! Хочет выучится на библиотекаря в Университете, – стала жаловаться коллега.

– Будет так, как я решила! – дерзко вмешалась дочь, будто просила у Филарета поддержки.

Чиприяна повзрослела. Волосы распущены на плечах, покрашены в светлый цвет, красная ленточка в волосах над левым ухом. Ресницы накрашены, ногти ухожены. Носила штаны в обтяжку до щиколоток, ветровку, из-под которой выглядывала белая блузка в горошек, на ногах туфли на высоком каблуке под цвет сумочки на плече. Молодые глаза блестели. Девушку переполняла энергия молодости и любопытства, и она чувствовала, что Филарет уже на её стороне. Мать привезла из села еду и красное вино, накрыла стол на кухне. Они выпили по стакану вина. Чиприяна сделала лишь несколько глотков. У них заметно поднялось настроение, все стали весёлыми.

– Какая у вас богатая библиотека, – сказала девушка, осматривая книжные полки в квартире. – Мне с детства нравилось, что вы библиотекарь по профессии. Я даже не думала учиться на кого-то другого.

– Ты только послушай, что она говорит, – недовольно отреагировала мать. – В нашем селе до недавнего времени было три библиотекаря. И где они теперь? Их нет! Никто не читает нынче, дорогая!

– Дорогуша ты моя! – мило улыбнулся ей Филарет. – Твой выбор хорош, но твоя матушка права, к сожалению. Это специальность сегодня под угрозой исчезновения! Я её патриот, но лучше пойди на юридический, психологический или даже экономический факультет. Это на сегодняшний день перспективные профессии!

– Я предпочитаю находиться всегда в мире книг, – наивно ответила Чиприана, направляя пронзительный взгляд на Филарета. – С малых лет вы мне твердили, что я пойду по вашим пятам!

– Значит, я для тебя авторитетная личность?!

– Безусловно.

– Тогда прислушайся к моему мнению, ладно?

– Хорошо.

– Тебе лучше пойти на факультет информатики и иностранных языков.

– Почему информатика?

– В своей классической форме книга утеряла свою актуальность, – объяснял он ей. – А через интернет ты сможешь выйти на все библиотеки мира! Особенно, если ты освоишь английский язык…

– Я уже неплохо говорю на английском.

– Отлично! Тогда ты сможешь прочитать в электронном формате книгу из любого уголка мира. У тебя будет доступ в Библиотеку Конгресса в США, в Парижскую библиотеку, Лондона, Сиднея…

– У вас явная сила убеждения, – ответила девушка и обратилась к матери: – Я его послушаюсь, этого Гуру! – И хитро засмеялась. – Я пойду именно на этот факультет, но в дальнейшем буду нуждаться в моральной поддержке.

– Двери моего дома всегда открыты для тебя. У меня и телефон есть, если что.

– Боже мой, какой ты молодец, – сказала Мария.– Браво!

Филарет не считал, что сделал такое великое дело, но обрадовался, когда Чиприяна стала студенткой. Она жила в общежитии и иногда звонила ему.

Время безжалостно пролетало, и годы жизни становились историей, полной рутины и обязанностей. И лишь Чиприяна, уже учившаяся на последнем курсе, звонила ему всё чаще, напрашиваясь в гости. Настойчивость девушки радовала, ему хотелось её видеть, но он знал свою слабость и думал, что не сможет устоять перед молодостью и соблазнительностью. Он вежливо отказывался от встреч. Девушка не сдавалась, и стала проявлять характер. Как-то раз по телефону она открылась ему и рассказала, что у ней случилась мимолётная любовь с молодым парнем, после чего она не может положиться на парней её возраста. Она переживает трудный период, и ей надо поговорить с ним лицом к лицу, чтобы разобраться в своих сомнениях. Филарет не смог дальше сопротивляться её настойчивости и пригласил Чиприяну в кафе, где вновь пережил красивые моменты, как в молодости. Её глаза охотились за ним, как дикий зверь. Он прочувствовал её заинтересованность в нём, испугался и

в дальнейшем старался избегать подобных встреч, и даже отключил телефон, чтобы она не смогла его найти.

Он занимался своими делами и думал, что Чиприяна найдёт себе молодого человека своего возраста, но однажды ему позвонила Мария Кодряну с упрёками:

– Коллега, ты чего это не занимаешься Чиприяной? А она может тебе помочь по хозяйству…

Естественно, он не посмел бы просить девушку о помощи при любом раскладе, но он простыл, у него поднялась температура, и ему пришлось отлёживаться. Вечером зашёл Апполинар Грицко.

– Ты угрюмый, холостой и одинокий! – заметил ему друг. – Ты стал сам не свой, и в твоём доме пахнет старостью.

Они проговорили до позднего вечера, и когда лесник уже собрался уходить, неожиданно позвонила Чиприяна.

– Она мне часто звонит, – пожаловался он Апполинару. – Чего ей от меня нужно?

– Поехали в лес, и от тебя отстанут все твои бабы. Найдёшь себе душевное убежище. У тебя будет телевизор, телефоны, лошади для катания верхом, можешь взять с собой свою библиотеку, пространства там предостаточно.

– Я подумаю…

– У тебя нет выбора, друг. Дай мне знать, и я сразу же приеду, загружу тебя в грузовик и увезу, – сказал лесник и уехал.

Опять зазвенел телефон. Это была Чиприяна, в её голосе был оптимизм. Её слова и нежный голос уносили его в мир звёзд, через ночное, сельское небо, над полями и виноградниками, над садами, звуками сверчков и холодной воды родника возле холма Кептушоайа. Он мог видеть цветы на холмах Подиш и Липэгэу. Чувствовал её молодое дыхание, вьющиеся волосы на ветру, нежные глаза и желание обнять её. Он балансировал между фантазией и реальностью, осознавая, что Чиприяна необычная девушка. Его останавливала её мать, одноклассница, с которой они учились в одном классе и сидели за одной партой. И ещё он был частым гостем в доме Марии Кодряну как друг семьи, а Чиприяну знал с малых лет, носил её на руках и играл с ней. Он приносил ей игрушки, дёргал за маленький носик. Теперь же его мучает грешный помысел. Но вот в тот поздний вечер он не мог сопротив-

ляться и разрешил ей прийти. Девушка принесла лекарства от простуды, одела халатик, не скрывавший её молодого и хрупкого тела, затем прибрала в квартире. Она была счастлива что он согласился на её визит, рассказывала ему всякие студенческие истории, делилась своим пониманием отношений современной молодёжи. Чиприяна совмещала в себе красоту и ум. Когда она говорила, на её губах появлялась доброжелательная улыбка. Прошла ночь, и каждый уснул в своей комнате.

Следующий день был воскресеньем. Он чувствовал себя лучше, жар спал, и он отлёживался на диване у телевизора, пока девушка спала. Неожиданно пришла Марта. Увидев Чиприяну в соседней комнате, она закрыла дверь и повернулась к нему лицом. Она знала, что девушка дочь его одноклассницы и пригрозила Филарету:

– Ах, у тебя уже новая свеженькая шлюха! Смотри мне, сволочь, не прибавляй ещё один рот к твоему пенсионерскому доходу… – Она забрала отложенные для неё деньги и дала ему злобный совет: – И не пытайся казаться свежаком! Опозоришься! Ты совсем одряхлел, и твой член способен лишь сходить сам знаешь куда.

Последние слова слышала Чиприяна. После ухода Марты она сказала:

– Не беспокойтесь! Я привыкла к таким речам. Мой отец как напьётся, говорит с мамой точно также.

– Обо мне говорят лишь плохое. Сплетничают, что я вёл распутную жизнь и что теперь живу в нищете.

– Мне мать рассказывала, как вы ещё в школе ухаживали за ней! – пыталась девушка перевести разговор. – Она помнит, как вы нежно к ней относились. То, что у вас много детей и что вы всех их признали, это похвально. Вы не правы, когда говорите, что в селе о вас говорят плохое.

– Если бы все рассуждали подобно тебе.

– Я помню вас в детстве, как вы приходили нас навещать! Я даже говорила маме, что мой первый мужчина будет похожим на вас.

– Я не гожусь для создания семьи, – продолжал Филарет, не обращая внимание на признания девушки. – Женщины по своей натуре собственницы, а мне с этим трудно согласиться. Ищи себе серьёзного мужа. Неверность рушит доверие человека.

– У вас 9 детей. Хотелось бы иметь ещё одного? – неожиданно спросила девушка, искренне ему улыбаясь.

– Уже нет. Зачем ещё десятый, если я никогда не женюсь?!

– Вы особенный человек! – её глаза заблестели нежностью и теплотой.

– Я каналья!

– Не говорите так,– возмутилась Чиприяна.

– Ты хорошая девочка, и один из моих сыновей мог бы на тебе жениться.

Каждая встреча с Чиприяной приносила в дом энергию молодости, и даже когда она уходила, в доме оставался какой-то оптимизм и надежда.

Ночами, когда в Канаде наступало утро, он беседовал по интернету с сыном Сорином. Это были мгновения счастья, потопу что с остальными детьми он общался всё реже. Женщины не искали с ним встреч и не общались. И лишь Марта, которая сожительствовала в последнее время с состоятельным мужчиной, при любом удобном случае высказывала ему всё, что о нём думает. Его друзья перестали с ним общаться, дни и ночи он проводил в мучительном одиночестве. Единственная, кто беспокоилась о нём, была Чиприяна.

– Найди себе кого-нибудь, – советовал ей Филарет.

– Мне никто не нужен, никто не интересен, – призналась она. – Нынче молодые люди стали потребителями и думают только о себе. Их чувства спустились до уровня штанов! Они хотят благ и удовольствий, и ищут состоятельных девушек! Лучше вступить в отношения с таким мужчиной, как вы, чем с одним из таких придурков!

– Ладно тебе, выбрось эти глупости из головы!

– Никто не в праве запретить мне любить. Я маме своей всё рассказала.

– Чиприяна! – нервно повысил он голос. – Я тебя умоляю: если подобное повторится, ты сюда больше не придёшь!.

Девушка даже не думала уходить. Она пристально направила свой взгляд на него и сказала:

– Я взрослая, и это мой выбор.

– О чём может быть речь в мои 55 лет? Уходи! Слышала бы твоя мать, о чём мы с тобой тут говорим…

– Она в курсе, что я вас люблю.

– Уходи, я тебя умоляю!

Чиприяна переоделась, собрала вещи и ушла, не попрощавшись. Его не волновало, что он был с ней резок, но долго не мог придти в себя. Из

такого состояния его вытащил Апполинар Грицко, заскочивший к нему по своему вопросу.

– Министерство одобрило одно рабочее место. От меня ты не отвяжешься. Пора в лес!

– Тебе нужна моя старость в твоём лесу?

– В твоём распоряжении целый месяц, до конца мая, – продолжал лесник его уговаривать. – Мастера уже заканчивают полки для твоих талмудов! У тебя будет и интернет.

Филарету совсем не хотелось менять своё место обитания, но попросил ещё времени, ничего не пообещав. Он обдумывал предложение лесника, но пока не решался на что-либо. Ему хотелось уехать туда, где можно начать всё заново. И всё же он не решался, взвешивал реалии «за» и «против». Мысли его витали в лесу. Апполинар разрешил ему забрать с собой библиотеку и вещи из городской квартиры. «Прожить остаток своих дней в лесу?» – спрашивал себя Филарет с унылым предчувствием. Правду говоря, город ему наскучил, и уже давно. Он всю жизнь мечтал вернуться в село, ощущал зов леса всё больше и сильнее. Он будет жить один, женщин вокруг не будет – ни молодых, ни старых, ни красивых, ни уродливых. Будет наблюдать за переменой времён года и исполнять сравнительно лёгкие обязанности, жить в одиночестве в окружении книг, редкие посещения людей и природа вокруг. Может, ему только кажется, что он постарел? Сможет ли ещё девушка его очаровать? Опыт показывал, что неверность и сексуальные похождения осталось в прошлом. Он должен всё забыть.

Жизнь в лесу создаст условия противостоять своей натуре, молодость от него отдалится. В последнее время он был в состоянии анабиоза, в замкнутом круге, а лесная жизнь отгородит его от многих неприятностей и от любовных похождений. В отличие от городской жизни, его никто больше не обвинит в прошлых ошибках.

Ему позвонила Чиприяна.

– Я закончила Университет, – стала хвастаться девушка взволнованным голосом. – Я буду работать в нашем селе.

– Боже мой, как летят годы!

– Я стала взрослой!

– Мои поздравления! Мы на пороге великих перемен,– заключил Филарет.

– Я за то, чтобы мы выпили. Я ставлю магарыч, – предложила она чётко. – Это отличный повод!

– Я жду тебя, – согласился Филарет.

Чиприяна приехала в элегантном костюме, волосы её пахли цветами. Войдя в квартиру, она поставила на стол маленький сувенир в форме позолоченной павы, которая кружилась в ритм весёлой музыке. Чиприяна прибрала немного в квартире, накрыла на стол из того, что нашла в холодильнике, незаметно зашла в ванную комнату и переоделась в халатик, затем села за стол и вытащила из пакета бутылку красного, игристого вина. Они выпили по бокалу, сели в кресла и смотрели друг на друга.

– С сегодняшнего дня мы будем общаться по интернету, – сказал Филарет.

– По интернету это одно, а в живую – совсем другое.

На улице поднялся сильный ветер и пошёл дождь. В комнате стало темно. Чиприяна зажгла свечи. Сувенир крутился, звучала музыка, пава легонько махала крылышками, а бутылка постепенно опустошалась, тишину прерывал лишь звон бокалов.

– Тебе пора.

– Я ещё побуду… Хочу узнать, есть ли другая музыка в этом доме.

Из компьютера лились звуки медленного джаза, играл саксофон. Чиприяна танцевала перед ним с закрытыми глазами, соблазнительно качаясь из стороны в сторону. своим телом. Филарет начал ощущать желание обладания этим гибким молодым телом. Девушка продолжала грациозные движения, затем подошла к нему и нагнулась над ним. Её волосы упали на его морщинистое лицо; её нежные руки легли на плечи. Окаменевший Филарет стоял как перед иконой.

– Не толкай меня на грех, – прошептал он неуверенно. – Ты дочь моей одноклассницы…

– И что с того? – ответила она, толкнула в кресло и села ему на колени.

Ночь была бурной, почти безх сна, а утром Филарет почувствовал угрызения совести: Чиприяна была девственницей.

– Что я скажу твоей маме если она вдруг узнает?!

– Это произошло по моему желанию, – уточнила Чиприяна. – Только я не знала, что в первый раз бывает так больно. Ты меня грубо проэксплуатировал!

– Боже мой, какой же я грешник! Меня нужно сжечь в печи.

– Будь спокоен!

Филарет продолжал анализировать происшедшее ночью. Теперь он достоин линчевания со стороны общества, но он может убежать и изолироваться в лесной глуши, где будет жить отшельником. Какой же он идиот! Как он мог позволить себе заниматься любовью с дочерью своих друзей? Нет ему оправдания. Он в отчаянии посмотрел вокруг, но взгляд его наткнулся на довольную девушку!

Случившееся загнало его в состояние шока на день, на два и даже на больше. Чиприяна планировала задержаться у него на целую неделю. В квартире царила чистота, а он уходил в город по делам, связанными с переселением в лес.

Родное село для него религией, миром всех начал и бесконечности, там его уважали и ценили, но с сегодняшнего дня оно будет подозревать кое о чём…

Через несколько недель Чиприяна Кодряну заявила ему, что беременна, и с того дня исчезла из его поля зрения. Несколько месяцев она жила у двоюродной сестры в Санкт-Петербурге и нянчила её ребёнка. Филарет боялся звонить её матери и спрашивать, куда исчезла её дочь. Он чувствовал себя приговорённым…

В канун Нового года Чиприяна приехала в Кишинёв с огромным животом и торжественно заявила, что она очень счастлива. Через несколько дней у неё родилась девочка. «Ну вот и исполнилось моё желание иметь 10 детей! – подумал Филарет, сбитый с толку. – Изумительно, но какой ценой – ребёнок от дочери одноклассницы!»

В одну из ночей после рождения дочки его разбудил звонок мобильного.

– Я поздравляю тебя, папочка! Я счастлива… девочку назвала…

– Как ты её назвала?

– Дульчинея…

В его родном селе ходили слухи, что Чиприяна родила ребёнка от депутата Парламента, который остаётся анонимным… Филарет долго не решался поехать туда. Судьба подложила ему бомбу замедленного действия в родном селе, где он появился на свет. Родные места стали ему горящей крепостью. Что будет, когда односельчане узнают настоящую правду? Что подумает её одноклассница, с которой он сохранял дружеские отношения все эти годы? Странный поворот событий! Он чувствовал себя одиноким, виноватым, чужим. Всё повторял сам себе: «*…кто сказал, что когда у тебя*

нет хороших новостей, когда рядом не с кем поговорить, когда к тебе крадётся старость, когда тебя охватило желание ощутить молодость или же ты сконфузился от ощущения, что ты неизлечимо заболел, ты должен объявить о том, что несчастен? Кто имеет право указывать критерии счастья? В чём оно измеряется? Существует ли рецепт и обоснованный ответ?» И позже пришёл к твёрдому мнению: *«С годами я начинаю понимать, насколько счастлив мужчина, который не думает, не желает и не нуждается в женщинах, и всегда рассчитывает лишь на себя.»*

Предложение Апполинара Грицко пришло вовремя. Лес стал убежищем и спасением.

Часть III.
Ландышевая поляна

1

Теперь у Филарета вроде бы всё имелось, но на самом деле – ничего не было. Он был в замешательстве, не было ясности в завтрашнем дне. Теперь, как никогда прежде, одиночество его тяготило, и он жил мечтами о семье и о женщине, которой сможет полностью себя отдать. В его жизнь украдкой проникла старость, он чувствовал, что не вызывает больше интереса у женщин, а душа тянулась к молодым. Прежние романы заставляли жалеть, что он не сумел удержать рядом с собой ни одну из своих женщин, а теперешние, помоложе, обходили его стороной. Молодость уходила, отвергала от себя, он жил воспоминаниями и совсем не ценил подарков судьбы. С завистью он смотрел на влюблённые пары на улицах города. Иногда пытался познакомиться с понравившейся девушкой, но в ответ получал лишь насмешки и острые отрицательные ответы.

В последние годы общество, особенно молодое поколение, изменилось духовно и в корне изменилось в обличии. Мнение молодого поколения, его духовные запросы не совпадали с жизненными концепциями Филарета. Его друзья и знакомые потерялись в водовороте времени. Выходом из положения он считал своё исчезновение. Ему хотелось спря-

таться куда-нибудь подальше от слабости к женщинам и от неприятия новой молодёжи.

Жребий брошен. Решение принято: он исчезает. Волокита с продажей квартиры и с перевозкой вещей в лес осталась позади. Местечко стояло на окраине леса, на облесённом склоне, где было много сухой травы и росли кусты, похожие на пёстрых буйволов. Левее был другой склон, спускавшийся к Днестру. И была тропа до села со старой церковью. Напротив, с другой стороны пустого, крутого обрыва, рос лес из дубов, буков, лип, клёнов и других старых деревьев, возраст которых никому не было под силу разгадать. На опушке высились парники, в которых росли саженцы и кустарники для дальнейшей посадки в городе. На склоне, перед двором, возле орехов были расположены ульи. Вокруг дома лесника росли деревья, а далее – широкое место с открытым утёсом, от которого стелилась плоская равнина, а возле неё тихо шевелился под ветром ковёр из *жерухи*…

Двор лесника был широким, обнесённый забором из гибких ветвей. Перед дощатой калиткой стоял столб колодца-аиста из белого камня, а возле него – жёлоб для пойки скота. Ниже от колодца, среди яблонь и шелковиц-тутовников, виднелся загон и два навеса, несколько стогов сена, большой короб для хранения кукурузных початков и поленница дров у стены под навесом. На скелетах сухих деревьях висели колёса, узда, два седла – одно из чёрной кожи, другое из красной, а также другие принадлежности упряжи. Возле колодца обычно ждала телега без лошадей, с высокими дощатыми боковинами и дышлом-оглоблей на земле.

В распоряжении Филарета были два гнедых коня. За два месяца, прожитых в лесу, он привык их кормить и запрягать, поить, кататься верхом по лесу. Он следил за порядком и ухаживал за кормушками и желобами, расположенными по лесу в разных местах, куда приходили олени. Под его присмотром был и новый дом с кухней. В длинной комнате он расположил свою библиотеку, в другой – рабочий стол, телевизор, а в третьей с верандой и широкими окнами он принимал гостей.

Его мечта сбылась. Он теперь жил в сельском доме со всеми удобствами. Тут он и проживёт самые спокойные оставшиеся годы жизни. Городская жизнь его нисколько не изменила – в душе он остался таким же сельским мужиком, каким был раньше, и сейчас он жил среди природы,

на свежем воздухе, в девственном, бескрайнем лесу. Ездил верхом, проверял кормушки для оленей в лесу. Он встречал тех, кто чистил лес, тех, кто собирал лекарственные травы или тех, которые работали в парниках и теплицах, выращивая саженцы и декоративные цветы. Он получал зарплату, из которой удерживали большие суммы на алименты, но и остававшееся позволяло ему чувствовать себя свободным и независимым.

Намного сложнее было привыкнуть к лесным тропинкам среди деревьев. Их забрасывало листвой и сухими ветками. Он долго разыскивал их, разбирался, куда они ведут, и совсем не замечал, как заканчивается день. Вечером возвращался домой, полный свежести и простоты жизни. Он полюбил одиночество. В конце дня рабочие из теплиц расходились по домам, и он оставался единственной живой душой в лесу. Он переехал сюда зимой, когда деревья сиротливо стояли без листвы, а ветер гулял меж их голых ветвей день и ночь. Как только настали тёплые дни, всё вокруг наполнилось симфонией цветов. Природа приняла его, проникла в его сущность и окутала ощущением, что он никогда и никуда отсюда не уедет. Как пьяница, который бросил пить, и всё время сожалел, что не сделал этого раньше. Он жил в восторге, раскрываясь сам себе всё больше и больше. В начале, когда его только назначили ответственным за выдачу посадочного материала, лесник проверял работу, но через месяц уже доверял ему полностью, а псы Аргус и Тарзан, бывшие у него в услужении, стали ему верными друзьями.

На новом месте работы Филарет узнавал много нового, а иногда приходилось вспоминать и давно забытое. Он хотел многое поменять в жизни, чтобы всё стало новым и обязательно красивым. Задумался о смене своей внешность, убеждал себя, что не стоит поддаваться старости, ибо тело было ещё молодым и глаза сверкали. Он решил отрастить себе бороду. Каждый раз, смотрясь в зеркало, усмехался над самим собой, уверяя, что таким его никто не узнает – ни его знакомые, ни бывшие жёны. Казалось, новая внешность ему к лицу, и лес принял его именно таким.

Филарет ездил верхом, рядом бежали псы. Он бродил по лесу и доходил до высокого склона, откуда открывалась панорама окрестностей. Он любил смотреть на родную красоту, на извилистый Днестр, и на левый берег Приднестровья, где отчётливо просматривались дома казаков, прибывших сюда во время конфликта в 1992 году, и на их населённый пункт,

который местные презрительно называли *Свинарником*. Его настоящего названия никто не знал.

Апполинар Грицко приходил всё реже в лесное хозяйство проверять Филарета в работе, особенно со счетами для грузовиков, приезжавшими за рассадой из Кишинёва. Документы выписывались в двух экземплярах: один – для администрации компании, покупавшей материлаы для озеленения парков, а другой – для бухгалтерии лесного хозяйства, находившейся в селе неподалёку. К его великому удивлению, бухгалтерию там вела Докица, бывшая учительница из Иняски, знакомая дяди Андрея, которую он давным-давно считал отошедшей в мир иной. Женщина была в возрасте, но достаточно энергичной и здравомыслящей обрадовалась новому культурному и башковитому приятелю.

Уже несколько месяцев Филарету было спокойно на душе. Лес звал его к активной жизни. Он полюбил расчёсывать лошадей, выезжать с ними в места, куда приходили косули, олени и барсуки. В первой половине дня работы было много, а в послеобеденное время загруженные грузовики возвращались в город, и тогда он распоряжался своим временим по своему усмотрению. Филарет нетерпеливо хотел наверстать время, проведённое в офисах без контактов с природой. Лес его взбодрил. Сон стал здоровым, он чувствовал, что отдыхает душой по-настоящему. По утрам, когда прохлада ещё висела над лесом, а над рекой стелился легкий туман, и в воздухе веяло свежестью, он стоял на крыльце, наслаждаясь новой жизнью. «Глуп тот, кто умер вчера, не увидев сегодняшнего дня», – вспоминал он слова деда, переживая нечто подобное. Тут, на природе, он проживёт, как и его дед, 90 лет. «Кавказские долгожители живут на природе без химикатов с фабрик и заводов, далеко от городской суеты. Было бы прекрасно дожить до 100 лет в добром здравии: видеть, слышать, ходить на своих ногах, думать самостоятельно. Тогда я смогу крикнуть на весь земной шар, что я счастливый человек! Какое это счастье иметь возможность войти в историю нескольких поколений подряд».

Он верил, что лес — это среда без проблем, прошлое тебя здесь никак не касается, и человеческая глупость не водится. Природа живёт своей жизнью, человек – своей, и между ними царит гармония. Здесь человек находится под впечатлением чистых мгновений. Филарет возвращался к увиденному в счастливом далёком детстве. Его село лежало ниже леса,

на правом берегу Днестра, и Филарет туда ходил редко, лишь когда надо было зайти в кузницу, чтобы подковать коней или подкрутить болты на колёсах. Он думал, что ремесла кузнеца больше не существует, но не тутто было: запах кузницы напоминал ему детство, когда он, помогая местным кузнецам, носил воду для охлаждения раскалённого металла.

Иногда он ходил в село покупать продукты в единственном продовольственном магазине возле дома, где гнездились аисты. Он ни с кем не вступал в беседу, но его все знали, и при встрече односельчане здоровались. Со временем жизнь Филарета стала более активной и казалось, что у него не оставалось времени на грустные мысли. Он постоянно был в движении. Днем отдавал много времени рабочим из села, возился с хозяйством и бродил по лесу.

Вдали, за кустами диких роз, пасечник расставил синие улья. Рядом стояли автомобили, а на пасеке трудились люди в белых халатах. Пасечник арендовал участок, и лесник не имел права входить с ним в контакт. Филарет ни разу туда не подходил, но сгорал от любопытства. Как-то он не выдержал и подъехал к пасеке. Ульи стояли симметрично, вокруг жужжали пчёлы. Их мир не был ему знаком, хотя и читал о них специальную литературу. А ещё – он хотел познакомиться с пасечником. Утро было солнечным, дул теплый ветерок. Добравшись до места назначения, он увидел серебристый джип. Вокруг не было никого, и он подумал скакать дальше по своим делам к дальнему озеру, но на тропе в глубине леса на его пути неожиданно появилась девушка в желтом, как солнце, костюме, с букетом свежих васильков в руках. Филарету показалось, что это сон, он никак не ожидал встретить здесь такую девушку – высокую, стройную, как тростинка, с красивыми, сказочными глазами. Был праздничный день, и из церквушки на берегу Днестра доносился колокольный звон.

– Ты здесь хозяйка? – спросил её Филарет, останавливая коня.

Девушка равнодушно и холодно ответила:

– Иди куда шёл, *дядька*!

– Я помощник лесника.

– Так что тебе нужно от меня? – вновь взглянула она на него безразлично.

– Признаюсь, я никогда не видел, как ухаживают за ульями, – признался Филарет.

– Я дочь хозяина, – представилась она.

– Дочь хозяина, значит, – сказал он улыбаясь.

– *Дядька*! – произнесла девушка. – Я живу в свободной стране! Как хочу – так и говорю! И не твоё дело меня поправлять!

– Ты учишься в каком-то ВУЗ-е? Когда-нибудь ты потребуешь у своих учеников правильно выражаться…

– *Угомонись, мужик! Не твоего носа дело*! – ответила барышня, и встала перед *джипом. – Короче!* Я говорю, как хочу! *Понятно тебе*?

– Так точно…

Филарет не был намерен продолжать подобную беседу и поскакал дальше в лес. «*Уже 20 лет как живем независимой страной, – подумал он, – а молодёжь всё чирикает на непонятном языке: что ни слово – то на русском. Откуда взялось это лингвистическое неприличие? – Продолжал он задавать себе вопросы. – Сегодня у них больше возможностей, чем было у нас, и мне никак не понять, где их чувство патриотизма. Современная молодёжь старается получить образование, а затем уезжает навсегда из страны, пренебрегая чистотой родного языка, традициями, обычаями*».

Он долго ходил по лесу. Прошёлся до кормушек для животных, затем прошёл около озера и дальше пешком, держа коня за упряжь. Ветви деревьев скользили по его небритому лицу, а он старался быть спокойным. В истории Молдовы были времена и посложнее. Но в будущем всё уляжется. Вот только не все молодые люди одинаковы. Среди них встречаются и патриоты, и такие, что грамотно излагают свои мысли и посещают библиотеки. Интеллектуалы поколения. Вроде бы, воспитали способных парней и девушек, которые в состоянии прославить свою страну на весь мир. Ему вдруг вспомнилась та отвратительная особа, что гордилась своей речью.. И она это делала намеренно, из-за того, что встретила его, и это возмутительно! Ему бы следовало побриться, одеть чистую одежду, и уж потом явиться на пасеку. Если бы он знал заранее, что встретит подобную красавицу! Зайдя в глубину леса, он слушал шум деревьев, их отдалённый гул, понимая, что ему осталось наслаждаться лишь красотой природы. Природа всегда искренна и верна человеку. Он всё успеет сделать из всего что задумал: обустроит двор, поставит заборчик у колодца, смастерит бадью, при помощи которой наберет холодную, чистую воду из колодца, прямо как в детстве у своего деда Никэ!

Лютая зима прошла и снова наступила весна. Дни было солнечными, ясными и довольно холодными, но через несколько недель лес уже тонул в зелени. Филарету не хватало в доме заботливых женских рук, и он часто думал, появится ли у него здесь семья? И почему людям дано быть одинокими? Почему он не птица, не пчела? Где-то он читал, что число пчёл во всём мире резко сокращается из-за сбоев в магнитных полях, спровоцированных военными базами, ядерными опытами, проводимыми под землёй, в океанах, в космосе, а это непригодно для живых существ. Но он не пчела и не какое-либо другое насекомое, которое способно приспособиться к любым условиям. А ещё говорят, что пчелы, возвращаясь в улей, иногда теряют координаты. Он тоже многое терял в жизни, но свой предстоящий путь, хоть и в лесу, видел чётко.

После полудня солнце светило вовсю. Кое-где Филарет замечал набухавшие почки на ветвях деревьев, а на других уже были зелёные листья, и природа дышала всё глубже вместе с наступавшей весной. Его мысли тоже оживали и жили своей жизнью. Он обошёл все объекты, затем верхом поскакал к дому. Издалека ветер приносил аромат свежести. До того, как завести коня во двор, он прошелся по низине, где росла земляника и полевые клёны, затем поднялся по извилистой тропинке между липами и вернулся в лесную часть. Напоил коня, дал ему сена и направился к дому. Да, он мечтал о жизни в лесу, и его мечта воплотилась в реальность. Недалеко стоял серебристый джип, а его хозяйка загорала на траве на коврике в купальнике. Он пошёл было мимо, но девушка помахала рукой и позвала к себе. Филарет решил подойти. Барышня встала, не спеша накинула на себя платье и прислонилась к дверце машины. Она посмотрела на него своими большими глазами и сказала:

– Недавно, увидев вас, я испугалась, но вижу, вы настоящий отшельник леса! Индивидуум гармонирует с природой! Так выглядели лишь первобытные люди на охоте за мамонтами.

Её слова его впечатлили.

– Было время, когда я хотел нравиться женщинам. А теперь я даже не бреюсь…

Барышня рассмеялась:

– Жаль, что здесь нет моего американского друга, чтобы он увидел вашу бороду. Она похожа на комок шерсти.

– Твои слова на меня никак не действуют, – сказал Филарет и хотел уйти, но девушке хотелось ещё поболтать.

– Я расспросила своих родителей по телефону, и узнала, что вы библиотекарь, многое знаете! Я люблю общаться с умными людьми!

– Тогда почему в прошлый раз ты говорила со мной так ужасно?

– Не хочу отставать от нынешней молодёжи, – стала она оправдываться.

– Не делай того, что делают другие.

– Ах, мы занимаемся воспитанием? – спокойно продолжила она, – уже две недели как я на каникулах, а в нашем селе можно умереть от скуки. Родители мне сказали, что у вас богатая библиотека, а при помощи интернета вы общаетесь со многими женщинами и с вашими десятью детьми! Царская личность в самом сердце матушки-природы! О таком я не подозревала… Если решите со мной поговорить, прошу, вот моя визитка, здесь указана электронная почта. Я к вашим услугам.

– Я даже не смел подозревать, что обо мне столько известно.

– А ещё говорят, что вы увлекаетесь игрой на гитаре. Я хочу научиться бренчать на струнах.

– К сожалению, моя гитара затерялась где-то в городе, значит, это невозможно.

– Мой молодой человек решил подарить мне на день рождения гавайскую гитару. Если вы не против, я приду к вам, и вы меня будете учить меня игре на ней.

Девушка была весёлой, разговорчивой.

– Ты учишься в Америке? – поинтересовался он, спрятав визитку в карман.

– Я хочу стать дипломатом. Училась в Кишинёве, теперь я на стажировке в нашем посольстве в Вашингтоне, и мой молодой человек тоже. Хочу освоить игру на гитаре с вашей помощью. Будет интересно сыграть романс дипломатам. У меня голос, как у моей матери.

– Знай, я плохой педагог.

– Хочу научится общению с людьми, уметь разбираться в самых разных проблемах. Так меня отец учит.

– И ты думаешь, что в прибрежных лесах Днестра ты наберёшься опыта?

– Умоляю, не нужно ироний! Я задыхаюсь при виде того, во что пре-

вратилась наша Молдова. Думаю, что никогда не решусь провести здесь свою жизнь.

Филарет, сидя на коне, смотрел на неё, пытаясь понять на самом ли деле она хочет научиться игре на гитаре. Что-то его останавливало, и он холодно ответил:

– Все отсюда уезжают, а Молдова на кого остаётся?

– Эра, созданная вашим поколением, – ответила девушка. – Мои современники живут другими приоритетами! Мы прагматичнее, у нас больше возможностей!

Девушка перепрыгивала с одной темы на другую и становилась всё более раздражительной. Вдруг она неожиданно встала перед конём:

– А я могу посмотреть вашу библиотеку?

– Как пожелаешь.

Филарет отвёл коня в загон, и через несколько минут девушка смиренно пошла за ним в дом с арками на окнах.

– Говоришь, американцы лучше нас? – спросил Филарет.

– О! Американцы богаты, предприимчивы, – ответила она, входя с ним в дом. – У всех есть автомобили, хорошие места работы, деньги в банках, и они ведут активный образ жизни. А мы здесь, в этой Богом забытой стране! Буквально вчера я была на кумэтрии. Какой ужас! Стол буквально ломился от блюд и алкоголя! В США такое расточительство не приемлемо.

– Каждый чтит свои традиции и обычаи. Веселье с богато накрытым столом – это в нашей манере. Наши обычаи древние, сохранились ещё с времён идолопоклонства.

– Румыны не выделяются колоритом на международной арене.

– Пусть наши люди и склонны к массовым переселениям, лично я в Молдове чувству себя как в раю.

– Ваши книги меня впечатлили!

– Мне твоё имя не известно, – сказал Филарет.

– Ирис. Вы можете меня угостить кофе?

– Пью лишь растворимый с чесноком.

– Тогда я составлю вам компанию.

Филарет поставил на огонь чайник, они сели за стол с национальным молдавским рушником. Ирис листала том британской энциклопедии, затем обратила внимание на вазоны с цветами на подоконниках.

– Цветы – моя слабость, – сказал Филарет. – Люблю читать истории их происхождения.

Выпив кофе, Ирис продолжила осматривать книжные полки. Сквозь тонкую ткань платья прорисовывалась фигура молодого тела девушки. Глаза Филарета смотрели на него с ностальгией и с сожалением, что он уже не молод.

Они беседовали об искусстве, политике, о литературе и о национальном возрождении. Девушка внимательно его слушала, время от времени повторяя одну и ту же фразу: «Как с вами интересно! Слушать вас – одно удовольствие!» Вечерело, и Филарет зажег две парафиновые, ароматизированные свечи. В свете их пламени выделялись цвета молдавского национального ковра в гостиной. Они сидели в креслах, их беседе не было конца. Несколько раз Ирис звонили на мобильный телефон, и она рассказала родителям, где находится и что ей нравится беседовать с лесником. Над лесом светила луна, несколько звёзд лениво сверкали на облачном небе.

– Уже поздно, – намекнул ей Филарет.

– Я независима, – ответила девушка. – Знайте, природа не наградила вас особой красотой, но какой-то шарм у вас определённо есть.

– Думаю, что твой парень…

– Он такой зануда, всё у него наготове!

– Тебя ждут родители, – серьёзно сказал Филарет.

– Я не люблю, когда меня торопят. И ты тоже не посмеешь, я ведь могу мстить за это.

– И как ты меня накажешь?

– Заставлю пересчитать всех пчёл в ульях.

– Будь уверенна, что справлюсь. Ради такой красивой девушки, – пробормотал Филарет, ощущая, что девушка как бы парит в атмосфере горящих свечей. Тон голоса был слегка принижен, но оставался интеллигентным. За окном виднелось звездное небо. Вдруг неожиданно Ирис стала серьёзной и поспешила уходить.

– Ладно, отшельник! Пиши мне на электронную почту, когда у тебя будет время!

Перед уходом девушка поцеловала его в щёку. Поцелуй неожиданно вскружил ему голову, казалось, что вокруг всё в тумане. От смотрел на её грациозное тело, на мягкую походку в свете лунного вечера и лесных

шорохов. Услышав мотор автомобиля, он пришёл в себя. В доме ещё долго держался аромат духов девушки, а недавнее присутствие девушки ещё чувствовалось. Он осознавал, что несколько минут тому назад был в мире молодости, с которой было тяжело расставаться.

Всю ночь не смог сомкнуть глаз. Мысленно продолжал беседу с Ирис и представлял себе, как они бродят вместе по лесу. Подобное у него было и на следующий день во время обхода кормушек лесных жителей. Вернувшись в лесную часть, он увидел, что девушка стоит у ворот. Он удивился даже больше, чем в первый день, потому что она была в черных штанах, блузке–декольте кирпичного цвета, а на дверце джипа висела замечательная гавайская гитара.

– Я хочу к вам на урок, – заявила она.

Филарет растерялся.

– Покажи мне свои пальцы.

Девушка протянула свои нежные руки с длинными пальцами и красными ногтями.

– Нужно от них избавиться. Длинные ногти мешают, – объяснил он. – Нужно сперва разобрать теоретически аккорды, затем дома самостоятельно выучишь ритмы одной из твоих любимых песен.

– Так не пойдёт, дяденька! – возразила девушка и положила ему на колени гитару. – Сыграй мне что-нибудь, а потом мы перейдём к практическим занятиям. За уроки я тебе заплачу валютой.

Филарет уже давно не играл на гитаре. Сев на пень, он настроил струны и по лесу распространился его мягкий голос:

Лишь сторож одинокий,
С виду вроде бойкий,
Да и курильщик ловкий -
Свидетель слез моих.

Она смотрела на него кокетливым взглядом, наблюдала, как он играет, как двигает пальцами на струнах.

– Будь внимательной и запоминай, – говорил он, – это большая лесенка и нажимать нужно одновременно пять струн тремя пальцами…

Филарет объяснил ей, как нужно правильно нажимать на струны, как формировать аккорды, затем объяснил ритм, куда и как ударять другой рукой струны, и вернул ей гитару.

– Ты думаешь, я так быстро всё запомнила?

– Будешь повторять, пока пальцы не устанут и сыграешь свою первую мелодию.

Ирис взяла гитару, вспоминая, что он ей говорил, пыталась поставить аккорд, другой, но у неё ничего не получилось. Попробовала заново, но гитара не слушалась и не поддавалась ей.

– Это сложно.

– Да, нелегко.

– Прошу, разреши сесть тебе на колени, – предложила девушка серьёзным голосом. – Ты поможешь мне расставить правильно пальцы на струнах.

В последующее мгновенье, не дождавшись его одобрения, она уже сидела у него на коленях вместе с гитарой: «Учи!» Её золотистые волосы запутались в его бороде. Она пахла дорогими духами. Филарет возмутился её смелостью, и на мгновенье подумал, что она не в своём уме, но всё-таки просунул руки ей подмышки и стал расставлять её пальцы на струнах гитары.

– Теперь бей пальцами другой руки по прижатым струнам, – приказал он.

Девушка старалась. В конце-концов, ей удалось сыграть какие-то звуки. Повторила всё несколько раз, затем они стали изучать ритмы, и с этой задачей девушка справилась лучше. он легонько спустил её со своих колен.

– Болят пальцы, – сказала она, продолжая дёргать струны гитары.

– Через месяц тренировок у тебя будет результат.

– Не думаю, что это того стоит.

Девушка пристально смотрела ему в глаза. Ей не хотелось с ним расставаться. Стояла перед ним с гитарой в руках, продолжая очарованно смотреть на него.

– Всё зависит от твоего желания, девушка, – сказал Филарет и поспешил выйти.

– Пиши мне на электронную почту, – крикнула она ему вслед.

Он улыбнулся, погладил бороду и ответил:

– Будь умницей, и я тебе напишу.

2

Филарета преследовало ощущение, что большая часть его жизни прожита зря. Природа не даёт человеку жить нереально. Человек – думающее существо, но он ищет в природе личный комфорт, не пытаясь

изменить её к лучшему или к худшему. Так и у него не было чёткого представления, как он будет жить в зелёном одиночестве, но верил, что судьба может толкнуть его на путь изменения образа жизни, чтобы возместить потерянное время в молодости. Ему хотелось умиротворённого одиночества, динамического движения, насыщенного окружением интересных людей. Через интернет он постепенно спускался в реальную жизнь, общался с новыми и старыми знакомыми, узнавал новости. Ему удалось восстановить связи с друзьями детства: Майся Коган и Семёном Цехманом, которые жили в Израиле. Он узнал о населённых пунктах, где когда-то действовали иннокентьевцы дяди Андрея на другом берегу. Израильские друзья присылали ему свои воспоминания детства. Но у него не было никакой информации о дочери Нелли, жившей в Новой Зеландии. Он быстро привык к интернету, оттуда черпал много полезной информации и с помощью которого держал связь с цивилизацией, то есть, с миром за пределами леса. С наступлением весны он приносил в дом и расставлял на подоконниках банки с разными расцветавшими веточками.

В его трёх комнатах царила атмосфера свежей природы. Он часто думал о девушке с пасеки, которая принесла в дом запах женской косметики и желание сменить цветы на подоконниках. Ему хотелось, чтобы это нежное создание приблизилось к нему как можно ближе. Он говорил с ней во сне, представлял, как они гуляют вместе по берегу Днестра. Он посмел написать ей электронное письмо, в котором рассказал ей легенду о ландышах, его любимых цветах. Их научное название *Convallaria majalis*, но в народе их называют *жемчужными цветами,* или же *майскими колокольчиками*. В легенде рассказывается, что в каком-то замке жили королевские дети: девочка и мальчик. При рождении они получили от Доброй Феи в дар красоту, мудрость, благоразумие. Они проводили много времени в саду, где росли деревья и цветы, но однажды страшная болезнь пришла в их царство. Дочь короля заболела и умерла, а её брат непрерывно плакал три дня и три ночи, пока его слёзы превратились в белые, маленькие цветки, которые рассеялись по холмам и долинам, где он когда-то играл с сестрой. Цветы с тех пор называются «*lăcrămioare*» – то есть, *слёзинки*. Далее Филарет описал любовную балладу, будучи уверенным что Ирис обязательно вскликнет: «Этот монах-отшельник настоящий Челентано, он меня покорит!»

Как-то Ирис приехала в лесную часть на своём джипе. Она был в длинном платье, как в средневековом спектакле.

– Легенда о ландышах! – произнесла она, присев на скамейку у калитки. – Подаришь мне ландыши в жизни, а не только по интернету?

– Это мои любимые цветы.

Девушка с серьёзной физиономией уткнула руки в бока, и многозначительно ответила:

– Говорят, что у человека, который дарит ландыши, появляется мечта.

– Так оно и есть, – ответил Филарет. – Эти цветы несут добро такому человеку, как я, – взволнованно добавил он.

– А ты романтичный! Мне тебя будет не хватать в Америке. Пиши мне.

– Буду рассказывать тебе про мои мечты, – продолжал Филарет, чувствуя, что разговор направляется в другое русло. – У меня большая потребность в общении.

Пальцами руки девушка прошлась по его щеке, затем села за руль, завела машину и призналась:

– Ох, уж эти мои пальцы! Мне так и не удалось освоить игру на гитаре.

– Мы продолжим, когда вернёшься из-за границы.

– Мне будет интересно, как тут поживает мой монах! Пиши мне обо всём.

Филарет чувствовал её близость и искренность.

– Уже уезжаешь в Вашингтон?

– Через неделю. Хочу ещё заехать в Кишинев, посетить Одессу, Киев, Бричаны. Увидимся накануне отъезда, – услышал он её голос, удалявшийся вместе с фырчанием мотора отъезжающего джипа.

Филарет заметил у пасеки автомобиль её отца и смутился. Он вскочил на коня и поскакал в глубь леса, очарованный красотой девушки: «Ирис просто чудо! Счастлив тот парень, что с ней рядом!» Её прекрасный лик виделся ему повсюду. «Какая нелепость, что я родился романтиком! Ирис говорила со мной на «*ты*» и нежно смотрела на меня, а затем – холодно. Жизнь – странная штука, всегда преподносит сюрпризы!»

В последнее время он часто говорил сам с собой. Эту ночь Филарет провёл в беседах с девушкой, любовался её глазами, губами, шелковистыми волосами. На протяжении всей его жизни женщины занимали особое место в душе. В облике Ирис он находил нежность и много нераскрытых тайн. Он никогда не понимал женщину полностью, особенно – когда влюблялся. Влюблённая женщина непредсказуема. Ему казалось, что девушка вот-вот влюбится по-настоящему – и что тогда? Как он будет оправды-

ваться перед её родителями, они же состоятельные люди его возраста? Он надеялся, что девушка позвонит и сообщит что едет к нему. В его душе зажглась искра. Он хотел ей сказать: «Ирис, не мы первые, не мы последние! Мы думаем друг о друге, и нам хорошо вместе».

Вечером он сел писать ей письмо: «Моя дорогая Ирис! В этот поздний час я с любовью слежу за твоим взглядом. Сейчас мне надо пожелать тебе спокойной ночи и дать тебе заснуть, но моя душа велит мне говорить с тобой. Я хотел бы стать тебе другом и ангелом-хранителем. Мне кажется, что мы знакомы целую вечность, но я понимаю, что нас разделяет огромная разница в возрасте, мы живём в разных мирах. В моей памяти запечатлелись твой нежный образ, тонкая талия, твои волосы, грациозное тело и интеллигентные, умные глаза. В моём царстве одиночества я запутался в неопределённости, ощущая себя ребёнком. Какие мысли возникают во мне, дорогая Ирис! Моя душа в мучениях и сомнениях, но я благодарен тебе за это. Возвращаясь домой из дальних стран, вспоминай мгновенья, проведённые со мною вместе, мой одинокий дом и мою печаль. Надеюсь, что у нас ещё будет возможность вместе бродить по лесу».

Он перечитал написанное, затем нажал на send и отправил электронное письмо со своими ночными эмоциями.

3

В лес пришла весна, простирая своё тепло по низинам и холмам местности. Филарет чувствовал себя помолодевшим. В бухгалтерии он встретил Докицу. А узнал он её по большим янтарным бусам на её шее. Эти бусы были на ней, когда они ходили вместе с отцом Анатолием и с её мужем в лес ухаживать за могилами. Прошло много лет, и теперь её лицо прорезали глубокие морщины, но поседевшие волосы были такими же густыми, как в молодости, и в ней была такая же жизнерадостность, молодость, интеллигентность и достоинство, как прежде. Она носила очки с толстыми линзами, живой голос звучал молодо и свежо, разве что походка стала более медленной и тяжёлой. Голос её звучал слегка приглушённо. Некоторых она жалела, другим помогала. Благодаря ей, работа кипела вовсю. Работники знали, что при любой проблеме в процессе, они могут обратиться к ней – и обязательно найдут какое-то решение.

Через неё Филарет видел прошлое, его тянуло сидеть с ней, говорить, вспоминать давно прошедшие времена.

– Не видел вас с тех самых пор, как вы уехали из нашего села, – напомнил он ей при встрече.

Женщина была приятно удивлена их встрече. Дядя так и не успел рассказать ему биографию её семьи.

– Отец Анатолий и я с мужем ездили на его телеге на Ландышевую поляну, где когда-то были застрелены молдаване и евреи. Как быстро летят годы!

– Рад вас видеть. На одной школьной фотографии вы стройны, как тростинка, в белом крепдешиновом платье.

– Было время, – улыбнулась женщина.

– Здесь вас называют Докикой, – заметил Филарет. – Это весьма необычно!

– Я родом с берега реки Буг, из Приднестровья, – продолжала женщина, поправляя очки. – Родители назвали меня Эвдокия, а в вашем селе стали называть Докица. Иногда времена изменяют не только места, но и имена людей.

– Ваш дом находится в низине? – поинтересовался он.

– Сейчас да, – со вздохом ответила женщина, протирая очки. – До наступления русских в 1992 году мы с мужем жили на другой стороне Днестра, там я преподавала в школе, но мне пришлось бежать из-за этих *свиней*, которые закрыли молдавскую школу. Теперь я стала бухгалтером.

– Говорят, вы ходите иногда на Поляну, священник читает молитвы и зажигает свечи на месте убийств в лесу, – Филарет перевёл разговор в русло интересующего его – прошлое дяди.

– В те времена было запрещено говорить о преступлениях коммунистов. На сегодняшний день у власти демократы, но их мало интересуют подобные вопросы. Они задумали разрушить Поляну.

– Я часто там бываю, – заявил Филарет. – Ландышевая поляна очень живописна.

– Там ещё стоят кусты шиповника, которые мы посадили вместе с *батюшкой?*

– Там море цветов, а шипы кустов препятствуют проникновению животных на могилы, – сказал Филарет.

– Отец Анатолий был свидетелем расстрела евреев и молдаван, поэтому он ходил туда часто и совершал богослужения, – напомнила ему женщина. – Он собирался построить на том месте часовню, но слишком рано покинул этот мир.

По делам, но и по зову сердца Филарет часто приходил к Докике в кабинет, где на стене висел портрет её мужа. В свои почти 80 лет она была энергична, мудра и с ясным умом. Казалось, перед ним открылась живая книга истории. Старая женщина была осведомлена обо всём, что происходит в стране и в мире. Глаза её были добрыми, но взгляд выдавал желание мести.

Апполинар Грицко часто иронизировал по её поводу:

– Работник она хороший, ничего не скажешь, но с тех пор как овдовела, живёт одними воспоминаниями и будто жаждет кому-то отомстить.

Старший лесник всегда избегал бесед с ней, кроме рабочих ситуаций, и держал в тайне, что в последнее время из Кишинёва приезжали деловые люди с выгодными предложениями насчёт строительства зон отдыха в лесу. По этому вопросу лесник молчал и не желал делиться информацией ни с Филаретом, ни с бухгалтершей. Старуха с утра и до конца рабочего дня работала с документами и всё время, при каждом удобном случае, ей непременно хотелось с кем-то пообщаться. Однажды после дождя они с Филаретом сидели за чашкой кофе в её кабинете, и она показала ему толстую, прочитанную ею книгу:

– В этой книге Василия Леу рассказывается о том, что многие бессарабцы погибли в Сибири, но никто так и не был наказан за подобное деяние, будто ничего и не произошло. Я хорошо всё это помню. Мне было лет 9, когда мы с родителями пережили те самые ужасы, а прочитав книгу, я вздрогнула, вспомнив их.

Глаза её слезились, настала пауза. Потом продолжила: – Благо что хоть один свидетель решился написать о преступлениях, содеянными русскими. Слушай…

Старуха поправила очки и стала читать: *«В Кишинёве, перед железнодорожным вокзалом, подъезжающие телеги становились одна за другой в круг. Они были окружены военным,и что были наготове и в любой момент могли атаковать родителей, детей и стариков. С телег выгружали жертв. Рыдания взрослых забивали даже крики детей. Пустые телеги выезжали из круга. Нас всех загнали и утеснили в вагонах, словно скот…*

Утром 15 июня 1941 года поезд проезжал мост через Днестр в городе Тигина. В Тирасполе задержался подольше, и это время нам показалось целой вечностью. В перегретом на летнем солнце вагоне мы ощутили ад на земле. Осуждённые задыхались, моча сочилась сквозь доски пола, и вся нечисть, особенно детская, оставалась на полу, и от тесноты невозможно было сдвинуться с места. От вони люди падали в обморок. Старики сидели неподвижно, женщины рыдали, проклиная день, когда они родились; дети кричали, держась за подолы платьев своих матерей… Все мы были в ожидании ночи и спада жары. Тогда вонь слегка улетучилась, и мы могли дышать свежим, прохладным воздухом. Но никто в тот миг не догадывался, что это будет самой ужасной ночью в нашей жизни, ночь, когда все мужчины погибнут, не попрощавшись с жёнами и детьми, а жёны и дети не увидят больше своих мужей и отцов. В полночь отворились двери (русские совершали свои преступления ночью, как и все бандиты в мире), и в вагон зашли типы другой масти, они держали на поводках дрессированных псов–овчарок… И преступление началось. Начался русский геноцид. Наша семья сплотилась, как хлеб с солью: мать прижимала дитя к своей груди одной рукой, другой держалась за отца: отец держал за руку мать, мои сестрички и я схватились за мамину юбку и за ноги отца. К нам подошли трое, они гворили между собой на непонятном нам языке, их лица были чёрными, грязными. Двое из них свернули отцу руки за спину. Мать стала кричать, из последних сил прижимаясь к отцу. Третий из пришедших просунул штык винтовки между телами моих родителей и оторвал мать вместе с ребёнком от отца. Живодёры вытащили отца из вагона. У выхода отец сорвал шляпу и бросил её мне с последними обращёнными ко мне словами: – ***Это всё, что я могу тебе дать…***

С тех пор я его никогда больше не видел… Подобным способом вытащили из вагона всех мужчин и парней старше восемнадцати лет. После этого вагон оказался полупустым: остались лишь старые женщины, молодые девушки, жёны с детьми. Скрипучая дверь была затворена. Мне казалось, что моё детство ещё может воскреснуть, и вот-вот я залезу на печь родительского дома. Но нет… Моё счастливое детство было убито, и никогда не воскресло. Рядом с моей мамой присела односельчанка, что жила в низине Моловаты, тётушка Иляна Выдру, вместе со своими детьми: Серафим, Георге, Костикэ и Мария… Затем Елизавета Опря опустилась

на пол вместе со своими детьми, среди которых выделялась Катинкуца – девочка лет шести. Следующей была семья кузнеца Адриана, его жена мучилась с их 12– летним сыном Ионелом, который после падения с лошади остался калекой. Через несколько месяцев он умер в луже крови, без родителей, пытаясь спасти нас от нападения всяких тимуровцев, чапаевцев, будённовцев. На противоположной стороне постелила простынь София Коган, с ней был мальчик моего возраста – Саня. Её муж, Исраэль Коган, был врачом-ассистентом в больнице известного врача Лашку из Оргеева. Коган не убежал в Румынию, он остался. Встретил русских цветами, прикрепил на грудь красную ленту, но теперь он об этом жалел, как и его жена, и их сын. Рядом с Коганами присела еврейка Рая Писаревски, дочь банкира Фройма из Молдовы, которая позже была запряжена в те же носилки, что и моя мать. Рядом с ней лежала старая-старая еврейка с ещё красивым лицом, и с добрыми глазами. Она умерла на моих руках, оставив мне еврейскую круглую молитвенную подушку, которую я привёз по её просьбе обратно в Бессарабию в 1946.

Через несколько дней состав остановился в лесополосе. Поблизости не было ни одного населённого пункта. Неожиданно поезд окружили вооружённые солдаты и офицеры с пистолетами. Конвой отгонял от вагонов тех, кто вёз трупы мёртвых бабушек, матерей, детей. По некоторым данным и записям, трупы выбрасывали в кусты, как мусор, без захоронения. По ночам приговорённые мёрзли, их бросало в дрожь, особенно страдала недавно родившая молодая женщина. У неё не было ни пелёнок, ни одеяла, ни молока, чтобы накормить ребёнка. Вскоре ребёнок умер на её руках, и солдаты унесли его в темную ночь. Ночи становились все холоднее. Мы начали ощущать «прелесть» Сибири: огромные тучи мошкары, мелкой как мак, крупные и мелкие комары, из тех, что распространяют малярию, проникали во все щели вагона и кусали всех. Наши лица, руки и ноги были опухшими от укусов…

Нас довезли до Омска, за несколько тысяч километров от Бессарабии. Так как летнее речное судоходство завершилось, эти преступники не имели возможности отправить нас к белым медведям. Они нас высадили из состава, рассадили по телегам и развезли по деревням округи…

В средневековье рабов продавали взамен на золото и серебро, – продолжала старуха со слезами на глазах, *– а в середине XX века русские передава-*

ли друг другу детей и взрослых как скот, на основе каких-то бумаг и доверенностей. Открывая ворота лагеря, они заходили туда в сопровождении бандитов, покупателей или клиентов: председателей колхозов, совхозов, начальников предприятий. И каждый по очереди выбирал себе добычу среди жертв. Они останавливались перед какой-либо семьёй, присматривались, а увидев молодую девушку, указывали на неё пальцем со словами: «Эту забираю!» Затем русский подписывал акт сдачи, а покупатель – принятия. Настоящие драмы происходили, когда клиент указывал на девушку 16-18 лет, мать которой была больна или непригодной к работе: «Только её забираю!» Её отрывали от матери, а та, с поднятыми руками, умоляла их на нашем прекрасном румынском языке: «Господа, и меня заберите, всю семью заберите, прошу, не разлучайте нас!» Мать пыталась до них докричаться, умаляла, пыталась встать и схватиться за свою дочь, но зря, тираны отбивались от неё ударами ружей, и бедная женщина падала на землю, на проклятую землю сибирских лагерей. До вечера покупатели выбирали людей и отправляли их в неизвестном направлении на рабский труд…

Госпожа Коган из Оргеева знала русский, французский и немецкий языки, тем самым, ей удалось связаться с евреями, оказавшимися в подобной ситуации: их распределяли ежедневно на рабский труд, без права свободного передвижения, без права переписки, только работа до самой смерти, и на этом всё. В бараках оставались лишь женщины с малышами, больные, старые, и «бракованные» семьи. Мать держала малыша на руках, а остальные её дети и я были ещё малы, нас тоже «забраковали». В одно лето весь наш барак эскортировали на берег реки Иртыш, погрузили на баржи и взяли курс к реке Обь, затем к Полярному Кругу. Баржу, на которой мы находились, буксировала моторная шлюпка с прицепом, откуда слышались частушки, крики пьяных людей и сквернословие. Русские веселились, и знали, что с баржи никто никуда не денется: любой неверный шаг привёл бы к смерти. Множество людей: матери, девушки, старушки и маленькие дети, не произносили ни слова, на их лицах было множество вопросов: «Куда нас везут?», «Что с нами будет?», «Где наши мужчины, наши родители?»

В воздухе веяло трагедией и смертью. На руках одной из матерей плакала красивая девушка из села Бужор из округа Лэпушна. Вечером 12 июня 1941 эта девушка вместе с подружками примеряла перед зеркалом фату и свадебное платье. Через три дня самый видный парень на селе должен был

повести её к алтарю. Русские тираны убили их прекрасную любовь, без которой сердце девушки перестанет биться, в нём останутся навсегда слёзы и смерть. Безжалостные тираны забрали девушку прямо посреди ночи. Фата и свадебное платье – это всё что у неё с собой было. Здесь, на барже, засыпая и просыпаясь, я слышал и видел, как её молодое тело дрожало, а губы тихо, затем всё громче произносили имя жениха. Сквозь слёзы она умоляла свою мать разрешить ей надеть платье, ведь вот-вот появится жених. Мать больше не могла этого вынести и разрешила ей. На фоне нашей трагедии эта красота выглядела полным безумием. Моя мать взяла меня к себе на руки и просила не смотреть в сторону девушки, потому что она выжила из ума от горя. Но я украдкой смотрел на красивую бессарабскую девушку в свадебном платье. Вдруг неожиданно девушка вырвалась из объятий матери и стала кричать: «Мама, мама, вот он идёт! Моя любовь идёт ко мне! Я иду к нему! Мы идём венчаться!» Она побежала с распростёртыми объятиями, словно крылья раненой птицы, шагнула через борт судна и рухнула в холодную ледяную воду Иртыша. На поверхности воды качалась фата, как белая лилия на волнах, и медленно уходила на дно за девушкой».

Застрявший в горле ком не давал еДокике сказать ни слова. Старуха замолчала, у неё не было сил продолжать изложение книги «Сталин украл моё детство». Уже стемнело, дождь продолжал идти, и Филарет предложил:

– Я проведу вас до дома.

– Да, сейчас, я только оденуь, – Докица продолжила свои размышления:

– Наш народ дурили на протяжении десятков лет. Наговаривали на румын, мол, они виноваты за происшествия 1940 года, затем между 1941-1944 г.г. Большинство людей их уважает, но, якобы, не подозревают об их роли в преступлениях, что они сотворили. Москва промывает людям мозги своей пропагандой, и ей это удаётся.

Они вышли на улицу, Филарет взял её под руку, раскрыл зонт, и они вместе, в молчании, пошли в сторону села, до калитки с задвижкой. Дождь закончился, и на небе появилась луна. На прощанье Докица призналась:

– Когда иду пешком, думаю о своём, и забываю, что в *Свинарнике* казаки разрушили мой дом, и я не могу пойти на могилу мужа.

С того вечера Филарет подружился со старухой ещё больше. Она была возраста его родителей, и Филарет воспринимал её как продолжение жизни, которое связывает прошлое с настоящим. Он даже уважительно назы-

вал её «мама Докица». Ему нравилось, когда она рассказывала как в начале 50-х годов после смерти Сталина, которая совпала с кончиной его родителей, её отправили в интернат. Школу она закончила с похвальной грамотой, поступила в Университет имени Михаила Ломоносова в Москве, затем вышла замуж за военного. Детей у них не было. Вместе с мужем они объездили весь Советский Союз по авиабазам ВВС. Она преподавала математику. Вернувшись в Молдову, работала в Иняске, затем устроилась бухгалтером на текстильную фабрику в Тирасполе. Выйдя на пенсию, она жила с мужем в его селе до 1992 года. Её стали подозревать в румынской пропаганде, и казаки забрали всё её имущество, подожгли дом, после чего она была вынуждена бежать на правый берег, где с большим трудом удалось обзавестись маленьким сарайчиком на окраине села.

– Я здесь, как в плену, в этом селе у меня никого нет из родных.

– Будь осторожен, – предупредил его Апполинар, – старуха часто суёт свой нос в политику!

Дом Докики находился недалеко от церкви. Каждый день она шла пешком на работу, посещала богослужения, соблюдала посты, читала Библию, с собой носила транзистор и хорошо разбиралась в интернете.

– Ты грамотный мужик, – говорила она Филарету, – но женщины сбили тебя с толку, и ты не обустроился, не завёл семью. Почему ты не выбрал ни одну из них?

– Наверное, я их не любил.

– Зато они тебя любили, но их было много, и ты растерялся. Такова судьба мужчин и красивых женщин. Твоя неустойчивость сделала тебя несчастным. Нужно было остановиться на одной, пройти с ней молодость и старость, все тяготы жизни. Вот мне Бог дал прекрасного мужа! Все мои капризы он терпел, был мудр и смирился с тем, что Сибирь забрала мою способность рожать детей, и я ему так и не родила наследников.

Докица часто вспоминала и жалела одного из своих дядей, которого в 1944 году мобилизовали и заставили воевать за русских во Второй Мировой Войне. Он не знал русского языка, не был инструктирован, как и большинство молодых людей, которых отправили в самые опасные участки фронта. Он воевал в Пруссии, Померании, затем брал Берлин на Зееловских высотах. Тогда тысячи бессарабцев нашли свою смерть на западном побережье Одера…

– Из 30 сельчан вернулся с войны лишь мой искалеченный дядя, – рассказывала Докица. – Русские любят хвастаться тем, что именно они одержали победу во Второй мировой войне, но без помощи других народов как татары, башкиры, казахи, узбеки, грузины, кавказцы, армяне, таджики, туркмены, буряты, чеченцы, калмыки, авары, мордовцы, молдаване, – они проиграли бы войну в два счёта. Дядя, вернувшись с войны, обзавёлся семьёй и воспитывал двоих детей. Он всегда был непокорной натурой. Люди говорили, что я такая же! Он всегда противостоял новой власти, и в 1949 году отказался вступить в колхоз. Терпение товарищей лопнуло. Вместе с другими сотнями крестьян его и всю семью загрузили в вагоны и увезли в Кустанайскую область. До сегодняшнего дня о них никто ничего не слышал. На территории Казахстана много мест захоронения молдован, но кого это волнует?» – спросила она грустно. – Наши леса хранят много тайн. Летом 1941 были расстреляны мирные жители, и их останки лежат на Ландышевой поляне. На этом святом месте нужно воздвигнуть памятник, но времена нынче другие. Деньги решают всё. Говорят, что какие-то крутые парни из Кишинёва задумали там построить коттеджи.

– Политику делают мерзавцы, а страдают из-за них простые люди! – напомнил ей Филарет. – Мой дед был свидетелем того преступления.

– Ландышевая поляна – проклятое место. Прошлое забывается, и люди живут настоящим, совсем не боясь Божьей кары. Священник из Хырбовэцкого монастыря сказал, что те, кто построят дома на могилах, накличут на себя проклятия до седьмого колена.

– Многим всё равно, – сказал Филарет. – В то время, когда коммунисты стали разрушать храмы, в 1960 году верующие встали на защиту своих церквей. Они не позволили бульдозерам разрушать церкви. А вот в Теленештах нашёлся один липованин-коммунист по фамилии Гулькин. Он согласился разрушить церковь. Говорят, что перед этим он выпил целую бутылку водки, затем привязал верхушку купола тросом к трактору и повалил на землю колокольню. Падая с высоты, колокол душераздирающе звенел и проникал в сердца смотревших на эту трагедию. Некоторые рыдали, крестились, поднимали над головой иконы, плакали и умоляли остановиться, но язычники свершили задуманное, и величественный храм, построенный в прошлом веке, был сравнён с землёй. На том месте построили школу, и сегодня коммунисты делают вид, что ничего не случилось.

Липованин в тот день сел на мотоцикл и поехал в село Брынзений Ной на берегу реки Рэут к жене и детям. По дороге он на всей скорости въехал в дерево и насмерть разбился.

– Злодей всегда получает по заслугам, – сказала женщина с задумчивым лицом. – Некоторые осознают свой грех слишком поздно... В Святом Писании сказано, что от Божьего суда никто не уйдёт и никто не в состоянии скрыть свои преступления.

В один из последующих дней Филарет сходил на Ландышевую поляну и удивился: кто-то позаботился и накрыл ветками место анонимных захоронений. Стояла глубокая тишина. Он представлял себе, как здесь погибли невинные, жаждущие жизни души: старики, матери с детьми, которых бросили в яму. Он стоял неподвижно перед прекрасным, но обманчивым пейзажем и спрашивал себя: «Кто ответит за содеянное? Историки? Кто в состоянии унять боль?». Он решил навести порядок вокруг могил и посадить там ландыши. «Жизнь коротка. А лес вечен, и он останется свидетелем человеческих деяний в будущем. Так произойдёт и с конфликтом 1992 года, спровоцированным Россией в Приднестровье».

Он решил ухаживать за братскими могилами, отягощённый мыслями о несчастных, которых безжалостно расстреляли, а затем накрыли черной и холодной землёй. Он представлял себе тех тиранов-исполнителей, которые возвращаются домой, женятся, заводят детей, воспитывают их. Как они спали по ночам? Раскаялись ли они в своих грехах? В прошлом он задавался подобными вопросами, особенно в День победы, когда по площадям маршировали ветераны войны с целыми иконостасами медалей на груди, заявляя, что именно они принесли победу на эту землю. «Судьба тиранов, и судьбы побеждённых рабов, – размышлял Филарет. – Мы, румыны, как и они, имели в своей исторической судьбе столько же трагедий, как и евреи. У них забрали страну, пытались отдалить их от Торы, осквернить их традиции, религию, происхождение, но Бог их спас от этого, потому что они не отвернулись от своей веры».

Каждый раз, когда он стоял у братских могил, в голове крутилась ядовитая мысль, приводившая его недоумение: почему во главе ненавистников евреев стояли Ленин и Гитлер, в жилах которых, как говорят, текла еврейская кровь. Еврейский мудрец как-то выразился: «Позвольте и нам иметь своих подлецов». Предателей не только румыны имеют. Любой народ имеет

свои отбросы. В зелёном мире Ландышевой поляны Филарет искал ответы на свои вопросы, и не находил их. Сколько поколений должно прожить человечество, чтобы забыть прошлое? В лесу у него рождалось всё больше вопросов. Много раз он задерживался под сенью деревьев до заката солнца, а потом ехал верхом домой, смотрел на красный горизонт с бледной луной и думал о непрожитых до конца жизней расстрелянных душ несчастных. Где-то он читал, что в Холокосте погибло 2 миллиона еврейских матерей, многие из них могли ещё рожать детей. Если бы не произошло этого кровопролития, человечество получило бы новых Авраама и Моисея, принесших монотеизм и Библию. Он вспоминал и других деятелей: царя Давида и Псалтырь, хасида Исраэля Бааль-шем-Това; создателя теории относительности Альберта Энштейна. Зигмунда Фрейда – основателя психоанализа; теория магнитного поля Джеймса Максвелла; Иисуса Христа с 12 апостолами, давшего миру христианство; Карла Маркса – с его теорией коммунизма; Бориса Розинга – телевизор; Леви Страуса – джинсы; Казимера Панка – витамины; Норберта Винера – кибернетика; Марселя Марсо – современную пантомиму; Мишеля Нострадамуса и его «Предсказания»; Макса Борна, Джонса Кемени – Интернет; Людвига Заменгофа – создателя эсперанто; Баруха Спинозу – этическая философия, Самуила Морзе, Милтона Фридмана, Августа Вассермана – диагностика сифилиса, Владимира Хавкина – прививки от чумы и холеры; Отто Мейергоф – биохимия – личности, которые изменили мир к лучшему. Перечитывая этот интеллектуальный список выдающихся людей, он недоумевал: почему их убивали в погромах и Холокосте? Когда-то он думал, что враждебность существует лишь между людьми, но впоследствии убедился, что она есть и между народами.

Со временем он заметил на Поляне черепа с приоткрытыми челюстями, что доказывало, что несчастных хоронили живыми. С возмущением он увидел, что кто-то превратил захоронение в свалку, где валялись разбитые кирпичи и куски черепицы. Никто не поднимал голоса возмущения по поводу состояния могил. Он стал ещё более беспокойным, когда Докица сообщила о некоторых деловых людях, которые присматриваются к этому месту. Иногда он даже слышал гул моторов в гуще леса и понимал, что экскаваторы хаотично эксгумируют останки жертв и вывозят их в неизвестном направлении. На этом месте будут стоять коттеджи, железные заборы, за которыми построят бассейны и гаражи, а у ворот богатые люди

поставят кресты с распятием, чтобы Бог простил их прегрешения. Они пригласят митрополита, и тот пафосно освятит эти кресты. Богатые дамы будут гулять со своими собаками-*далматинцами* по двору, под газоном которого лежат десятки тел, а у ворот будут припаркованы роскошные автомобили с затемнёнными стёклами. В воображении он сравнил это место с *Бабьим Яром* в Киеве, и вспоминал, как однажды стоял там возле памятника скорби и боли, а ветер приносил давние воспоминания о безжалостно убитых, как скот, людях… С болью в сердце он представлял себе, на что способны люди. А пока могилы евреев и молдован были отделены терновыми кустами и красивейшими синими, жёлтыми и красными цветами. Ветер и солнце успокаивали устаревшую рану, нанесённую людьми. Филарет сделал для себя вывод, что война — это ничто иное, как накопитель археологических богатств, и на этом всё! Сражения разрушили города, страны, народы, но по окончании всего этого всё покрывается землёй, и дальше – это уже дело археологов разгребать и узнавать. «На Поляне не нужны никакие археологические раскопки, – подумал он. – Послевоенные раны ещё не зажили. Просто современные властители не заинтересованы общедоступной правде».

Каждый божий день Филарет переставлял кормушки зверей и перекрывал тропу к роднику. На месте, где русские убили молдован, он поставил дубовый крест, а в ближайшем будущем намеревался поставить Косэуцкий камень с указанием имён погибших. Ему хотелось верить, что кто-то из потомков убитых евреев заинтересуется своими предками и поставит здесь памятный обелиск. Возникла идея обратиться в еврейскую общину. Может быть, поймут его идею о памятнике, а через интернет он разыщет друзей-евреев своего детства.

Больше всего Филарета удручало, что человечество постепенно забывает о прошлой войне. Везде в мире слышно бряцание оружием. Россия гордится завоёванными землями в Грузии, Украине, как Гитлер покорением народов. Такие народы-завоеватели нанесли непоправимый ущерб, пусть даже они считаются культурными. Находясь в лесу, он заинтересовался НЛО – лес есть прекрасная среда для контакта с инопланетянами, и они помогут, чтобы могилы Поляны никто не тронул. Инопланетяне не позволят людям разрушить землю, как это было с Атлантидой.

Живя своими размышлениями, он часто приходил к Докике, чтобы подарить ей свежий букет цветов. Он понял, что между мужчиной и женщиной может быть дружба, и их дружба имеет корни от дяди Андрея.

– Я была приятно удивлена, что ты установил дубовый крест на Поляне. Это похвально!

– А евреи из-за границы помогут мне установить обелиск у могилы.

– Ты творишь святое дело! Бог всё видит! Это правда, что богачи задумали строить коттеджи на Поляне?

– Охотничье ружьё им станет уроком! – разозлился Филарет.

– На свете есть святые вещи, к которым люди должны относиться с уважением, бояться Божьей кары.

– Деньги решают многое в наши дни.

– Пока что мы держим всё под контролем, – сказала женщина, вдыхая аромат цветов. – Сегодня люди не совсем правильные. На прошлой неделе я ездила в Кишинёв в гости к моей племяннице. Она живет в общежитии. Я удивилась, что большинство студентов общаются между собой на русском языке. Они в курсе того, кто депортировал их предков в Сибирь, знают, кто виновник бед их народа, но в их мозгах происходят настоящие землетрясения!

– Никто не тронет Поляну.

– Главное, держи наготове своё двуствольное ружьё!

– Даже если нас посадят?

– Не будет никаких проблем! Главное, что у нас общие амбиции! Одна голова хорошо, а две лучше!

Филарет был доволен, что у него есть друг, на которого можно положиться и у которого можно многому научиться, а у него хватит желания и здоровья творить, читать и делать необходимое.

4

...В тот день грузовик проехал через низину, затем поднялся в гору. Дорога казалась приятной, и у неё было странное предчувствие праздничного настроения. По обеим сторонам стоял величественный лес. Некоторые дубы росли уже 300 лет. Затем перед глазами стали мелькать поляны, где недавно отдыхали люди на майских праздниках: кругом разбросаны бумаги, пластиковые бутылки, остатки продуктов.

К этой картине добавлялись мысли об её неудачном замужестве. Натали продолжала терпеть Аурелиана. Порой он, вроде бы, успокаивался, а затем опять наступал на те же грабли – продолжал пьянки в компании с друзьями. Муж всегда избегал напряжённых ситуаций, старался не показывать свои некрасивые стороны, не хотел конфликтов на эту тему. Она заметила, как он тратит энергию на поиски самоутешения. Семейная жизнь стала для неё неинтересной и монотонной. Она работала для денег: покупать вещи и набить холодильник. Утром и вечером водила и забирала из детского сада Андрею. Она мечтала о переменах, о прогулке по лесу, чтобы забыться, и много раз просила Аурелиана быть благоразумным, но он уже сформировал свой образ жизни и останавливался от пьянок лишь тогда, когда врачи пугали его плохим состоянием здоровья. Будучи в трезвом состоянии, он понимал, почему она задерживается на работе. Это давало возможность работать над проектами по обустройству парков и скверов и проявлять свои инженерные способности. В такие дни он следил за дочкой, в доме царил порядок. Но это случалось всё реже, и по пьянке он повторял одну и туже фразу:

– Я тебе позволил некоторое время ощутить свободу, теперь и ты терпи!

В свои 30 лет она сожалела, что еще не насладилась настоящей любовью. Её убежищем были поездки в лес, где она любовалась зелёными пейзажами и вдыхала пьянящий, успокаивающий аромат липы. «Наша Молдова, несомненно, красива, хоть люди и не всегда порядочны». Плохие мысли уходили от некого предчувствия радости. В то солнечное утро лучи света проникали сквозь деревья и ярко освещали их зелёные кроны и поляны в лесу, от которых пахло ландышами. Она представляла себе, что попросит у лесника лошадь, чтобы хоть немного поскакать верхом по лесным тропам, вспомнить детство, когда она пасла овечек, и жизнь её была прекрасной.

Грузовик остановился у ворот лесной усадьбы – нужно было отдать документы леснику. Недалеко от ворот стоял растерянный старик по стойке «смирно». На него громко кричала высокая женщина в дорогом платье и с чёрными, распущенными волосами, как у покойников. Рядом с кричащей женщиной стояла девушка с покрасневшим лицом. От строптивого голоса дамы дрожал воздух. Облокотившись о капот серебристого джипа, она жестикулировала и гневилась на старика, как будто готовая в любой момент вонзить свои когти в его бороду:

– Старый, вонючий кабель! – кричала она. – Как ты посмел издеваться над моей дочкой?! Я тебя кастрирую, противная свинья!

Женщина говорила скверные слова и размахивала какими-то бумагами. Заметив Натали, она стала ей объяснять, указывая на мужчину:

– Этот идиот посылал моей дочери любовные письма по интернету с целью её соблазнить! Педофил!

В это время по тропе из села подошла старушка в ситцевом длинном платье. Мужчина всё ещё стоял по стойке смирно перед той, что ругала его без устали. Он стоял как приговорённый к смерти. Подошедшая взвесила происходящее и приказала голосом жены военного:

– Женщина, прекрати это представление! Весь лес перепугала своими криками!

– Безумец пытался поиметь мою дочь!

– Прекрати! – уставилась на неё старушка, еле сдерживаясь, чтобы не ударить её противное лицо. – Твоя дочурка совсем недавно сидела у него на коленях с гитарой! Ты у неё не спросила, почему она так себя вела?

Женщина замолчала. Злое лицо старухи и обвинение слегка утолили её гнев. Женщина кинула ему в лицо бумаги, вместе с дочкой села в джип, затем крикнула ему на прощание:

– Твоё письмо годится лишь для того, чтобы подтереться! Сволочь, импотент! Не смей больше писать Ирис любовные письма или присылать ей вальсы, танго. Антихрист ты этакий! Пустельга!*(Хищная птица) Яйценос! Дьявол!

– Давай, вали отсюда, хватит тебе! – крикнула ей разозлённая защитница мужчины. Джип повернул в противоположную сторону, но крики женщины ещё долго слышались в лесу. Мужчина стоял неподвижно у ворот дома – мать Ирис сравнила его с одной из статуй Джордано Бруно перед сжиганием на костре.

– В чём моя вина? – пробормотал он растерянно.

– И в лесу можно наткнуться на истеричек. Успокойся! – ласково говорила ему старуха.

Натали подошла к побледневшему мужчине и вручила ему бумаги.

– Езжайте к парникам, – вяло ответил он.

– Мать той девушки не имеет права вести себя подобным образом, – успокаивала его Натали.

– Она сумасшедшая, – добавила старуха, – я давно её знаю, – указывая взглядом в сторону пыльного шлейфа удаляющегося джипа. – Сплетница ещё та! И дочь её такая же штучка, и лицемерна похлеще матери. – Затем подошла к мужчине и сказала: – Смотри в оба с этими женщинами, особенно в лесу!

– Пойдите и загрузите всё в грузовик, – равнодушно указал Филарет гостье. – Там вы найдёте лесника.

У парников Натали предъявила документы и стала ожидать начала погрузки. Она попыталась рассказать о происшествии Апполинару Грицко, но лесник её не слушал. Он лишь хвастался и рассказывал, как он давно тут работает и что знает лес, как свои пять пальцев, что он участвует в проекте с американцами по строительству важных объектов. Позже он вспомнил рассказ Натали о конфликте и уточнил, что тот мужчина совсем не старик, что он его заместитель и что часто впутывается в истории, связанные с женщинами.

– Он неудачник, этот мой заместитель, я лишь протянул ему руку помощи, – завершил лесник и отправил её назад в лесную администрацию отдать документы.

Она застала мужчину таким же подавленным и без настроения. Он держал коня за упряжь. Увидев Натали, он вздрогнул. Ветер бурно вздымал её длинным волосам.

– Я вам приготовил рассаду ландышей, – сказал он, когда женщина садилась в грузовик. Протянул ей пакет и предупредил: это очень чувствительные цветы. До вечера обязательно посадите.

– Я знаю, как вести себя с ними,– ответила она ему чуть с иронией.

Заместитель, провожая взглядом грузовик, сел в седло. Он чувствовал необходимость побыть одному, долго ездил по лесу верхом. Проинспектировал кормушки, затем теплицы, мёртвым от усталости зашёл в дом и зажёг свечу у иконы и лёг прямо в одежде на диван с согнутыми руками под головой. Закрыв глаза, увидел всё случившееся за день. Он смотрел на смиренный лик Спасителя на иконе, успокаивая себя, что все его неувязки в бурной интимной жизни может решить лишь сила Господня. Он не понимал, почему простое письмо вызвало столь бурную реакцию. Он жалел, что не осознал вовремя неуместность посылания писем пожилым мужчиной молодой девушке, особенно богачке.

Они два разных мира, и он перешёл их границы. Если бы Ирис была его дочкой, он отреагировал бы точно так. Его охватил страх, что конфликт не исчерпан, что могут быть последствия со стороны отца девушки и случайных свидетелей в лице инженера-агронома из Кишинёва. Он понял иронию женщины, о которой думал, что она на его стороне.

Монотонный рёв мотора и мрачное лицо водителя загнали Натали в глубину своих мыслей. Проанализировав происшедшее в лесу, она поняла: «Я думала, что только в городе происходит подобное. Оказывается, случается и в лесу. Боже, ну и судьба!» Уже подъезжая к городу, водитель, бывший свидетелем скандала, вроде бы догадавшись об её мыслях саркастически сказал:

– Захотел вставить девке, но неожиданно наткнулся на её мамашу!

– Все мужчины сволочи, – отрезала Натали.

– Такими нас создала природа, – ответил водитель колко, – даже крыса меняет свою дыру раз в пять лет!

Натали перестала говорить, аккуратно держа на руках рассаду ландышей в бумаге, что дал ей тот тип с волосатым лицом у ворот лесной части. В ушах звенел голос разъярённой матери той девушки. Разве она не повела бы себя иначе с тем, кто больше похож на пугало, нежели на человека, если бы он посмел приставать к её дочери? «Он просто хотел её спровоцировать любовным письмом», – вспоминала она тему обвинения. Где-то она читала, что в США даже за пристальный взгляд на чужую женщину тебя могут обвинить в сексуальном домогательстве и подать в суд. «Был бы у нас такой закон, чтобы угомонить этих самцов за то, что они делают, желая любой ценой затащить женщину в постель! А женщин нужно уважать. Какие же мужики противные, особенно тот из леса! Что он себе возомнил? Разве он не смотрится в зеркало, не видит, как он вообще выглядит?» И тут же представила лицо той девушки рядом с мамой, и стала ей сочувствовать: «Покуситься на честь девушки! Педофил! Верно мать ему всё высказала!».

Было уже поздно, но она ещё была в своём кабинете. Муж сидел с дочерью. Ей было грустно из-за того, что уехала в лес в хорошем настроении, а вернулась с разочарованием в душе. Желание прокатиться верхом на лошади по лесу не сбылось. Неожиданно она вспомнила грустное лицо мужчины. Этот взгляд был насколько грустным и яс-

ным, что ей вдруг захотелось пожалеть мужчину, сама не понимая почему. Рано или поздно, придётся пойти домой. Сидя на стуле, она вдруг обратила внимание на бумаги в которые была упакована рассада. К её удивлению, это оказались те самые бумаги, которые мать девушки кинула в лицо мужчине. Натали покраснела от желания читать чужое, и решила всё-таки посмотреть помятые, местами испачканные грязью листы:

«Прекрасная дева весенних сновидений,

Смею писать тебе эти строки, находясь в Царстве своего одиночества. Я набираю текст и вижу, как ты проходишь рядом, полная таинства желаний, красоты – и моих ничтожных надежд. Из своей далёкой молодости я слышу слова мечты. Твой молодой, прекрасный лик движется к моим мыслям, превращая тебя в Богиню, в символ божественной красоты и во все то, что может одновременно существовать в женщине. Большая разница в возрасте отдаляет нас друг от друга, но и приближает к тебе, хотя ты недоступна для мне.

Меня впечатлили твои мечты, и как ты неожиданно появилась в девственном мире леса, когда я убедился, что рай действительно существует! Моё воображение рисует мне появление нового мира, и он манит меня жить дальше после длительного периода прошлых страданий. Я думал, что здесь, в лесу, женщины будут обходить меня стороной, и что я о них забуду, но встретил тебя и живу теперь в сказке. Жизнь находится в вечном движении, она не гаснет навсегда, как я думал до недавнего времени. Твоё понимание мира доказывает, что Бог одарил нас всеми благами. Благодарю тебя за приход в мой мир одиночества в лесу, где я живу последние годы. Ты зажгла во мне надежду и желание прожить завтрашний день лучше. Дали и заграница отделяют тебя от родины, от родительского внимания. Твоя жизнь изменится, когда ты будешь рядом с мужчиной, который тебя ждёт, но твой родной дом всегда будет тебя манить.

Мне хотелось бы изредка получать от тебя письма, они меня успокоят здесь в лесу. Я буду беседовать с пчёлами на пасеке о вселенной, о межличностных отношениях, об отношениях между мужчиной и женщиной. Твоя гитара будет вспоминать, как я дотрагивался до её струн. Когда-то ты осознаешь, что повседневная жизнь полна рутины,

и когда ты захочешь поговорить по душам, вспомни меня. Моя жизнь проходит без какой-то цели, без любви, и душа моя пуста. Меня успокаивает лишь букет ландышей на моём столе и твой лик. Моя дорогая, спасибо, что ты есть. Ты стала той, что вселяет в меня надежду, заставляет жить, и это то, чего мне так не хватало.

Твой преданный Филарет»

После чтения письма у Натали осталось ощущение, что оно написано ей. Подобные фразы она читала лишь в романах, и считала, что они толшько фантазии авторов. Поёжилась и подумала: «Каналья, а пишет красиво, ничего не скажешь! Сколько женщин он соблазнил... Но почему мать девушки так сильно на него разозлилась?». Перечитала письмо ещё раз и нашла ответ, сравнив отношения в своей семье с прочитанным. В голове зародилась идея опять поехать в лес к тому Квазимодо с длинными, седыми, неухоженными волосами. «Неужели возможно прицепиться к мужчине из-за какого-то письма и устраивать ему скандалы?» В свои студенческие годы она получала записки от однокурсника, который рассчитывал на отношения с ней, но его слова были неумелыми. Теперь она открыла в обвёрточной бумаге земли с рассадой откровения одинокой души, которая была в состоянии любить. «Какое смешное ощущение», – подумала она и спрятала письмо в ящик стола.

На следующий день она ходила как в тумане. Нашла о Филарете информацию в Интернете, просмотрела фото его 10 детей, фото его молодости и недавние тоже, но нигде не увидела Филарета бородатым. Натали ощущала незнакомое ей чувство, как будто она под гипнозом. «У любви есть детство, молодость и старость? – подумала она. – Начинается она красиво, но иногда завершается плохо. Бывает, что появляется из неприятностей, но становится постепенно изумительной!».

Желание вернуться поскорее в лес становилось всё сильнее. Ей хотелось больше узнать о нём, увидеть воочию, даже сесть и поговорить с автором необычного письма.

5

Посредственная обстановка – слабое звено в жизни. Подлецы и ничтожества обладают талантом объединяться в коалиции, становиться сильными, а обладающие умом люди – часто окружены глупцами, становятся беспомощными и смешными. Уже несколько дней Филарет чувствовал себя опущенным и бестолковым. Он жалел, что не смог сдержать свои эмоции. Обидные слова женщины продолжали звучатьу него в голове, а агрессивное лицо женщины стояло перед его глазами. Он удивлялся Ирис, которую считал святой, а оказалась настоящим дьяволом!

Он удалил информацию о себе из Интернета. Не реагировал на сообщения Чиприяны, матери Дульчинеи, которая часто писала ему о непоседливой дочери, и что очень хочет с ним повидаться. А он никого не хотел видеть. Баста! Всё! Больше никогда в жизни он не свяжется ни с одной женщиной, будь она даже королевой! Днём он выключал телефон, отвечал лишь на звонки Докики и Апполинара. Слушал последние новости, смотрел документальные фильмы в Интернете и перечитывал стихи-символиста Джордже Баковия, в которых находил убежище.

Все возвращается на прежние пути,
И весна-красавица идет!
Солнце начинает греть чуть-чуть,
И синева ночная блещет…
Ее уж нет, и пусто все…
Безрадостно. Тоскливо очень…
Вот почки чудные на ветке,
Но все напрасно – в сердце осень.

Когда бывал на Поляне, напевал на ухо коню старую песню «Камень, камень, крепкий такой, половина его под водой…» Десятикилометровые прогулки по лесу помогали ему расслабиться. Увлекался делами: то прибивал подковы коням, то косил сено, чинил кормушки, и всё как будто шло по плану, пока вот в один прекрасный день он не увидел остатки погасшего костра недалеко от Ландышевой поляны. На дереве висела шкура оленёнка. Филарет вызвал полицейского. На место прибыл смуглый, усатый и худощавый тип. После составления акта, он сказал:

– Богачи развлекаются! Скоро все животные отсюда разбегутся из-за них.

– Их нужно наказать!

– Они обязательно ответят за содеянное.

Филарет не задумывался о всей серьёзности услышанного, но в тот же вечер, вернувшись на Поляну, заметил там людей в спецодежде, с геодезистскими приборами, которые что-то измеряли и сверялись по раскрытой карте, лежавшей на капоте автомобиля. На равных расстояниях друг от друга типы вбивали белые колья. Он позвонил Апполинару Грицко, чтобы узнать что-либо о происходящем, но лесник был в городе по делам. Филарет часто вспоминал, как тот называл его «мой дорогой друг», но сейчас в лесу происходили любопытные вещи, и он ему ничего не рассказывал! Филарет попытался поговорить с геодезистами, но те его не замечали и отвечали, что у них есть разрешение администрации.

Странное предчувствие прибавилось к недавним его переживаниям. Он поскакал обратно на усадьбу, куда должны были подъехать грузовики. Инженер-агроном ждал его с документами. Он подписал их и выдал пропуск грузовикам колонной двинуться в сторону парников. Отвёл коня в загон и хотел зайти в дом выпить кофе, но женщина из города не уехала с грузовиками. Она поджидала его у ворот. «Чего ей от меня надо, этой кошке?» – подумал он недовольно, и ему показалось, что она хочет высказаться по поводу инцидента с Ирис.

– Вы не против, если я подожду здесь, пока грузовики вернутся? – спросила она.

– Смотри, чего бы из этого не вышло, – пробормотал Филарет.

– Люди по-разному воспринимают события, – сказала она, пытаясь объясниться: – Та барышня и её мать не имели никакого права так поступать.

– Документы в порядке? – жестом остановил он её, но приветливый женский взгляд успокоил его.

– Вам нужно расслабиться, – сказала женщина.

– Я и сам хорошо знаю, что мне нужно.

Гостья рассмеялась. Перед ней стоял высокий зрелый мужчина, но он употреблял детские слова!

– Уже год, как приезжаю сюда, но ни разу не видала вас здесь. Правда, я находилась больше у теплиц, – призналась она, и продолжала: – Мне бы очень хотелось посетить Ландышевую поляну. У меня есть время, пока

грузовики подъедут, – и указала взглядом в сторону сарайчика где у кормушки стояли два коня. – В детстве я ездила верхом.

– У меня нет настроения.

– Вы обязаны показаать, чем богат лес, – настаивала женщина. – Нам нужен посадочный материал для центрального парка к майским праздникам.

Она перекладывала пряди волос на лбу, которые непослушно метались из-за ветра. Филарет ощутил её доброжелательный взгляд, и смягчил свое упрямство. «Ну, чего ещё этой городской барышне нужно, ведь она хорошо понимает, что здесь лес!». Он что-то пробормотал, затем вытер вспотевший лоб рукавом, положил очки в карман рубахи, направился в сторону сарая и вернулся с запряжёнными конями. У одного было красное седло, у второго – чёрное. Натали чувствовала, как поддаётся каждому приказу угрюмого мужика, помогавшего ей сесть в седло и зафиксировать ноги на стременах. Её конь спокойно шагал за конём Филарета, всё больше углубляясь в лес по узкой тропе между дубами, ясенями и клёнами. Они доехали до озера, где кричали лягушки, объехали озерцо до небольшой рощи с пустыми яслями, недалеко от Ландышевой поляны. Лес здесь был реже, из-за чего небо казалось огромным, а вдали виднелись дома, церковная башня и извивающееся русло Днестра.

Они слезли с коней, трава на том месте оказалась выше, грациозней. Лесной шум негромко стоял вокруг.

– Вскоре рощу срубят, – пожаловался он. – Но здесь захоронены многие невинные души прошлой войны.

– Известно, сколько здесь могил?

– Это государственная тайна, – ответил Филарет. – Русские после ухода оставили списки убитых в архивах Кишинёва, немцы не позаботились пересчитать убитых ими евреев.

Филарет опять заметил колы в земле и занервничал.

– Какова причина того, что вы отказались от городской жизни и переехали сюда работать? – неожиданно спросила женщина, поменяв тему разговора.

– А ты как думаешь, здесь подходящее место для постройки коттеджов? прервал её мужчина.

– Такая красота не должна быть тронута.

Филарет продолжал пребывать угнтённом состоянии, никак не мог собраться с мыслями. Они поскакали дальше. Натали прекрасно себя чувствовала в седле, ей хотелось ещё побеседовать, но бородатый мужчина был молчалив и пассивен, не останавливая коня и шёл вперед. Некоторое время они еще ездили по тропам, пока не оказались на поляне где стелился ковер из цветов. Женщина слезла с лошади и стала собирать букетик. Филарет терпеливо её ожидал, чтобы помочь сесть в седло.

– Мне очень жаль, что Ландышевую поляну ждёт такая участь, – сказала она, слегка улыбаясь. – А вы убедите администрацию отказаться от этого…

– Уже поздно. Я постарел!

– Ты хочешь наложить на себя руки? – звонко рассмеялась она, держа коня за узду обеими руками. – Я тебе посоветовала бы сбрить бороду и усы, они тебе не идут. Ты похож на оборотня, такой неухоженный и не расчёсанный!

– Если кому-то что-то не нравится, пусть пишет заявление! – грубо ответил он.

– Честно, тебе не идёт, как ты сейчас выглядишь, – настаивала женщина

– Ты же не знаешь, как я выглядел раньше…– Филарет почувствовал себя неловко, но воздержался что-то добавить.

– Я думаю, что ты тогда был интересным, сильным мужчиной, и ты такой и сегодня!

Слова женщины показались ему искренними. Филарет украдкой взглянул на неё. Он заметил, что она чем-то похожа на его первую любовь, на Лучиану, девушку, вернувшуюся в его мысли из давней молодости. Слова Натали призывали проснуться и выйти из уныния: «Мне уже 60 лет, и всё равно её волосы, её улыбка и сладкий голос пробуждают романтические чувства. Но я не пойду на поводу у чувств. Я должен прекратить любые интимные связи с женщинами, от них одни проблемы… Не хочу больше ничего!». Но уже в последующие мгновенья он плыл с этой женщиной во сне и ощущал идущий он неё аромат всех цветов мира. Её чары могут стать для него ловушкой, в такую он часто попадал. Он успокоился лишь у пересечения троп, откуда виднелась лесная усадьба. Грузовики уже ждали.

– Тебе пора, – сказал он с облегчением.

Он помог ей слезть с коня прямо у первого грузовика, она забрала папку с документами у водителя, затем отвела Филарета в сторону и сказала ему:

– Меня зовут Натали. Следи за собой. В следующий раз я хочу видеть тебя настоящим кавалером, а не стариком! Мы ещё пойдём с тобой в лес фотографировать кустарники для скверов.

– Кому я теперь нужен? – сказал он, наблюдая, как она садится в грузовик.

Через несколько дней Натали опять появилась. Был солнечный, тёплый день. В руках она держала фотоаппарат, намереваясь сделать несколько кадров в гуще леса, но Филарета не было. Она зашла в бухгалтерию к Докике.

– С Филаретом есть о чём поговорить, правда? – заговорила старуха.

– Он интересный мужчина!

– Все его женщины ценили его как интеллектуала, а не как семьянина, – сказала Докица своим резким голосом, и это было похоже больше на упрёк, чем на констатацию.

– Я это поняла после прогулки с ним по лесу в поисках саженцев для сквера Национального Театра.

– Будь осторожна! Этот мужчина настрадался по собственной доброте. У тебя есть семья, лучше не лезь к нему. Он быстро влюбляется, и ты кроме страданий, ничего больше ему дать не можешь.

– Вы совсем меня не знаете, – сказала Натали. – Он меня интересует как собеседник. Администрация мне выдала этот фотоаппарат фотографировать разные кустарники для улучшения урбанистического вида города новыми пейзажами зелени. Господин Филарет будет меня сопровождать.

– Ты кажешься мне порядочной, – настаивала старуха. – Но я насквозь тебя вижу, ты задумала к нему прилипнуть. Это бег на короткие дистанции. Ему нужна постоянность.

– У меня рабочие обязательства, – повторяла настойчиво Натали. – В интересах обустройства столицы.

– Ладно. Значит, поэтому он вдруг захотел сбрить бороду.

Докица уже собиралась домой. Она бы ещё обменивались репликами с гостьей из города на скамейке под высоким дубом, но тут появился верхом Филарет. Он помахал рукой издалека, слез с коня рядом с ними. Он был в тёмно-синей рубахе, на шее висел бинокль. Старуха словно передала его Натали, хитро улыбнулась и пошла к дому.

– Я вас приветствую, господин инспектор! – Весело произнесла Натали.

– Ты пришла фотографировать меня?

– Администрация назначила меня выбрать лесную продукцию. Без обид.

– Нет проблем. Ладно, пойдём.

Филарет шагал впереди, и казалось, даже повеселел чуток. Рассказывал о личных достижениях с тех пор, как начал работать в лесу. Отвёл коня в загон, затем вернулся во двор. Двор делился на аллеи и участки. У деревянного колодца была грядка с цветами левкоя (маттиолы), которые ещё назывались «с добрым утром». От калитки до порога дома вдоль тропинки цвели множество цветов. Под навесом лежали симметрично разложенные поленницы дров. Грабли, заступы, лопаты и косы висели на прикрепленной к кленовым колам верёвке.

– А ты хозяйственный! – заметила Натали, слегка с иронией.

– Мои родители были очень хозяйственными!

– Знаю, что и библиотека у тебя есть. Я узнала кое-что из Интернета…

– Ты за мной шпионишь?

– Я могу посмотреть на твои книги?

– Я поклялся себе, что не позволю больше ни одной женщине переступить мой порог, но ради тебя…

В доме был порядок. Из узкого коридора, где висели разные вещи и стояло двухствольное ружьё, был проход в рабочий кабинет. Вазоны и горшки с лесными цветами стояли на столе и на подоконниках. На стенах висели молдавские тканые ковры. На длинном столе кирпичного цвета стоял компьютер и подсвечник со свечами. На стене прямо у стола висели две иконы, лампадка и старые часы с маятником. Везде на полках стояли книги. Два красных кресла пристроились по бокам черного стеклянного столика, на котором стояли чайник, белые чашки для чая и кофе. Из кабинета был проход в кухню, где к стене прислонился плетёный стол из стеблей рогоза, похожего на камыш, и четыре стула. Посуда была аккуратно расставлена на полки серебристого цвета. Далее проглядывалась спальня с белой терракотовой печью, широкий диван, на стене – и портреты его 10 детей.

Натали села в одно из кресел, готовя к кофе к беседе.

– У тебя есть прислуга? Кто убирает в доме?

– Нет, пока сам справляюсь, – ответил Филарет, сев напротив и наливая кофе в чашки.

– И почему ты называешь себя старым?

– То есть?

– Ты молод. А побреешься, вообще будешь выглядеть женихом!

– Для кого, для кладбища?

– Послушай, – сказала Натали обвиняющим тоном. – Ты бы привёл себя в порядок чуток.

– Вижу, хочешь меня перевоспитать?

– Я принесу с собой секатор и постригу тебя, – перешла Натали на угрозы. – Попробуй соответствовать красоте леса!

– Может быть. мне ещё и фрак приобрести? Нет. Мой путь закончен.

– *Мой путь закончен!* – иронически передразнила Натали. – Дорога на кладбище, конечно же, ставит все точки над «И», но ты ещё жив и не исключено, что ещё встретишь настоящую любовь!

– Такого не произойдёт.

– А ты представь, что да.

На улице вечерело, а они не хотели расставаться.

– У нас остались темы для бесед и на следующий раз, – устало сказал Филарет.

– Прошу, напиши мне пару слов по электронной почте. – поросила она.

– Чтобы твой муж пришёл и убил меня?!

– Беду накличешь. На следующий раз, когда навещу тебя, побрейся, пожалуйста, – встала она с кресла и подошла к нему. – Мы пойдём в лес и сделаем фотосессию.

. Она повесив фотоаппарат на крючок в коридоре и поспешно ушла. В комнате остался шлейф свежести и аромата духов. «Может, она и есть женщина моей мечты, сейчас в конце жизни? Пусть она молода для меня, и у неё есть семья. Украсть чужую любовь – это эгоистично и нелепо. Господи, почему моя душа не успокоится?» – подумал он с чувством происшедшей в его жизни перемены.

Натали жила в ожидании встречи с ним, и с чувством любви к нему. Через неделю после визита в лес её с семьёй пригласили на день рождения посажённых родителей в один из роскошнейших ресторанов столицы. Среди приглашённых были и высокопоставленные личности, а церемония походила на показ мод. Натали с мужем выделялись своей

элегантностью. Праздник продолжался допоздна. Аурелиан не удержался от выпивки, и в самый разгар праздника уснул, положив голову прямо на стол. Натали вызвала такси и с помощью водителя посадила мужа в машину, затем, подняла его на пятый этаж. В квартире отпустила его на пол, и тот рухнул на ковёр. Дочка смеялась, поначалу ей было смешно, но видя, что папа не двигается – расплакалась. Натали тоже разрыдалась после того, как уложила спать девочку: «Какой подлец, сколько я ещё буду это терпеть?»

Поутру муж проснулся в коридоре. Упираясь о стену и шатаясь, дошел до ванной комнаты и стал шумно умывался над раковиной. После этого оделся, выпил кофе в полной тишине, не обменявшись ни словом с женой, и пошёл на работу. Натали отвела в сад девочку и после обеда решила позвонить Филарету, но *Фэт-Фрумос из серебристого леса* не отвечал.

6

Где-то в полдень за рулём нового автомобиля в лесной части появился Апполинар Грицко. Обращаясь к Филарету, сказал:

– Ландышевую Поляну надо будет отдать. В столице её не признали природным заповедником и памятником погибшим. В высоких кабинетах решили, что место нужно использовать под строительство. Это место продали на аукционе, а деньги пойдут в бюджет. Там построят коттеджи, бассейны, теннисные корты и сауны, стоянки для иностранных делегаций.

– А что будет с могилами и с 200-300 летними дубами?

– Разберутся,– продолжал говорить спокойно Апполинар. – Всё уже решено.

– Я соберу толпу.

– Господин Филарет, – внезапно сказал лесник на официальном тоне. – Хочу предупредить: если мы не будем молчать, нас всех уволят к чёртовой матери!

Докица уже знала про Поляну, и когда пришла на работу, удивилась новому автомобилю лесника:

– В церкви я позвала людей выйти и встать на защиту нашего леса, который нам дал Господь, но тех, кто смог бы повлиять, нет, они уехали за границу. Некоторым всё равно, а другие и вовсе спились.

– Как же нам остановить этих преступников?!

– Успокойся, Филарет! – сказал лесник, – даже не вздумай залезать на баррикады и строить военные стратегии! Тебя запросто посадят, вот и всё!

– А кто там собирается строить коттеджи? – спросила Докица.

– Финансовые магнаты! Один из них – еврей, другой русский, а третий наш.

– А что же станет с могилами? – не успокаивался Филарет.

– Останки перенесут в другое место, – успокоил его лесник и уехал.

– Он продался дьяволу, – сказала сквозь зубы старуха, оставшись наедине с Филаретом.

У Филарета не было никакой поддержки.

– Что за языческие времена? Мы хозяева леса, но и не мы! Кишинёвские бандиты всё решили!

– Хуже, чем при коммунистах. Что же делать?

– Я застрелю первого, кто заедет сюда на бульдозере.

– Успокойся! Они не отстанут. А у тебя есть дети!

– Да, знаю, – сказал он растерянно.

Филарет всю ночь не сомкнул глаз. Дождался раннего утра, сел в седло и поскакал к Ландышевой поляне, откуда слышался неимоверный шум. Утро было пасмурным, собирался дождь. Он шел по тропе и слышал всё сильнее гул моторов. Спустился вниз, затем поднялся на холм, где росли высокие, дуплистые дубы, недалеко было пастбище, а за ним пустырь совсем рядом с Поляной. Издалека он заметил костёр, услышал громкие голоса и гул грузовиков. В воздухе стоял запах бензина и горелой бумаги. Он подъехал верхом поближе, увидев пламя огня и заметил много рабочих, кидавших в огонь книги с грузовиков. Филарета переполнили эмоции гнева при виде языков пламени, жадно глотавших узнаваемые им книги по названиям. Это были книги из библиотеки Медицинского Университета, редкие книги, случайно, через немецких медиков из Санкт-Петербурга, попавших в Молдову. Он ясно видел названия на обложках: *Agrippae, H. C. (1486-1535). Henrici Cornelii Agrippae, Ab Nettescheym. Armatae Militae E. Opera. – Lugduni: Per Berlingos fratres, 1510. – 779 p.; Petrus de Abano (a. 1250 – 1316). Petri Aponensis medici ac philosophi celeberri, mi Liber Cociliator differetiaz philosophos precipueqz medicoz appellatus: nouiter castigatissime impffus…–Venetiis:OSM (Sumptibus*

& arte heredum Octaviani Scoti Sociorumque), 1521. – 359 p.; il. (37 cm); Aeginetae, Pauli. Medici insignis opus divinum, quo vir ille vastissimum totius artis oceanum, Laconica breuitate, sensibus argutis, meris oss aphorismis in epitomen redegit, Albano Torino Vitodurensi interprete. – Basileae (Basel): per Andr. Cratandrum, 1532. – 514 p. Ценные книги из фонда архива Медицинской Академии он забрал себе. Работники, следившие за костром, даже не заметили его. Огромные костры огня уничтожали тома Эсхила и Эврипида, Софокла и Аристотеля, Большую Советскую Энциклопедию.

– Люди, зачем вы сжигаете книги?!

– Мы освобождаем здания, сейчас все пользуются компьютерами, – ответил рабочий в комбинезоне, думая, что подошёл лесник.

– Лес больше не пострадает от потребности производить бумагу. Человечество модернизируется!

– Вы сжигаете Поляну! – заметил Филарет.

– Мы выполняем приказы господ, которые построят здесь свои дворцы! – ответил первый рабочий. – Душой я тоже возмущаюсь, но ради денег я выполняю такую работу. У меня семья и дети.

Костёр пылал, дым поднимался и сплетался с густыми ветвями деревьев, как печальная мелодия умирания. Филарет разочаровывался в людях всё больше. Из-за нынешних сумасшедших времён они меняют свой менталитет, превращают мир книг в дикое пламя. Как расставить всё вокруг по местам? Только при помощи нового потопа для современного поколения. Он поднял с земли несколько книг, а один рабочий даже просил его:

– Дядя, можешь взять и целую кипу.

Он хотел еще кое-что обсудить, но убедился, что не с кем говорить. Он выбрал себе связку ценных книг, вернулся к себе, а потом пошёл в село к Апполинару Грицко, но его жена даже не пригласила его в дом, как это было прежде, сказала, что лесник занят и не может его принять.

Всю ночь Филарет ворочался без сна и лишь рано утром, после короткого сна, услышал от калитки голос Натали. Она приехала с несколькими грузовиками за посадочным материалом. На ней было ситцевое платье в синий цветочек. Филарет внимательно на неё посмотрел.

– Примите счёта? – спросила она с доброжелательной улыбкой.

– Хочешь пойти со мной на Ландышевую Поляну? – спросил он, одевая черную куртку.

– Конечно. Но почему ты не побрился, уважаемый? – спросила она слегка недовольно.

– Это какой-то ужас, – сказал он, направляясь в сторону ухабистой дороги.

– Что-то ужасное? – спросила Натали, догадываясь, что речь идёт о Поляне.

– Звери из столицы не имеют ничего святого.

– До того, как принимать подобные решения, господа хотя бы потрудились посетить это место?

– Нет! Сколько разрухи!

Они поскакали до ещё дымящихся костров, где до недавнего времени росли кусты и высокие, ароматные травы, теперь лежали полусгоревшие книги и ещё несколько уцелевших.

– Люди совсем с ума посходили! – воскликнула Натали.

– Наши патриоты всё решили! – сказал Филарет весь в эмоциях, слезая с лошади. – На этом месте будут строить коттеджи с высокими заборами, через которые смогут пролетать лишь птицы.

– Ладно, остынь, – успокаивала его Натали, подойдя поближе, и завязала ему волосы ленточкой в хвостик, оголяя широкий лоб. Затем она попросила его уйти с этого разрушительного места.

Они шли рядом с конями, кругом росли кусты и высокие колючие терновники. Затем оседлали коней и поскакали в лесную усадьбу Филарета. Никто из них не мог объяснить происшедшего далее. Всё случилось само по себе, как в таинственном сне. Натали давно мечтала, чтобы её грудь и тело ласкал сильный мужчина. Филарет забыл о всех своих проблемах и поплыл с ней в волнах экстаза. Ему казалось, что рядом с ним находится женщина, которую он искал всю жизнь, и вот она неожиданно обрушилась на него лавиной любви и нежности, соединяясь с ним в одно целое среди дыхания деревьев и пения птиц.

– Не будь грустным никогда ,– шептала она. – Тебе не идёт.

– Я многое пережил, мне трудно.

– Хочу тебя видеть всегда в настроении, – настаивала она, глядя на него ясными, как день, глазами. Он долго всматривался в неё, хотел быть с ней искренним, как с ним ведёт себя лес. Время пролетело безжалостно. Она оделась и была готова уйти, и тогда он внезапно и беспомощно спросил её:

– Как мне остановить бардак на Поляне?

– Делать только то, что в твоих силах. Нет проблем без решения.

– Мне хочется их всех повесить.

– Ты ещё не понял, что мы живём в стране, где всё прогнило коррупцией? Страной управляют бандиты с деньгами и сильными кулаками. Ты умеешь творить духовные дела, без насилия. Мы найдём способ спасти то, что можно, – сказала она, поправляя свои густые, светлые волосы. Она вздрогнула, когда грузовик просигналил и напомнил, что пора уезжать, и прошептала:

– До новых встреч, береги себя!

– Останься ещё, моя жизнь заиграла смыслом.

– Я и завтра приеду, и послезавтра, и каждый день. Я всё-таки хочу видеть тебя постриженным, выбритым и ухоженным.

– Имеет значение, как я выгляжу?

– Очки тоже не носи.

– В очках мне удобно.

Грузовик опять просигналил.

– Будь осторожен, – сказала Натали и вышла через калитку к грузовику.

Гул моторов постепенно удалялся в вечерней тишине, а со стороны Поляны несло запахом горелой бумаги. Работники теплиц и пасеки уже ушли. Докица также прошла мимо калитки домой. Он знал, что всегда может поговорить с ней, особенно о происходящем вокруг. И на этот раз он подозревал, что она знает о случившемся между ним и Натали, потому что заметил её хитрую улыбку. Спросил её:

– Не можешь ли ты подстричь мои волосы? Я бы сам попытался перед зеркалом, но не умею совсем. Хочу выглядеть хорошо!

– Да ну тебя, – улыбнулась она и поправила очки, чтобы на него посмотреть. И сказала своим резким тоном: – Пойдём ко мне.

– А не поздно ли?

– В твои годы я спала через одну ночь, – пошутила она, и отдала ему пакет с документами.

Они шли пешком по извилистой тропе, навстречу сумеркам, опускавшимся над Днестром. Со стороны *Свинарника* слышалось гудение моторов – ремонтировали пострадавший мост во времена конфликта.

– Скоро прибудут гости, – сказал Филарет, замечая работы на мосту.

– Украина согласилась нам помочь, – объснила Докица. – В прессе прочитала.

– Значит, мы сможем свободно ходить на ту сторону Днестра?!

– Лишь по пропускам. Украинцы поддержали русских в 1992. Теперь они решили проявить благосклонность и к нам!

– По степям Приднестровья интересно лишь птицам летать, всё остальное в интересах славян.

С левого берега были слышны песни, пляски и веселье. Казаки веселились, как у себя дома. Старуха саркастически сказала:

– Бедный Днестр! Сколько ненасытных народов он повидал! Нападают на новые территории, разрушают народы, а когда у них возникают трудности, поют «Вставай, страна огромная!».

Филарет удивлённо посмотрел на Докику, но она продолжила: – Знай, дорогой мой, для болгар русские являются освободителями потому, что они спасли их от турков, а для нас они оккупанты, разрушители!

– Нельзя говорить подобное о народе, – возразил Филарет.

– Согласна. Но я никак не могу понять, как после всего. что Россия пережила, она опять лезет в нашу страну, Русские никогда не были хозяйственными. Они вторгаются повсюду и приноят разруху, а Митрополит их благословляет! Сколько это будет продолжаться, это варварство? Из-за них я не могу посетить могилу мужа.

Филарет держал её под руку и не прерывал, предоставляя возможность высказать свои обиды. Вечер был спокоен. Кустарники цвели, и они шли словно по ароматной тропе.

– Какая красота! – сказал он, желая увидеть на лице женщины свет и благодать.

Докица молча шла за ним, но неожиданно остановилась и сказала:

– Будь осторожнее с той барышней. Я заметила, как она смотрела на тебя.

– Она замужем, и у неё есть дочь.

– Поэтому я тебя и предупреждаю… Смотри, не вышло бы чего похлеще, чем с дочерью пасечника.

– Она красива и интеллигентна.

– Все же будь начеку. Быстро войдёт в твою жизнь, и так же быстро и уйдёт. По глазам видно, что у неё в жизни не всё ладно. Ты готов к новой провокации?

– Я счастлив!

– Не скажи, – предупредила Докица. – Женщины — это загадка. Мужчины твоего возраста могут ума лишиться, когда их бросают. Я не хочу видеть, как твоя чувствительная душа страдает. Не забывай, что замужняя женщина ищет душевную разрядку, выход из рутины. Она никогда не променяет семью на тебя. Зачем тебе кратковременное увлеченье?

– Я не думаю, что это кратковременно!

– Да ты ещё и амбициозен! – заявила Докица. – Ты скоро ощутишь неудачу. Лучше вспомни одну из твоих прошлых женщин, и как можно скорей.

– Я подумал, но к сожалению, ни одна из них меня не любила.

Тропа вела к каменному колодцу-аисту с длинным шестом, на котором наверху болталось ведро жёлтого цвета. Здесь проходили коровы, и они оставили свежие следы и лепёшки навоза. Удары молотка из кузницы доносились всё реже.

Дом Докики был мал: гостиная, одна спальня и коридор, везде царила чистота. На кухне было много лечебных трав, висевших пучками на потолке. На стене висел портрет её мужа в военной форме. Она пригласила его к столу, где лежали книги и журналы и кипы бухгалтерских бумаг, а ещё чайник и фарфоровые чашки. Она угостила его чаем из зверобоя, затем пригласила присесть на стульчик. Приготовила ножницы, расчёску, привязала белую простынь вокруг его шеи, и вскоре на деревянный пол стали падать пряди седых волос. Без бороды он увидел свое лицо с еле заметными морщинами.

– Вот теперь ты похож на человека, – довольно сказала старуха.

– Готов жениться!

– Пока мы живём, ничего не исключено.

– Я будто родился заново, – обрадовался мужчина, смотрясь в зеркало.

Молоток в кузнице перестал стучать. Филарет легко шагал к своему дому. На мгновенье его мысли стали смелыми, особенными. Свежестью веяло со стороны леса, где светил единственный фонарь на столбе возле лесной усадьбы. Когда-то там хотели построить свои гнёзда аисты, прилетавшие из тёплых стран. Этим желанием он хотел поделиться с Натали.

7

Натали вернулась из леса, забрала дочку из садика, навела порядок в доме, приготовила ужин и ждала Аурелиана. Дочь вскоре уснула, ужин остыл, и Натали удобно устроилась в постели. Только к полуночи прозвенел звонок двери. Двое здоровых мужчин привели домой её мужа в состоянии полного опьянения. Это её не удивило, даже когда он стал громко храпеть. Она подошла к компьютеру, представляя себе, что происходит в доме в лесу. Она видела Филарета, который, похоже, хочет исчезнуть оттуда из-за чувства бессилия в деле спасения Ландышевой Поляны. Она думала, как ему помочь, как спасти его богатый и прекрасный мир.

Ночи чередовались: то грусть, то веселье. В последнее время люди всё чаще стали думать о переезде в другие страны. В порыве этих мыслей молдаване не осознавали всех трудностей переезда и драм, связанных с этим. В такие мгновенья неизбежно обращение к Всевышнему. Приходили мысли о том, что наследники уехавших из страны непременно захотят вернуться, но чужаки им этого не позволят. Феномен покидания страны пережили множество народов. Вернувшись через много лет, они нашли свои дома разрушенными или оккупированными. Евреи, после изгнания из *Эрец-Исраэль*, через тысячи лет вернулись, но не были признаны хозяевами своих земель. Необъяснимое желание молдаван уехать из родной страны разрывало сердце и вызывало возмущение и непреодолимое желание закричать: «Эй вы, перелётные птицы! Вы думаете, что Молдова потеряла свою привлекательность после вашего перелёта?! Ошибаетесь, сильно ошибаетесь, братья! Подумайте, где вы сейчас, и где будут ваши могилы. На чужих землях? Одумайтесь, возвращайтесь домой: здесь широкие равнины, старые дубы, здесь Днестр, Прут, традиции и старые обычаи, кладбища предков, здесь живёт наш румынский язык!» Этот крик души Натали был обращён к соплеменникам, которые уезжали в европейские страны, в Канаду, США, Австралию, Россию, Турцию. В этот поздний час она вдруг испугалась, что и Филарету может придти в голову подобная идея. За себя она не боялась, она не опустится до подобных действий, не оставит родные края, но Филарет может сломаться. Недаром он говорит, что в Молдове сейчас трудно.

Её переполнили эмоции. Сидя за компьютером, она чувствовала, как её пальцы набирают текст на клавиатуре. Потребность общения с пони-

мающим её мужчиной открыла врата фантазии. Она давно искала возможность с головой отдаться красоте, вдохновению, мыслям. На мониторе появилось письмо;

«Желанный мой,

Лишь мне известно, что творится в моём доме, в моём сердце и в душе. Лишь мне известно, что происходит в моей семье. Ты меня непременно поймёшь, ибо тебе дано чувствовать вибрации женской души. Две наши встречи помогли мне возродиться и забыть о повседневных заботах. В этот поздний час мне хочется поделиться мыслями и эмоциями. Вчера, перед приходом к тебе, я смотрелась в зеркало и хотела тебе понравиться. Мои ноги хотели бежать, уйти с пути к тебе, но сердце твердило обратное. Я думаю о тебе с того момента, когда прочитала твоё письмо к той женщине, и узнала легенду Ландышевой Поляны. Сейчас я рассматриваю твою фотографию. Тебе здесь 40 лет, и ты красив! Наши отношения – полное безумие, но в них есть тайна. Мне не верилось, что любовь случается. И вот она пришла. Я сознаюсь, что ждала её. Год назад меня бросало в дрожь лишь от одной мысли, что я могу изменить мужу. Теперь я ничего не боюсь, осознаю риск происходящего и всё то, что он с собой несёт, но я живу нашей страстью. Я наивна, витаю в облаках, я мятежна и озорна, и ты в этом прав. Ты искренне рассказал мне о своей прежней жизни, и это много для меня значит. Ты открыт душой и готов признавать ошибки, ты тот мужчина, который живёт в женских мечтах о настоящей любви. Она принадлежит двоим, и они отдаются ей, не думая о последствиях. Спрашивая себя, почему я позволила тебе войти мне в душу, не могу найти хорошего объяснения. Наверное, и не нужно искать, потому что это теперь неважно. Если дать волю сожалению, не будет и отдачи. Иногда сложно объяснить всё словами. Я не пытаюсь оправдываться за собственные поступки, которые, в перспективе, ещё произойдут. За некоторые из них меня можно осудить, а за другие – пожалеть. В моём сердце зажглась искра, и я готова её беречь. Мне стало понятно кто есть я по разным причинам: из-за одиночества, в котором я живу дома, из-за желания чувствовать себя лучше, потому что я здорова, без вредных привычек, физиологически я нормальна и хочу быть любимой. Я перешагнула через некоторые постыдные ступени в жизни только благодаря тебе.

Спасибо тебе, Натали»

Она послала свои думы через волшебные волны Интернета. Затем терпеливо ждала ответа, не отрывая глаз от монитора. Рядом стояли песочные часы, и с каждой падающей песчинкой она переживала приятные мгновенья, зная, что кто-то в этом мире думает о ней. В ожидании письма она не заметила мужа, который проснулся, сходил в туалет, затем выпил стакан воды и снова грохнулся в постель.

Часы тикали, веки стали тяжёлыми от усталости и закрывались, но она не теряла надежды. Вздремнула, но сигнал на мониторе дал знать о пришедшем письме. Лицо засияло, а легкие вдохнули свежий лесной воздух.

«Дорогая Натали,

Только что я получил твоё письмо, в которое ты вложила душу. Оно меня обрадовало, и я доволен, что становлюсь тебе близким другом. Думаю, наши отношения имеют будущее. Каждый человек нуждается в общении, особенно я, потому что нахожусь в лесу день и ночь, и совсем один. Я очень рад, что в мои годы сумел зажечь в твоей душе желание быть рядом со мной. То, что вчера было мечтой, сегодня стало реальностью. Ты вошла в мир моего одиночества – встречами и письмами – как случилось у Эминеску со его Вероникой. В моё окно ветер заносит запах акации. Хочу верить, что и в твои окна ветви деревьев несут ночные ароматы. Мои мысли настойчиво ищут смысла и порядка. Иногда я слышу твои лёгкие шаги у дверей. В комнате много цветов. Я их собрал для тебя. Они будут цвести всю весну, лето и осень. Для тебя я соберу и зимние цветы, и только мне одному известно, где они есть в лесу. Эти цветы – мои мысли для тебя в этот поздний час.

Страстно целую и обнимаю, Филарет

Она прочитала письмо на одном дыхании. В последующую минуту пришло ещё одно, в продолжение мыслей Филарета:

«Натали,

Сон – недруг мне этой ночью, но это не страдания… Я живу надеждой, что мы скоро увидимся. Я хочу смотреть на тебя и любоваться ясными и глубокими глазами. Хочу чувствовать твоё избавление от разочарований и пережить с тобой незабываемые мгновенья…»

Храп мужа стал громче, и Натали схватилась за голову руками. Спать совсем не хотелось. Пальцы стали набирать текст, будто собирали бусины янтаря.

«Мои мечты остаются на орбите сбывшейся реальности. Семья меня тяготит, но я успокаиваю себя тем, что ты можешь подарить мне красивую сказку, и хочу тебя видеть снова. Твоё прошлое меня не волнует. Ты тот, рядом с кем мне хочется быть, беседовать и… позировать на фоне грозы в разгаре лета или при солнечной погоде. Может быть, я сумасшедшая, но это прекрасное сумасшествие! Время покажет, как всё сложится в дальнейшем, но я спокойна и мирюсь с ситуацией. Я чувствую, что все твои дети с фотографий на стене, призывают меня стать их подругой. Твой мир мне кажется полон тайн и чуда. Будь естественным в моём присутствии, без предрассудков. И я хочу чувствовать себя с тобой свободной, лёгкой и писать тебе письма!»

Оправила письмо будучи уверенной, что Филарет не спит.

«Моя Натали,

Твои письма освещают мой путь. Твоя улыбка навеки стала для меня любимой. Думаю о тебе, хочу быть рядом. Ты явилась мне в образе ученицы в школьной форме, с белыми бантами, спустилась ко мне из прошлой жизни, когда я был подростком. Я беру тебя из прошлого, переношу в настоящее и иду с тобой в будущее. Пусть ангелы охраняют тебя.

Спокойной ночи, моя дорогая женщина!»

Уже светало. В ту ночь Натали убедилась, что встретила интереснейшего человека, и возраст ей был неважен. Он был тот, которого она всегда искала.

***

Филарет тоже не спал всю ночь. Натали вошла в его жизнь именно тогда, когда он думал навсегда уйти от праздного мира, где запрещено заниматься любовью с молодыми женщинами, годящимися тебе в дочери, так как это *аморально*. Но появилась Натали, и она считает его своим партнёром, пусть даже он старше на 30 лет. Благодаря ей он стал следить за собой – постригся и сбрил бороду. «*Ей понравится*», – думал он. Нашёл в шкафу чистые неношеные брюки, чёрную рубаху. Снобистски осмотрел себя в зеркале и подумал, что неплохо было бы и похудеть. В остальном он выглядел неплохо. Затем иронично подумал о себе: «Старик сходит с ума!» Он включил музыку в стиле ретро. Передавали атмосферу благодати, которую он не мог объяснить на данный момент, но знал, откуда берет своё начало. Забыв об остывшем кофе, сел набирать текст нового письма.

«Натали,

читая твои письма, я молодею с каждым днём. Ты будешь жить долго! Может быть, проживёшь 100 лет, но годы – это нелёгкая ноша. Хочу, чтобы мы с тобой жили счастливее, чем американские миллиардеры. Нам нужно строить наше с тобой счастье. Больницы и кладбища находятся далеко от нас, и мне это нравится, пусть даже между нами есть проклятая разница в возрасте! Желаю тебе прожить сегодняшний день словно пчёлка, собирающая нектар с цветов …»

В последующие дни он летал. Он обязательно скинет пару килограммов – и стал делать зарядку и много ходить пешком. У ворот забил два кола, вставил на них ось старой телеги и, как на военной службе, подтягивался по утрам. Мышцы болели, но он радовался, что молодость ещё в нём живёт. Старался освежить знания и перечитывал когда-то прочитанные книги, подчёркивал цитаты и разные изречения, осознавая, что именно его мудрость и советы будут ей полезны. Где-то прочитал, что старость — это золотая осень жизни человека, когда ясно видны его достижения. Именно таким он хотел казаться в её глазах. «А чего я достиг в своей жизни? – спросил он себя, и сразу ответил на вопрос: «Может быть, многого, а может быть, и ничего. У меня было детство, молодость, я любил женщин, я участвовал в развитии своих детей, я служил книгам и собрал огромный багаж знаний. Сейчас я чувствую, что способен любить, могу находиться в трёх измерениях времени – в прошлом, настоящем и будущем, в которых при отсутствии любви не существует желаемой человеком красоты! Без любви не может существовать прошлое в воспоминаниях, ни настоящее, ни будущее, которые мы часто игнорируем. Без любви мгновенья застают нас в врасплох».

Ему казалось, что он нашёл спасение в этом лесном раю, здесь у него расцвела любовь к женщине, а у любимой женщины – любовь к нему.

Поджидая Натали, Филарет столкнулся с Апполинаром Грицко у ворот.

– Умерла Докица, – сообщил тот.

– Как так, не может быть?! – не поверил Филарет.

– Она умерла во сне, – добавил лесник. – Врачи констатировали сердечный приступ.

Филарету на плечи обрушилось небо. «Нет, не может быть! Не мо-

жет этого быть!» – плакали душа, лес и Ландышевая Поляна… «Ведь вчера вечером… она приводила меня в порядок… радовалась моему счастью! Натали, Натали…»

– Судьба человека сшита белыми нитками, – обронил он нелепую фразу, сказанную будто не своим голосом…

– Философом был, философом и помрёшь, – сказал ему Грицко и поскакал дальше. Затем крикнул ему: «Организуй похороны как следует. Старуха была одна в селе. Твои обязанности пока будут на мне».

В тот день он не встретил Натали горячим кофе и с фотоаппаратом на плече, как они того желали… Три дня подряд он занимался похоронами Докики. С утра зашёл в кузницу заказать крест, затем к плотнику сделать гроб. Один день он попусту потратил на то, чтобы получить разрешение о её погребении рядом с могилой мужа. Власти из *Свинарника* так и не дали на это разрешения. Было принято решение найти место на местном кладбище возле церкви, недалеко от дома, где она жила. Настал третий день, день похорон…

Проводить Докицу в последний путь пришли местный священник с попадьёй, две женщины из церковного хора и несколько детей из местной школы. С большим трудом нашлись четверо мужчин, чтобы нести гроб на кладбище. День выдался пасмурным. Между могил на кладбище несколько сельчан наблюдало за процессией, негромко переговариваясь между собой о смерти старухи, трудившейся на благо леса. Филарет лишь сейчас понял, насколько опустело село. Словно видел репетицию своей смерти. Казалось, вместе с Докикой умерла и часть его судьбы. Он представлял себе, что и его проводят в последний путь в полном одиночестве, без людей, хотя у него и есть целая куча детей. Он вспоминал фрагменты бесед с Докикой и открывал для себя жизненные уроки, которых запомнил на всю жизнь. Как только священник накрыл покойную белой льняной плащаницей и побрызгал апаусом, гробовщики накрыли гроб крышкой, Филарету стало остро её не хватать. Он видел перед глазами мгновенья, пережитые вместе с Докикой. Они украсили его жизнь и наполнили её смыслом. Он слышал её советы, наставления. С ней жизнь казалась свободнее, легче, реальнее. На гроб падали комки земли, и Филарет чувствовал, как его моральная опора уходит от него навсегда. Неожиданно он разрыдался. Гробовщики и несколько женщин стояли в

недоумении: «Почему он плачет?» А он шептал «Натали, Натали… Где ты?! Господи, почему? Почему Докица? Почему Ландышевая Поляна?»

Он возвращался в лесную часть по пустой сельской дороге. Проходя мимо дома Апполинара понял, что он ему больше не приходится «добрым другом» как раньше. Сейчас он интересовался лишь американскими финансированиями и проектами, проводил много времени в столице. В эти краях, куда его загнала жизнь, у Филарета осталась лишь Натали.

8

В *Свинарнике* стояли танки и ракеты, нацелившиеся в сторону правого берега на Кишинёв. Солдаты с лентами Святого Георгия на груди патрулировали по зоне день и ночь. Русские заставили все дороги барьерами, поставили казаков, которые поделили Молдову на две части и натравили их друг на друга. По радио и телевидению передавали, что Москва не вмешивается во внутренние дела Молдовы. В скором времени со стороны *Свинарника* приехали дорожные службы и стали ремонтировать повреждённый в 1992 году мост, выложили асфальтом дорогу от Приднестровья до стройки на *Ландышевой Поляне*. Часть дороги отделили серебристой металлической сеткой. Новый путь обустраивался и обживался всё больше. На одинаковых расстояниях друг от друга установили палатки для русских солдат.

– Что это всё может значить? – спросил Филарет у Апполинара. Тот пожал безразлично плечами и спокойно ответил:

– Люди меняются, политики имеют свои проблемы. Мы лишь пешки в их играх, и нам лучше всего заниматься своими делами. Не будем лезть не в своё дело.

– А ты был в курсе всего здесь происходящего?

– Друг! – недовольно ответил лесник, – не я в ответе за всё это. Кишинёв меня поставил перед фактом. Выполняй свою работу и не старайся строить из себя революционера!

День и ночь на Поляне гудели трактора, экскаваторы, грейдеры и другая тяжёлая техника. Красота, подаренная природой, исчезала, превращаясь в огромную строительную площадку. Однажды утром Филарет пришёл на место работ, и был ошеломлён быстрыми темпами работ.

Бульдозеры собирали горы чернозёма, экскаваторы загружали в грузовики чёрную землю вперемешку с останками убитых людей 50 лет тому назад, и сбрасывали всё это в известковый обрыв у дельты Днестра. На Филарета никто не обращал внимания, как будто его там не было. Рабочие занимались обустройством участка земли. Филарет был потрясён происходящим. Он подбежал к грузовикам, угрожая водителям заряжённым ружьём. Его выходка, заставило механизаторов остановить машины.

– Прекратите это издевательство, – приказал им Филарет, представляясь помощником лесника.

– Мы тут ни причём, дядя, – сказал один из них. – Мы люди маленькие!

– Позовите вашего начальника, – приказал он.

– Нам сказано до завтра закончить работы, – сказал старший, выкурив сигарету, а затем сел за руль трактора. – У нас проект, план, а ты пришёл сюда и пугаешь ружьём.

Филарет сделал пару выстрелов вверх. Эхо выстрела разнеслось по лесу. Затем опять зарядил ружьё. Один из работников позвонил хозяину и рассказал о случившемся.

– Остановите работы! – приказал старший рабочий, затем обратился к Филарету: – Скоро подойдут военные крысы с того берега, а ты будешь объяснять, по какой причине мы приостановили работы.

Со стороны Днестра слышались выстрелы артиллерии. На свиноферме свиньи испугались, стали громко визжать. «Начались манёвры, – подумал Филарет. – Куда ни посмотри, везде одни свиньи!» С правого берега слышались команды на русском: «Вперёд, в атаку!» Вдалеке были видны танки, доносились глухие звуки выстрелов.

– Прошлой ночью в Тигине и Варнице установили пограничные столбы, – сказал один из рабочих, чтобы разрядить обстановку.

– Русские не хотят, чтобы мы вошли в Евросоюз, – добавил другой усатый дядька.

– Мы должны быть с Россией, там богатства! Они дают нам бензин, газ, а тысячи молдаван там работают и зарабатывают деньги. Чего нам ещё надо?! Нам Румыния не нужна…

Выстрелы с левобережья становились всё громче и чаще. Земля дрожала, на левом берегу были слышны крики женщин и детей. Филарет вдруг представил себе, как десятки лет тому назад на Ландышевой Поляне рас-

стреливали сотни людей, женщин, детей, стариков, и как их хладнокровно их убивали. Сквозь ветви леса и времени до него доходили крики людей, приказы военных, лай собак и звуки очередей. Он видел наяву своего дядю Андрея, который прятался среди кустов и наблюдал. Затем вспоминал, как на протяжении многих лет он с Докикой приходили и ухаживали за могилами, зажигали свечи по душам забытых судьбою несчастных. Даже была мысль воздвигнуть обелиск, но чиновники раскопали могилы экскаваторами и увезли останки в другое место. «Почему?! – спрашивал себя Филарет, неосознанно прижимая оружие к груди с намереньем мести. – Почему люди так быстро всё забывают?»

– Что это ещё эти казаки надумали? – спросил один из рабочих, он же и ответил: – Ничего не происходит просто так.

Через некоторое время прибыли три чёрных автомобиля в сопровождении таких же трёх, но белого цвета. На переднем автомобиле была включена мигалка. Четверо здоровяков в чёрных костюмах, белых рубахах и в тёмных очках подошли к приостановленной технике. Трое других типов – один худой и элегантный, второй – седоватый и здоровый, и третий – лысый, с сигарой, в сопровождении двух мужчин с папками с документами подмышкой, присоединились к ним.

– Какие-то проблемы? – спросил элегантный мужчина на русском.

– Местные власти, – сказал один из рабочих, указывая на Филарета. – Он заставил нас прекратить работы.

Один из приезжих, подошёл к Филарету приказав:

– Брось оружие, а то попадется тебе. Где твой начальник?

– Не смейте осквернять Поляну, – заявил Филарет. – Здесь находятся могилы убитых людей!

– Наши документы в порядке, скоординированы с правительством, позволяют нам делывать данные работы. Останки будут перенесены в другое место. Мы там установим обелиски! – пытался спокойно и сдержанно объяснить один них.

– Убирайся от сюда! – повторил другой, увидев, что Филарет даже не думает сдвинутся с места.

В следующее мгновенье сильный удар в затылок заставил его свалиться на землю. Он потерял сознание.

***

Он пришёл в себя в тёмной камере. Окровавленная голова была крепко обвязана тряпкой.

– Где я? – спросил он охрипшим голосом.

– На курорте, пацан! – услышал он в ответ голос бородатого мужика, который курил у решётчатого окна.

Взглянул влево, вправо, и увидел типов с татуировками на руках, на груди и ногах. Он сконцентрировался и вспомнил происшедшее в лесу. Придя в себя окончательно, Филарет осознал, что Апполинар Грицко может оказаться в неловком положении. А он сам рискует потерять работу, кров, зарплату… и даже Натали! Пострадают его дети, которых нужно содержать.

Голова сильно болела и кружилась. «Неужели я больше не вернусь домой, в то живописное место с библиотекой, телевизором, телефоном и двором с колодцем? Натали – искра. Она появилась как искра, и как искра исчезне. Кто ему поможет убежать от неприятностей? Неожиданно ему захотелось внезапно исчезнуть, уехать на край земли, где его никто не знает, и там умереть от инфаркта, как Докица, и никто не будет его искать. Просто бросят в яму, воткнут дощечку с номером.

И всё же он ощущал в себе жизнь. Сквозь грязное окно камеры он видел на улице солнечный осенний день. Над холмам нависло голубое небо, а внизу стояло село родительского очага, колодец на перекрёстке, около которого росли старые орехи. На крыльце стоял дядя Андрей, задумчивый, в чёрной рясе, переворачивая страницы Святого Писания. Вечерело, над местностью Липэгэу появилась луна.

Филарет чувствовал, что постепенно сходит с ума… Позже он пришёл в себя, а потом его провели в кабинет высокой и стройной дамы в полицейской форме. Это была прокурор.

– Вы покушались на убийство, и вы обязаны дать показания. Что вы можете сказать? – спросила госпожа прокурор и продолжила листать папку.

– Меня ударили со спины, я ничего не помню, – ответил Филарет.

– Тебя нейтрализовали. Ты целился в депутатов парламента, – объясняла ему прокурор.

– Я потребовал прекратить осквернение могил.

– Господин, – строго сказала прокурор, – я вас знаю ещё с времён,

когда вы появлялись на экранах телевизоров. Я даже была вашей ученицей, но не думала, что вы на такое способны.

На следующий день в полдень Филарета в наручниках доставили в зал заседаний и посадили в железную клетку. В зале присутствовал Апполинар Грицко, другие люди, среди которых он удивлённо заметил Натали. Седовласый судья в чёрной мантии при участии прокурора и адвоката рассматривал его дело. Судья предложил Филарету рассказать о происшедшем, и он стал рассказывать о судьбе Ландышевой Поляны.

– Ты каешься в содеянном? – спросил его судья, затем, не ожидая ответа, предупредил: – Никогда не переходи дорогу депутатам. Они слуги народа. Это, во-первых, а во-вторых, у них есть все документы на строительство. К счастью, депутат Тудор Дарадайку написал ходатайство, чтобы тебя освободили. При твоём дерзком характере никто из депутатов не желает тебя посадить в тюрьму.

Господин судья приказал охране: «Филарета Инеряну – освободить!»

Он вышел из железной клетки, с него сняли наручники. Кто-то посадил его в автомобиль, который направлялся в сторону леса. Филарету не верилось, что рядом с ним сидела Натали. Она больше всех радовалась его освобождению. Он держал её за руку до её дома, где она вышла и проводила его улыбкой, стоявшей перед глазами Филарета до самого леса.

– Я могу вернуться в мой дом лесника? – спросил он Апполинара Грицко, когда увидел, что именно он сидит за рулём автомобиля.

– Вернёшься, – успокоил тот Филарета. – Госпожа Натали заступилась за тебя в министерстве. Но чтобы ты больше никогда не конфликтовал с депутатами!

Лесная часть жила в его ожидании: кони в загоне, кормушки оленей, трава для сенокоса. Лесник отдал ему связку ключей, пакет с продуктами и бутылку водки:

– Моя жена тебе приготовила вкусности, крепни. – А на прощание он ему напомнил: – Благодари женщину, что тебя спасла, – имея ввиду Натали.

Филарет остался один. С Поляны доносились звуки работающей

техники и голоса рабочих: – «Вира, Майна!» Войдя в дом, он зажёг свечу и долго разглядывал 10 фотографий своих детей, лежа на кровати. В душе накапливалась горечь, свеча направляла пламя к потолку, а перед глазами витал образ Натали. Он знал, что она написала ему несколько писем, но из уважения к ней он привёл себя в порядок. Побрился, помыл голову, одел нарядную одежду.

На следующий день пошёл проверять двор, кормушки неподалёку, а когда сел в седло, чтобы пойти ехать на дальние кормушки, услышал сигнал джипа от пасеки. Утреннее небо покрылось тяжёлыми тучами, предвещавшими дождь. Ему не хотелось говорить, он шёл своей дорогой, но вскоре автомобиль остановился рядом с ним, и Ирис выскочила из него. На лице сохранились следы беременности: большие коричневатые пятна, измученные глаза. Она начала говорить:

– Наша семья тоже не приветствует и даже против постройки коттеджей на Поляне, но мы не смогли ничего сделать. Мы вынуждены перенести пасеку на другое место. Без Поляны пчёлы не выживут.

– Ты чего хотела? Я занят, – сказал он. После всего, что было, он не хотел её слушать.

– Мне очень жаль, что произошло у вас с моей матерью, и я хочу извиниться за неё. Я не хотела вас обидеть. – Ирис говорила быстро, словно спешила выговорить всё до мелочей.

– Поторопись, дождь собирается…

– Возьми эту гитару, прошу. Все равно мне она не нужна, может быть, кто-то захочет научиться играть, – пробормотала Ирис. Затем завела машину и уехала.

Филарет вернулся домой лишь к вечеру, вспомнив, что он не ел ни крошки целый день. Сел за стол и выпил рюмку, затем набросился на сармале – голубцы из виноградных листьев – и на запеченную курицу. Начался дождь. Он стучал в окно и по гитаре под открытом небом у ворот. Алкоголь привёл его в приятное состояние. Он вдруг почувствовал себя свободным, сердце словно воспламенилось, и он подошёл к компьютеру. Невидимая рука стирала все заботы мира. Он остался только с Натали. Он писал ей любовные, искренние письма и хотел верить, даже был убеждён, что из всех его женщин именно она будет сопровождать его по жизни до последнего вздоха.

9

Апполинар Грицко закончил постройку дома и занимался бюрократическими проблемами с чиновниками. Они осматривали участки в лесу с целью их дальнейшей приватизации и присоединения к строящимися коттеджам. Несколько раз Филарет пытался завязать с ним беседу:

– Лес нам оставили предки. Мы обязаны его сохранить.

Лесник воспринимал его слова как пережитки прошлого и был в полном недоумении от них.

– Ты поосторожней, – предупредил он. – Не забывай, с каким трудом мы тебя вернули в лес. Твой долг выполнять, что требуется. – Затем добавил: – Всю жизнь я тебя знаю как хорошего человека, но теперь я вижу, что ты довольно упрям.

Слова Апполинара звучали как приказ, намекая, чтобы Филарет держал свой рот на замке, если желает иметь рабочее место и крышу над головой. Было понятно, что лесник замешан во всех этих делах. Он приобрел выступающее место в центре села и построил себе дворец из белого кирпича, поднял башни и зубчатые стены. В кузнице, которая давно была его собственностью, он заказал огромные ворота из чугуна, украшенные жестяными вставками цвета меди, поднял высокий забор. Во дворе посеял траву, посадил декоративные деревья, несколько рабочих из Приднестровья, пригнав технику, строили бассейн у него во дворе. Его жена каталась, как и он сам, на автомобиле с затемнёнными стёклами.

– Наш начальник продался! – вспоминал он слова Докики в адрес лесника. – На него посыпалась манна небесная. Смотри, как он меняется на глазах!

А совсем подавленным Филарет себя почувствовал, когда Апполинар Грицко взял на работу бухгалтером мать Ирис. Эта женщина имела скверный характер, всегда сплетничала и каждый раз, когда встречала Филарета, говорила ему свысока:

– Не думай, если был в столице начальником, здесь кто-то будет с тобой нянчиться!

Из-за неё в лесной части царила напряжённая обстановка. Часто приходила инспектировать загон, кормушки, сеновал. Казалось, что даже собственный муж боится её. Как-то раз пасечник навестил Филарета и принёс ему воск для свечей.

– Мы уходим отсюда по вине моей бабы, – сказал низкорослый мужчина в соломенной шляпе.

– Благодарю за воск, – ответил Филарет. – Я зажгу свечи в память об усопших.

– Жаль, что бандиты разрушили Поляну, пчёлам здесь уже не место. Переносим ульи на дальний холм, но пчёлам там не будет так хорошо, как им было здесь.

Филарет не слушал пасечника и не заметил, как тот ушёл. Он ждал Натали с чувством наступающего праздника. Он увидел её в ситцевом, цветастом платье. В одной руке она несла пакет с плациндами, а в другой руке – два мороженых. После еды они решили прокатиться верхом по лесу, запрягли коней и поскакали далеко в лес. У заслона, установленного солдатами на шоссе, которое вело к постройкам на Поляну, вооружённые люди с автоматами проверили их документы, затем позволили пройти дальше. Вскоре они поднялись на вершину холма, прошли сквозь папоротник, который разросся по всему холму, и очутились на поляне возле озера с кувшинками. Натали намочила ноги в холодной, прозрачной воде. Подняла руки и стала танцевать лицом к солнцу.

– Сегодня у нас будет фотосессия, – сказала она.

У неё была страсть к фотографиям и к селфи, как она это называла. Распустив светлые волосы, она стала собирать цветы и травы и бросала их вверх на ветру, счастливо улыбаясь. Филарет запечатлел это объективом фотоаппарата. Они радовались как дети. Скакуны паслись, а они фотографировали друг друга в разных позициях… Кончилось это тем, что они оказались на мягкой траве. Её красивая грудь, вызывала у него головокружение, а полуоткрытые губы целовали и шептали «Иди ко мне...» Когда страсть утихла, они долго лежали неподвижно.

– Сегодня мы прошлись по прекрасным местам, и в это место дошли, – говорила она, открыв мечтательно глаза. – Сквозь оттенки разных цветов мои глаза и мысли отказывались видеть следы нечисти. Мне захотелось только чистоты и красоты весны, потому что в городе такого не увидишь и не прочувствуешь. Я понимаю, что живу и чувствую благодаря тебе. Я пережила прекрасные мгновенья, но всё быстро проходит, – произнесла она с искоркой в глазах.

– Прекрасные мгновенья не забываются. Я не думал, что проживу заново такие чувства рядом с влюблённой женщиной.

– Ты аппетитный, мужественный! Знаешь, как ценить женщину. Умеешь любить! Ты только не думай, что я гулящая.

– Не говори так, ангел мой, – закрыл он её рот поцелуем. – Такие мгновенья редко происходят в жизни. То, что мы с тобой делаем, называется любовью, и это, приносит счастье!

– Знаешь, почему ты меня так быстро покорил? – спросила она, глядя на него своими большими глазами. – Ты появился как раз тогда, когда я уже не чувствовала ничего к моему мужу. Я была в замешательстве, была напугана и ослаблена.

– Человека, который любит и любим, Бог носит на руках! Ты забываешь о плохом, чувствуешь себя свободным, словно у тебя выросли крылья, и у тебя нет страха высоты.

– Ты меня пробудил к жизни, – перебила она его. – Не думаю, что когда-то мне захочется покинуть твой мир.

– Мне хочется, чтобы именно так и было, – прошептал он. – Прошлой ночью я читал книгу о жизни Девы Марии, и узнал, что у неё волосы были светлые, как у тебя…

– Брось это! Мы простые смертные. – Натали оделась, поправила волосы, собрала цветы и сплела из них венок, затем одела его на голову Филарету. – Мне кажется, я никогда ранее не ощущала столько нежности, как сегодня.

– Время пролетело неимоверно быстро. Наступили сумерки.

Филарет пригнал коней, помог ей сесть в седло. На пересечении полян они остановились. Сквозь ветви заметили, что у ворот лесной части в ожидании стояли загруженные грузовики. Натали вдруг подумала, что кто-то может о начать о ней сплетни и неприятные разговоры, но отмахнулась:

– Неважно, что обо мне скажут. Моя жизнь насыщена! Я чувствую это!

Они расстались. Их жизнь была сейчас похожа на сказку. Кони, колодец, грузовики, цветы и объятия на траве – всё исчезло в сумерках. Звёздная ночь несла уединение, в которое лишь любимая женщина может войти. Везде звучали мелодии детства.

Всю ночь напролёт они писали друг другу письма по Интернету.

10

На следующий день Филарет прошёл заставу контрольно-пропускного пункта. В некоторых местах в лесу он заметил следы кабанов и изобилие желудей у подножья дубов. Когда скакал мимо Ландышевой Поляны, заметил, что конь стал беспокойным. Лесной шорох деревьев вскоре сменился шумом голосов людей, которые устроили застолье: недалеко от места работ у старой липы он заметил импровизированную беседку из белой ткани, где за обильным столом сидели люди в нарядных одеяниях. Около беседки было много людей в позе телохранителей веселящегося народа. Он не приходил сюда с тех пор, как произошёл конфликт с рабочими, и теперь деревья и кустарники на Поляне и еще несколько гектаров вокруг были полностью вырублены. Вырубка не прекращалась. Деревья валили с помощью электропил, затем складывали в штабеля. Краны загружали кубометры дров в грузовики, увозивших их в сторону города. Бульдозеры и экскаваторы рыли котлованы, траншеи и канавы, везде стояли цистерны с гудроном; лежали строительные материалы, на высоких столбах протянули электрические провода. От Днестра из *Свинарника* приезжали грузовики, полные щебня, песка и кирпичей. На нескольких вывесках били эмблемы фирм, и на русском языке указана их принадлежность компаниям из Рыбницы и Тирасполя. На стройке копошились люди в хаосе, подобном тому, что творился в Вавилоне во времена строительства Вавилонской Башни, описанной в Святом Писании.

– Какая встреча! – услышал он вдруг знакомый голос. За столом в беседке, рядом с другими товарищами, сидел Тудор Дарадайку, а на груди у него был приколот значок депутата парламента Республики Молдова. В той элегантной компании он разглядел и Ивана Пологова с огромным животом на котором лежал галстук. Во главе стола сидел важный гость с еврейской кипой-ермолкой на голове.

– Слуга народа! – непроизвольно произнёс Филарет, слезая с коня.

– Присоединяйся к нам, революционер! – пригласил его Пологов за стол, указывая жестом телохранителю, чтобы тот позволил ему пройти.

Тудор Дарадайку, в костюме и в галстуке синего цвета – цвета партии, в которой он состоял, неожиданно остановился, доброжелательно прищуриваясь:

– Я знаю, лес – твоя стихия! Когда случился недавний инцидент, решил тебе протянуть руку помощи как старому знакомому.

Филарет, вместо благодарности, удивлённо спросил Ивана Пологова:

– Ты тоже строишь себе здесь коттедж?

– А что в этом плохого, уважаемый? – услышал он голос, знакомый ещё со студенческих лет. – В эти живописные места приедут иностранцы и принесут валюту в страну.

Человек с ермолкой на голове, худощавый, с изогнутым носом, в костюме особой выкройки, слушал перевод слов Пологова, затем поднялся и подошёл к ним, желая принять участие в дискуссии.

– Я родился в Бельцах, – сказал он на русском языке, – и я остался патриотом Молдовы, – затем протянул ему руку.

– И как все евреи из Молдовы, вы не хотите разговаривать на нашем языке, -ответил Филарет, не обратив внимания на приветствие.

Еврей поправил ермолку и уточнил:

– Я приехал из Израиля, чтобы принять участие в развитии родного края! Я люблю Молдову, её обычаи, мамалыгу и жаркое! Я думаю инвестировать в постройку шоссе от Днестра, чтобы берега снова были воссоединены.

Филарет, стоя рядом с конём, молча слушал еврея, затем повернулся уходить, но Тудор Дарадайку пошёл за ним, жестом показывая сидевшим за столом, что ему нужен перерыв, и пошёл по тропе рядом с Филаретом. Они отошли от беседки на приличное расстояния и остановились среди старых дубов.

– Я давно хотел с тобой поговорить, – сказал Тудор. – Мы с тобой знакомы давно, но ни разу не беседовали с глазу на глаз.

– Вы все с ума посходили, – почти крикнул Филарет, указывая взглядом на людей в беседке, которые издалека казались размытыми фигурами. – Как вы смеете строить себе дворцы на останках?

– Успокойся, – сказал Дарадайку, принуждая его войти в лес как можно глубже. – Ты слишком сентиментален. До того, как начать стройку, мы пригласили самого Митрополита Молдовы. Он прочитал молитвы и благословил наши начинания. Останки были перенесены в другое место, и мы там установим обелиск.

Тропа вела вверх до ограждения из металлической колючей проволоки, а там начиналось шоссе между низиной Днестра и коттеджами на Ландышевой Поляне. Он заметил проезжающий военный грузовик с гербом

России, накрытый брезентом. Филарет поднял голову вверх, словно никого не было с ним рядом, смотрел на серое небо, на тяжёлые, тёмные тучи. Он чувствовал возмущение, но был беспомощен и не понимал, почему этот тип решил его сопровождать. И ещё он заметил, что для возвращения в лесную часть, ему нужно пройти по той же дороге рядом с беседкой, где веселился народ. Он понял, что дорога стала своего рода границей в лесу.

– Почему русские опять нас оккупируют? – спросил Филарет. Ему захотелось врезать Тудору как следует, но он сдержался.

– Чем с румынами, уж лучше с русскими, – резко ответил Дарадайку.

– Румыны у себя дома…

– Эта наша молдавская глупость. Мы не хотим понять, что Россия здесь навсегда и, хотим мы этого или нет, не сможем без неё существовать. *Россия-матушка* — это мировая сила, а мы всего лишь немощные букашки. Правду сказал тот, который сказал, что сильные страны ведут себя как бандиты, а малые страны как проститутки! Если мы не будем на стороне Москвы, то на нас нападут румыны! Ты не знаешь, что говорили наши прадеды, как вели себя эти короли с бессарабцами.

– А Поляна тут вообще при чем? – спросил Филарет.

– Это место выбрали эксперты из столицы и из Тирасполя при содействии лесника. Оно подходит по всем параметрам. Здесь будет построена и летняя резиденция Президента страны. Нам нужны инвестиции, чтобы поднять экономику. Вникаешь?

– Нет.

– Мы хотим тебя назначить начальником гражданской охраны объекта. Солдаты будут следить за наружными делами, начиная от реки и дальше по маршруту, а ты будешь начальником охраны внутри объекта.

Они остановились у перекрестка. Филарет сильно сжимал в руке упряжь коня. Он был в недоумении от услышанного.

– Кто бы мог подумать!

– Так ты согласен или тебе нужно время, чтобы обдумать наше предложение?

– Нет, не нужно, но я взвешу ваше «любезное предложение», – ответил Филарет, лишь бы избавиться от собеседника.

– Ладно-ладно. Давай вернёмся.

Они вернулись к беседке. В толпе гостей Филарет заметил и бывше-

го президента Молдовы в форме генерала КГБ. Компания всё увеличивалась. Некоторые курили, а генералы внимательно слушали бывшего президента. Вот появился и Апполинар Грицко, внимательно прислушиваясь к беседам и услужливо улыбаясь. Дарадайку оставил Филарета и присоединился к своим. Филарет стоял неподвижно, сам не понимая, что это – вечеринка или встреча на высоком уровне. Мужчина в ермолке налил стакан коньяка и протянул Филарету:

– Выпьем за здоровье! – сказал он на румынском.

– Спасибо, я не пью, – спокойно отказал Филарет.

– Это как раз то, что нам нужно! – обрадовался тот, перейдя снова на русский. -Охрана наших коттеджов нам обеспечена.

– Уважаемый, а вы еврей? – неожиданно спросил его Филарет.

– Я жид из Израиля! – иронично улыбаясь, сказал он на румынском.

– Шалом! – поздоровался с ним Филарет. Он сел в седло и с горечью произнёс, смотря прямо в глаза типу в ермолке: «На Ландышевой Поляне во время войны были застрелены и захоронены люди только потому, что родились евреями!

– Он хорошо историю знает, он был библиотекарем! – услышал Филарет позади себя реплику Ивана Пологова.

– Он хорошо подкован! – подтвердил Тудор Дарадайку. – Но теперь у него даже семьи нету, хоть и имеет кучу детей… Живёт тут в лесу совсем один!

Филарет, потеряв рассудок, сказал:

– Побойтесь Бога! Зачем вы жжете книги, строите дворцы на могилах предков? Он посмотрел в сторону типа в ермолке убийственным взглядом, вспомнил знакомые слова на идиш, выученные ещё в детстве, и обратился к еврею: *Nar!* (Глупец). *Zost zain farşoltân!* (Будь ты проклят). Кому мы теперь отдадим ключи от кладбища, сторожу у ворот?!

Среди приглашённых начался шум, но Филарет не ожидал от израильского гостя никакой реакции, поэтому поскакал к месту свалки останков на Поляне.

Вечерело. В сумерках он увидел множество разбросанных костей, словно спички, выпавшие из коробка. Картина была жуткой, прискорбной. Кругом была тишина, но он не спешил уходить. Никого не хотел видеть…

Домой он пришёл уже ночью. Отвёл коня в загон, зашёл в дом и зажег толстую свечу из воска, которую принёс ему пасечник. Стал смотреть, как

горит пламя, а струйка чёрного дыма поднимается к потолку. Через мгновенье подошёл к компьютеру и написал Натали. Долго ждал ответа, но она не писала, и он уснул глубоким, беспокойным, полным кошмаров сном.

11

На Ландышевой Поляне коттеджи олигархов и другие строения появлялись как грибы после дождя. На Днестре, со стороны *Свинарника*, были построены пирсы. По огороженной проволокой проезжей части постоянно ездили грузовики. Ежедневно бронетранспортёры с российским гербом возили вооружённых казаков, строивших на обочинах башни. На некоторых склонах установили мощные усилители.

Апполинар Грицко, всегда находившийся на строительной площадке Поляны, через несколько дней после разговора Филарета и Тудора Дарадайку встретил его на лесной тропе. Поздоровался с ним, не выходя из машины, и спросил:

– Ты чего это посмел капризы свои выставлять напоказ? Эти люди хотели назначить тебя на хорошую должность, а ты чего добился? Сам себе навредил... Ты инспектируй своих оленей, и не лезь, куда не следует! Зачем тебе нужно было говорить еврею о могилах, когда он выделил кучу денег на проект?!

– Всё равно он узнал бы правду позже от других людей.

– Правду? Несчастный, когда речь о деньгах, кому она нужна? Этот еврей самый крупный импортёр чернозёма, он берёт его из наших лесов! Ты хоть понимаешь, сколько денег Молдова зарабатывает, благодаря ему?

– Меня это мало волнует! Ты меня уволишь?

– Успокойся, еврей за тебя заступился, – сказал лесник более спокойным тоном. – Но ты не входишь в наш круг доверия. Мы хотели тебе дать хорошую перспективу, стать начальником, получать достойную зарплату и пенсию.

– Ты уже с ними?

Апполинар Грицко сделал вид, что не слышит вопроса и продолжил:

– После твоих фраз на еврейском жид покраснел, на его глазах были слёзы! Перед тем как уехать, он умолял нас оставить тебя в покое! – Лесник завёл двигатель, затем посмотрел на Филарета. – Пусть ты и вляпался, тебе ещё и везёт.

– Какая же это для меня честь!

– Ладно тебе иронизировать, иди работай! За Натали лучше присматривай, она баба, что надо!

После этого разговора Филарет стал равнодушным ко всему. Он ходил лишь к месту, где валялись останки захоронений. Прямо на том месте он вырыл две ямы недалеко друг от друга. Собрал черепа и кости. Их было много, и он вдруг подумал, что их даже больше, чем их было на Поляне. Раньше он бы не посмел дотронуться до костей, но теперь делал это с чувством, что дотрагивается до душ этих несчастных. Увидел бы его кто-то за этим занятием, подумал бы, что он не в своём уме, но Филарет был счастлив продолжить дело своего дяди Андрея. Он сложил две горки на краю склона. Это место было на возвышении, даже походило на нос корабля, готового сразиться с волнами и врагами. Несколько дней шли проливные дожди, а когда вышло солнце, место казалось ледником. По известковым краям обрыва стекали чёрные ручейки. Они казались чёрными слезами, а после дождей там появились белые цветочки, словно бабочки.

В сельской кузнице Филарет заказал железный крест, который думал поставить у изголовье одной из общих могил. Крест был большим, и был виден со всех сторон.

Он жил с чувством выполненного долга, душа его была спокойна. Вдобавок, Бог послал ему особенную женщину. Он с ней ежедневно общался по телефону, а вечером обменивался электронными письмами.

Они стали чаще встречаться. Натали призналась ему:

– Мой дорогой Филарет! Ни одна женщина не решится на измену мужу, если он даётей то, что нужно. Я своего мужа любила, терпела и жертвовала собой. Теперь осталась только привязанность к нему, потому он отец моей дочери.

Натали приезжала к нему в лесное хозяйство как на праздник под предлогом оформления документов. Ей хотелось как можно дольше задержаться в доме книг и цветов.

– Влюблённая женщина – как вулкан. Её не остановит даже воля Божья, – говорила она.

– Смотри, чтобы твоя семья не пострадала, – пытался как-то приземлить её Филарет. – А что если муж узнает?

– Мне всё равно, – говорила она, прижимаясь к его груди.

– Если ты будешь страдать, мне тоже горько будет.

– «Любовь, она и есть страдание». Я это где-то прочитала.

Красивое тело женщины сводило его с ума. «Оно украшает мой дом вместе с изображениями детей, икон и книг». Он хотел прожить жизнь, как желала этого Натали.

– Если бы мне было сейчас 35 лет, я бы никогда тебе не позволил вернуться к мужу.

– Что бы ты тогда со мной делал? – спрашивала она, играя шаловливым взглядом.

– Я бы не расставался с тобой ни на мгновенье.

Их притягивало письменное общение по интернету. Филарет не ощущал усталости после бессонных ночей. Он успевал ухаживать за кормушками оленей, косить сено на делянке и сбивать его в кучи, собирать лекарственные растения. Он вёл счета для сдачи посадочного материала, зная, что бухгалтерша только и ждёт с его стороны какой-либо ошибки и всегда ходила чернее ночи. Однажды они остались с ней наедине в кабинете, и она ему открылась, к его удивлению:

– Я совершила ошибку, когда отдалила тебя от Ирис. Ты умён, благоразумен, пусть ты слишком зрел, чтобы стать мне зятем, но я бы не противилась этому. Ты согласен продолжить учить мою дочь игре на гитаре?! Я согласна. Знаешь, у неё уже есть ребёнок.

– Оставим шутки, – злобно ответил Филарет. – Моя биография не помойка, – затем спокойно добавил: – Ирис будет хорошей матерью и без моего участия!

– Но где её счастье? – с грустью сказала женщина. – Я бы его купила, знать бы где оно продаётся, отдала бы всё своё состояние за него…

Филарет не придавал значения жалобам женщины. Он вышел, сел в седло и галопом понёсся в лес. Его мысли летали от счастья, ведь Натали устроилась на работу по обустройству территорий вокруг коттеджей на Ландышевой Поляне. С каждым днём Филарет замечал, что она несколько другая, но старался отгонять от себя плохие мысли. Прошла весна, затем лето, а она, приходя к нему, предпочитала прогулки верхом и фотосессии на фоне деревьев, кустов и жёлтых листьев. Филарет всё чаще замечал на её лице следы скрытых мыслей. Его интуиция не подводила, но он не хотел

думать о том, что любимое им создание может измениться. Он не смел её ни о чём расспрашивать, зная, что она сама всё расскажет, когда сочтёт нужным. И в один день она ему открылась:

– Муж узнал о нашей с тобой переписке. Он поставил мне ультиматум, и я думаю, нам нужно быть осторожнее, нужно удалить контакты и больше не звонить друг другу.

– Как же мы будем общаться?

– Я буду звонить тебе с чужого номера, когда соберусь приезжать.

– Хорошо, любимая.

В начале осени стройка подошла к концу. Как-то раз он залез на высокий дуб и смотрел в бинокль в сторону коттеджей, стараясь охватить весь периметр построек. Он увидел, что было построено за высокими белыми заборами: там был целый современный городок со сложными постройками, беседками, зелёными лужайками, бассейнами, ипподромом и парковкой. На высоких башнях забора были развевались на ветру флаги России, Молдовы, Украины и Израиля. Такие же знамёна висели и на высоких столбах у входных огромных ворот. Их охраняли солдаты, вооружённые автоматами Калашникова. В определённое время они менялись на посту и строго смотрели на Филарета, когда тот предъявлял корочки помощника лесника.

– *Начальники* из столицы меня предупредили, – сказал Апполинар Грицко, – что никому не позволено близко подходить к коттеджам. Мне тоже не позволено, кроме случаев, когда приглашают спецслужбы. Это стратегический объект!

Филарет старательно выполнял, что было в его силах. Скоро крест будет готов, и он установит его в изголовье одной из двух могил. У изголовья еврейской могилы будет стоять *менора – семисвечный светильник*, но денег на него пока не было. Он написал несколько запросов в Еврейскую общину в Кишинёве, но ответа не получил. Он попросил Натали зайти в центральную синагогу. Там ответили, что нет средств на подобные мероприятия. Безразличие его не обескуражило, и Филарет решил лично присматривать за еврейской могилой. Он пытался найти своих друзей-евреев детства, но безрезультатно. И тогда он сказал себе: «Люди стали равнодушными. Раны войны заживают и забываются. Возможно, человечество готовится к новой мировой войне. Или дети думают, что рассказанное

родителями и стариками – выдумки? Может быть убийства, репрессии, голод вовсе не произошли?»

В его селе в своё время было много ветеранов войны Второй мировой войны 1941-1945. Некоторые воевали на румынском фронте, другие на русском. Теперь большинство из них мертвы, а их память со временем исчезает. Какое будущее для нас строят те, которые готовятся к новой войне, прячут в лесах и под землёй ракеты и бомбы, угрожают миру миллионов мирных жителей? «Какое же опасное животное человек, – заключил Филарет уже не в первый раз. – С древних времён и по сей день вооружается, чтобы разрушить природу и себе подобных! Может быть, инопланетяне их остановят от разрушения планеты? На земле все находится в движении, и всё меняется, все имеет свой конец, но во всей это суете люди враждебны друг другу. Некоторые жаждут доминирования, создают империю за счёт притеснения других народов, воображая, что они Боги на земле». Он вспомнил об истории России и сказал себе: «Русские нападали на многие территории, которые им не принадлежали. Но всегда, когда берёшь что-то чужое, история заставит тебя вернуть украденное! Правительство Кремля будет вынуждено вернуть территории и ответит за содеянное в день Божьего суда. Это будет самым чёрным периодом в их истории, потому что не существует другого способа наказания…»

«Каждый народ должен свободно выражаться и развиваться, пусть не всегда имея возможности, как другие большие народы. Существуют музыканты, не знающие нот, но они гениальные композиторы. Пусть в каждом из нас живет и ангел, и демон, мы обязаны находить своё место в жизни в вечном движении к этому».

Он спрашивал себя, что заставило его оставить город и обосноваться в лесу. Филарет не всегда находил ответы, но появилась Натали, а вместе с ней и уверенность в себе. «Я был достаточно решительным в прошлом, иногда спотыкался из-за женщин, но в целом убеждён, что приносил людям пользу». Погружаясь в свои мысли, он убеждался, что принял правильное решение, заботясь о сохранении памяти убитых в прошлой войне. В детстве он внимательно слушал рассказы деда о тех или иных захороненных людей, вспоминал и хорошее, и плохое. Каждый из нас творил и добро, и зло, но он старался видеть только хорошее. Это целое искусство: уметь разглядеть в человеке хорошее и доброе – в живом или в мёртвом.

Перед его глазами стояла череда многих знакомых и друзей, которые из-за возраста или болезней покинули этот мир, и он был убеждён, что каждый из них оставил на земле добрые дела. Он вспоминал лишь хорошее. Может быть, поэтому он решил ухаживать за могилами. После смерти люди тоже нуждаются в уходе. Усопшие видят сверху всё, что мы творим на земле.

С дороги, огороженной колючей проволокой, доносились звуки двигателей бронетранспортёров, которые приезжали с левой стороны Днестра, от села Свиньи и до Ландышевой Поляны. Местные жители и даже чиновники из Кишинёва гадали, что происходит на стороне, контролируемой Россией, которая, словно кинжал, торчала в хрупком теле Бессарабии. Появилось множество частных телевизионных и радио компаний, которые оскверняли и унижали румынскую нацию, а русскую – возвышали и снова поднимали на уровень старшего брата. Если чиновник из Бухареста заявлял о кровной связи разделённого народа в 1812, Россия сразу начинала агрессивно нагнетать атмосферу тем, что Молдове грозит националистская инвазия – экспансия извне – и что между Прутом и Днестром происходит румынизация. Эти враждебные действия были очевидны, но кишинёвские чиновники делали вид, что они ничего не замечают и никак на это не реагировали.

Мысли об этом и беспокойство казались ему лишними, и он решил, что только время всё расставит по своим местам. Он выбирал книги для чтения, думал, как эффективнее жертвовать собой ради любимой женщины. Проводил длинные вечера в одиночестве перед монитором компьютера. Он писал Натали письма и напоминал о скучной жизни без неё; по-детски радовался, когда получал ответ, и печалился, когда желанное сообщение не приходило. Его часто мучал вопрос: может ли женщина намного моложе влюбиться в него без памяти? Он вновь хотел прожить счастье молодых лет: красивые черные, как ночь, волосы, тело спортсменки и хорошее положение в обществе. Молодые жаждают любви. Оказывается, пожилые тоже.

Сейчас, переживая заново любовь, он смотрел на вещи несколько по-иному. Даже история с Натали была нарушением правил. Он перечитал много романов об отношениях между людьми с разницей в возрасте, но до сих пор принимал это как выдумки писателей. Теперь ему лично приходилось балансировать между реальностью и вымыслом, и он получал от этого истинное наслаждение. С тех пор, как сложились отношениях с Натали, он стал перечитывать книги молодости, выписывал высказыва-

ния и употреблял их в беседах. При встрече с ней он удивлял её своими кулинарными способностями. Он перестирал личное и постельное бельё, занавески, аккуратно разложил полотенца в шкафу, ежедневно проветривал помещение. Он приобрёл новую гитару и напевал песни, выученные в студенческие годы и в годы работы в библиотеках. Он начинал свой день молитвой перед иконой, пользовался духами и одевал чистую одежду, чувствуя себя при этом намного моложе. Он хотел быть приятным Натали.

Реальность была с ним совсем рядом, и ему казалось, что лес прячет новые тайны, а судьба украдкой взывала к добропорядочности. По собственному опыту он знал, что счастье и добро не длятся бесконечно.

В один из дней он инспектировал склон, где находилась пасека, и увидел там Ирис, которая приехала на своём серебристом джипе и привезла рамы для ульев. Он думал незаметно уйти, но его остановили и попросили остаться. Нерешительно подошёл к машине, заметил худобу и углублённые в орбиты глаза Ирис. От её красоты осталась лишь бледная тень. Она заметно недосыпала. В салоне он заметил хныкающего младенца.

– Мальчик или девочка?

– Мальчик, – потухшим голосом ответила Ирис.

– Ты теперь мать. Ты должна быть счастлива! – Филарет решил быть снисходительным.

В ответ Ирис разрыдалась: – Ребенок родился с синдромом Дауна, а его отец ушёл к другой! Когда найду его, я оторву ему голову.

Её глаза излучали столько ненависти, что хватило бы на весь лес. Филарет сел в седло, чтобы уехать как можно быстрее, но Ирис крикнула ему в след:

– Женщина, которую ты сейчас любишь, не будет тебе верна.

Удалившись от пасеки, Филарет прошёл вдоль забора построек на Поляне, и размышлял о разговоре с Ирис. «Каждый из нас проходит собственный путь к счастью. У каждого оно своё, зависит от времени, от окружения. Никто не в состоянии объяснить будущие перемены в душе. Душа безгранична, её преследуют чудеса, а я должен жить дальше, даже не сумев защитить Поляну. Я буду радоваться тому, что у меня есть – лесу и Натали».

Вечером, вернувшись домой усталым, он проверил почту, но не нашёл письма. В последнее время Натали писала редко, а он писал часто, как всегда. Видимо, произошло что-то серьёзное. Вдруг он ощутил дикий голод.

Запёк картофель в духовом шкафу, сварил перловки с овощной поджаркой и поел с удовольствием. Немного отдохнул, затем посмотрел выпуск новостей по телевизору, заварил липового чаю и сел за компьютер в думах о любимой женщине. Он был доволен, что Натали принимает его таким, какой он есть, будто они знали друг друга целую вечность. Он представлял себе, что он молод и полон сил. Натали не укоряла за его прошлое. Её отношение к нему совпадало со строками в письмах: «Все происходящее со мной сейчас пришло своевременно. Моё замужество — это драма, я чувствую себя заложницей рядом с мужем, а вот рядом с тобой я нашла то, чего мне дома не хватает».

Накануне ему выдали зарплату, и он поспешил спуститься в село в почтовое отделение, чтобы перевести деньги детям. Начальница отделения, которая всегда хвасталась тем, что выращивает дома разные цветы, записала на чеках, кому и какую сумму перечислить, а потом вдруг стала его хвалить:

– Какой же вы молодец! Вы всегда стараетесь ради детей, ведь они наши цветы жизни! Но всё же я вам сочувствую! – сказала она. Ей хотелось чего-то ещё добавить, но она сдержалась.

Вернувшись из села, он увидел, что к нему приехали сыновья Даниел и Виорел, с ними приехала и Новелла, как всегда, одетая в модное платье. Бывшая жена поправилась и выглядела немного величественной. И лишь её мягкий голос, лицо и глаза напоминали о её давней красоте. Она любила грибы, и он помог ей набрать полный багажник сморчков и опят. Затем прокатил сыновей верхом по лесным тропам. В другой день неожиданно появилась Марта с сыном Раду. Сын предпочёл играть за компьютером, пока они проехались верхом по лесу. Марта, заметив золотистую башню церкви, перекрестилась, еле удерживаясь в седле, и обратилась к Филарету:

– А ты неплохо ведёшь свою холостякскую жизнь, *сволочь*! Свежий воздух! Цветы!

– Ну вроде того, – ответил Филарет, усмехнувшись.

– Признайся, хитрец, ты иногда тут заигрываешь с кем-то из сельских девушек?

– Почему из сельских?

– Я знаю, что ты любитель молочных продуктов. Наверняка, одна из них заходит принести тебе творог, простокваши, сметаны?

– Да ну тебя…

– *Сволочь*! – Марта добродушно улыбнулась. – Неужели в тебе потух вулкан!?

– Ещё неизвестно, – весело подшутил Филарет.

Посещения близких не участились, и лишь со стороны казалось, что в лесную часть приходит много народу. Филарет давно научился всё делать самостоятельно и жил по своим планам. Внимание спадало вместе с завершением строительства на Ландышевой Поляне. Он говорил об этом роскошном месте, полным тайн, лишь с теми, кто приходил к нему. Они расспрашивали, кто хозяин недвижимости и какие делегации приезжают в эти места, в которых предположительно проживают очень богатые люди. В выходные дни из *Свинарника* по огороженной дороге проезжали автомобили с красивыми барышнями за рулём и одетыми с иголочки мужчинами. Он несколько раз пытался завести разговор о жизни за забором с Апполинаром Грицко, но лесник был очень сдержан в разговорах на эту тему. Филарет с ним не спорил, а лишь честно выполнял свои обязанности. Но в одно утро, к своему удивлению, к его калитке подъехал сам лесник.

– Одна твоя фраза внесла значительные изменения на Ландышевой Поляне, -сказал Апполинар Грицко, не здороваясь. – Бизнесмен из Израиля Аарон Шихварг продал свой коттедж магнату из Тирасполя и расспрашивает о тебе! Он взял тебя под свою защиту, и теперь тебе никто ничего не сделает.

– Израильтянин поступил как настоящий еврей: построил дёшево, а продал дорого.

– Нет, ты не прав, – ответил лесник, не выходя из автомобиля. – Он отдал его почти задаром. Его мучают угрызения совести, что он построил себе дом на месте захоронения своих сородичей.

– Он осознал.

– Аарон Шихварг хочет тебя видеть, – удивил его Апполинар Грицко.

– А что это на него нашло?

– Он сам тебе и скажет завтра, когда посетит наши места.

Лесник выглядел весьма недовольным, когда протянул ему визитную карточку с номером телефона бизнесмена.

На следующий день к калитке подъехал роскошный автомобиль Аарона Шихварга и ещё два автомобиля с телохранителями. Филарет вышел и сел на скамейку.

– У тебя есть друзья в Израиле? – спросил его бизнесмен.

– Конечно… Семён Цехман и Майся Коган. Они, когда уехали, просили меня присмотреть за могилами на Поляне.

– Останки отсюда вывезены в живописное место, – сказал еврей. – Я там был, видел две большие могилы. Оттуда открывается красивая панорама на Днестр. Знай, что я не был в курсе всего этого, – сказал он с великим сожалением. – В сию минуту я дам нужную сумму денег, чтобы там посадили деревья и установили менору…

После отъезда гостей Филарет остался один и подумал: «Вот он и одумался! Не всегда дело только в деньгах…»

Лесник был в разъездах: то в *Свинарнике*, то на севере страны, то на юге, получив полномочия от хозяев коттеджей довести стройку до конца. Филарет заметил, что в последнее время из Кишинёва увеличилось количество приезжающих рабочих. Часть грузовиков возвращалась в столицу, другая – возила кустарники, рассаду, чернозём на территорию, огороженную забором.

12

Как-то утром, с приходом на работу, Натали вызвали в кабинет директора. В кабинете сидел Апполинар Грицко в элегантном чёрном костюме и белой рубахе, как официальное лицо на правительственном мероприятии. Ему было больше 45 лет, но выглядел он безупречно.

– Мы предлагаем тебе оставить все занятости и сконцентрироваться на работе на Ландышевой Поляне, – сказал доброжелательно лесник. – Мы должны закончить работы по обустройству участков, проложить зелёные аллеи, разбить лужайки и прочее.

– Господин лесник серьёзный человек, – одобрительно сказал директор, считая, что приказ уже одобрен и выполняется.

– Это далеко от моего дома, а у меня семья, – ответила им Натали.

– Я буду ежедневно возить тебя на работу на своей машине, – успокоил её лесник. Затем, провожая взглядом, добавил: – Владельцы коттеджей щедро отблагодарят тебя, лишь бы всё было без изъянов.

Ей доверили работу с хорошим доходом, и Натали согласилась. На следующий день «Мерседес» уже поджидал её у подъезда. Апполинар Грицко лично возил её на Ландышевую Поляну и предоставил в её распоряжение

много рабочих. В огромном складе и во дворе в её распоряжении были декоративные растения и деревья разной величины и сортов из Австралии, Колумбии, Китая, земля из Германии, кустарники из Франции. Сейчас у нее была возможность реализовать свои фантазии и мечты. Её не ограничивали в работе, позволяли украшать участок, который становился всё краше и притягательнее. Она работала увлечённо и с вдохновением, внедряла в жизнь собственный проект; глаз радовался при виде преображающегося пространства. Асфальтированные аллеи меняли облик, становились парком, а кругом яркими цветами выделялись клумбы и кустарники. На площадке для гольфа росла трава из Германии. Ей привозили любой посадочный материал и выполняли все желания. Заказчики следили за выполнением проекта и были довольны. Она чувствовала прекрасное отношение людей, в кругу которых работала. Апполинар Грицко был к ней особо уважителен и галантен, возил в столицу и вручал конверты с американскими долларами от бизнесменов за проделанную работу.

Однажды вечером, возвращаясь в столицу, Аппполинар Грицко пригласил её на ужин в «Старый Орхей». Лесник был в белом костюме и галстуке, выглядел весьма ухоженным. Они сидели за столом друг напротив друга, и он легонько коснулся её руки. Она попыталась отдёрнуть её, но заметила его улыбку и промолчала. После ужина Натали была приятно удивлена, когда лесник предложил ей сесть за руль автомобиля и вести машину до города. Она вела неумело, но ей это принесло удовольствие.

– Если вдруг нас поймает полиция, тебе придется заплатить штраф, – по-детски сказала она со страхом в глазах.

– Не поймают, – ответил он, – не бойся.

За несколько недель работы на Поляне Натали заработала приличную сумму денег и жила как в сказке. Она вдруг увидела возможности богатых людей и поняла, что у Апполинара Грицко большие финансовые возможности. У них появилось чувство взаимной симпатии, и оно только увеличивалось на утренних и вечерних маршрутах. Она получала от него подарки, куколки, романтические ужины и возможность водить автомобиль, и это незаметно вошло в привычку.

В лесную часть Натали перестала ходить. Филарета охватывала ревность при виде Натали в компании Апполинара Грицко, но он заглушал

его как мог. Натали долго колебалась, но в конце-концов перешагнула порог дома Филарета. И он её спросил:

– Ты увлеклась нашим лесником?

– Ты комплексуешь, – ответила она. – Ты подарил мне слишком много прекрасных мгновений, чтобы я тебя забыла…

Он прочувствовал в её голосе нотки неискренности, ему показалось, что она в замешательстве, но она объяснила своё отсутствие в его жизни ревностью мужа. Филарет успокоился. В один из дней она неожиданно появилась с новым крутым фотоаппаратом. Был солнечный день, всё кругом было жёлто-коричневого цвета. Лес оделся в хроматическую гамму преломляющихся лучей. Она предложила ему пойти в глубь леса. Натали светилась счастьем, флиртовала, как никогда прежде. Она одела тёмно-зелёное платье, светлые волосы развевались на плечах. Верхом на коне она была похожа на королеву из классических картин. Она и позировала в манерных позициях. У озера она собирала цветы и пожелтевшие веточки, затем скинула платье и попросила сфотографировать её в купальном костюме. Вернувшись в лесную часть, она просмотрели сфотографированные кадры на компьютере. Натали погрузилась в мысли и молчала.

– Я на самом деле красива? – вдруг спросила она его кокетливо. – Многие мужчины говорят, что я молодо выгляжу и хотят меня!

– Ты очаровательна!

– И всё же мужчины те еще глупцы!

– Почему?

– Не знаю! Красота не только приятна, но и создаёт неудобства, – хитро ответила она и поспешно ушла по тропе, где её обычно ожидал лесник с машиной.

В комнате остался нежный запах её духов. Филарет знал, что Натали едет с Апполинаром Грицко, и у него появилось предчувствие. Весь вечер он не находил себе места, вспоминая мгновения вместе с Натали. Он боялся даже думать об её возможном романе с Грицко, но мысли не покидали его. «У меня такое ощущение, что я когда-то давно, очень давно умер, исчез из социума, и лишь моя душа плывёт по облакам настоящего времени, принуждая любоваться весёлыми и счастливыми лицами, что творят большие дела. Моя амбициозная душа желает оставить тело и тянется на споры с бизнесменами и красивыми женщина-

ми, которых любят молодые мужчины, жизнь их празднична и сияет, а я уже труп. У меня нет ничего для будущего. Моя душа по-прежнему амбициозна, но без шансов вернуться к утраченным мгновениям. Моё будущее рядом с вечностью кладбища, где лежат мои родственники и любимые люди». В тысячный раз он анализировал своё поведение, сказанные слова и осознал горечь своих потерь. Он не понимал Натали и не узнавал её больше. Он снял со стены гитару и до утра сочинил музыкальную композицию.

Твои глаза поют как серенада

Твои шаги – как лепестки цветов…

Он выслал ей песню, Натали сдержанно и немногословно поблагодарила. Такими же были и её последние письма.

13

Натали увлечённо обновляла свой гардероб. Постоянно пребывала в хорошем настроении, и это заметила даже Олеся Албу, которая как-то вечером зашла в гости после посещения церкви на вечерней литургии в Кафедральном соборе в центре столицы. Аурелиана дома не было – он должен был забрать из детского сада дочку. Подруги словно сошли со страниц модного журнала. Олеся была в белом костюме с аккуратно собранными волосами, и пахла французскими духами. В первый же момент пребывания с Натали она внимательно её оглядела и спросила:

– Дорогая, а не влюблена ли ты? Глаза тебя выдают! И кто тот счастливчик?

Натали оставила этот вопрос без ответа, но спросила:

– А ты, *Олеська*? Тоже весело живёшь?

– Да я уже завязала с гулянками, – и в последующую секунду на её глаза навернулись слёзы, а щёки начали дрожать нервным тиком.

– О, Господи, да что же такое случилось? – испугано спросила Натали.

– Врачи диагностировали мне опухоль груди.

– Не унывай, соберись с силами, – пыталась Натали её успокоить.

Олеся вышла на балкон, закурила сигарету и тихо плакала. Чёрная тушь стекала по её щекам.

– Медицина прогрессирует в данной области, – продолжала Натали её успокаивать.

– Я уезжаю к маме, – ответила подруга. – Говорят, что зима будет суровой и долгой. Даже священник сегодня в церкви это сказал.

Олеся ушла. Натали вспомнила прошлые события, и зло на подругу исчезло Она искренне ей сочувствовала, и желала, чтобы страшный диагноз не подтвердился.

– Так ей и надо, – сказал Аурелиан, когда Натали рассказала ему про Олесю. -Сексуальные похождения к добру не приводят! Твоя *Олеська* всегда вела легкомысленный образ жизни.

– Врачи нашли у ней рак, имей хоть каплю сочувствия! – ругала она его.

– Мы все когда-нибудь откинем копыта.

Утром, держа дочь за ручку, чтобы отвести её в детский сад, Аурелиан сказал:

– Вечером я иду пить пиво с товарищами и задержусь. Заберёшь дочь из сада. – И затем добавил: – Недавно я встретил одну особу с твоего места работы, и она мне сообщила, что ты частенько гуляешь в лесу с каким-то мужчиной.

– В лес я хожу в поисках посадочного материала. Не слушай всякий вздор, – ответила она. – Ты месяцами ходишь пьяным, и ещё имеешь претензии ко мне? Знай, что я уже четыре года хожу в лес! Если бы я задумала изменять тебе, давно бы это уже сделала бы!

– Не нервничай ты так, я передал тебе, что слышал, – успокоил её Аурелиан.

По дороге на работу она обдумывала дискуссию с мужем и спросила себя: «Почему я так себя веду с ним, он же сказал правду! Но и ему никто не мешает бросить пить!»

Она попросила лесника остановиться у ворот Филарета, возившегося с конём. Она шёпотом попросила больше ей не звонить, обещая позвонить ему сама с другого номера.

– Я понял, – ответил Филарет. – Я тебя очень люблю!

– Меня все любят, – ответила она холодно. Филарет остался наедине с хаосом в голове.

«Что это с ней?» – спросил он себя, думая о похожей истории из его детства.. Он осознал уже в который раз, что именно она и есть та женщина, которая принесла ему настоящую любовь, а сейчас подаёт сигналы усталости от отношений с ним. Горько было осознавать, что

любовь, о которой он мечтал до конца дней своих с Натали. уже не взаимна и рушится у него на глазах. Перед ним возникал её ангельский лик, но потом он исчезал в дьявольской тени. Она больше не была искренней с ним, как ему хотелось. Он должен будет найти себе русло отхода, спрятаться в убежище и вернуться в привычное холостяцкое русло.

Он мысленно обошёл перепетии отношений с Натали, и устыдился, что он, зрелый мужчина, одного возраста с её отцом, посмел мечтать, что она может быть ему верной спутницей до конца своих дней! Нет, конечно, но во что тогда верить? Он никак не может жить без веры в будущее! Затем он успокоил себя старой, как мир, мыслью: время всё расставит по своим местам.

Он занимался своими делами, всячески стараясь не думать о горечи, давившей душу. Недалеко от загона со стогами сена, рядом с воротами, он с помощью нескольких мужчин, установил высокий столб из ясеня, а на верхушке прикрепил старое колесо от телеги. Он надеялся, что весной там поселятся аисты. Высокий столб притянет и умиротворит аистов, которые, как ему казалось, осенью покинули это место обиженными. Он где-то читал, что аист – единственная птица, которая живёт среди людей, а не в поле или в лесу. Ему всегда нравились аисты, и поэтому он решил создать им условия для гнездования. И тем самым порадовать и Натали. Ему пришла ещё одна идея: на месте двух анонимных могил посадить два деревца в память об их любви с Натали. Но он уже не был уверен, что ей нужно его внимание. Их встречу у ворот в тот день заметила мать Ирис. Когда Филарет появился в бухгалтерии с бумагами, она пригласила его к себе. На столе стояла тарелка с сотами мёда, чайник и белые чашки. Женщина настояла угостить его чашкой кофе, и он неохотно согласился.

– Когда я вспоминаю о конфликте, в который не должна была вмешаться…

– Это нормально, когда мать защищает своего ребёнка.

– Моя дочь не по той дороге пошла, – сказала она грустно. – Ирис исчезает из дома, не смотрит за ребёнком…

– Кофе с мёдом очень вкусный, – сказал он и поспешно вышел.

Вернувшись к себе, Филарет заметил, что у ворот припарковался микроавтобус с прицепом. Два бородатых типа в фетровых чёрных

шляпах, прислонившись к капоту, ожидали его. Один был в чёрной рубахе, другой в ярко-красной.

– Господин Аарон прислал вам это, – картавя, сказал один в чёрной рубахе и указал на золотисто-металлическую менору и на несколько саженцев дуба, аккуратно завёрнутых в целлофан. «Нам сказано оставить это у вас», – добавил другой в ярко-красной рубахе.

– Менору оставьте у загона, а саженцы привезли не вовремя. Мы сможем их посадить лишь осенью.

– Нам сказали, что ты умный человек, и мы тебя послушаем, – сказал один из них. – Оставим саженцы до холодов.

Евреи уехали, и Филарет подумал установить рядом с менорой крест и мраморную доску с надписью. Он прошёлся по лесу в поисках двух деревцев, которые хотел посадить вместе с Натали в память их дружбы. Он шёл неподалёку от коттеджей, которые уже были под охраной радаров, которые крутились и прочёсывали местность вокруг в поисках воображаемого врага. Но его мысли плыли совсем в другое русле: «Какое это чудо – любовь, когда она совсем мала, как песчинка, но тебя любят! Ведь я счастливчик, что у меня есть десять детей – они и есть ростки, которые будут продлевать мой род. Мне бы хотелось, чтобы они познали настоящую любовь – полную радостей и даже печали! Любовь побеждает все!» Вспомнив свою последнюю встречу с Натали, он продолжал думать: «Ложь не может сосуществовать рядом с любовью. Любовь есть правда! Вся красота человека в жизни появляется из любви к чему-то. Деревца, что я посажу вместе с любимой женщиной, дополнят красоту леса, будут жить своей жизнью».

Лес укутался в осенние одеяния. После нескольких пасмурных и дождливых недель осень вступила в свои права. Воздух стал холодным, а небо ясным. Ему слышался голос любимой женщины, но она больше не писала и не приходила. Вечера и ночи он проводил в медитации рядом со фарфоровой статуэткой ангелочка с веночком из цветов на голове и стрелой Амура, подарок Натали. Он хотел её видеть, поговорить с ней обо всём, хотел быть с ней рядом и любить, но она исчезла.

В тот день он ощутил необъяснимое беспокойство. Конь привёл его на поляну, где они с Натали когда-то любили друг друга. Иногда

он ходил к озеру, со временем ставшим ему дорогим. В свои 60 лет он был свободным и довольным, но иногда посещал места последней любви. Он подошёл к полянке и сквозь ветви деревьев заметил автомобиль Апполинара Грицко с открытыми дверцами. Играла приятная мелодия, и на берегу озера было расстелено разноцветное покрывало с едой и напитками. Лесник фотографировал Натали в купальном костюме.

Филарет ощутил холод в воздухе, словно пошёл первый снег с ветром. По всему телу, разуму и душе прошёл опустошающий холод. Казалось, что невидимый ледяной червь замораживает его жизнь. Он сел в седло, и конь увёз его оттуда.

14

Накануне первого снега он установил менору и крест, обустроил место перезахоронения останков. Филарет не требовал от Натали никаких объяснений. Иногда она ему писала и в конце письма традиционно указывала «Скучаю!» и «Целую!», но он уже не верил искренности этих слов.

Неделю назад на Ландышевой Поляне была грандиозная церемония по сдаче в эксплуатацию стратегического объекта. Присутствовал сам Митрополит и собор священников, и полно официальных лиц. Коттеджи были главным пунктом внимания после того как деревья оголилась. В селе же высотой и размерами выделялся дом лесника. Он отстранял на второй план другие дома, многие из которых пустовали. Село выглядело вымершим, люди исчезли, и всё было в оцепенении. По радио и телевидению началась новая предвыборная компания будущих парламентских выборов.

Апполинар Грицко оставил лес на Филарета, который присматривал за оленями и за конями, продолжал встречать грузовики и выдавать саженцы, семена, чернозём. Натали словно исчезла. Вечером Филарет закрывался в своём уютном домике, разжигал огонь в печи и свечу, чтобы скоротать одиночество. Он слушал гул леса, смотрел в окно на падающий снег, на мокрый дождь, на луну и звёзды в ночном небе. К нему давно никто не приходил. Иногда появлялась Ирис. В одно утро, когда он принёс сено для коней, его удивил её визит в мужском тулупе

и в шапке-ушанке на распущенных волосах. От неё несло алкоголем.

– Позволь мне зайти в дом, – сказала она приказным голосом.

Оценив ситуацию, он закрыл за собой калитку и направился в сторону загона.

– К сожалению, не могу, – сказал он. – У меня много работы.

– У тебя будут неприятности, – пригрозила она. – Я самая умная женщина в Республике Молдова. Лицей и университет я закончила с медалью и скоро стану президентом страны. Понимаешь?!

Её глаза были затуманенными, и она то смеялась, то хмурилась. Филарет попытался пройти дальше, но Ирис набросилась на него с вырванной дубиной.

– Эй, девка, отойди!

– Люди добрые, помогите! – кричала Ирис. – Президентшу Республики Молдова насилуют!

Филарет окаменел. Вдруг появился пасечник, и криком пытался её успокоить. Ирис упала на землю с вытянутыми вперёд руками и стала биться в конвульсиях. Отец с трудом её успокоил, затем взял за руку и повёл по тропе к селу. Через день бухгалтерша рассказала сквозь слёзы, что дочь госпитализирована в психиатрической больнице.

После того инцидента, Филарет стал закрывать двери на засов и выходил лишь, когда вокруг его не ожидали никакие сюрпризы. Он готовился к весне и строил планы.

***

Прошло почти три года после знакомства с Натали. Зима сменилась весной, и с её наступлением аисты свили себе гнездо на столбе у лесной усадьбы. Он старался забыть Натали: не осуждал её, не обвинял, был благодарен за прекрасные мгновения. Он старался забыть и не хотел больше о ней слышать. Теперь он занимался своей старостью, которая подкрадывалась всё настойчивее.

В конце мая Апполинар Грицко пригласил его проехаться по лесу на его «Мерседесе». Он уже давно не желал ездить верхом. Они доехали до холмика с быстро растущими деревьями, где были перезахоронены останки погибших, затем прочитал надпись на высоком кресте в изголовье христианской могилы: «В память о жертвах русско-сталинских репрессий». Лесник возмутился:

– Кто тебе позволил писать подобное, когда здесь в любой момент может появиться официальная делегация?

– Я взял пример с надписи на еврейской меноре, – оправдывался Филарет. – Смотри, написано же «Погибшим от рук немецко-фашистских и румынских тиранов».

– Это совсем другое дело, – жёстко произнёс лесник, затем заявил: – Мы закажем каменный крест для христианской могилы, без надписи! Ты понял?

– Это не совсем правильно.

– Делай, что я тебе говорю! – приказал Грицко, напомнив: – Мы в предвыборной компании, и кто-то выдвигает свою кандидатуру в депутаты в парламент страны. Ты понял?!

– Ясно, – вяло ответил Филарет.

На обратном пути лесник приказал:

– Моё доверенное лицо сообщит тебе, что написать на мраморном обелиске…

Через несколько дней Апполинар Грицко позвонил и приказал пойти на место захоронений. Прибыли рабочие. Они установили другой крест из Косэуцкого камня, а на граните Филарет прочитал следующее: «В память о жертвах войны». Вскоре прибыла Натали за рулём синего автомобиля. Она была в новом костюме под цвет машины, красиво уложила светлые волосы, а в ушах висели блестящие серьги. Натали раздавала присутствующим газеты, листовки и красивые календари с напечатанным горделивым лицом кандидата в депутаты молдавского парламента – Апполинара Грицко. Она осмотрела всё вокруг, проверила, установили ли рабочие гранитный памятник и поспешно уехала, даже не поздоровавшись с Филаретом.

– С таким доверенным лицом наш лесник точно выиграет выборы! – переговаривались рабочие.

Филарет остался до конца, пока гости не разошлись. Он любовался прекрасным панорамным видом. Природа его умиротворяла, призывала к спокойствию. До дома он прошёлся пешком, держа коня за уздечку. Он шагал в одиночестве, думая, что предвыборная компания дошла даже до леса. У него сложилось своё мнение о людях, которые были, есть и будут у власти. «Кто такой политик или бывший чиновник в нашем государстве?

Это бандит (ещё не осуждённый юридически), который ненасытно обворовывал общество, но ему предоставляют почётное место на собраниях, на сцене, в президиуме и даже на самом престижном кладбище. Политик радуется почётным и научным титулам, имеет свою партию, своё телевидение, которое ежедневно вещает о его «благих делах» с экрана; дорогие дома с бассейном. Его дети учатся или работают в престижных заведениях в стране или за границей. Современный политик богат кумовьями, владеет фабриками и заводами, зарегистрированными на своих тещ, братьев, близких родственниках; официально находится в разводе с женой, чтобы невозможно было конфисковать украденное, записанное на её имя. Он может быть основателем монастыря или церкви. Помимо всей это благодати современный политик не имеет ни капли стыда и совести. Он не думает о людях, живущих в нищете и вынужденных оставлять родную страну и ехать на заработки за границу. Эти «особые» люди-политики, сыновья и дочери своей страны, есть не кто иные как обычные бездельники, замаскированные и скрытые за официальными титулами. Они и являются настоящими проститутками эпохи. Их число не уменьшается. Они толпами идут на редуты власти, рвутся и проталкиваются к кормушке. Таков политик начала XXI века. Вроде бы, новая особь, но со старыми замашками. В конечном итоге, в жизни каждого из нас наступает момент, когда мы осознаём, кто на самом деле важен для нас, а кто никогда не имел для нас значения».

Неожиданно он вспомнил женщину, к которой в последние годы испытывал любовь и уважение. В своей жизни он был распущенным, гулящим, но встретив её, он понял, что на самом деле есть любовь, жизнь и страдание. Жаль, что она не смогла уберечь их любовь на более длительное время! Где сейчас Натали? И мгновенно себе ответил: «Неважно, ей больше нет места в моей жизни. Я её осуждаю не за уход от меня, а за ложь. Просто она меня не любила. Но я не буду делать из этого трагедию, потому что открыл главное: она не в состоянии любить по-настоящему, и мне её жаль!»

Филарет всё же испытывал любопытство к настоящей причине его отставки и решил в тот вечер написать ей письмо, но мысли его путались, и письмо получилось немного сумбурным. Он по-детски спросил, как она поживает и почему больше не приходит. Ответ пришёл:

«Всё в прошлом, Филарет! Есть много причин поставить точку. Я хочу сохранить в душе красоту прожитой сказки без искажения. Были три замечательных года, а четвёртый не получился. Он был мучительным. Я долго думала перед принятием решения, но ты же это предчувствовал... Мне нужно было время. Уже неважно, что именно повлияло на моё решение. Человек не может жить в постоянном страхе. Мой муж разрушил мои чувства. У меня не было сил бороться дальше. Сейчас он полностью меня контролирует, у него нет повода цепляться к телефону или к моему компьютеру. Это был сложный период, он совсем выжил из ума, хотел что-то доказать, но успокоился. Хочу верить, что он смирился. Я хотела убежать, и я убежала. Затем я вернулась. Теперь я чувствую себя повзрослевшей. Сейчас у нас мир. Береги себя… Прощай!»

Филарет больше не писал этой женщине. Может быть, он создал себе лишь иллюзию мимолётного счастья. И это всё. Чего ещё ему ожидать?

Всю зиму его жизнь крутилась в постоянной рутине, но однажды появился Апполинар Грицко с парламентарским значком на груди. Он был горд и рассказал Филарету, что у него есть весомое слово в эшелонах власти, и он ни от кого не зависит. На прощание сообщил как бы между прочим:

– Мы берём на работу ещё одного лесника, чтобы ты не жаловался на одиночество. Свою библиотеку перенеси в загон.

– Кто это решил?

– Я! – остудил он Филарета своим высокомерным взглядом. – Теперь я всё решаю! Ты уже год как пенсионер, а лесу нужны молодые сотрудники.

На следующее утро прибыл высокий, молодой человек, несколько суховатый и с нахмуренным лицом. Он устроил свою спальню в спальне Филарета, где на стене висели фотографии детей, затем пошёл в загон, выбрал коня, на котором всегда каталась Натали, и выехал инспектировать лес…

Филарет очутился в чужом мире, без единого товарища. Оставшись без кола и двора, он прогуливался по лесным тропам, к его любимой полянке на откосе, где стояли крест и менора. Он прощался с местом, где был счастлив вместе с Натали. Её подарил ему Бог, но она

ушла. Всю жизнь он играл роль охотника, иногда проигрывал, иногда выигрывал. Теперь он свободен. Его большая любовь отправила его проживать свою старость в одиночестве, хотя можно было ещё подождать. У него не осталось ни одного сожаления, и мысли его были ясными: *«Я живу в эпоху простых людей, как и все остальные миллиарды во всём мире. Мне кажется, и я надеюсь, что правильно оцениваю ситуацию, наступил период предательства. И вот я в том возрасте, когда осознаю, что этот процесс вечен, как сам мир, и он не изменится, пока существует человечество! Эпоха сделала меня равнодушным, но и убедила меня в том, что каждый творит её себе сам, и глупо надеяться, что друзья или враги, или даже женщины, могут сделать это за тебя. Нет, никто! Такова и моя эпоха. Другой нет и не будет. Это касается всех моих современников. Даже тех, кто считает, что я не прав…»*

Филарет сходил в сельскую мэрию, и на свои скудные сбережения выкупил дом Докики, пустовавший уже несколько лет. Он перенёс туда свою библиотеку, уволился и переехал жить в село.

Вместо эпилога

Жизнь прекрасна, как и непосредственность, с которой люди идут рука об руку весь свой жизненный путь. Таким же невероятным является окружение тех, кто прожил свой век в бесконечной круговерти человечества.

Филарету удалось пройти через лабиринты, расставленные судьбой, и нынче он довольствовался нажитым результатом. Каждое утро, просыпаясь в добром здравии, он благодарил Бога за прожитую ночь и открывшиеся глаза. Он ещё не был стариком, но далеко не молодым. Дети изредка звонили, иногда навещали. Уехавшая на заработки за границу молодёжь оставила за собой опустевшие сёла. Не волновали его и события в лесной хозяйстве, где уже хозяйничал кто-то другой. Да и работники его тоже не интересовали, лишь изредка кто-то из них мог зайти к нему за советом. В теплые, благоприятные дни он поднимался на холм к кресту, уже поч-

ти полностью закрытый ветвями разросшихся деревьев. О прошлом он больше не вспоминал, даже о недавнем.

Как-то утром к его дому подошёл смуглолицый, курчавый человек с тонкими губами.

– Я Аурелиан, муж Натальи. Хочу попросить вас оставить мою жену в покое…

Встреча казалась забавной и довольно смешной, сконфузив их обоих. Молодой человек, видимо, сбился с пути, а Филарет был слишком стар, чтобы хоть реагировать на подобные обвинения. Гость рассказал ему о своих проблемах с Натали, затем захотел уйти, но Филарет догнал его и сказал:

– Береги её! Натали была и останется замечательной женщиной.

В религиозные праздники он посещал церковь. Смиренно становился близко к алтарю и слушал богослужение, затем ходил на могилу дорогой его сердцу Докики. Шёл вдоль аллеи с роскошными, недавно появившмися памятниками. Они принадлежали олигархам из Ландышевой Поляны. Когда новое поколение приходит, – старое переезжает на кладбище. Здесь все равны и вовсе неважно, кем ты был до того, роскошен ли крест на могиле или же прост. При виде простых крестов Филарет думал о них и о Боге, больше, чем чем о богатых..

Время безжалостно уходит, и наступают новые времена … Деревья распускают почки, зелёная листва шелестит на тихом ветру, затем желтеет и опадает, и тогда на голые ветви ложится снег. Жизнь прекрасна, а земля разнообразна – пустыни и ледники, океаны и горы, равнины и леса. Везде светит солнце, луна и звёзды, повсюду царит подлинность природы, а там, где правда, – всегда царит вечность.

Филарет часто спрашивал себя: «Чего я добился в жизни?» А добился он того, чего можно добиться при тех возможностях, которые предоставила тебе судьба. Кроме здоровья, благополучия и удачи, что в большей степени зависят от собственной воли, у человека есть и то, что предписано судьбой. Как оно происходит, где начало, а где конец, одному Богу известно, и это не мистика и не предусмотрительность или что-то иное. Люди бывают разные, и судьбы у них такие же. Филарет уже давно это понял. Прожил насыщенную жизнь, совершал ошибки и добивался успехов,

пережил радость и печаль, но всё же понял. А те, кто желает достигнуть большего, завершат его незаконченные дела, прочитают записи и допишут ненаписанные книги, будут любить женщин, которые ещё не родились. Среди своих сверстников он был в генетическом эпицентре сложной цепи, состоявшей из законов природы. Филарет всё чаще предавался воспоминаниям, но они не были способны что-либо изменить в судьбе человека, ибо прошлое осталось далеко позади. Он был безумно рад своим десятерым детям и старался во всём их поддерживать.

В доме, где он жил сейчас, осталось несколько книг от отца Анатолия и Докики. А те, что удалось спасти в ту злополучную ночь в лесу от ужасных языков пламени, Филарет отнёс приятелю, работавшему в архиве. Каждый вечер он подолгу смотрел на портретный лик Иисуса Христа на стене, чувствуя, как его судьба навечно вписывается в Божью летопись, затем приступал к медитации: «Нас тяготят прошлые неудачи и тёмные мысли, и мы не берём в расчёт, что жизнь нам даёт возможность творить благие дела. Невозможно предугадать её бесконечность, изучить её пути, но каждый из нас, в назначенное время, вынужден повесить навсегда замки на прошлое и уйти. Самое главное – найти надёжного человека для передачи ключей.

Филарет знал, кому оставляет ключи от своих дверей. А пока он радовался жизни, переходящей к последующим поколениям: землёй, правдой и вечностью.

РАССКАЗЫ

Однажды...

Уже две недели как меня бросила жена.

С тех пор все не утихают дожди. Аргус, лохматый пёс, лает изредка на свою миску со сливками, затем, пялится на висящую картину Айвазовского, настораживая уши.

На диване, где раньше отдыхала Габриэлла, моя дочь, расставлены в ряд куклы с протянутыми руками в сторону окна, за которым безнадёжно шумят тополя. Ветер силой кидает листву на окно, сдувает её, словно отчаянные бабочки, затем сбрасывает их на вкраплённую каплями дождя брусчатку.

Сижу над письменной машинкой «Underwood» – старьё, антикварная вещь – ищу изнурительно (уже второй год подряд!) пост героев моей следующей книги. Пронзительный стук клавиш заполняет всю квартиру.

Вероятно, из-за этой самой старой машинки жена меня и бросила. До её ухода, весь день в моём доме все говорили лишь шёпотом, чтобы никто мне не мешал. Отключали телефон. Даже моя дочь не смела отвлекать меня. Лишь перед сном я вспоминал о родительском долге – подходил к её кровати и, до того, как она уснет, я рассказывал ей сказки.

Но обе они ушли, неожиданно: даже не думал настоять, чтобы остались. За то оставили мне желаемую тишину, но с тех пор, нет никакого желания писать. Когда ушла, жена унесла с собою всю одежду, одела тот самый черный костюм… Лишь соседям сказала чтобы я её уже не ждал. Может быть она намеривала проучить меня? Или же, ей просто надоели мои выходки? Кто знает… Как же она поживает без адского стука моей пишущей машинки? Вспоминаю я, как она описывала, хваткой настоящего писателя, своего начальника, который сопровождал её в одну из командировок:

– Пузатый человек, с высунутым языком…

Замечалось мне, что с некоторых пор, уезжая в командировку, она притворялась что забывает на тумбе в зале своё обручальное кольцо, а к

приезду, утомляла меня одним и тем же вопросом: схоже ли она во внешности с самой Софи Лорен? Позже, насмехалась над некоторыми шутками услышанные из уст своего начальника.

– Ха-ха!..

Мысли всё приходят и приходят: беспорядочные, веселые – всякие, в ожидании увековечивания на бумаге. Эта книга откроет мне – я уверен! – тропу к последующему поколению. Меня беспокоит лишь то, что в возрасте 40 лет я стану просто молодым писателем, дебютантом, в то время как мои соратники давно уж считают себя классиками. Пишут ли они себе в удовольствие или же из любви к магическому миру слов, который, по мне, является литература, но… На данный момент, трепеща перечитываю написанные мною до нынешней поры слова.

Аргус, наверное, припоминает радостные моменты, проведенные с Габриэллой, устраивая переполох, ведь вот он подходит подавленный рядом со мною и, протягивая свои лапки на мои колени, всматривается в мои глаза с особой грустью… Осознавая то, что моя печаль не чуть не меньше своей, оставляет меня в покое. Прошёл мимо миски со сливками (чуть было, не перевернувши её), подошел к дивану с куклами, стал на две лапки, проскулил недовольно – падая на пол, перекувыркнулся до моих ног.

Сердце моё сжалось. Лист бумаги всё продолжает сопротивляться, остаться, иными словами, белым. Которая по счёту ночь?.. Беру щенка на руки приплясывая им. Подхожу к окну и пытаюсь угадать, по среди бесчисленных ночных огней, у которого окна находятся моя жена и Габриэлла?

После, возвращаюсь к своим делам. Аргус улавливает нервное щелканье «Underwood»– а, моргая глазами в сторону неподвижных кукол, с протянутыми руками в сторону слезливого окна в ночи. Дождь утих и уже не стучит в окно. Я отключил холодильник (чтобы не грохотал зря!) и пытаюсь сражаться с несметным множеством насекомых, которые вышли прогуляться из-под картины Айвазовского…

Куранты коричневого цвета с шкафа, бьют три часа ночи. Кипа бумаг утомляет меня. Аргус скорее всего уже заснул. Положил свою голову на лапки и лежит неподвижный. Вокруг царит тишина. Я решил лечь спать. Но… Зазвенел телефонный аппарат. Неожиданно, пронзительно, глубо-

кой ночью, разбудивши даже Аргуса. Между лохмотьями заблестели его глазки как две звёздочки на небе. Начинает рычать.

– Алло!.. доноситься до моего уха девчачий голосочек. Узнаю её: это Габриэлла.

– Слушаю… пробормотал я растерянный.

Картина, висящая на стене, начинает двигать разъярённо свои волны по всему дому.

– Алло?!

– Ты откуда звонишь, Габи? Что случилось, малыш? Спрашиваю я тревожно.

– Мама и тётя Лорика спят и… некому рассказать мне сказку на ночь, хнычет голосишко. Я надумала рассказать её себе сама, но они вскрикнули: «Иди спать!..» А через мгновенье: папочка, а ну-ка расскажи мне ту самую сказку… знаешь, про волка! Тот самый, что попался после того как съел козлят…

Рядом, Аргус смотрел на меня с удивлением, наклоняя грозно свою лохматую голову, то в одну то в другую сторону – в четыре часа ночи мне приходиться рассказывать сказки по телефону?! А ведь почему Габриэлла не спит? Я её спрошу…

– Жила-была коза и трое хохлатых козлят… начинаю я рассказывать сказку. Рассказал её полностью. Это помогло мне немного успокоится. На другом конце провода, моя дочь хохотала довольная.

– А теперь, папочка, умоляет меня голосок девочки, расскажи мне ту с кошельком с двумя денежками…

Мне пришла в голову мысль, которую срочно нужно было стелить на бумагу. Фиксирую трубку между ухом и плечом, тем самым освобождая свои руки.

– Жили были, старик со старухой… шёпотом говорю я в трубку, а пальцы разбегаются на клавишах пишущей машинки.

На другом конце провода – тишина. Не уж то Габриэлла уснула? Не тут-то было!

– Расскажи мне и ту, что про молочную речку…

– Жила была коровка с золотыми рожками…

– И ту про рыбку и старика, дочь никак не уснет.

– Спи, малышка, говорю я ей. Уже поздно. Аргус давно уснул.

– Расскажи мне, папочка, чтобы услышали и мои куклы…

– Давным-давно, в морях и океанах, жила была рыбка…

С той стороны, ночь начала растворяться.

– Мне жаль старика, папочка, пробормотала Габриэлла с заплаканным голосочком, спрашивая меня с любопытством:

Почему старик не ушел, и он от старухи, как мама?

– Твои куклы уснули, спрашиваю я, проглатывая ком что стал мне поперёк горла. Уже поздно, ты должна спать… Аргус рычит сердито. Подходит сонный к дивану и рассматривает внимательно куклы. С окна стекают капли дождя.

– Куклы спят и видят сны…

– Видят сны?! усмехается её живой голосочек. Потом начинает жаловаться: Да Николета, та кукла что рядом со мною, не слушается и не хочет спать.

– Неужели…

– Папочка, дождь прекратился и в окно луна появилась! Вскликнула бодро.

– И что она делает? Спрашиваю, наблюдая в окно круглую, полную луну.

– Луна?.. слышу в трубке телефона. Умывается и делает зарядку…

Куранты с шкафа бьют пять раз. Аргус, разлёгшийся на полу, опять рычит, затем залаял несколько раз. Услышала его и Габриэлла.

– Хр-р-р!.. дразнит его радостно. И – совсем неожиданно: Какой-то дядя подарил мне Николету, но ни одну сказку не сумел ей рассказать. Даже не хочется спать рядом с ней. Она храпит… Настала глубокая тишина. Отодвигаю в сторону пишущую машинку и кладу голову между бумаг.

– Папочка, балует меня резвый голосочек, а у тети, что с мамой, есть голуби. Когда они вырастут, мы их будем приучать…

– Будете приучать – к чему?

– Летать… Далеко, далеко… Высоко, высоко! Чтобы они облетали всю землю!

– Папа занят, ему надо поработать, спи. Слегка вроде успокоился.

– А я буду наблюдать как ты работаешь…

Дождь утих давно. Облака спешат скрыться в ночи, где-то в глубину городских переулков. Аргус засыпал, положив мордочку на свои лапки.

Положил «Underwood» на своё место, с телефонной трубкой между плечом и ухом, я начал опять стучать. Зарождённые буквами слова, так и стелились в строки…

Я был готов прервать, но Габриэлла стала хныкать и всхлипывать:

– Папочка, я не хочу, чтобы тот дядя к нам приходил! С тобою хочу играть, вместе…

Аргусу причудилось что-то во сне. Ходит одурелый от сна по дому, опрокидывая миску со сливками на коврик. Волны с картины скатывались кубарем, а бумаги начали скользить одна за другой по столу. Собрал их торопливо, возбуждённо и в один миг разорвал их яростно, выкидывая в корзину.

Забросил всё. Габриэлла зовёт меня в трубке.

Я вспылил на Аргуса, который ходил за мною по пятам, и поспешил выйти на улицу…

Мадонна из Иняски

Многие из нас, кажется, продолжают жить прошлым, хотя новый век давно уже вступил в свои права. Он привычным для себя способом отсчитывает минуты, незаметно обременяя нас этим и заставляя считать вчерашние, сегодняшние дни, считать непрерывно, все больше и больше чувствуя груз прожитых лет.

Постой, время, не спеши! Постой, остановись, отмени свою непрерывность! Придумай что-нибудь, чем можно было бы облегчить наши страдания и сбросить тяжесть грехов. Бог тому свидетель, что мы, люди, совершаем их в основном из любви: что и есть самое досадное и непреодолимое для человека.

Во имя такой любви я не так давно отправился в свое родное село. Здесь я сразу попал под проливной дождь, внезапно разразившийся над Иняской. Он застал меня на кладбище, куда я направился, чтобы убедиться, что могилы моих родителей целы и невредимы. Затем, я поспешил к дому, в котором провел детство, а мои родители – всю свою жизнь. Я представлял себе, что время здесь остановилось и застыло в многочисленных фотографиях в каса маре, бережно развешанных руками моей сестры рядом со старыми иконами. Но нет! Время не остановилось.

То, что оно сотворило, бросилось мне в глаза с самого начала. Оно и навязало мне мысль: современный мир живет прошлым. А я? У меня нет выбора – я должен смириться с предопределённым порядком, признать все свои прегрешения и осознать... что они целиком и полностью принадлежат моему отцу. Не то что «яблоко от яблони недалеко падает», а то что все мы – жители земли, хотим мы этого или нет, похожи друг на друга. Если не телом и лицом, то поведением, по той простой причине что являемся мы на свет через унаследованный грех, и он стоит перед нашим началом.

Свадебная фотография моих родителей для меня важнее всего. Лишь мне, моему брату и нашей сестре известно, что она была сделана в роковом 1940 году. Когда я смотрю на нее, то улавливаю в глазах юных родителей свойственную бессарабцам невинность, мечту о спокойной жизни. Даже в самом страшном сне не предвиделся им тот ужас, который предстояло пережить молодоженам за месяц или неделю после свадьбы. Война, эваку-

ация, зачисление отца в румынскую армию, пленение в Рымникул Сэрат и долгий, трёхлетний путь в русском лагере.

Жизнь дала отцу достаточно смелости и мужества, чтобы сбежать из плена и вернуться домой тогда, когда мать уже утеряла надежду, когда-нибудь его снова увидеть. Наконец зимой 1947 года, русские солдаты решили больше не убивать людей ружьями. Зато решили очистить их чердаки и кладовки. Научить их жить голодной жизнью подобно тому, как известный многим цыган из сельского анекдота, учил своего коня жить с каждым днем сокращая ему порцию еды. Мой будущий отец не хотел быть ничьим конем. Он решил «будь, что будет», и в числе нескольких тысяч бессарабцев уехал на работу куда-то очень далеко. – В Польшу. В обмен на рабство на чужбине отец получал здесь картошку и брагу в достаточных количествах, чтобы поддерживать жизнь в своем теле.

Долгое ожидание матери не прошло даром. Однажды он вернулся домой. Вернулся насовсем, устроился работать в колхоз, а вот мать… она все также продолжила пребывать в ожидании мужа. Вроде бы все улеглось, зажили раны военных лет, а существование матери становилось все невыносимей. Она не могла даже выйти из дома – все как один односельчане указывали на нее пальцем.

А случилось вот что.

Вся Иняска узнала большой секрет моей мамы Веры, даже детвора, играя на улицах села, шушукалась по углам.

Погодите, не так всю мрачно, ведь эта трагедия полна жизнеутверждающего юмора.

...Село не помнит где была Арефта Хринкуцэ всё это время, пока Виктор Драгуцэ отсутствовал, забрел будто бы в поисках куска хлеба в далекую Польшу! Так вот: случилось так, что та самая Арефта не была депортирована, она не отдавала поставку и у неё не было займов. И ещё, Арефта ничего не отдавала в колхоз, и вскоре стала начальницей на птицеферме, что возле реки Чулук, там, где, этот, как его там... тоже был назначен начальником, будь он неладен!

В то лето шли дожди в Иняске и поля пшеницы, а также поля кукурузы и подсолнечника, стали невольными участниками любовного романа моего отца с Арефтой Хринкуцэ. Говорят, что была она тогда красавицей, с румянцем во всю щеку, веснушчатая, с блестящими, светлыми волоса-

ми. Телом она напоминала тростинку на ветру, и если вдруг встречалась кому на пути, могла околдовать на расстоянии в несколько миль. Но и это ещё не всё, говорят, что Арефта была настоящей рукодельницей. Ковры, сотканные её руками и яркие вышивки, украшали дома не только в Иняске, но и в Теленештах, а позже в Израиле, Америке и в других странах, куда в панике разбежались, разъехались местные евреи. Лютые времена лишили Арефту её мужчины, а мой отец не стал, но был ее мужчиной.

Арефту никак не трогали колкие высказывания наших родственников, которые не смели говорить ей что она красива. Ведь красоту голыми руками не возьмёшь. Была она тихой и скромной, не лезла в разговоры на такие деликатные темы как любовь. Мать же моя, в свою очередь, была в курсе всего, но не смела будоражить ситуацию, не хотела соревноваться с Арефтой, поэтому пустила всё на самотёк. Естественно, она страдала. Душа болела, но она чтила христианские законы и не хотела идти в церковь, чтобы батюшка освободил ее от брачного обета, данного перед Богом. Не хотела она поднимать этот вопрос перед всеми, не хотела разводиться и отказываться от того, что было послано ей Богом.

Арефта тоже была верующей и была благодарна тому что у неё было, веря, что рай предназначен для бедных. Она не требовала от отца оставить семью, хотя её осуждало всё село, а любила она его ровно столько, сколько и он её. Летом она выращивала коноплю, осень и зиму пряла и ткала, а весной, при лунном свете у окна, вышивала крестиком узоры на рубахе, которую подарила отцу. Это была вышиванка несравненной красоты в молдавском стиле. И ворот и рукава ее были расшиты букетами и гирляндами чудесных цветов. Это вам не какая-то будёновская гимнастёрка русского советского солдата!

Отец был деликатным по своей натуре человеком, и не нашел ничего лучше, как отнести подарок домой, правда, так и не надев ее ни разу при людях. Он отдал рубаху матери, чтобы та поступила с ней как знает. Мать не выбросила и не измяла её. Ведь это могло навлечь проклятие на невинное дитя, что билось у неё под сердцем. Она спрятала рубаху среди приданного, что досталось ей от родителей. И надо сказать, что она довольно хорошо её спрятала.

Тем временем село донесло её слуха весть о том, что Арефта Хринкуцэ ждёт ребёнка. Услышав это она пошла домой к Арефте, и они поругались

с ней до полусмерти. Отец, узнав о произошедшем, не вымолвил ни слова, проклял сам себя и бросил Арефту навсегда. Но было уже поздно. Вскоре после того как моя мать родила, родила и Арефта – девочку, как две капли воды похожую на мою сестру Анну. Когда я появился на свет и слегка подрос, родственники рассказывали мне, что в детском саду воспитатели сажали девочек рядом друг с дружкой, чтобы все могли полюбоваться, как сильно они схожи. Но, тот кто сказал, что из сворованного добра никогда не разбогатеть, правду сказал. Как-то раз, отец вместе с дедом Никэ крыли крышу сарая, как вдруг неожиданно появился дядя Арефты и громко, чтобы мать тоже это услышала, сказал:

– Виктор, послушай, умерла дочь Арефты. Если можешь, помоги...

Мой чёрствый отец разозлился, как сейчас его вижу, и почернев лицом слова не проронил. Зато моя мать, пошла в кладовую и набрала торбу муки, картошки, лука, капусты, булгура для голубцов и отдала всё это добро дяде Арефты, который принял все с благодарностью и ушел устраивать поминки.

Арефта никогда не выходила замуж. Но и любовь по займу была не по ней. Свидетельством тому стали я и мой брат Ион. Мы с ним родились после нашей сестры. Мы – сыновья нашей матери – Веры. Люди говорят, что я, как самый младший – вылитый отец. Вопреки всем сплетням, я ни разу не слышал от отца разговоров о нашей соседке Арефте, ни хороших, ни плохих, ни воткрытую, ни тайно. Иногда я замечал, что Арефта Хринкуцэ, проходя мимо нашего дома, бросает длинные взгляды в его сторону, чуть ли не крестясь при этом. Мне она всегда говорила хорошие слова, хвалила, гладила по голове. Но только, если встречала меня одного. Но если я шел с матерью, Арефта становилась робкой и опуская голову ни слова не говорила в мой адрес. Мама при этом делала вид, что не замечает ее и тянула меня за руку, чтоб я шел быстрее. Как-то раз, я нашёл ту самую вышитую рубаху, и спросил у матери, где она ее купила. Со вздохом, мать ответила:

– Это подарок твоему отцу от его любовницы.

Я понял всё, но гораздо позднее, когда лично... начал строить коммунизм.

Учась в седьмом классе, я решил однажды одеть ту рубаху без разрешения матери. Она слегка была широка в плечах, но очень шла мне. Несмотря на запах крахмала и нафталина мои одноклассники проявили к

ней большой интерес. Учительница тоже, но по ней было видно, что она слегка озадачена. И не удивительно. Она давно уже не видела никого в национальной одежде без красного галстука на шее. Но самое замечательное произошло, когда я проходил мимо калитки Арефты Хринкуцы. Она застыла, будто увидела перед глазами чудо чудное:

– Ты так похож на своего отца в молодости! Откуда у тебя такая рубаха, Борис?

– Не знаю. И мать не знает, а отец на работе, – ответил я ей.

Затем я, такой несоветский пионер, националист, как тогда говорили, пришел домой довольный и весело рассказал матери все, что произошло сегодня в школе и у ворот тётушки Арефты. Если бы вы видели её лицо! Бедная мать, она посмотрела на меня и впала в такие глубокие раздумья, которые, наверное, преследуют её и сейчас, там, где находится – в раю у Бога…

Пару лет спустя я опять пытался её одеть, но после стирки она сделалась мне мала. В то время как рубаха сузилась, мои жизненные пути так расширились, что я был вынужден несколько раз поменять стиль одежды. Особенно запомнились военные штаны и гимнастерка, в которых я чудом выжил. Что ж, родители сделали меня не только здоровым, но и удачливым.

Мало-по-малу, любовная история моего отца развеялась во времени. В селе рассказывали уже другие истории любви, иногда веселее чем эта, а иногда и более грустные. Я часто приезжал в родной дом, как приезжаю и сейчас. Приезжаю, чтобы увидеть траву у моего дома, деревянную калитку, что прислоняется к старому стволу акации, да плетённый забор. Только раньше, когда я подходил к дому, на дорогу выходила тётушка Арефта, постаревшая, сухая как абрикосовое дерево. Она меня останавливала и рассказывала все истории, что были и есть и будут в нашем селе. Она говорила, что я точная копия отца в молодости, нежно ласкала меня взглядом, будто я её ребёнок, а не сын своей матери. В это время моя мать, такая же постаревшая, издалека смотрела, слушала и ждала, ждала чтобы я закончил, наконец, болтовню с тётушкой Арефтой. Как только я от неё отрывался и быстро входил во двор, мать безумно радуясь, что видит меня, с порога начинала сыпать словами:

– Дорогой мой, ты пришёл! Давай, иди в дом, тебя отец ждёт!

Затем она уходила и быстро возвращалась с полным подолом орехов и обязательным кувшином вина. Отец, мой веселый и общительный отец, никогда не говорил в нашем доме о тётушке Арефте Хрикуцэ. Ни хорошее – ни плохое. Он всячески избегал разговоров о женской половине человечества, и не только когда приезжал я домой в студенческие годы, но и в мои зрелые годы, когда я его навещал родителей с очередной своей женой и внуками. Казалось, что отец запретил разговоры про женщин вплоть до его смерти, но нет. Однажды, когда ему исполнилось уже восемьдесят лет, он заговорил:

– Я уже совсем постарел, дорогой мой сын. Мои ноги меня не держат, и я очень жду, чтобы моя старуха пришла за мной и забрала к себе.

Я, не понял намёка и поспешил с предложением:

– Отец, а что, если ты встретишься с тётушкой Арефтой, тебе не будет так скучно.

Мои слова заставили его недовольно сморщиться:

– Ты несёшь полную чушь! Тебе лишь бы о глупостях болтать… Ты меня прости, сынок, мне очень стыдно за то, что я натворил. Лишь смерть и твоя мать могут смыть этот грех. Смотри, как она ждёт меня к себе…

В начале сентября была солнечная погода, и отец умер. Лучше сказать, он женился ещё раз на моей матери. Было такое чувство будто осень окутывает некой тайной уходящие летние дни и ночи. Над Иняской светила ясная луна, царил смешанный аромат фруктов, цветов и трав. Он лежал на софе в каса маре, выглядел моложе и красивее чем при жизни. Во дворе пожилые женщины, женщины по моложе и совсем молодые девушки занимались приготовлениями к похоронам. А я по православной традиции сидел рядом с усопшим не отходя от него ни на минуту, пока гробовщики готовили его новый дом.

День и ночь, сидя рядом с ним, я перебирал в памяти самые важные мгновенья, проведённые рядом с ним. Бледный свет свечей в подсвечниках и тех, что стояли в тарелках с мукой у изголовья усопшего, прокладывали путь в вечную тьму, в которую мы его провожали. Настала последняя ночь бдения у изголовья усопшего. К полуночи, я прикрыл окна, входную дверь, будто не хотел, чтобы его беспокоили мотыльки и комары что залетали со двора. Мои мысли были сейчас о том, что я буду находиться рядом с отцом считанные часы. В доме находился лишь я с усопшим, стараясь не

уснуть. Меня успокаивал аромат еды, что готовилась на поминки в сарайчике у калитки и свежий воздух, что веял с улицы, это и осталось навсегда в моей памяти о нём.

Полная ясная луна, как королева свысока смотрела на Липэгэу. Было уже за полночь, окна запотели, блики света от горящих свечей играли на коврах, сотканных матерью, предвещая начало другой жизни. Усталость стремительно падала мне на веки, до церемонии погребения оставались считанные часы. Вдруг послышались стремительные шаги. Неужели священник уже пришёл? – Подумал я спросонья. Но не успел встать со стула как увидел, что на пороге стоит не священник и не псаломщик, а … тётушка Арефта. Она опиралась на костыль, а в руке держала три длинных и тонких свечи. Посмотрев на меня, на отца, на иконы на стене она так глубоко вздохнула, словно земля перевернулась. Медленно подошла к отцу, зажгла свечу, вставила её дрожащими руками в подсвечник, остальные воткнула в муку и с трудом опустилась на колени у изголовья усопшего. Постаревшими руками она погладила лицо того, с кем когда-то разделяла любовь. Белые волосы, закрытые глаза, сухие губы, чёрствый подбородок…

Тётушка Арефта молилась, с улицы тянуло свежим воздухом, пронизанным ароматом цветов маттиолы, которые мать посадила ещё несколько лет назад у порога нашего дома. В этой обстановке старушка казалась заколдованной, она непрерывно смотрела на усопшего. На улице зашумели листья деревьев. Губы Аферты задрожали, она тихо говорила о хорошем или о плохом, или читала молитву. Я больше не был хозяином ситуации. Я застыл, опираясь о дверной косяк, Слабый ветерок колыхал белые занавески у моего лица, и я вдруг явственно услышал:

– Виктор, Виктор, прости меня, в этом мире я любила только тебя. Покойся с миром. Наш грех, эта наша любовь и Бог простит нам его. Жди меня, Виктор, мне недолго осталось жить на этом свете. Там, на небесах, мы все будем счастливы и довольны.

Её слова меня взбудоражили. Я увидел отца живым – на фронте, в плену, в лагере у русских, начальником на ферме в колхозе. Живого, как во время его земной жизни.

Тётушка Арефта тяжело поднялась с колен, выпрямила спину, постояла ещё немного возле отца, глубоко вздыхая и превозмогая боль, идущую с самого дна ее души. Ещё раз посмотрела на ковер «колачи» сотканный

матерью, на все наши семейные фотографии, и я понял: она неспроста оказалась в этом доме в конце жизни, заполненной горькими переживаниями. В этот острый момент она увидела всё, что происходило в жизни её любимого человека, рядом с которым она всегда находилась мыслями и душой. Я увидел, что она была обута в аккуратные блестящие калоши, еле заметные под подолом широкой юбки в клеточку. Одежда была чистой, седые волосы собраны под чёрную шаль. Я налил ей вина из глиняного кувшина и протянув стакан пробормотал – «за упокой души отца». Она выпила вино, слёзы потекли по её морщинистому лицу. Перед тем как уйти, она опять охватила взглядом комнату, взглянула на отца, поставила пустой стакан на стол. Отдёрнула рукой занавеску у выхода и ушла в ночь.

Она уходила на край мира, жизни и здесь заканчивалось для меня и для неё красивая и жестокая тайна несбывшийся любви. Вернувшись к гробу отца, я заметил, что свечи вновь неспокойно затрепетали. Их пламя клонилось в сторону темноты, в которую ушла тётушка Арефта. На похороны она не пришла. Моя сестра, раздавая поминальные дары за душу усопшего, отдала рубаху, с вышивкой на воротнике и на рукавах, младшему из внуков, который, как говорят, похож на дедушку Виктора как две капли воды.

Петушиные бои

Моим узбекским друзьям

В Андижане, одном из самых древних городов мира, до сих пор живы обычаи и традиции, которые уходят своими корнями в самую глубь веков. Поэтому петушиные бои на современной террасе, вокруг которой круглосуточно паркуются вереницы «мерседесов», – обычное дело. Как и десять веков назад здесь идут в ход жёсткие пари, огромные ставки, и свидетелями этому становятся беспризорные дети. Они же выполняют мелкие поручения боссов-завсегдатаев, которые проводят здесь свободное время делая ставки на петухов-любимчиков. Каждый выигрыш приносит владельцу не только большие деньги, но и весомый авторитет криминальном мире.

В Ферганской долине один такой бойцовский петух дрессируется годами. Тот, кто освоил это искусство может участвовать не только в местных городских соревнованиях, но и проявить свои способности в Ташкенте, где суммы выигрышей взлетают высоко вверх. Аксакалы в шутку утверждают, что здесь идет счет деньгам не на количество, а на километры. С малых лет бедные уличные дети мечтают о бойцовском петухе, который принесет им славу и деньги.

В нижнем квартале Андижана, утопающем в зелени финиковых деревьев и абрикосов, нарабатывал себе авторитет юноша по имени Дилшод. Он был смуглым курчавым подростком с весьма наивным выражением лица. В Андижане говорят, что для беспризорных детей отцом приходится небо, а матерью – улица. У Дилшода был хромой дед по имени Набакя, который всегда ходил опираясь на трость. Он носил редкую, седую бороду, похожую на аккуратную кудель, был одет в допы, чапан с балбохом, но – самое главное – он блистал своим острым умом и нажитой годами мудростью. Однажды, наблюдая за подрастающим внуком, он решил подарить ему бойцовского петуха.

Молодого петушка привезли из соседней Киргизии с большой ярмарки в городе Ош. Это был большой серый голошей, в его глазах играл диковатый блеск, а длинными сильными ногами он напоминал африканского страуса. В скором времени птица Дилшода стала выходить на арену. Дед

приучил петуха выжимать из соперника все силы, чётко отбивать удары, а в решающие моменты добивать соперника молниеносным ударом клюва.

У этой древней азартной игры есть одно строгое правило: если птица уходит с поля боя раньше времени, то её хозяин, сгорая от стыда, вынужден бросить её на корм собакам. Набакя, дрессируя петуха, учил также и внука как правильно вести себя во время тренировок и боёв. В своём дворе он построил скрепер, какие-то специальные сооружения из досок, верёвок и проволоки, чтобы петушок мог освоить все команды и приказы. Когда заканчивались деньги на корм птице, внук отправлялся на бойню в Улугбек к товарищу деда, и тот давал им коровьи потрохи. Таким образом они вырастили сильного и отважного бойца.

– Ловкий стал петушок, – заметил как-то дед. – С помощью Аллаха он принесёт тебе славу.

– Иногда он трусит, мне кажется, – ответил Дилшод. – Хорошо бы приучить его драться с саблями. (Специальные острые наконечники, которые часто надевают на когти бойцовских петухов).

– Не спеши. Сначала приучи его к шуму на террасе и будь внимательным, чтобы раньше времени не узнала о нем ташкентская мафия.

С самых первых выигранных боев Дилшод тратил весь заработок на своих друзей – таких же оборванцев как он сам. Покупал рис, баранину для плова, марихуану, которая коллективно выкуривалась из одной сигареты, и обязательно откладывал деньги на ночные приключения. Из центра города в гостиницу «Андижон» приезжали украинские барышни, которые торговали своим телом за гроши. Проституция здесь, как и петушиные бои, – нормальное явление, и беспризорники не задумываясь скидывались деньгами и наслаждались «по кругу», вернее – поочерёдно.

* * *

Семьи в Андижане как правило многочисленны. Родственные связи постепенно перерастают во влиятельные контролирующие окружение кланы, поэтому появление Дилшода с новым петухом не осталось незамеченным ни высокосветскими правителями, ни бандитской братвой. Старик предвидел этот факт, понимая, что со временем внук может остаться без необходимой поддержки, но успокаивал себя тем, что петушок не станет таким уж большим фаворитом. Однако Дилшоду удалось сплотить

вокруг себя беспризорников не только нижнего Андижана, но и всего города. Он был скромен и покладист, хорошо выполнял посреднические поручения сильных мира сего и со временем большие кланы захотели удерживать его при себе, но парень оставался верен своему району.

Он часто посещал могилы своих родителей, которые торговали фруктами на площади Наманган иумерли довольно молодыми при неизвестных обстоятельствах. Перед тем как зайти на территорию кладбища Дилшод и его товарищи мыли руки, лицо, чистили зубы, по местному обычаю и долго чествовали память усопших под кроной персикового дерева. Многие из них не знали где находятся могилы родителей, которые со временем сровнялись с землёй, они продолжали приходить к могилам близких, что сплачивало их ещё сильнее.

С ними рядом всегда находился немой, с большими шпорами и сверкающими глазами петух. Как-то незаметно он стал символом этих бродяг, и они его поддерживали во время боев оглушительными криками.

* * *

Однажды днём, в послеобеденное время на террасе бились петухи Тубергена-киргиза и Дилшода. Надо сказать, что старик Набакя был против этого боя. Туберген был чемпионом города и хозяином самых прибыльных петухов. Поэтому у него были связи среди торговцев гашишем и в тех кланах, что диктовали назначение и уход с должностей прокуроров, судей и директоров центрального рынка. Одерживая победу за победой, он стал грозой андижанских бойцов, которому, как гладиатору, позволялось уничтожить или миловать соперников. И вот, неожиданно для всех Дилшод стал хозяином лучшего в округе петуха.

– Слишком рано, дорогой мой, – недовольно ворчал дед. – Большие дела делаются не спеша.

Новость о том, что в Андижане возник серьёзный соперник, дошла до Ташкента. И уже через неделю, по пыльным, объездным дорогам, на центральную площадь города въехал чёрный блестящий «мерседес». Он шумно притормозил, и из него вышел Гафур, один из главных мафиозных авторитетов Ташкента. Он был одет в серый костюм, зелёную рубаху, а мощную шею охватывал толстый золотой жгут. У него не было правого уха, зато в левом висела серьга с бриллиантом. Это был вор в законе и под

его покровительством находились все преступники из Ферганской долины с подпольной резиденцией в столице. Он был наслышан о птице Дилшота и приехал лично посмотреть на того, кто проник в преступный мир без его ведома.

Когда пыль слегка улеглась в раскалённом воздухе, а *kambahal bollalar* окружили новую машину, они увидели ее роскошного хозяина, который гордо держал в руке поводок волкодава, способного в любую минуту разорвать добычу. Гафура сопровождал также телохранитель по имени Идрихон – великан с изогнутыми усами в цветастом галстуке, свисающем на голый живот выпирающий из-под расстёгнутой рубахи, а также Мустафа Арабек – водитель со злобным взглядом маленьких глаз и пером цапли на тюрбане. По знаку хозяина он распахнул чемодан, из которого на асфальт посыпались крупные денежные купюры.

– Где этот щенок, что посмел поднять столько шума своим поганым присутствием?

Гнусавый голос Гафура не предвещал ничего хорошего. Поэтому дети не спешили ему отвечать, но только до тех пор пока Идрихон по приказу хозяина не раздал им часть содержимого чемодана. Некоторые сразу побежали за пивом и вкусностями.

– Кто тут Дилшод? – Повторил вопрос Гафур, слегка смягчив голос, так как понял, что не так уж легко подкупить этих грязных и довольно гордых оборванцев.

– Мы любим бесплатные угощения, – пробормотал сквозь зубы один из них, щёлкая фисташки и делая шаг вперёд.

Это и был Дилшод.

– Слышь, ты, молодняк! – Закричал Гафур. Неси сюда свою птичку, посмотрю за сколько я выкуплю её у тебя, чтобы накормить ею своего волкодава.

– Я думаю, ты не в зоопарк пришёл. Перед тобой стоит джигит, который может и желает торговаться.

Гафур опёрся на заднее сиденье, оставив дверцу широко открытой. Нервный тик пробежал по его левому виску, а волкодав прилёг к его ногам, недовольно рыча.

– Сколько ты хочешь?

– В твой чемодан столько не влезет.

Гафур онемел от дерзкого ответа парня. Идрихон приоткрыв рот от удивления, нетерпеливо заерзал.

– Столько?

– Мой боец не продаётся, – сказал Дилшод после паузы. – Но так как ты гость в нашем городе, а в Андижане гость – святое дело, приходи после обеда на террасу. Мой петух будет биться с петухом моего товарища Дурди. Мы благодарны вам за угощение. И… соберите свои деньги, а то они валяются и пылятся.

– Подними их ты, щенок! – Взревел Идрихон, оголяя свой кинжал на поясе. – Ещё раз посмеешь говорить подобным образом с его величеством, этот волкодав тебя загрызёт в два счёта.

– Ладно, – смиренно ответил Дилшод. – Дети должны слушаться старших.

Он собрал все деньги в чемодан, затем протянул его хозяину. Гафур кинул чемодан в машину и вскоре «мерседес» исчез в туче пыли, но Идрихон успел пригрозить:

– Когда будет нужно, ты будешь играть по нашим правилам.

* * *

К вечеру площадь в Андижане разрослась и растянулась до самого центра города. Невесть откуда появились импровизированные киоски, будки и прилавки. Везде стоял шум и мелькали пёстрые одеяния. На окраинах толпились женщины в белых чадрах, которые они отдергивали отлица когда продавали тюбетейки. В нескольких метрах от них, стояли продавцы чапанов и тушаков. Здесь и там висели разноцветные ткани такие же яркие и красивые при свете солнца, как и лица самих узбеков. Затем следовали торговцы шкурами, вениками и жестью. Между ними сновали *kambahal bollalar,* которые попрошайничали либо продавали всякую мелочь. Здесь создавалась политика и назначались эталоны жизни всей Ферганской Долины. Здесь же, недалеко от выхода торговали цыплятами – петушками, которых можно дрессировать для боёв. У другого выхода, с обеих сторон дороги, стояли со своим товаром гончары, мастера тандыров – печей для лепёшек. На каждом углу дети торговали виноградом, кумысом и сушёными цитрусами.

Дома Дилшод взволнованно рассказал деду про встречу с Гафуром. Тот недовольно фыркнул:

– Нам следует ждать от него сюрпризов. Будь начеку!

В то воскресенье на террасе собралось много народу. Полиция конечно же запрещала петушиные бои, как и любые другие азартные игры, но любопытство зашкаливало, и блюстители порядка переодевались в гражданских, а генеральный прокурор и судьи для маскировки надевали чапаны и тюбетейки. Музыканты как всегда усердно дули в трубы, били в бубны и тумбелеки. Какой-то буффон или жонглёр, с длинной тросточкой в руках, шагал по канату искусно балансируя. Предстоящий бой сулил большие ставки, а там, где пахнет деньгами интерес всегда велик.

Зрители разделились на два лагеря. Тайными владельцами первого были прокурор города и судьи. Они ставили на Дурдя. В лагере соперников ставки делали глава следственного отдела и комиссар полиции. И те и другие единодушносчитали, что «этот щенок» путается у них под ногами. Его петух был крупным и бесстрашным. С первых минут боя он удивлял не только толпу зевак, но и самых больших знатоков петушиных боёв. И этот бой тоже быстро закончился. Петух Дилшода победил одним точным ударом клюва, выбив сопернику глаз.

В этот момент Дилшод стал знаменитым и богатым.

Он обрел уже некоторые правила обращения с деньгами. Часть из них уходила через тюремщиков к преступникам, сидящим в муниципальной тюрьме, а другая – как и раньше – старым друзьям и соратникам, которых он снабжал всем необходимым. Его авторитет рос с каждым днём. Нижний квартал уже воспринимал его как настоящего правителя, что, конечно же, совсем не нравилось правоохранительным органам. Если возникал слух о том, что Дилшоду кто-то угрожает из теневого мира, полицейские они делали вид, что ничего не видят и не замечают. Им не нравилось, что всё больше жителей города, при встрече с этим беспризорником учтиво кланяются и говорят «салям».

...В Ташкенте, Гафур курил кальян и все чаще вспоминал разговор со стариком Набакя.

– Тебе обязательно нужно придираться к этой птичке, которая приносит удовольствие моему внуку?

– Я тебе предлагаю столько денег, что ты сможешь обеспечить ему хорошее будущее.

– Не в деньгах счастье, парень. Детям нужно какое-то увлеченье. *Hudo gheaşciur!*

* * *

В Андижане накалялись страсти. Главы юстиции были в сговоре с титанами преступного мира, и это было известно чиновникам всех рангов, как было известно и то, кто на самом деле раздает в городе «мягкие кресла». Немалую роль играла и клановая политика. Гафур – весомый теневой авторитет – владел десятком достаточно сильных петухов, мятежных в бою. Растущая слава молодого соперника из Андижана его раздражала. Все чаще дружки стали спрашивать его почему он не выводит в бой своего петуха, против петуха этого юного бастарда.

Растущий ажиотаж вокруг петушиных боев спровоцировал несколько кровавых драк между преступными группами. Наконец, представители правоохранительных органов стали намекать Гафуру, что если он решится на бой, ему будет предоставлено лучшее место в городе. Все подчинялось его расчётам, кроме того, что петух-фаворит никогда не дрался, если рядом с ним не было его хозяина Дилшода.

Привязанность этого петуха к парню была объяснима. Дед с внуком научили его всему. Даже драться с саблями. Старик Набакя лечил его боевые раны конопляным соком. В благодарность за такую заботу в глазах петуха загорался дикий огонёк, как только хозяин выпускал его на поле боя. Он не издавал ни звука ни от злости, ни отболи даже в самые тяжёлые моменты. Он добивал врага молча и в полном спокойствии. Насколько резким он был в бою, настолько дружелюбным он становился с приятелями Дилшода. Он не любил долго оставаться в закрытом загоне, выпрыгивал из него и занимал свое место рядом с Дилшодом. Парень к тому времени становился все более известным. Его настойчиво звали в Арслан Боб, где собирались курортники со всего света и где крутилось много денег.

Но те, из Ташкента, никак не могли смириться с его успехом. В один августовский вечер рядом с гостиницей «Андижон» остановились три шикарных автомобиля. Дилшода вызвали через посыльного. По пути он моментально был похищен вместе со своим петухом.

Автомобиль похитителей помчался на бешенной скорости в сторону аэропорта. Через полтора часа Дилшод уже стоял перед Гафуром в Ташкенте.

– Ты выйдешь на арену, но птица должна будет проиграть…

– Мой *Tarap* (*или urishayotgan xo'roz* – бойцовский петух) не знает, как это проигрывать, – ответил гордо парень.

– Не надевай ему сабли на когти, – предупредил Гафур. – Это единственное, что я могу для тебя сделать.

– Даже при большом желании я не могу этого сделать. Его сабли остались в Андижане, – ответил Дилшод.

Бой должен был произойти на следующий день. До рассвета парень сидел в помещении полном пауков, клопов и клещей, на грязном матрасе вместе со своим верным пернатым другом. Бой был назначен на импровизированной террасе рядом с телевизионной башней. На улице стояла духота. Публика была настроена восторженно и очень возбуждна от ритмчных ударов тумбелеков, дайров и резких зуков труб.

Гафур, одетый в черный костюм с лампасами, расшитыми золотистой нитью, возбужденно смеялся, но на его лице читалась нервозность. На толстых пальцах блестели большие, дорогие кольца.. Перья петуха Гафура были слегка перламутровым, местами лохматыми и непослушными. Волкодав, с двумя золотыми клыками, в намордник, все пытался сорваться с цепи. Хозяин держал его несколько дней голодным и теперь он срывался, зная, что одна из птиц после боя будет его добычей. Вой зверя ужасал слух и все больше возбуждал публику. Крики и оглушающий свист придавали смелости птицам. Гафур смотрел презрительным взглядом на буффонов в разноцветных костюмах, на жонглёров что танцевали по натянутой веревке над террасой, на толпу что предвкушала акт растерзания. Его волкодав эффектно разорвёт эту провинциальную курицу. «А с этим щенком Дилшодом будет намного сложнее», – думал он. Дилшод держался спокойно, гладил своего петуха, которого не имел возможности даже покормить. Ближе к началу боя, секунданты подошли к нему спрашивая – готов ли он приступить к бою.

– Каков будет гонорар? – Также спокойно, но громко спросил парень. – Ваш товарищ,– он кивнул головой в сторону Гафура, – похитил меня и теперь хочет выиграть в нечестной игре.

Зрители первых рядов стали освистывать Гафура. Среди них парень узнал прокурора и судью из Андижана и еще больше осмелел.

– Поэтому условия оплаты буду диктовать я. – Смелость пацана лишила секундантов дара речи.

– Ты чего хочешь, сопляк? – Угрожающе спросил один из них.

– В случае победы, я хочу, чтобы местные бездомные дети получили миллион долларов. А по причине того, что Гафур прибегнул к подлости, сумма дублируется. «Мерседесс» также перейдёт в собственность *kambahal bollalar* из Андижана.

Толпа сначала онемела, затем, все сидящие за длинными столами обильно накрытыми лимонами, апельсинами, гранатами, орехами и другими явствами, стали бурно аплодировать. Идрихон и другие поданные Гафура нахмурились, пока один из них не решился возразить:

– А ты почему не гарантируешь ставку?

– Уважаемые джигиты, вы оказались не только наглыми, но ещё и лишенными мудрости. Я требую сумму, которую назвал. В случае моего проигрыша, ставку заплатят те андижане, что сидят на трибунах. Зрители опять громко засвистели в знак того, что догадались: никто кроме этих двух не мог тайно поспорить с Гафуром.

– Ладно, условия учтены, – согласился Гафур, успокаивая взрывные страсти на трибунах.

– Но! – Не отступал парень, улыбаясь. – Деньги и ключ от «мерседеса» – подайте сюда, в центр арены. Иначе, мой петух не будет драться. У вора в законе не оказалось выбора. На подносе принесли деньги, а ключи от машины были переданы секундантам, двум пожилым, пузатым мужчинам, в разноцветных тюбетейках, расшитых золотыми нитями на макушке. Дилшод краем глаза посмотрел на новенькие купюры, которые секунданты пересчитывали под напряжёнными и жадными взглядами толпы.

Начался бой. Петух Гафура был сильным, смелым, но Дилшод обратил внимание, что из-за того, что он был довольно крупным, он проявлял некоторую неповоротливость. Его клюв бил по голой шее соперника как стрела, тот истекал кровью и плавно отступал, чтобы не пострадать от ударов когтей, на которые были натянуты сабли. Петух Гафура отмахивался тяжёлыми крыльями и несколько раз дернул соперника острыми

как лезвия саблями. Впервые петух Дилшода недовольно пискнул, когда заметил, как на пыльную террасу стала капать его кровь.

...Бой длился уже несколько часов. Петух Гафура был бодрее, чувствовал себя без пяти минут победитем. Его самодовольный хозяин не сдержался:

– В Андижане я ему предложил немалую сумму, а он, каналья, не только уничтожит такого способного петуха, но и вернётся к себе домой с пустым мешком!

Гребень петуха Дилшода стал похож на помятый шлем, а грязные ноги больше не блестели на солнце. Хозяину стало жалко своего петуха, но он заметил, что соперник тоже обессилен.

– Давай, братан, не сдавайся! Или мы побеждаем, или… сам Аллах нас не спасёт.

На краю террасы, двое мужчин обмахивали веерами Гафура, а он крикнул в сторону трибуны:

– Вот увидите, как мой волкодав сожрёт скоро вашего...

...Дилшот был совсем один. Публика больше не поддерживала его. Вдруг ему вспомнилась охота на африканских бизонов, которую он видел недавно по телевизору. Их догоняли тигры, затем они съедали их, а остатки растаскивали гиены. Жестокость этой сцены вызывала у него тогда леденящее чувство. Он прошёлся ладонью по лбу, прошептав:

– Смелее, братан! Будь начеку! Теперь ты должен действовать сам… Сам…

К удивлению присутствующих, петух Дилшода стал внимательнее. Уклонялся от каждого маха крылом соперника. Так он продержался до самого вечера. Публика от усталости уже не свистела. Петух Гафура подавал явные признаки усталости. Тут хитрый петух Дилшода стал стремительно наматывать сальто. Одним молниеносным ударом он клюнул соперника в глаз, и на грязный пол террасы хлынула кровь. Петух Гафура ослеп и потерял ориентировку. Петух Дилшода, из последних сил крутанул сальто и приземлился всем своим весом на шею соперника. Крупное тело рухнуло под собственной тяжестью и забилось в агонии. Шея вытянулась, приподнятые когти еще немного подергались в конвульсиях, затем птица медленно испустила дух.

Секунданты успокоили петуха Дилшота, дали ему остановиться и устроиться рядом с хозяином и указали на него как на победителя.

Возбуждённая публика требовала, чтобы волкодава спустили к жертве. Через мгновение голодный пес уже вонзил клыки в ещё тёплый труп погибшей птицы и стал валять его по арене. Он грозно рычал, вгрызаясь в мясо и не дотрагиваясь до окровавленных когтей. Он был слишком голоден, чтобы спектакль получился театральным и красочным, как того ожидал Гафур, когда еще предвкушал победу.

– Идрихон, передай ему «мерседес», – подавленно произнёс он. – И деньги. И пускай уходит… Уходит домой! Пусть уходит…

Дилшод успел заметить странный угрожающий жест окольцованной руки. Крики и свист не заканчивались. Парня окружили местные беспризорники, которые получили свою долю денег недалеко от террасы уже полностью окутанной сумерками.

* * *

Уже четыре недели беспризорники Андижана находились в полном замешательстве. У них не было вестей о Дилшоде. Дед Набакея догадывался, что внук не дошел в тот злополучный день до гостиницы. Его охватил страх. Он каялся в том, что в своё время не предупредил мальчика, что победы нередко несут в себе опасность и часто дорого обходятся.

Наконец, старик собрал уличных детей и обращаясь к Нуману Ташматову – самому видному и смелому джигиту из всех – сообщил:

– Я был у прокурора. Не надо было ему лезть в неприятности со своей птицей …

Затем он обвел взглядом всех *kambahal bollalar*:

– Я думаю, это дело рук Гафура. Вы должны найти Дилшода. Живым или мертвым… И после длинной печальной паузы он добавил: я не могу дать вам ни денег, ни совета. Могу лишь пожелать: идите под звездой Аллаха!

– Бесмиля Рахман Арахим! Все соединили руки в знак молитвы. На вокзале в Андижане толпа беспризорников разбежалась по вагонам и поехала в столицу. После ночного путешествия они бегали по Ташкенту, расспрашивая встречных о Гафуре. Но ничего не узнали. Все осторожничали понимая, что лучше держаться подальше от банды с намереньями кровной мести. Только уличные дети рассказали им, что в начале осени, недалеко от телевизионной башни была устроена битва петухов, после которой парень из

Андижана сделал их богатыми. А Гафур со своей бандой, после того фиаско, уехал куда-то в сторону Аральского Моря.

Еще несколько дней *kambahal bollalar* провели под открытым небом, согревая друг друга телами. Потом несколько детей с площади Алай предложили им свою помощь.

– Где нам его искать? – задумчиво спросил себя вслух местный авторитет Нуман.

– Может быть в морге, – предположил сын хозяина нелегального казино.

От этих слов морозец пробрался под лохмотья друзей Дишлода. И они все направились в городской морг, который находился на берегу реки в большом здании с широкими окнами, некоторые из которых были без стёкол. В морг разрешили зайти только четверым. На мраморных белых столах лежали трупы. Кругом стоял тяжёлый запах формалина. Высокая толстая женщина предложила им посмотреть фотоальбом.

– Я могу вам помочь, – прошептала высокая толстая женщина с намеком глядя на Нумана. – Но у меня есть зять, и он без наркотиков жить не может...

Дишлода не находили ни среди трупов, ни среди фотографий. На третий день поисков они вошли в конфликт с главврачом. Уличная толпа, оккупирующая порог морга была нетерпелива. Между пацанами и охраной началась драка, из-за чего была вызвана администрация.

– Убирайтесь немедленно все, все как один! – Закричал разозленный начальник морга, а то я вызову полицию. – Я вам сейчас покажу где раки зимуют!!!

Его ругань подействовала как выстрел. Урумбек, самый близкий друг Дилшода, вцепился в горло директора, как пантера, и стал на него орать:

– Где он? Говори сейчас же!

– Чего вы от меня хотите?

– Где петух, я тебя спрашиваю, каналья?

Женщина, услышав опасную перепалку сказала:

– Оставьте в покое директора, я сейчас вам всё расскажу.

...В одно утро около месяца назад дворники нашли на окраине города бойцовского петуха. Они пытались его поймать, но без результата. Петух убегал и снова возвращался на то же место. Они догадались, что здесь что-

то не так. Они стали копать на этом месте и очень быстро нашли труп. Пока его несли его в морг, дворникам пришлось отбиваться от петуха. Залетев в помещение морга он продолжал волноваться и кричать так, что директор даже хотел его застрелить. Но кто-то из работников его остановил. – Похоже птица была умной…

Теперь всё прояснилось. Несомненно, это был петух Дилшода. Женщина показала им фотографию трупа, найденного на свалке… Это было опухшее тело, с изуродованным лицом и с разбитой макушкой. В нем невозможно было опознать Дилшода.

– Где он сейчас? – Спросил Нуман толстуху.

– Нужно спросить гробовщиков с центрального кладбища. У нас неопознанные трупы хранятся несколько недель, мы устанавливаем причину смерти и затем отправляем на кладбище, где их хоронят в отдельном секторе. Гробовщики не всегда добросовестны. Они роют общую яму и бросают туда все трупы вместе.

– Идём на кладбище! – Приказал Нуман.

У входа их встретили двое полицейских и перерезали им путь. Один из них пригрозил:

– Если до обеда не уберётесь отсюда и не уедете к себе в Андижан, добром не кончите. Вход на территорию запрещён, вы можете спровоцировать какую-нибудь эпидемию. После долгих переговоров, Нуману удалось ублажить охранников с помощью того, что нужно лишь живым, и их пропустили. Один из гробовщиков провел их к сектору, где были похоронены неидентифицированные трупы.

– Вот он! – Вскрикнул неожиданно Камолидин. – Это петух, который выиграл битву с петухом Гафура.

Вдали, под деревом шелковицы, возле кучки красной глины, дети увидели петуха Дилшода…

К вечеру, на последние средства была заказана фура-рефрежиратор и выкопанный труп Дилшода повезли в Андижан.

...Погребальная процессия была многолюдной. В ней принимали участие все жители города от мала-до-велика. Старики шагали за кортежем, обсуждая смелость *kambahal bollalar*, которые нашли своего лидера и теперь хоронят его по всем исламским традициям. У могилы Дилшода, что была у входа на кладбище, посадили фиговое дерево. Петух сидел рядом

со своим хозяином все эти дни. После похорон, Набакя забрал его домой. Но уже до рассвета птица пробралась через доски загона и вернулась на кладбище.

Служители кладбища его не отгоняли, а наоборот стали охранять, когда он окончательно ослаб и бродячие собаки стали к нему присматриваться. Так продолжалось до середины зимы, когда в Андижане возник настойчивый слух о том, что где-то в городе Учкудук, возле моря Арал, сгорел «мерседес» известного мафиозного авторитета без правого уха. В машине находился хозяин вместе вместе со своими телохранителями и волкодавом с золотыми коронками на зубах.

Петух Дилшода до конца отказывался от еды. Дни и ночи он простаивал у могилы хозяина. Его взгляд больше не метал искры и, судя по всему, он не мечтал больше о битве на террасе. В первый день февраля задул холодный ветер со стороны Тянь-Шаня. Андижан замело снегом, и петух рухнул на могилу Дилшода.

Сухая листва поднялась в воздух и понеслась по кладбищу. Закончился еще один из многочисленных эпосов, рассказывающий о событиях восточного города, чей возраст насчитывает уже более двух с половиной тысяч лет.

1988

СУПЕРМАРКЕТ – КРЕМАТОРИЙ
(театральная пьеса)

Пьеса в двух действиях и шести картинах

ПЕРСОНАЖИ:

Ион Раропу, безработный, бывший журналист, который постоянно пытается войти в мир бизнеса.

Василе Дарабан, председатель одной теневой компании, депутат.

Аглая, жена Василе Дарабан

Исайя, юрист компании

Филимон Чулукану, представитель преступного мира

Аделаида, молодая особа, страдает ожирением

Альберт, бизнесмен, сын Президента страны

В разных сценах появляются бизнесмены (один из них усатый, он же министр в Приднестровье, высокий и смуглый, другой без усов, толстый и лысый), красивые женщины, модистки, вызывающе танцующие стриптиз, а также музыканты, телохранители, пьяные посетители, попрошайки, разного возраста рабочие, нанятые для отделки кафе.

А К Т I
Картина 1

Двухъярусная сцена. На первом ярусе, несколько врачей с напряжёнными лицами, стоят над операционным столом, будучи заняты важной операцией. Кругом царит тишина, что изредка нарушена звоном скальпеля, упавшего на какой-то предмет из нержавейки.

На втором – просторный кабинет, где стоит тяжёлый, шикарный стол, вокруг которого стоят стулья с высокими спинками, словно царские троны. На передней стене висят часы с позолоченными цифрами. На столике на колёсах – стоят бутылки с разного видами винами. На остальных стенах заметны несколько произведений С. Дали, а рядом со входной дверью, на стене, висит клятва Гиппократа.

Василе Дарабан проводит телефонные разговоры, чередуя мобильные телефоны. Вскоре появляется Альберт, в белом костюме, в черных, начищенных до блеска туфлях, за ним следует делегация бизнесменов, все строго одеты в черное. Некоторое время они бурно что-то обсуждают. Альберт открыл какие-то технические документы, они стали их рассматривать все вместе. Затем, делегация покидает кабинет, после чего появляется Исайя, с печальной, неопределённой физиономией.

Василе (после завершения телефонных переговоров, взглянул на него, глубоко дыша): чего тебе? Опять что-то не так? Почему я с тобой должен нянчиться как с ребенком? Ты должен быть крёстным отцом всех наших дел. Сейчас мы имеем дело с людьми из Австралии.

Исайя: Господин начальник, дела с австралийскими бизнесменами не совсем сопоставляются с действующим законодательством. Сколько мороки, сколько затрат у нас было из-за них, когда вы меня не послушались. Я имею ввиду - вывоз младенцев за границу.

Василе: Это лишь наивное оправдание! В прошлом году я не был депутатом, у меня в друзьях не числился Альберт! Большие дела решаются на высоком уровне, а ты будь послушным мальчиком… Мне только не понятно, почему ты предпочитаешь оставаться в одиночестве в своей берлоге. Приходи на мои встречи с деловыми людьми. Ты же знаешь, на последние наши посиделки приходил сын Президента страны лично! Вот недавно он представил нам отличный проект, профинансированный Всемирным Банком, солидный кредит … А, в общем, сегодняшний день удался. Только что я получил выгодное предложение от сиднейского миллиардера. От требует от нас выслать ему почку на пересадку для его невестки. Ты представляешь себе сколько денег это стоит? Давай не будем наивными…

Исайя: И всё же, это нарушение закона…

Василе: Может быть, ты хочешь сказать, что у нас нет соответствующего закона? Тогда на следующем заседании правительства мы это исправим! У нас есть своя команда, которая нас поддержит! Ты трудись! Относись ко всему этому как можно серьёзнее!

Исайя: Как бы то ни было, это противоречит международным конвенциям!

Василе (растерянно): если бы я не вложил столько средств в тебя, я бы точно нанял кого-нибудь другого. Настоящий юрист не тот, что

закон соблюдает, а тот, который умело его обходит. (Он машет ему хитро пальцем, затем нажимая кнопку, обращается к секретарше: «впусти Филимона!») В прошлом году, когда я приобрёл тебе дачу и автомобиль, ты гениально доказал, как можно обойти уголовную ответственность, и дело было закрыто… Я тебе за это признателен!.. (В кабинет входит Филимон Чулукану, который здоровается лишь с Василе).

Исайя: К чему еще он меня принудит, уже в этом году?

Василе: Желание присоединиться к нам в новом деле, более денежном. И ты должен показать своё мастерство на все сто. Ты подумай над одним контрактом по поводу пересадки органов, за океаном, на зелёном материке.

Филимон: Положись на меня, шеф! Наши врачи уже успели законсервировать почку, а юридическая часть лежит на нем (указал в сторону Исайи). Наша фирма находит выход из любой ситуации!

Василе: Мой юрист не очень-то и настроен работать так, как полагается.

Филимон: Чёрт… Оставь это мне, шеф. Главное сейчас, убедить его нарожать детей. Я ведь гарантирую безопасность и охрану фирмы! (Он взял под руку Исайю, не дожидаясь других указаний, вышел вместе с ним на улицу, в тот же самый момент, когда в кабинет ворвался Ион Раропу).

Василе (смотрит на него, как на чужого): Ты опять несешь нам какую-то фантастическую идею? У меня нет на тебя времени. Быстро говори, что тебе нужно?

Ион Раропу: Быстро могут только коты.

Василе: Вчера я тебе занял денег. Сегодня что?

Ион (слегка растерян): На вчерашние деньги, я заказал в Ичкерии лошадиные шкуры, чтобы сшить обувь для национальной армии.

Василе: Дурень, что ты наделал! Пустил деньги на ветер, свои, которые на самом деле мои. Лишь чеченцы воюют с россиянами, а война всё списывает на нет. Давай будем серьёзными людьми!

Ион: чеченцы смелые люди. Молдаване же должны им помогать. Они нам все вернут в многократном размере … Я пришел к тебе с другим серьёзным делом, Аглая уже в курсе дел, и она согласна… Это просто прекрасно! В Японии идеи стоят очень дорого!

Василе: я не узкоглазый, да и ты родом не из Порт-Артура! Лучше скажи мне, когда ты уймёшься, безумец? Или ты думаешь, раз ты являешься моим односельчанином и другом детства, я буду тратить деньги по твоим наводкам?

Ион: Брат, я тоже хочу выбраться из нищеты. У меня восемь детей от шестерых женщин. Все они хотят кушать, а я должен их всех кормить. Обеспечить им их будущее.

Василе: Конкретнее!?

Ион: я знаю, что денег ты мне больше не дашь, хоть я и задолжал всем вокруг. Иногда мне кажется, что даже деревья в городе просят у меня вернуть им долг. (Садится на стул поудобнее.) Я заложил квартиру, чтобы получить кредит в банке, но для исполнения своего желания, мне нужна ещё одна квартира. Я заложу её для ещё одного кредита. Знаю, что ты с твоей женой владеете каждый по квартире…

Василе: Ты хочешь потребовать от меня, чтобы я продал одну из квартир?

Ион: Ты ничего не понял! В истории цивилизаций и в биографиях мировых мужчин, в переломные времена спасение было лишь одно… женщины! Но они, имея у себя под юбкой... сокровище, находятся в вечном противостоянии с мужчинами…

Василе (раздражённо): Ладно, оставь демагогию и говори, чего ты хочешь, не будем терять время! А то, вызову сейчас своих телохранителей, и они быстро вышвырнут тебя отсюда!

Ион: Позволь мне зарегистрировать брак с твоей женой.

Василе (часто отвлекающийся на звонки мобильных телефонов, которые он нервно чередует, еще не осознав предложения): Не понял!? Это как так? Моя верная, хозяйственная, и красивая жена…

Ион: Не обсуждай женскую красоту. Твоя жена симпатичная. А вот красивые женщины все шлюхи!

Василе (сильно раздражённый): Односельчанин ты мой! Ты вижу настойчиво напрашиваешься на мордобой?!

Ион: Не серчай. Уже несколько недель, как пришла мне в голову эта идея, которая превзойдет всех и вся. Я развожусь со своей, а ты со своей, и мы оба становимся холостяками. Затем, прямо на следующий день я женюсь на твоей жене…

Василе (чересчур весел): А я женюсь на твоей жене?

Ион: Ни в коем случае, приятель!

Василе: Почему?

Ион: Ну-у-у-у, и кто же не в курсе, что ты бабник ещё тот! Ты захочешь лечь с ней в постельку!

Василе: Ну, так и будут меняться обстоятельства.

Ион: Наши разводы и браки будут лишь на бумаге. Каждый будет спать с кем ему и полагается у себя дома! Я женюсь на Аглае, чтобы заложить её квартиру и использовать её в свих целях.

Василе: И что потом?

Ион: денег с банка мне как раз хватит на постройку супермаркета и заправки на виадуке возле Орхея. (Нетерпеливо): как ты не понимаешь, бизнесмен ты такой!?

Василе: И почему же ты не осуществишь это с одной из твоих любовниц?

Ион: Мои любовницы уже постарели и плюс к этому, еще и бедные. В своей молодости, девушки становятся любовницами директоров колбасных фабрик, и как только они прибавляют в возрасте, можно любоваться лишь их килограммами…

Редко бывает, когда они хорошо выглядят в моем возрасте… А твоя Аглая состоятельна!

(Умиротворенный) Твоя жена в курсе этого дела, и она вовсе не против… стать мне… женой. (Мечтательно.) Магазин и заправка будут стоять на самой оживлённой дороге страны. Там будут проходить тысячи, миллионы людей, способных заниматься торговлей!.. Как только я осуществлю своё желание, сразу же верну тебе твою жену.

Василе (огорчённый бросает на стол свой мобильный, фыркая сердито): М-да! Чувствую дело попахивает мертвецом, извините, меня сейчас стошнит! Ты можешь и не заметить, как твои гениальные идеи сделают тебя Президентом страны!

Ион: И с чего ты взял, что такого не может произойти? Сегодня любой, будь он нормальный либо сумасшедший, видит себя вождём! А мужчины, особенно импотенты, прикрываются политической хламидой! То есть, рвутся к власти! С помощью политической власти, приобретается власть над всем остальным. Меняется даже историческая правда! Но да-

вайте слегка сменим тему. В Москве, при помощи Тираспольских ученых, нашлись какие-то осколки глиняных горшков, с надписями князя Олега. Вроде, как они нашлись на берегу… Днестра ещё в прошлом веке! Сегодня же сепаратисты неустанно твердят, что Приднестровье — это исконно русская земля!

Василе: Ты опять начал разговор о политике! Привык покорять умы людей. Не зря ты был самым способным в классе. Но сегодня у нас другие времена, надо признать!

Ион: Да, времена сейчас далеко не блестящие. Мы умудряемся даже детей делать … на спор, чего тут ещё сказать?

Василе (хочет уйти от этой тупой дискуссии): как бы то ни было, давайте заканчивать болтовню. У меня денег нет!

Ион (мечтательно): Если бы мне только выдали тот кредит! Когда ты при деньгах, ты становишься умным, видным, тебя все ценят! Некоторые стремятся покорить небо и землю при помощи денег. Лишь бессмертие невозможно покорить! Как бы не рвались богачи приручить бессмертие, все равно, их покоряет сама смерть! Две тысячи лет уже прошло, и я не видел никого, кто бы воскрес так же, как Христос.

Василе: А не может быть, что само воскресение Христа просто небылица, сказка?!

Ион: Так оно будет всегда …Религия то, она для стариков, а я нахожусь сейчас в самом расцвете сил, и, как и любому нормальному человеку, мне тоже нужны деньги! Я не хочу состариться в бедности. Я видел старость своего отца … и даже смерти не боюсь так, как старости!

Василе (злой, оттого что спешит): С тобой скоро не закончишь разговор, ни на жизнь – ни на смерть! (В кабинет заходит Аглая, накрашенная, и смотрит гордо сперва на мужа, затем на Иона). Слышишь, дорогая, чего же этот наш односельчанин мне на уши присел? Ну-ка, убирайтесь от сюда!

Аглая (обращаясь к Иону): И какое же название будет у нашего супермаркета?

Ион (быстро): «Здесь не продаётся лишь Родина!»

Аглая: Круто!

Ион (вставая со стула, на радостях, посмотрел в сверкающие глаза женщины и осторожно обращается к Василе): Ну, я так понимаю, ты раз-

решил ей выйти за меня замуж? Она в курсе моей проблемы и … она согласна?

Василе (обращаясь к Аглае): А тебе чего не хватает, что ты решила идти на поводу у этого авантюриста? У нас есть казино в несколько этажей, мы его уже почти достроили… Скоро примем в Парламенте соответствующий закон… Или тебе нужны миллиарды? Да брось!

Аглая: Его идея вовсе не какая-то авантюра. Перестань, он знает, что делает!

(Слегка замешкавшись, Василе безразлично взмахнув руками, снова начинает хоровод мобильных телефонов).

КАРТИНА 2

Многоэтажное кафе, похожее на Вавилонскую башню. На первом этаже, за столами накрытыми желтыми скатертями, общаются молодые люди. У входа – нищие и попрошайки. В подвале здания расположена сауна. Слышны весёлые крики девушек, спровоцированные мужчинами, налысо выбритыми со шрамами по всей поверхности головы. Среди громких хлопков шампанского, просачиваются звуки экстаза. «Мухамед! Ашот! Реваз! Медленнее!»

На втором этаже играет музыка, на террасе танцуют пары. По углам расположены вазы с большими, разноцветными искусственными цветами. На сцене дефилируют девушки, импровизируя эротический танец, перед тем как спуститься вниз, в сауну, в компании мужчин разного возраста. На террасе, мастера закачивают кровельные работы. Посетители непрерывно поднимаются и спускаются по спиральной лестнице, которая соединяет этажи между собой. Каждый второй вооружен мобильным телефоном. Нередко, на террасе первого этажа, появляются полуголые девушки, вызывающе танцуя стриптиз и провоцируя овации. Постепенно, среди молодёжи, появляются всё больше попрошаек.

На первом этаже сидят за столом Аглая и Исайя.

Аглая (обращается к Исайе): Развлекай меня, апостол Исайя! Юрист твоего ранга должен знать, как правильно нужно развлечь свою любовницу! Тем более, когда она - жена твоего шефа!

Исайя: Полегче с подобными заявлениями! Если твой муж узнает, он меня точно не пожалеет! Недавно он отдал меня в руки этого преступника Филимона, и мне опять пришлось нарушить закон. Предприятие вместо того, чтобы экспортировать сельхозпродукцию, зарабатывает капитал на экспорте органов для пересадки…

Аглая: Я знаю все! Муж мой болван! Недавно, безо всяких препятствий, он отдал меня на время своему другу детства. Теперь я замужем за бедняком, который думает, что мафия позволит ему осуществить задуманное … А ты… Ладно, не сердись! Поправь свои очки и смотри. Все вокруг, принадлежит мне! Но я хочу от жизни большего, потому что я этого заслуживаю. Со своим мужем я лишь существую, а я хочу жить! Я люблю деньги, как и все, но не хочу быть их рабой. Мой муж стал настоящим преступником!

Исайя: Почти как и всё наше общество!

Аглая: Хватит ныть! Если удастся реализовать идею Иона Раропу, мы полетим с тобой на планету счастья!

Исайя (приходя в себя после легкой грусти): Вместе?

Аглая: А почему бы и нет? Ты же когда-то хотел жениться на мне, думаешь мы не заслуживаем счастья в браке? Будь он и украденным!

Исайя: Тогда я не хотел согрешить… Может быть, поэтому я себе и нравлюсь холостым… В те времена, ты была дочерью высокопоставленного чиновника, привыкшая к роскошной жизни. В те времена, я не мог тебя содержать, без денег, прости! Ты не жалей ни о чём. Твой муж врач, ученый, депутат, бизнесмен!

Аглая: Тьфу! Мы с Василе всегда были всего лишь два отдельных субъекта гражданского права! Он неудачник. Но все же, у него какой-то талант есть, раз он смог взять к себе на работу высококвалифицированных специалистов!

Исайя: Все-же, семья — это святое. Дар Божий… А что же происходит на самом деле? Сегодня мы говорим о высокой морали, после того как позволили нашим женщинам заниматься проституцией в Европе… И лишь мы, мужчины в этом виноваты. История и женщины нам этого не простят…

Аглая: Любимый мой мужчина! Я достаточно училась психологии, чтобы смочь умозаключить некоторые вещи. Проблема нашего общества в том, что из-за материального положения, семьи наполовину здоровы,

наполовину больны. Среднего состояния не существует. Первые на всю жизнь заразились атавизмом, вторые - страдают острой нищетой… И никто, пока, не нашел лекарство против этих болезней…

Исайя: Недавно мне гадалка сказала, что из всех моих неприятностей меня вытащит какая-то женщина! Я надеюсь на силу одной дамы, которая унесёт меня в мир, где я не буду должен исполнять непонятные действия… Я верю в будущее!

Аглая: Как наивно! Сегодня женщина лишена личности, любимый! Сеанс плотских утех стоит десять лей. Разве ты не видишь, что происходит вокруг? Происходит что-то странное. Мусульмане, у которых есть свои гаремы, не позволяют опустить личность своих женщин, так как этого допускают христиане. И здесь не идёт речь о дискриминации женщин, здесь происходит деградация общества в целом!

(Медленная мелодия привела их на террасу для танцев. Со второго этажа, по ступенькам, спускаются полураздетые девушки, а за ними идут молодые люди. Среди оставшихся на втором этаже, за столом, сидят Филимон Чулукану с Аделаидой. Парень налысо пострижен, на виске шрам. На его раскрытой волосатой груди, висит толстая, золотая цепь, на его татуированной руке – браслет. На поясе висит пистолет.)

Филимон (недовольный): Чёрт побери… Ты свалилась мне, как снег на голову, совсем не вовремя. Сегодня я хотел придаться утехам, а тут ты! (После паузы) Не плохо бы тебе немного последить за своим питанием… Смотри, какие барышни кругом, какая погода! Если бы ты только знала, какие суммы сегодня на кону!

Аделаида (воодушевлённая, с сияющим лицом от долгожданной встречи): Вечер действительно волшебный, мой дорогой! Я оставила и работу, и Иняску в детском саду, лишь бы тебя увидеть, хоть на мгновенье, любимый!..

Филимон: Не называй меня «любимый», черт побери, в наше время все любят лишь деньги! (Он поставил ноги на стол, демонстративно вытащил пистолет, умело прокрутил его в руке). Без денег, жизнь похожа на высокого, видного, широкоплечего мужчину, но… импотента. Тебе бы хотелось жить с импотентом? Я никого и никогда не любил! В нашем обществе есть семьи, отношения, но не всегда существует любовь… Большинство живёт увлечениями, впрочем, как и я.

Аделаида: Увлеченье – это ценность, дорогой!

Филимон: Мне бы хотелось всегда иметь в своем окружении деловых людей. Они предприимчивы, знают, как присвоить часть социальной прибыли, а я, при помощи ограбления, краж и шантажа, забираю у них деньги для того, чтобы равномерно раздать нуждающимся. То есть, тем у кого они и были украдены. (он сделал жест, будто перед ним стоял соперник, от которого он получил удар). Полицейские и прокуроры учились поверхностно, и сегодня они извращены, противны и высокомерны по отношению к простым сельским людям. Сегодня наши бедные крестьяне не знают откуда ждать поддержки, разве что от такого как я. (Он дунул нервно в дуло пистолета.)

Аделаида: Ты зря твердишь что настоящей любви не существует. Мне известно, что ты любишь жену своего шефа, Аглаю, и мне тебя жаль, дорогой, потому что… ей ты не нравишься.

Филимон: Я ей не н р а в л ю с ь (имитирует её) из-за моего прошлого. Мой дед убивал коммунистов в Чулукань, а я пошел по его стопам. Я както хотел устроить революцию, но попал в тюрьму. В ту пору, когда я стал врачом, я тоже чуть не стал активистом коммунистов! В жизни иногда мир переворачивается вверх дном, черт побери эту жизнь…

Аделаида (мечтающая): Я даже и нелюбимой, была бы счастлива стать твоей женой! Но мне нужно заняться спортом, чтобы похудеть… не представляю себе, как я могу обвенчаться с кем-нибудь другим! Ты помнишь, когда тебя первый раз осудили в селе, в доме культуры? Тогда я была еще школьницей, ты меня манил к себе… из-за решётки, своим завораживающим взглядом. Затем были те фантастические письма, что ты писал мне из тюрьмы! Сколько обещаний, Боже!.. Я любила, и до сих пор люблю играть … в куклы. Знаю, ты будешь смеяться, но можешь и посмеяться если желаешь, мне все равно. У меня есть плюшевый мишка, его кличка «Филимон». Он также любит играть с пистолетом и спускать деньги в «Казино».

Филимон: Тьфу, еще чего, сравнила меня с игрушкой! Послушай сюда, девчушка. Ты хочешь со мной под венец, правда? А вот только я этого не хочу. И мораль моя мне этого не позволяет. Разве ты не видишь, что я иду по жизни как турист… с расстёгнутыми штанами? Какая свадьба может быть со мной? Я слышал, что на Западе молодёжь сперва занимается сексом, поднимает дом, рожает детей, растит их, и уже потом регистрирует браки.

Аделаида: Но ты когда-то мне обещал… Или у тебя сегодня совсем другие планы?

Филимон: План у меня лишь один. Грандиозный! Я хочу собрать за одним игровым столом, всех бизнесменов, нынешних и бывших министров из нашей страны и выиграть у них их деньги, сволочи они этакие. Затем проехаться по селам, собрать всех крестьян Молдовы и вернуть им то, что им принадлежит по праву. Особо, буду помогать женщинам. И молодым женщинам тоже…

Аделаида: Которые часто становятся матерями-одиночками и никогда невестами… Если бы ты знал, как я мечтаю быть невестой, танцевать на своей свадьбе в белом платье, с шаферами и подружками. А ты когда-либо мечтал о невесте, мечтал кружиться в хоре?

(На террасе, на первом этаже как раз зажигается головокружительная хора, которая не утихает до окончания картины).

Филимон: Да, на такое, мы молдаване, способны на все сто, черт побери! С самого утра можем забыть даже о еде, но только дай потанцевать хору. Наши народные танцы головокружительны и бесконечны, как река Чулук. Можно с ума сойти от такого хоровода! (Опять вытащил пистолет и дунул в дуло.) И чтобы вечер не прошел зря, я хочу тебе предложить подзаработать деньжат, милая!

Аделаида: Хочешь, чтобы я занялась бизнесом также, как это делают за рубежом? Как ты рассказывал?

Филимон: Существует и другая возможность стать богатой… (После загадочной паузы). Документы на твоё имя уже готовы. Исайя, наш юрист позаботился об этом. Они подписаны нотариусом. Ты лишь должна дать своё согласие, чтобы осчастливить одного австралийского богача.

Аделаида: Знать-бы мне что я не умру от этого, я бы сделала все ради тебя! Тебе ведь не нужна лишняя человеческая смерть?

Филимон: Не будь дурой, умирают лишь неудачники! Мы же после этого дела, разбогатеем, у нас будет много долларов! Люди богатеют разными способами. (Он посмотрел вокруг оживлённо). Как можно позволить себе все радости жизни, если не накопив солидную сумму денег? Но сейчас, черт побери, у меня за душой ни гроша, и я надеюсь только на твою помощь – моя давняя верная подруга… Ох-х-х уж эта жизнь!..

(Сцена с первого этажа, где после пляски возвращаются за стол Аглая и Исайя).

Исайя: Как жаль, что отсюда мы не можем любоваться красотой вечернего неба. Внизу происходят оргии, на верху люди трудятся, а мы с тобой, находимся в золотой середине и ломаем головы как обеспечить своё будущее. Я бы изменил все, одним махом…

Аглая: Надейся лишь на свои силы. Был бы ты евреем, да с твоим умом, давно бы стал известным в Европе. И что с того, что ты талантливый юрист, пишешь книги, сочиняешь музыку!? Ты живёшь словно букашка! Тебе удобно жить по старым устоям. Ты не уклоняешься от моральных норм, замкнулся в своём мире, в перфекционизме. Ты умен, у тебя высшее образование!..

Исайя: Сегодня у каждого есть высшее образование, но нет взаимоуважения… Если бы я только остался в родном селе и не приехал бы в город… для меня город становится все теснее. Я не могу спокойно смотреть, как в богатой стране, люди живут в бедности… Ты знаешь почему наши министры так часто путешествуют за границу?.. (Отвечает с огорчением). Чтобы научиться богатеть, как бандиты… Я больше не могу жить в городе. Хочу домой, в родное село… Хочу вернуться туда, где похоронены мои отец и мать.

Аглая: Довольно! Заканчивай свою исповедь. Будь мужчиной! Хочешь, чтобы я умерла от жалости к тебе? Живем сегодняшним днем, а завтра найдутся те, кто проводит и нас в последний путь. Время для грусти я всегда найду, а рядом с тобой, я хочу, чтобы мне было хорошо.

Исайя (удивлён): Почем тебе сдался этот идеалист Ион Раропу, что ты вступила с ним в игру? Ты алчная, деньги значат все для тебя. Вообще-то, не нуждаюсь в аргументах, и знаю, что ты можешь меня заболтать и станешь оправдываться…

Аглая: Болтовня нипочем, для нас румын! (Потянулась и зевнула от удовольствия). Да, я одержима идеей Иона. На данный момент мое состояние не позволяет мне ощутить землю под ногами… Но знай, ты единственный рядом с кем я чувствую, что живу. Но с тобой не интересно заниматься бизнесом.

Исайя: Мда! Ты занимайся тем, что приносит тебе удовольствие. Поторапливайся!

КАРТИНА 3

Поляна на краю леса. Вдали, среди ветвей, вырисовывается город Орхей. На траве застелено покрывало, на котором еда и выпивка. Сидят Ион и Аглая, греются в лучах летнего солнца. Рядом стоит роскошный автомобиль с открытыми дверьми.

Ион Раропу (будто говорит сам с собой): Мне 40 лет, и я вешу больше 100 кг… И только сейчас мне стало понятно, что такое красивая жизнь. А что, если я проживу пару сотен лет, как ворон, и, что, если бы не было у меня врагов, видимых и невидимых, и они бы не ставили мне палки в колёса всегда и везде. Настоящий бизнесмен строит сотни планов, но удаются лишь несколько из них. Моя мечта вот-вот станет явью, и я надеюсь на успех. Ты рядом со мной, дорогая моя женщина! (Обращается к Аглае, любуясь ею.) С тобой можно покорить мир! Как ловко и быстро ты командовала стройкой! Скоро сдача в эксплуатацию, и мы станем богатыми. А завистников пусть жаба душит!

Аглая (сонная): Хватит болтать… Нам еще нужна кругленькая сумма, чтобы довести все до ума. И когда я только подумаю, что мне опять придётся умиляться перед моим Василикэ…

Ион: Не нужно! Оставь это мне. Подскажи, как мне его убедить. После стольких недель труда, вот мы и вышли на природу немного развеяться, разобраться в планах, в мыслях, нужно отдохнуть от всего в конце концов…

Аглая: Подай идею, они у тебя четко формируются. Ты умен!

Ион: И правда, я умный! Но лучше бы был дураком. Но как говорится: глупый, но везучий…

И как говорит мой товарищ: я дурак, но что-то везение обходит меня стороной…

Аглая: Но ты вовсе не дурак!

Ион: Все беды у меня, оттого что я бедный. Бедный и глупый. Как ни крути, все одно и тоже. Из-за бедности меня бросила жена, первая женщина в моей жизни. Затем вторая, третья… Не спешили выйти за меня даже те, кто родили мне отпрысков… Хоть возьми и стань гомо… К сожалению, уважаемая леди, в этой стране быть глупым –

модно. Они везучие – у них есть бизнесы, они в политике и у них есть деньги. Они живут в достатке. А почему так? Потому что они все одной масти. Или как говоришь ты, у них один и тот же менталитет. Они поддерживают друг друга в должностях и в воровстве. О морали и о ценностях они не думают! Поэтому они и живут как к о р о л и. Их Родина – безграничное богатство и фальшивая роскошь.

Аглая: А у тебя котелок варит! А то не видел бы насквозь нынешнюю реальность. Слушай, а почему ты не иммигрируешь на Запад? Всегда о нем говоришь. Там интеллект ценится, и ты найдешь себя.

Ион: Это невозможно! Я уже в ловушке! Я не принадлежу себе – а своим детям… (После паузы молчания, мечтательно.) Я бы уехал, но видишь какая штука происходит, где хорошо – нет меня, а где неприятность – вот он я. Я бы уехал в Германию, Францию, Америку, но другие успели ранее. Кто-то на полвека раньше меня, а кто-то на полтора… И мне что остаётся – Греция, Турция? Там я буду собирать оливки или белить туалеты? На Западе, естественно, я бы реализовал бы много своих идей! Но зная, какое отношение у них к нашим людям, и какие инвестиции они несут сюда, меня отпускает. Смотри, турки, которые строят нам дороги, катают такой асфальт, что его смывает после первого же дождя. А еще больше смываются комиссионные. Здесь все одинаковы – все из подполья. Бедная наша страна! Сколько вымогателей, мировых шарлатанов присоединяются к нашей национальной кормушке, которую прикрывают политики! Большинство отмывают свои денежные средства, а не инвестируют…

Аглая (лениво): Ты умен, но меня это начинает утомлять! Давай лучше поговорим о твоих детях.

Ион: а ещё лучше, сделаем своих, «легальных», как говорит один мой товарищ. Мы же с тобой муж и жена!

Аглая: Ты чего!?

Ион: А тебе бы не помешал свой ребёнок. Ведь твоё чрево еще не уродило ни разу…

Аглая: Слушая тебя, рука сама сжимается в кулак. Я не представляю себя в одной постели с тобой, я тебя ни капельки не люблю.

Ион: Любить нужно Родину, уважаемая! Остальное – не «лёбовь» вовсе, а отношения. Сексуальные, брачные и т. д.

Аглая: Родина? Ты еще говоришь о Родине? Какая тут Родина – половина здесь, а другая там? Ты ощущаешь Родину?

Ион (патетически): Родину можно ощутить лишь сердцем. Если она у тебя в сердце, и есть кому её унаследовать, тогда она не умирает и не теряется в истории, и не важно кто на нее наступает. Когда-то мои дети реализуют намного больше, чем я… Многие меня обвиняют в том, что у меня их много, но, когда-то они будут смотреть на мир по-другому. Для меня мои дети называются Родиной…

Аглая (машет равнодушно рукой): Прекрати! Мне никогда не нравились такие темы. Политика ничего не решает. Лишь то, что уже реализовано, имеет вес…

Ион: Дорогая моя, именно политика все и решает. Мы с тобой одногодки, и ты прекрасно знаешь, что тот, кто у власти, тот все и решает…

Аглая: Идем сейчас же к Василе. Я вспомнила, что у него сейчас деловая встреча, где будет присутствовать и Альберт… (Спеша, поднимает свои вещи, берет сумочку и направляется к автомобилю, подгоняя Иона.)

Ион: Пусть ты не равна мне в остроумии, все равно ты самая настоящая деловая женщина. Какая чуйка! Лиса, а не женщина! Ещё один кредит, супермаркет, заправка в том прекрасном месте! И все твое сердце! Не пройдут и пару лет, мы уже успеем покорить свою нишу, разбогатеем. Мы разовьем бизнес в Европе, и даже в Америке. Немного везения, и мы откроем целую сеть супермаркетов, Макдональдсов, и…

Аглая (перебивая его): Болтовня никого еще до добра не довела! Особенно на пустом месте… Мы должны поторопиться!

Ион (слегка разочарован): Будем надеяться, что скоро отдохнем получше. И с пользой…

(Аглая заводит мотор. Ион спешит к машине, затем возвращается и запихивает в рот бутерброд, охватил взглядом весь стол, словно хотел все впихнуть в себя, но машет рукой и бежит к сигналящей машине.)

АКТ II
КАРТИНА 4

(Кабинет Василе Дарабана, полон деловыми людьми. Несколько мужчин, в белых халатах, получают свой гонорар напрямую из рук шефа. Филимон Чулукану, улыбается всем вокруг, показывает пальцами жест, означающий то, что все будет еще лучше. Мужчины в белых халатах стали выходить, в дверях появляется Альберт, в длинном плаще и в белой шляпе. Он обнимает Василе, поздравляет и благодарит его за помощь в принятии нового закона в Парламенте). «Наконец», - ликует он, «пересадка органов разрешена! Наконец!» Он нагибается к его уху: «Завтра же зайди в «Виктория Банк», и забери свой гонорар. Таким ты мне нравишься!» Увидев Филимона, обнял и его тоже: «Бизнес с человеческими органами уже узаконен! Наконец! Теперь мы должны ориентироваться на бизнес другого рода. Я тут подумал… что этот бизнес перейдет брату и Филимону… Это будет более надёжно…»

В этот момент в кабинет входит Аглая с Ионом Раропу. В то же время, на первом этаже, под сценой, несколько врачей подводят Аделаиду к операционному столу. Они велят ей раздеться. Девушка выполняет их просьбу, подводит руки в груди и молится, направляя взгляд к небу, и говорит: «Господи, дай мне сил, помочь моему любимому. Помоги мне, Боже!» Врачи уложили её на операционный стол, вскоре началась и сама операция.

(В кабинете Василия Дарабана поднялся шум, особенно после того, как Аглая сообщила о цели их визита).

Василе: Господин Альберт, уважаемые присутствующие, позвольте мне сообщить вам! (Он указывает на этих двух, Иона и Аглаю.) Эта женщина и мой односельчанин, вовремя сориентировались, и вот сегодня у них подходит к концу реализация их феноменальной идеи. На перекрестке дорог, на виадуке возле Орхея, на главной дороге республики, подвергаясь рискам, в этих кризисных условиях, они построили супермаркет и заправку. (Присутствующие лицемерно аплодируют).

А еще эти прекрасные люди… являются мужем и женой! Значит это семейный бизнес (Опять аплодисменты). Будем серьезны!

Аглая (слегка нахмуренная обращается к нему): А как-то поскромней и без этого пафоса никак нельзя?

Василе: Конечно, конечно! (он очень напористо обращается к присутствующим). Уважаемая публика! На самом-то деле, пока мы разрежем ленту, осталось совсем немного, совсем немножко, так, по мелочи. И чтобы не попасть в неприятную ситуацию, как цыган, который утопился прямо на берегу реки, им нужен кредит. Небольшой, как большая капля… Дела обстоят так, что этим двоим деловым людям, нужно закончить несколько дел, и как нам всем известно, часто затраты превышают все ожидания. Они просят вас, занять им некоторую сумму денег… немного, как большая капля.

Альберт (очнувшись от головокружительной юридической победы, навострил свой слух): Поскольку мне известно, Международный банк, окончательно так и не одобрил кредит на постройку той магистрали в том самом секторе…

Ион (спокойный): Ты слегка дезинформирован, уважаемый. Там давно уже работают бульдозеры и другая тяжелая техника…

Аглая: Да, уже и дорожные знаки стоят…

Альберт (после непонятной паузы): Мне известно, что в лесу возле Стрэшень, там, где есть еще одна дорога, строится еще один супермаркет и заправка.

Ион (выигрышно улыбаясь): Каждый со своим бизнесом!

Альберт: да будет так!

Усатый бизнесмен (очень внимательно, так же как и второй, слушал диалог этих двух): Я могу занять б о л ь ш у ю с у м м у, но для этого нужно что-то заложить. Нужно заключить договор…

Ион: Если позволите… Нам нечего больше заложить… Но я вас уверяю…

Аглая (строго): По подсчетам экономистов, наш бизнес принесет прибыль с самого первого месяца работы.

Бизнесмен без усов (неуверенно): Я готов занять вам сто лей.

Усатый бизнесмен: И я, также - сто лей!

Альберт: Пока что я не могу вам ничем помочь. Мои дела идут неважно.

Аглая (иронично): Это ничтожные суммы, это катастрофически мало.

Василе (вступился за присутствующих и обращается с Иону и к Аглае): Не могут люди вам сейчас помочь. Такова ситуация!

(Внезапно, с первого этажа, слышен крик Аделаиды. Она кричала от боли. Вдруг, стало тихо, как в гробу. После долгой паузы, первый кто что-то произнес был Филимон).

Филимон (про себя): Теперь, и деньги найдутся…

Аглая (недовольная, пытается уговорить Василе): Ты почему не соглашаешься быть нашим гарантом? Ты же знаешь, что наше дело завершается, и вот-вот начнет приносить прибыль и мы вернем займ?

Василе (улыбается ехидно): Твой муж пусть об этом и беспокоится. Будем корректны!

Аглая: То есть, это месть?

Василе: Пора тебе понять, как много я для тебя сделал. А дальше – уже твои проблемы. (Строгим тоном) Сегодня у меня важная встреча с этими людьми и мне некогда возиться с вами. Не устраивай сцен, это не в твоих интересах. В конце концов, мы больше не муж и жена, да мы и не были ими никогда, ты мне не родственник даже, так что, крутись сама как хочешь. (Обращается к Филимону.) Проводи их к выходу, пожалуйста.

Филимон (схватил их не очень аккуратно): Пойдемте! (Аглая старается задержаться, но Филимон слегка подталкивает её к выходу): Может я смогу дать вам кредит с процентной ставкой.

Аглая (сначала гордая, но потом выйдя из себя, кричит в адрес Василе, уже будучи у дверей): Ты чудовище, импотентный мерзавец! Хочу, чтобы все знали! Ты лишь тень Альберта.

КАРТИНА 5

(Импровизированная терраса на пустынном месте, которое больше похоже на строительную площадку, неподалеку виден город Орхей. Поблизости два шикарных автомобиля, принадлежащие Иону и Аглае. На втором плане, вырисовываются супермаркет и заправка. Эти двое пьют шампанское и закусывают орешками).

Ион: Браво, Филимон поверил в наш бизнес! Ну и мужик! Ну и человек! Он дал нам настоящее богатство, через три-четыре дня мы все закончим.

Аглая: Никогда не верила в его великодушие. Не было бы здесь чего-нибудь гнилого. Видел, как он нас вышвырнул из кабинета моего бывшего мужа, как пленников?

Ион: Гони плохие мысли прочь! Сегодня я счастлив!

Аглая (апатично): скажи, что значит для тебя счастье, Ион?

Ион: Когда с самого утра, меня посещает хоть одна добрая мысль, и эту самую мысль я могу рассказать и другим…

Аглая: Странно… До недавних пор, я хотела лишь одного: как можно скорее запустить наше дело. Вернуть долги, вернуть бывшему мужу заложенную квартиру, а Исайю сделать юристом нашей компании. Чтобы он ни секунды больше не зависел от того пузатого… Сейчас же я чувствую, что все это проходящее. Мне этого недостаточно для счастья. Плюс ко всему, у меня плохое предчувствие, плохие мысли не покидают меня. (Нежится). Ты можешь меня успокоить?

Ион: Наймем телохранителей… Здешние места, всем известно, полны чудес, машины сами начинают двигаться, даже когда стоят на ручнике. На левой стороне виадука мы построим вертолетную площадку, современные парковки. Можем заказать шикарную баркаролу, будем перевозить туристов в Требужень, по речке Реут…

Аглая: Ты неизлечимый идеалист, как всегда!

Ион: А ты материалистка, чересчур православная. Мы давно друг друга знаем, вместе занимаемся бизнесом, но ты все равно думаешь об этом Исайе. Что ты в нем нашла, не пойму? Не думаю, что он сильно предприимчив в любовных делах, поскольку не очень-то и разбирается в бизнесе.

Аглая (задумчиво): Есть у него то, чего нет в тебе…

Ион (задумал её соблазнить): Откуда тебе знать, что у меня нет того, что имеет Исайя? Ты пробовала это? Смотри какой я бизнес придумал! А в любви я несколько не хуже. Не согрешим ли мы, если мы с тобой…

Аглая (с отвращением): Стой, где стоишь. Я не пущу никого просто так войти в моё сердце, особенно того, кто обут в сапоги. Интимность - не вокзал… Мне хорошо с тобой лишь в бизнесе, вот и все. Радуйся, что сумел, пусть таким способом, сделать женщину счастливой. Но мне этого мало…

Ион: Твоя честность меня успокаивает, но не делает меня счастливым. Ладно, будь по-твоему!

(Довольные, пьют шампанское, каждый думая о своем. Из колонок одного из автомобилей, доносится танго, и эти двое стали танцевать. С начала они держали огромную дистанцию, но потом сближались все больше и больше. Неожиданно к ним подъехал на машине Филимон. В сию же секунду, из нее вышли несколько громил, которые их окружили. Филимон был напряжен, его ноздри были надуты, как у наркомана. Аглая пыталась улыбнуться, но он сделал недовольный и возмутительный жест).

Филимон: Голуби мира, из Кодр Орхея!.. Черт побери вас, голодранцы! Твари вы этакие, почему же вы меня не предупредили, сволочи, когда я вам денег давал, что ваш бизнес обречен на провал? Блядь!

Ион: Ни в коем случае! Вчера мы говорили с турецкими инженерами, которые завтра укатают асфальт на магистрали. Нужна лишь неделя, и возле супермаркета будут ездить тысячи автомобилей…

Филимон (жестко показывает биту): Бараны! Вы опоздали. Уже все решено! Президент страны подписал указ о том, что Мировой Банк дает кредит Альберту и его компании…

Аглая (имитируя его): И чего общего между Международным Банком, строительством дороги и нашим бизнесом?

(Громилы окружили автомобили этих двух, ожидая жест Филимона и, стоя наготове, чтобы завести моторы).

Ион: Не беспокойся, парень. Кредит и процент мы тебе вернем, как и договаривались.

Аглая (наблюдая за движениями громил): Раз ты готов забрать автомобили, чтобы отдать их своим людям, значит тебя сюда направил мой Василикэ.

Филимон: Был твоим. Он вчера женился на 18-ти летней.

Аглая: Ну это и к лучшему. Каждый творит своё счастье, как считает нужным. Бедная барышня, не знает, что её ждет.

Филимон: Ну и наивные! Послушайте сюда, бизнесмены хреновы. Идиоты, у вас солома вместо мозгов, а мозги в заднице! Приказом Президента страны, решено что главная магистраль Республики Молдова будет проходить не возле Орхея, а рядом с городом Стрэшень. То есть, объезжает Орхей на расстоянии 50 км. Прямо возле супермаркета и заправки Альберта, сына Президента, который построил все буквально за одну ночь!

Ион (в шоке): Ладно тебе! Какой приказ, какой Стрэшень? (Обращается к Аглае): Это правда?

Филимон: Я знаю, что говорю! (Ставит руки в боки и смотрит на них со злостью.) Блядь! Вот как мы поступим! Ваши автомобили конфискованы. Мы их забираем в счет затрат, супермаркет и заправка переходят в мою собственность, как строительные материалы. Их расположение в этом месте бесполезно… И еще… За то, что вы меня водили за нос, заплатите мне и моим псам дань. Десять тысяч долларов! И больше никаких лишних разговоров!

Ион: Брат, откуда у меня столько денег? Я сюда вложил все, что было предназначено моим детям?

Филимон: Все предельно просто! Я даже тебе в этом помогу. Один из твоих отпрысков, продаст почку… Есть откуда, раз хвастаешься что у тебя их столько, аж восьмеро. (Смеется саркастически): Вижу ты тот еще жеребец, чего тебе стоит сделать еще девятерых? И вообще, со мной можно дружить и делать хороший бизнес. Один продаст почку, второй глаз, третий свой член – ха-ха-ха! – он может оказаться таким-же плодоносным, как и у папаши… Скоро могут понадобиться и малыши, маленькие совсем, новорождённые. И ты станешь самым богатым человеком в этом мире! Ну ты понял? А ты (обращается к Аглае)… расплатишься имуществом, что у тебя осталось от бывшего мужа, которое, слава Богу, ты не успела распродать.

Ион: Чушь! Чушь! Как, мои дети… они моя Родина! Вы уродуете мою Родину!

Филимон: Какая еще Родина, ты, черт тебя побери, твою мать… там твоя Родина, в штанах? Брось, может быть я и глуп, но не настолько же!

Ион (полностью растерян, орет): По-че-му!? Я ведь честно трудился, искренне? И почему кто-то должен богатеть лишь потому, что он сын Президента?

Филимон: Эй ты, это называется – ры-но-чна-я эко-но-ми-ка! Там, где богачи, должно быть и много рабов!

Ион (отчаянно кричит): Нет, не спешите, тут какая-то дезинформация! Я рисковал жизнью, занял много денег, построил красивое здание. Смотрите как красиво смотрится! Так нельзя! Так нельзя! В конце концов, это здание - исторический памятник. Даже не думайте его разрушить, пусть магистраль и не проходит здесь…

Филимон (решил, что спектакль окончен, жестом указал своим псам завести моторы): Баста! Я все сказал! Удачного времяпровождения вам, голубки!

Аглая (пытаясь его задержать, унижается): Прошу, подвези меня до трассы. Не хочу оставаться с этим сумасшедшим (указывает на Иона.)

Филимон: Как так, оставишь его одного просто так, здесь? Не видишь, что он уже бредит? Жалко его, барышня! И, вы вроде как обнимались тут недавно?

Аглая (еще сильнее унижаясь): Прошу, не мучай меня, мне противно…

Филимон: И тебе не страшно ехать со столькими жеребцами в машине? Смотри, дорога идет через Кодры, по тропе Котовского…

Аглая (поникшим голосом): Мне все равно…

Ион (полностью растерян): Ради Бога, нет! Не правда! Господа, это все не правда! (Он бежал то к Аглае, то к Филимону, который как раз садился в машину): Не пра-вда! Не верю… Боже-е-е….

Филимон: Можешь верить, можешь не верить, но сейчас уже поздно. На месте, где ты построил супермаркет, планируется открыть новое кладбище Орхея… Так вчера решилось на заседании мэрии. Да, были некоторые протесты, но… Здесь будет кладбище местной значимости! (Он завел мотор и кинул еще одну фразу): Пока что, должность директора кладбища свободна. Вот тебе еще одна идея!

(Аглая села с Филимоном. Автомобили завелись, оставляя Иона с протянутыми руками, который еще возмущался и протестовал, но уже было поздно).

Ион: Сумасшествие! Сколько труда вложено, сколько нервов, унижений! И что? …кладбище местной значимости!.. Почему кто-то должен богатеть лишь потому, что он сын кого-то? Не правда! Не мо-жет э-то-го бы-ть… Конечно, кто нас за людей считает? За субъектов универсального права? Существует лишь одна социальная справедливость, и она называется смертью… (После длинной паузы.) Ладно, успокойся, Ион! Если ты способен думать, придумай что-нибудь, какую-то идею для своего-же спасения! Ради детей, которых бандиты могут наказать… Директор, а? (истерически): Ха-Ха-ха! (Обдумывая неспокойно). А почему нужно рушить супермаркет лишь потому, что там будет кладбище? Директор… знаешь, а это идея?! Наша жизнь, как ад, и много людей еще будут тут страдать. А не лучше было бы, если бы, это элегантное здание с территории кладбища превратилось бы… в крематорий? Вот идея! (Спеша, стал искать что-то, но не нашел и быстро направился в сторону Орхея).

КАРТИНА 6

(Та же сцена что и в 1 акте, картина 2. Среди отдыхающей молодежи был и Альберт, вместе с Василе, Аглаей и Филимоном. В стороне сидит Исайя. Увидев Аделаиду, он вздрогнул. Кроме Исайи, все пострижены налысо, они пьют и веселятся. Чокаются бокалами шампанского и кричат бурно: «Победа! Победа!». Альберт и Филимон, каждый вместе с девушкой куда-то исчезают, и тишина стелется на всех этажах. И лишь Аделаида, в лохмотьях, попрошайничает, вроде, как и спешит, и неадекватно себя ведет, перекрещивается, все повторяя громко: «Боже, помоги мне, Боже…» «Люди добрые, помогите!..» Затем смотрит в никуда и растерянно спрашивает: «Осчастливили тебя мои деньги, Филимон? Почка дорого стоит, Филимон!»)

(Тут появляется Ион. Его рассудок сильно помутнен. Проходит мимо людей, кажется, что ищет кого-то. Видит публику, хочет что-то попросить у них, но резко останавливается, когда узнает их всех).

Ион: Все те же знакомые рожи, но они не интересны мне. Все они лишь звери, которые употребляют еду и выпивку. У меня больше нет ни одной идеи…Без денег невозможно их реализовать… Каким бы мудрым ты не был, жизнь заставляет тебя иногда и лазать по деревьям. У дерева толстые ветви… И это реальность! Мы должны лишь следить, чтобы не упасть со слишком большой высоты. А что же может произойти завтра?

(Зажигается свет, и на террасе дефилируют красивые девушки. Затем начинают дефилировать все. На большом экране телевизора, на стене, Президент страны, улыбчиво, поправляет свои очки и очень твердо и убедительно, говорит: «Нам нужно развивать свой менталитет!.. Мы должны строго бороться с коррупцией, кумовством, с бандитизмом и пьянством…». За кулисами слышны разные голоса: согласные и возмущенные… Никому нет дела до еле слышимого скрипа двери туалета, которая, открываясь, показывает тело Исайи, повесившегося на трубе).

Падает занавес.

ПУБЛИЦИСТИКА

ШАНОВНІ друзі, украинці!
Здоровенкі булі!

Плачете крокодильими слезами, что у вас отняли Крым, и Россия ведет войну на Донбассе?! Мы Вам искренне сочувствуем, что настали такие времена, которые Вы не ожидали от старшего брата... А ведь молдаване, первыми в пространстве советской империи почувствовали это от России (и, к сожалению, от ВАС!), навязав нам Приднестровскую оккупационную войну в 1992 г.! Хотим немножко напомнить, что тогда Ваши сыновья очень активно убивали наших на Днестре. В той бойне украинские добровольные наемные бандиты торжествовали наподобие хэмингуэевских героев, когда наши погибали, а чудовищная московская пропаганда обливала нас ложью, грязью, оскверняла память предков, умалчивала как происходили этнические чистки. Тогда тысячи мирных ничем не повинных молдаван были вынуждены бросить родные места и спасаться от Вашей агрессии на правом берегу Днестра! Надеюсь, что у Вас не короткая память. Помните, как Ваши киевские политические проститутки (кажется президентом был тогда умный как гусь, наевшийся сала, спаситель нации - Леонид Кравчук! благодаря которому в настоящее время 14 Российская армия очень крепко стоит у самой Вашей задницы! На всякий случай! Под его мудрым руководством охотно и беспрепятственно украинские власти разрешали передвигаться со стороны России к Днестру всякой преступной российской нечисти, казачеству, оружию для истребления патриотов моей земли. Напоминает то, что происходит сейчас на Донбассе...

Тогда Вам здорово удалось поиздеваться над нашим хрупким суверенитетом. Доблестные українці воевали против нас батальонами на стороне «бедных русских», (кстати плечом к плечу с НЫНЕ ИЗВЕСТНЫМ МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИСТОМ, ТЕМ ПОД РУКОВОДСТВОМ КОТОРОГО СБИЛИ МАЛАЗИЙСКИЙ БОИНГ!!

ЗОВУТ ЕГО Стрелков – Гиркин!!!). Воевали под предлогом защиты ущемленных в Приднестровье! Ваши бандиты были очень горды тем, что истребляют молдавских «националистов», которые требовали от русских, проживающих в Молдове (да и от украинцев, которые оказались здесь по воле судьбы) всего лишь научиться чуть-чуть говорить по-молдавски и уважать наши обычаи и традиции, которые были растоптаны Страной Советов. Для русскоязычных это было страшнее атомной войны! Учить язык коренной нации, который закреплен Законом. Вы, братья украинцы, тогда были очень храбрыми в искусстве истребления с помощью российской армады! В ИТОГЕ ПОЛУЧИЛСЯ ПЛОД РОССИЙСКОГО ФАШИСТСКОГО ГОВНА В МОЛДОВЕ – ПРИДНЕСТРОВСКАЯ МОЛДАВСКАЯ РЕСПУБЛИКА! Хотя там молдавского мало. В реальности это дерьмо можно называть ПРИДНЕСТРОВСКАЯ СЛАВЯНСКАЯ РЕСПУБЛИКА! То, что Вы сейчас в реалии имеете – ЛНР и ДНР! ИЛИ ВЫ ЭТО НАЗЫВАЕТЕ ПО-ДРУГОМУ? Сейчас, когда Вас настигло горе от Российских наемников, горько плачете, что исторические братья превратились в недругов и оттяпали Крым, завязали войну на Донбассе! Посвящаете им оскорбительные стихи, оды, считаете их врагами? Сочувствуем! Но то, что вы имеете в настоящее время нож в спину, от Российской 14 армии – это исключительно Ваша заслуга, по известной справедливой причине: ЗАКОН БУМЕРАНГА НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ! Вы получили то, что желали соседу! У меня, как патриота Молдовы, есть еще вопросы к Вам шановні друзі, українці. Как быть с теми, более чем 200 километрами побережья Черного Моря, которыми Вы гордо овладели в 1940 году, и продолжаете оккупировать земли Бессарабии, никогда не принадлежащей Вам? В настоящее время Вы ведете в зонах бессарабских земель посильную украинизацию молдавских, румынских школ, в результате исчезают целые молдавские села, становясь украинскими, беспардонно искажаете настоящую историю Бессарабии и Буковины, утверждая, что это исконно Ваши украинские территории... При полном попустительстве Вашей прогрессивной интеллигенции, консульств, посольств!.. ВАША ЧУДОВИЩНАЯ СКРОМНОСТЬ ОБЩЕИЗВЕСТНА! Вместе с тем, почему молдаване, должны платить Вам пошлины, и торчать ночами в вонючих таможенных пунктах контро-

ля юга исторической Молдовы, особенно, когда едем летом купаться в нашем море? Почему Вы, гордые украинцы, делаете вид что все законно и справедливо, будто вы несмотря на то, что наелись чеснока, считаете, что от Вас пахнет французскими духами?! А как быть с севером Бессарабии, севером Буковины, который вы получили «на халяву» по пакту Молотов-Риббентроп, пакт, который весь мир считает преступной сделкой между Гитлером и Сталиным, развязавшим Вторую Мировую Войну? Вы незаконно владеете тем, что «плохо лежало», как часто выражается один из Ваших авторитетнейших киевских журналистов, когда дело касается Крыма и Донбасса. Может быть, в контексте нынешней ситуации, у Вас появилось желание по-братски исправить эту несправедливость и мирно вернуть часть моей Родины? Или для Вас несправедливость в отношении молдаван настолько незначительна, что мы не имеем права напоминать вам о допущенных преступлениях, тем более, быть патриотами своей Родины? Объясните мне, почему мы не можем поинтересоваться об этом..., ибо наши позорные национальные политиканы даже не мыслят включить обсуждение данного вопроса в мирные переговоры с Киевом? Или этот вопрос, в таком виде, должен существовать вечно? Факт, что на местах у нас инертная подкупленная национальная интеллигенция, которая не создает политические партии сопротивления, это тоже факт! Тогда я, как простой гражданин Молдовы, имею право быть патриотом моего народа, моей истории, моего языка, моей земли? Жаль, что Вы до настоящего времени забыли извиниться за то, что незаконно занимаете наши земли и, что натворили ваши сыновья-бандиты в 1992 году, участвуя в российской агрессии на Днестре, когда разделили и оккупировали часть Молдовы? Приднестровье и поныне является зоной оккупации России. Вряд ли Вы это сделаете и никогда не осознаете, что Украина та же Империя (только в миниатюре), незаконно владеющая землями Венгрии, Румынии, Словакии, Молдавии и т д., как и Россия. Дорогие украинцы! Всего лишь 40-50 лет тому назад в Одесской (между Днестром и Бугом), Херсонской, Николаевской, не говоря о Черновицкой, Винницкой, Кировоградской, (не знаю, как сейчас называются) областях, было сотни молдавских сел, деревень со своими историческими названиями, со своими национальными

школами... В настоящее время, с Вашей Божьей помощью, молдавские названия сел, деревень почти полностью исчезли, молдавские школы были закрыты, а молдавские фамилии вообще издевательски исковерканы, а сами молдаване испарились. Они вдруг стали украинцами! Неизвестно, куда исчезли молдавские школы в Измаиле, Килии, Вилково, Болграде, Четатя Албэ (Вы ее переименовали в Белгород-Днестровский). Куда исчезли молдавские школы в Валя Хоцулуй (Долинское), в Балте, Ананьеве... Вам еще напомнить? Этого даже немецкие фашисты не делали. А Вы, шановні друзі украинці, зачем позволили себе это сделать с моим народом? Почему Вы так успешно поиздевались над Бессарабией?! Почему Вам кажется, что, танцуя Гопак и воспевая Черемшину, махая трезубцем и желтобланкитным знаменем над нашим горем, Вы станете счастливыми? Разве у Вас не хватает чудесных вишневых садов вокруг Киева для такого постоянного вісіля? Или Вы думаете, что Вам это просто так сойдет с рук? Не считаете ли Вы, что это кощунство смахивает на геноцид? Или мы, молдаване, должны быть безразличными к Вашим очевидным преступлениям? Или Вы считаете, что стерлись с памяти еврейские погромы, которые лежат на совести Богдана Хмельницкого, или более современные преступления, например истребление украинскими коллаборационистами мирного населения в Бабьем Яру в 1941 году? Или возьмем преступление, совершенное Вами в белоруской деревушке Хатынь... Или сбитие Вашими ракетами самолета Ту-154 авиакомпании Сибирь над Чёрным Морем, произошедшее 4 октября 2001 года, когда погибли все, находившиеся на его борту 78 человек — 66 пассажиров и 12 членов экипажа… А Ваши пузатые генералы, в издевательском тоне, отрицали факт преступления против израильтян и пытались ввести в заблуждение весь мир, утверждая, что не имеют к этому никакого отношения? Только благодаря влиятельному израильскому мировому сообществу, Вас заставили признать преступления и извиниться! Если я не прав, тогда объясните, почему так поступили в отношении исторического соседа? Могу привести Вам уйму доказательств в этой связи, да и сами «бывшие» молдаване Украины удивлены не меньше, чем я. Есть ли у Вас смелость ответить на мои вопросы, гордые украинцы, бедные наши, которые в настоя-

щее время защищаются на востоке от российского вооруженного соседа, страдая днем и ночью от останкинской антиукраинской враждебной пропаганды? Вы, которые до настоящего времени, не знаете где проходят украинские границы, по сравнению с нами (территория Бессарабии исторически всегда была определена между Днестром и Прутом, несмотря на то что прошлые и настоящие политические криминальные авторитеты постоянно эти границы перекраивают без стыда и совести) имеете мужество что-то исправить? Сознаете ли Вы, что на территории части Бессарабии и Северной Буковины уезда Херца, уже 80 лет не являетесь ДЕДОМ МОРОЗОМ И СНЕГУРОЧКОЙ, А, ВЫРАЖАЯСЬ политическим лексиконом, называетесь обыкновенными беспардонными ОККУПАНТАМИ!? Продолжаете ликвидировать румынские школы, способствуете посильной украинизации коренного молдавского, румынского населения и т.д.

И в настоящее время Ваши сограждане, проживающие в Молдове, не хотят изучать наш язык, прожив уже долгие годы, не знают ни одной фразы на нашей мові, а постоянно с Георгиевской лентой на груди, рядом с русскими выходят на улицы, с криками и соплями требуя придать русскому языку статус государственного! Считаю, что Ваши украинцы Молдовы, хотя имеют все возможности, не хотят отдавать своих детей в молдавские школы для изучения языка и интеграции, не что иное как костяк пятой славянской колонны в Молдове. Авось, получится... Если это произойдет, Молдова станет русской, все молдавское исчезнет! Потому что у нас все города и местечки, давно русифицированы. За редким исключением. Но знаете шановні, что мы не исчезнем как этого Вы желаете! У молдаван есть поговорка (наверное, она есть и у Вас): «Не умирает лошадь, когда этого хотят собаки». Мой народ никогда в истории не был так богат на потери, как это произошло в результате Вашего успешного геноцида на территории, где раньше проживали молдаване вне территорий своих границ. И по несчастливой случайности оказались в Вашей маленькой искусственной (с помощью старшего брата россиянина!) империи! Хочу Вам еще напомнить, что история знает случаи, когда оккупация может продолжаться веками, мое поколение уйдет. Мы сейчас слабы, нас никто не поддерживает, не защища-

ет... В нашем высшем эшелоне сплошные агенты влияния Кремля и Хрещатика... У нас столько национальных политических предателей что вы и не мыслите. Наверно больше, чем у Вас! У нас нет Закона люстрации...Но, помните, что появятся новые поколения, способные открыть архивы, правильно изучить нашу историю, исторические границы наших карт и тогда они будут по всей справедливости возвращать все награбленное, украденное и растоптанное. Ведь со временем все возвращается на круги своя! Тогда придется все возвращать, платить контрибуцию и т.д. А эти восстановления всегда очень болезненны для оккупантов и их отпрысков. Примером тому страны Балтии, бывшей Югославии и т.д. Не исключено что это скоро произойдет и в Российской Федерации, когда татары, чеченцы, башкиры, тувинцы, якуты, буряты, калмыки и пр. будут требовать возвращение украденного...Вы же умные парни, шановні друзі українці и вы это хорошо осознаете! Помимо политиканов существует и гнев народа, особенно, когда он пробуждается после долгого издевательства со стороны соседа. Ведь мы не будем слабыми и незначительными во веки веков. В конце, те, которые прочтут мое эссе, наверное, скажут, «А, собственно, что добивается этот дурак, молдаванин?» (прочитав мое эссе, для Вас я, конечно, стану преступником, шизофреником, психопатом и прочие негативные эпитеты!) Дело в другом! Я очень люблю свою Родину, свой народ. Больше, чем Вас, естественно!!! Хочу сказать, что и Вы прекрасны, особенно когда находитесь у себя дома, возле Днепра, недалеко от могилы Тараса Шевченко и танцуете азартные танцы и поете красивые песни.... Но, пожалуйста, сидите дома, определитесь в Ваших территориях с российским братом и не блуждайте по чужим территориям, совершая преступления! А то мало Вам не покажется! Только не сегодня, и не завтра, может быть. Мы сегодня незначительны и очень слабы! Но удобное историческое время обязательно наступит! Можете меня сегодня упрекать. Вы скажете: «Есть правительство Молдовы, есть у них Президент, есть Министерство культуры, есть союз писателей и т.д. Куда он лезет?» Отвечу. Хочу, чтобы Вы знали настоящее мнение моего народа об оккупационном режиме украинцев в Молдове и Бессарабии. Оно соответствует моему мнению. Хочу, чтобы

Вы убрались с наших земель, как можно скорее, мирным путем, и, чтобы все, что Вы разрушили было бы правильно красиво восстановить. Прекратили издевательства! Хочу в срочном порядке побольше молдавских теле и радиопрограмм на территориях этнических молдаван, уничтоженных Вами, хочу, чтобы вернули исторические названия, открыли и посильно финансировали преподавание на молдавском языке, в Одессе, Николаеве, Херсоне, Кировограде, Виннице, открыли Университеты с преподаванием на молдавском языке, а в Киевской Раде, чтобы были молдавские депутаты, согласно проценту молдаван, проживающих в Украине. Знаю, что Вы этого не сделаете, будете смеяться над моей наивностью... Осознаем, что мы для Вас не авторитетны, знаем, что считали и считаете нас людьми второго сорта, хотя уместно напомнить, что молдаванин Петру Мовилэ, что в переводе означает Холм, а не МОГИЛА (как вы его неудачно перекрестили), имел непосредственное историческое отношение к основанию Украинской Академии. Об этом писал сам Тарас Шевченко! Вы тоже этим гордитесь, но стараетесь не очень-то это рекламировать. Все-таки не Ваш человек!

Будьте здоровы, живите долго и берегите себя от COVID-19!

Думаю, что найду у Вас понимание и прощение за допущенные ошибки в написании текста на языке наших общих Оккупантов!

PS: МОЙ УПРЕК ОТНОСИТСЯ НЕ К СЛАВНОМУ УКРАИНСКОМУ НАРОДУ, А К УКРАИНСКИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ БАНДИТАМ.

Ще не вмерли!... Слава Украине?! Героям слава!

ХАЙ ЖИВЕ ВЕЛИКА ДРУЖБА МІЖ МОЛДОВАНАМИ И УКРАИНОЧКАМИ!

2016

СОДЕРЖАНИЕ

Новая книга Бориса Друцэ 4

Страна обанкротившихся церквей 6
Перекрёстки 7
Часть I. Натали 10
Часть II. Филарет 72
Часть III. Ландышевая поляна 281
Вместо эпилога 368

Рассказы

Однажды… 371
Мадонна из Иняски 376
Петушиные бои 384
Супермаркет – крематорий (театральная пьеса) 398

Публицистика

ШАНОВНІ друзі, украинці! Здоровенкі булі! 421

Дочь Патричия Друцэ